

НЕ ВЫХОДЯ ИЗ БОЯ

НЕ ВЫХОДЯ ИЗ БОЯ

НЕ ВЫХОДЯ ИЗ БОЯ

*РАССКАЗЫ
О ЧЕКИСТАХ*

**ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И
ДОПОЛНЕННОЕ**

Куйбышевское книжное издательство

1984

Рецензент **В. М. Смирнов**

Редакционная коллегия: **Н. Е. Попков, В. Н. Тимонин, С. Г. Хумарьян**

Не выходя из боя / Составитель П. А. Моторин. 3-е изд., испр. и доп. — Куйбышев: Кн. изд-во, 1984. — 400 с.

В сборник включены очерки, рассказывающие о деятельности чекистов нашего края в годы гражданской войны и в период восстановления народного хозяйства страны, в тяжелую пору Великой Отечественной войны и в послевоенное время.

Для широкого круга читателей.

Н **11204—061** **7—84 1304050000**
М148/03—84

© Куйбышевское книжное издательство, 1984

ИБ № 683

НЕ ВЫХОДЯ ИЗ БОЯ.
Рассказы о чекистах

Составитель Моторин Петр Архипович

Редактор И. А. Максимов
Художник Г. Г. Коновалов
Художественный редактор
Е. В. Альбокринов
Технический редактор З. К. Яшина
Корректор Э. И. Щербакова

Набрано на фотонаборном комплексе «Каскад» Ленинградского завода полиграфических машин.

Сдано в набор 31.10.83. Подписано в печать 4.06.84. ЕО01282.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1 тип. Журнальная рубленая гарнитура. Печать офсетная.

Усл. п. л. 21. Уч.-изд. л. 21,04. Тираж 75 000 (2 завод: 30 001-75 000)

Заказ 5505. Цена 1 руб.

Куйбышевское книжное издательство,
г. Куйбышев, ул. Спортивная, 5/27.

Ордена Трудового Красного Знамени тип.
изд-ва Куйбышевского обкома КПСС,
г. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.

ВЕРНЫЕ СЫНЫ РОДИНЫ

Историческая победа Великого Октября, первые шаги молодой Советской Республики по пути социалистических преобразований и ее успехи вызвали бешеную злобу свергнутых классов и международного империализма. Шпионаж и диверсии, террор и политический бандитизм, заговоры и вооруженные восстания, антисоветская агитация и пропаганда, саботаж и спекуляция — все это использовала внутренняя и внешняя контрреволюция в борьбе с Советами.

В этих условиях перед страной встала задача — принять чрезвычайные меры для отражения натиска врага и защиты завоеваний Октября. Специальным органом, которому было поручено выполнить эту миссию, стала Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, во главе которой партия поставила верного ленинца Феликса Эдмундовича Дзержинского. С его именем связано становление чекистских органов, формирование и дальнейшее развитие их основополагающих принципов.

Героическая деятельность чрезвычайных комиссий сыграла важную роль в укреплении молодой республики. Вместе с тем она способствовала успешным действиям Красной Армии на фронтах гражданской войны и проведению Коммунистической партией, Советским правительством всех важнейших политических и экономических мероприятий.

В годы мирного строительства органы госбезопасности нанесли ощутимые удары по зарубежным белоэмигрантским центрам, вели активную борьбу против подрывной деятельности американской, английской, французской и других империалистических разведок. Оперативная обстановка складывалась таким образом, что советские чекисты принимали активное участие в разгроме крупных бандитских формирований, засылаемых из-за рубежа или сформированных усилиями эсеров и буржуазных националистов внутри страны. В 20-е годы на Украине были разгромлены крупные буржуазно-националистические формирования.

В Белоруссии чекистские органы совместно с войсками Красной Армии разгромили банды Булак-Булаховича, Короткевича, вскрыли и

ликвидировавший «Западный областной комитет Народного союза защиты Родины и свободы», возглавляемый ярким врагом Советской власти Борисом Савинковым.

Чекисты Грузии в 1924 году выявили и обезвредили созданный грузинскими меньшевиками-националистами нелегальный буржуазно-националистический «Комитет независимости», ставивший целью свержение Советской власти в республике.

Органы госбезопасности Туркестана вели длительную и напряженную борьбу с басмаческими бандами.

Органами, войсками госбезопасности и подразделениями Красной Армии в 1921—1922 годах на территории страны ликвидировано около 90 крупных банд общей численностью почти 56 тысяч человек. В 1925 году было обезврежено более 200 вооруженных банд, заброшенных на советскую территорию через западную границу.

Борьба с политическим бандитизмом, особенно с басмачеством, с подрывной деятельностью буржуазных националистов продолжалась и в последующие годы.

Яркой, незабываемой страницей в истории ВЧК—ОГПУ останется борьба за ликвидацию детской беспризорности в стране, являвшейся одним из тяжелых последствий гражданской войны и иностранной военной интервенции.

В годы, когда международный империализм готовил вторую мировую войну, органы госбезопасности обезвредили ряд шпионских резидентур. Только в 1940 и начале 1941 года было ликвидировано 66 фашистских резидентур, разоблачено свыше полутора тысяч агентов фашистской Германии. На Дальнем Востоке были вскрыты шпионско-диверсионные группы милитаристской Японии, в результате чего удалось сорвать планы агрессоров на подрыв экономики и ослабление нашего государства изнутри.

Во время Великой Отечественной войны вся деятельность органов госбезопасности была подчинена борьбе за победу над фашистскими захватчиками. Органы госбезопасности не только противостояли мощной разведывательно-подрывной машине фашистской Германии, парализовали ее шпионскую, диверсионную и иную враждебную деятельность, но и активно содействовали успешному проведению крупных оборонительных и наступательных операций советских войск, обеспечивали бесперебойную работу железнодорожного транспорта, оборонных отраслей промышленности, развернули широкую разведывательную и диверсионную работу в тылу немецко-фашистских войск.

Один из руководителей абвера — органа военной разведки фашистской Германии — вынужден был признать: «Мы считали советскую контрразведку чрезвычайно сильным и опасным врагом. По данным, которыми располагал абвер, многие заброшенные в тыл Красной Армии немецкие агенты не избежали контроля со стороны

советских органов, и в основной массе немецкая агентура была арестована русскими, а если возвращалась обратно, то зачастую была снабжена дезинформационными материалами».

Еще не успели зажить раны у бывших фронтовиков, остыть пепелища сожженных городов и сел, еще не высохли слезы матерей и вдов от невосполнимых утрат, а империалистические разведки начали объединять свои усилия для активизации борьбы против нашей страны и всего социалистического лагеря. Для осуществления этих целей в 1947 году в США создается ЦРУ, реорганизируются и усиливаются разведывательные службы Англии, Франции и других капиталистических стран.

Все послевоенные годы советские чекисты ведут напряженную борьбу с происками разведок империалистических государств, разного рода зарубежными антисоветскими и националистическими центрами, которые стремятся подорвать содружество социалистических стран, ослабить военно-политический потенциал СССР — ведущей силы мировой системы социализма. В арсенале средств и методов подрывной деятельности спецслужб США, Англии и других стран агрессивного блока НАТО большая роль отводится «психологической войне», акциям идеологической диверсии, подрыву единства и сплоченности народов СССР. Противник, используя оголтелый антисоветизм и буржуазный национализм, пытается опорочить великие завоевания социализма, ведущую роль КПСС во всестороннем развитии народностей нашей Родины.

Природа империализма не изменилась. Как и прежде, он продолжает оставаться источником войны и конфликтов в различных регионах земного шара. Правящие круги США, Англии и блокирующихся с ними буржуазных государств наращивают свой военный потенциал, ведут безудержную гонку вооружений, нагнетают международную напряженность, делают все для того, чтобы подорвать безопасность нашего социалистического государства.

Такая обстановка требовала от всего советского народа, от органов государственной безопасности в первую очередь, высокой бдительности. Деятельность органов госбезопасности была поднята на качественно новую ступень, еще более квалифицированно стали решаться поставленные Коммунистической партией задачи, был создан надежный заслон проискам сил, враждебных по отношению к странам социализма.

В течение 15 лет во главе органов госбезопасности находился Юрий Владимирович Андропов, которого отличали такие качества, как политическая прозорливость, партийная страстность, чувство нового, смелая, решительная борьба с рутинной и формализмом. Этот период можно назвать годами больших свершений в жизни и деятельности органов. В чекистскую практику прочно вошли ленин-

ские принципы, возрождены полностью традиции ВЧК, заложенные В. И. Лениным и проводившиеся в жизнь Ф. Э. Дзержинским и его соратниками. Еще больше укрепилась социалистическая законность. Вся деятельность органов строится ныне под руководством и неослабным контролем партии, в полном соответствии с положениями Конституции, требованиями советских законов.

Наряду с активной борьбой с действиями врага, пресечением различных враждебных акций Ю. В. Андропов указывал на значение профилактической, воспитательной работы по отношению к заблуждающимся советским гражданам. Он говорил: «Чекисты призваны бороться за каждого советского человека, когда он оступился, чтобы помочь ему встать на правильный путь. В этом и заключается одна из важнейших сторон деятельности органов госбезопасности».

Как руководство к действию воспринято нами постановление июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, в котором говорится: «...развивать политическую бдительность советских людей, их непримиримость к враждебным взглядам, умение противостоять идеологическим диверсиям классового противника...» Сотрудники органов госбезопасности отдают много сил для выполнения этих задач.

В едином строю с чекистами страны трудятся сотрудники Куйбышевского управления КГБ СССР. История органов госбезопасности нашей области также насыщена серьезными делами в различные периоды становления и развития нашей страны. Мы высоко чтим память о сотрудниках Самарской ЧК и отдела ОГПУ, большевиках-революционерах, беззаветно преданных делу Коммунистической партии, возглавлявших бескомпромиссную борьбу с классовым врагом. В их числе были замечательные коммунисты И. Г. Бирн, М. Ф. Левитин, В. Ф. Беляев, И. К. Опанский, Б. А. Бак, А. Ф. Силин и многие другие. С первых лет становления органов госбезопасности на работу в ЧК—ОГПУ пришли и прошли большой боевой путь большевики В. И. Митрюхин, М. Д. Боднар, Г. И. Климов, К. Н. Благовестов, В. В. Кочетков, Я. М. Брук, Ф. А. Ясько. Мы отдаем дань уважения их мужеству в борьбе с врагами нашего государства.

В первые годы Советской власти некоторыми делами самарских чекистов интересовался В. И. Ленин и держал отдельные из них под личным контролем. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы — его телеграммы, адресованные председателю Самарской ЧК Бирну. Проявлял он интерес к Самаре и позднее. В записке, направленной в ЦК РКП(б) 21 апреля 1921 года, Владимир Ильич предложил составить план работы ВЧК и написал примерный план из четырех пунктов. Четвертым пунктом значится «чистка Саратова и Самарской губернии» от контрреволюционного элемента.

Доброй памяти заслуживают дела чекистов в годы народного бедствия — голода в Поволжье, когда наряду с активным участием в

комиссиях по борьбе с голодом и эпидемиями, делясь с детьми своим скудным пайком, они разоблачали подрывные действия некоторых представителей иностранных обществ-разведчиков, маскировавшихся под благотворительные организации по оказанию помощи голодающим. Чекисты Самары пресекали враждебную деятельность эсеров и меньшевиков, а в годы коллективизации сельского хозяйства вели борьбу с кулацким террором.

В годы Великой Отечественной войны органы госбезопасности, опираясь на трудящихся, на их активную помощь, успешно выявляли и обезвреживали вражеских агентов. Не один десяток вражеских шпионов был разоблачен на территории области. Деятельность чекистов в те суровые дни была особенно многогранной: это и практическая помощь в создании производства самолетов и другой военной техники на базе эвакуированных заводов, и обеспечение их ритмичной работы в дальнейшем, это контроль за продвижением воинских эшелонов и транспортов по железным дорогам, разоблачение саботажников, вредителей и других враждебных элементов.

За последние годы куйбышевскими чекистами проделана значительная работа по пресечению акций идеологической диверсии спецслужб империалистических государств, локализации попыток некоторых иностранцев собирать политическую, экономическую информацию и вести другую враждебную работу, по предупреждению чрезвычайных происшествий и негативных явлений. Управление КГБ как составная часть государственного механизма принимает участие в решении различных народнохозяйственных задач, проблем социально-политической и культурной жизни. В результате принятых сотрудниками управления мер сохранены значительные денежные и материальные ресурсы на объектах промышленности и строительства. Вся эта работа ведется под руководством и постоянным контролем областной партийной организации и при активном участии широких масс трудящихся.

Деятельность куйбышевских чекистов положительно оценивается областными партийными и советскими органами. Подтверждение этому — вручение коллективу УКГБ в декабре 1982 года памятного Красного знамени в ознаменование 60-летия образования Союза ССР.

В управлении КГБ наряду с опытными чекистами успешно трудятся молодые сотрудники. Два раза в год группы молодых сотрудников в торжественной обстановке посвящаются в чекисты. Они дают клятву, что будут достойными преемниками славных чекистских традиций, заложенных Ф. Э. Дзержинским и умноженных в битвах с врагами Родины, будут беспредельно преданы делу Коммунистической партии, советскому народу. Практика последних лет показала, что молодые сотрудники добросовестно выполняют свой служебный долг и постоянно помнят о наказе своих старших товарищей и ветеранов.

Партия видит в органах госбезопасности свой боевой отряд, призванный зорко следить за происками империализма и его специальных служб. XXV и XXVI съезды Коммунистической партии Советского Союза дали высокую оценку деятельности советских чекистов и одновременно поставили перед ними ответственные задачи, предъявили высокие требования к кадрам сотрудников государственной безопасности, к стилю их работы.

Тесно сплоченные вокруг родной Коммунистической партии, советские чекисты отдают все силы, знания и опыт благородному делу защиты завоеваний великого Октября, обеспечению безопасности Советского многонационального государства.

Предлагаемое вниманию читателей третье издание сборника рассказов о куйбышевских чекистах значительно пополнено. Это, прежде всего, рассказы о замечательных большевиках-ленинцах, работавших в ЧК и отделах ОГПУ в первые годы их напряженной боевой деятельности. Получил дальнейшее развитие раздел о делах сотрудников госбезопасности в годы Великой Отечественной войны: о партизанах-куйбышевцах, фронтовых контрразведчиках, о борьбе с врагами Родины в области. Значительно пополнены материалы о послевоенных событиях, публикуются литературные портреты современных чекистов.

Все материалы сборника написаны на основе архивных документов, подтверждаемых документами воспоминаний очевидцев, и исторически правдивы. В отдельных случаях изменены лишь фамилии некоторых сотрудников и разоблаченных преступников. Естественно, сборник не претендует на то, что им охвачена вся история органов государственной безопасности области. Такая задача не ставилась, да и размеры сборника не позволяют этого. Работа по изучению материалов о деятельности куйбышевских чекистов в прошлом продолжается. Можно надеяться, что в очередной книге читатели найдут новые материалы о тех, кто прославил делами звание чекиста.

Выпуская сборник, мы рассчитываем, что он в определенной степени будет способствовать дальнейшему укреплению связи между чекистами и трудящимися, повышению политической бдительности советских людей.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Генерал-майор в отставке

И. КИНАРОВ

ПОЛПРЕД ОГПУ

В архивных материалах в ворохе малоценных бумаг один из наших сотрудников обратил внимание на потерянный, пожелтевший от времени листок:

«Предъявитель сего тов. Бак командирует мною в г. Омск за получением возможного количества грузовых, легковых и бронированных автомобилей для нужд Семеновского фронта. Желательно также получение автомобильных частей и бензина.

Командующий Семеновским фронтом Сергей Лазо.

7 апреля 1918 года».

Скупые строчки мандата, написанные рукой легендарного Лазо, помогли восстановить еще одну страницу яркой биографии нашего земляка...

Апрель тревожного 1918 года. Красный командир Борис Аркадьевич Бак, выполняя поручение Лазо, пробирается в Омск. Настойчивые попытки заполучить необходимую для фронта технику оборачиваются

Б. А. Бак.
Фото 1930г.

неудачей. Нет оружия, боеприпасов. Что уж тут говорить о броневиках!

Что же делать? Возвращаться с пустыми руками? Но он же знает, что фронт порой держится благодаря только самоотверженности бойцов, добывающих оружие и патроны в боях с врагом. На свой страх и риск Бак отправляется в Москву.

Многодневный путь в холодных, промерзших теплушках — позади. Смертельно усталый, полуголодный, он ходит по центральным учреждениям. Просит, доказывает, требует. Его встречают по-разному: одни внимательно выслушивают просьбу, сочувствуют, другие отмахиваются: «Семеновцы? Банда? Полноте, батенька. Это же не японцы». А ответ всюду одинаков: «Помочь не можем. В России десятки фронтов...»

Он знает, что слова эти не отговорка. Война идет всюду: на западе и на юге, востоке и севере, и республика, встающая из развалин нищей страны, только собирает силы. Помочь лазовцам может сейчас только один человек.

Бак идет в Кремль, предъявляет мандат, добивается приема у председателя Совнаркома. Докладывает Ленину о положении в Сибири, нуждах фронта и просьбе Лазо. Из Кремля он уходит окрыленный. Владимир Ильич распорядился выдать сибирякам все необходимое снаряжение.

Встреча с Лениным дала молодому командиру новый заряд сил. С утра и до ночи он хлопочет на складах, железнодорожных станциях, отправляет на фронт пушки, снаряды, автомобили. Но полностью справиться с задачей и вернуться в штаб Лазо не успел: дорогу в Сибирь перерезали белочехи...

Борис Бак просит послать его на Восточный фронт, на Урал, ближе к своим. Однако получить назначение не так-то просто. В Москве его не знают, а кое-кого бывший прапорщик настораживает. Приходится самому представлять себя. Собственная биография кажется ему незначительной, заурядной. Да и что выдающегося в ней может быть, если тебе от роду только двадцать. Сын бедняка, из милости, на казенные деньги принят в техническое училище. Едва закончил его, призвали в армию. Попал в Царицын, в учебный батальон. Оказался в среде близких по духу, революционно настроенных бывших студентов. В батальоне чувствовалось влияние большевиков: солдаты поддерживали связь с рабочими города, читали и распространяли прокламации. Все это сказалось в феврале семнадцатого, когда пал царизм. Солдаты учебного батальона единодушно встали на сторону большевиков. Принимали активное участие в революционных событиях, вылавливали и разоружали полицейских, несли охрану города. Батальон, оказавшийся под влиянием ревкома, был серьезной помехой военным властям. Его расформировали. Борис Бак в числе других под благовидным предлогом (на учебу) был отправлен в Иркутск, в школу прапорщиков.

Стать офицером? Изменить революции? Предать все то, о чем так горячо спорили и мечтали? Нет, на это он не согласится, если даже придется пожертвовать жизнью. Взволнованный, решительно настроенный оставить школу, он пришел в Иркутский комитет РСДРП. А вышел... с заданием вести конспиративную работу среди юнкеров. Из памяти не выходили слова секретаря комитета: «Революция, дорогой, это не только саблей махать. Не вредно пораскинуть умом. Знать, кто тебе друг, а кто враг, уметь бороться с ним...»

В чужой среде юнкеров он чувствовал себя поначалу скованно. Потом осмотрелся, стал изучать людей. Из надежных товарищей — солдат, бывших студентов сколотил большевистскую группу. Помогал товарищам разобраться в революционных событиях, в лицемерной

политике правительства Керенского. Непозволительная деятельность юнкера Бака стала известна начальнику школы. Его арестовали и отдали под суд. Это событие вызвало открытое выступление революционно настроенной части будущих прапорщиков. Власти не решаются в такой обстановке вынести обвинительный приговор, и Бака освобождают из-под ареста...

Вот и все, что он мог о себе рассказать. Бак получает желаемое назначение. Едет на Урал. Здесь в сложной обстановке проявляются его лучшие качества — боевого командира, организатора и пропагандиста.

Он работает в штабе и по долгу службы бывает на самых ответственных участках фронта. Руководит операциями и ходит в бой, наводит порядок на забитых железнодорожных узлах и организует снабжение красноармейских частей. Не хватает оружия — Бак едет на ижевские заводы. От имени командования обращается за помощью к партийным организациям, рабочим коллективам. Он видит, как трудно заводским товарищам: не хватает рабочих рук, оборудования, металла. Но кому в Советской России сейчас легко? Бак выступает на собраниях, идет в цехи, к тем, кто делает винтовки. Настойчивость молодого командира, кипучая энергия, которой в другое время хватило бы на пятерых, побеждают. Рабочие остаются у станков на вторую, третью смены и дают фронту необходимое.

Еще труднее оказывается доставить обоз с винтовками на фронт. На пути чуть не ежедневные стычки с бродячими бандами, а достать несколько вагонов на станции сложнее, чем выучить китайскую грамоту. И, может, другой отступил, смирился бы с тем, что, кажется, невозможно простыми человеческими усилиями превозмочь. Он не сдается. Ищет и находит выход, вовремя доставляет оружие на фронт.

Товарищи поздравляют его, благодарят. Такое задание не каждому по плечу. Смущаясь, он отшучивается: «Революция — это не только саблей махать». Шутка оказалась пророческой. Он просится на передовую, а его назначают начальником одного из управлений фронта.

Заканчивается гражданская война, и Бориса Бака партия направляет в органы ЧК. Ему двадцать два, но за плечами уже солидный опыт партийной и военной работы. Он заместитель председателя ЧК сначала в Томской,

затем в других губерниях Сибири. Новая работа поглощает его целиком, он отдается ей всей душой.

Не стало военных фронтов. Однако фронт оставался всюду. Это были разруха и голод, детская беспризорность, спекуляция, диверсии, вредительства. Не справившись с революцией в открытой схватке, враг боролся теперь исподтишка, вредил из-за угла. Революцию по-прежнему надо было защищать. А это не только саблей махать.

Одно время на участке Сибирской магистрали участились крушения. На место происшествия тут же выезжали оперативные группы, тщательно обследовали обстоятельства происшествия. Но возвращались ни с чем. На след напасть не удавалось, диверсанты словно проваливались сквозь землю.

Бак отправился на участок сам. Не в служебном салон-вагоне с впечатляющей охраной, а неприметным пассажиром. Командировочное удостоверение техника управления железной дороги давало возможность, не вызывая лишних подозрений, изучить обстановку.

«Техник» оказался на редкость дотошным. Он побывал на станциях и разъездах, в паровозном и вагонном депо, беседовал с путейцами и движенцами и как-то незаметно стал всюду своим человеком. Даже в артели Тебенькова, где люди держались настороженно, особняком. Скорее всего подействовало то, что «техник» однажды обмолвился о себе как о бывшем офицере, владельце крупного имения. Ведь Тебеньков и его ближайшие дружки — выходцы из крупных кулацких семей. Бак близко познакомился со многими членами артели, несколько суток провел в их доме и вскоре уехал.

Вернулся он с ордером на арест Тебенькова и его приспешников. Банда, действовавшая под видом ремонтных рабочих, спускавшая под откос и грабившая эшелоны, получила по заслугам.

В 1927 году Борис Аркадьевич Бак был назначен полномочным представителем ОГПУ на Средней Волге. Около десяти лет он проработал в Самаре и многое сделал для того, чтобы парализовать действия враждебных элементов, разоблачить вредителей, кулаков-террористов, врагов всех мастей, замышлявших или совершивших злодеяния против молодой Страны Советов. Бак был беспощаден к врагу. Все знания

и опыт он отдавал делу. От сотрудников ЧК он требовал партийной принципиальности, тщательного и объективного расследования, неукоснительного соблюдения законности.

Люди, работавшие с ним, рассказывают, как строго следил Борис Аркадьевич за тем, чтобы революционная законность не оказалась формальностью. Однажды в ЧК поступили сведения, что работник Самарского губторга Яковлев в прошлом был агентом охраны. Выяснилось, что до революции Яковлев жил в Балакове, служил приказчиком, считался в городе общественным деятелем и принимал участие в работе местной организации РСДРП. В архивах нашлись документы, которые позволяли сделать вывод, что в 1914 году за революционную деятельность Яковлев был арестован и завербован жандармами. Он имел кличку «Лохматый», регулярно доносил обо всем, что было ему известно о работе большевистского подполья в Балакове и Самаре. Архивные документы свидетельствовали, что Лохматый — довольно ценный агент. Некоторые его донесения пересылались в Петроград. Стала известна даже ставка, которую он получал ежемесячно, — 25—30 рублей.

Картина казалась настолько ясной, что сотрудник, занимавшийся расследованием, принес Баку на подпись постановление об аресте Яковлева. Борис Аркадьевич внимательно выслушал сотрудника и возвратил ему материал.

— У вас здесь нет одного немаловажного документа, — с мягким упреком сказал он. — А именно: свидетельства, которое подтверждало бы, что Яковлев и Лохматый — одно лицо. А на основании догадок, подозрений и предположений арестовать человека мы не можем.

Поиск пришлось возобновить. Архивы жандармерии, тщательно изученные, уже ничего не могли дать. Охранка умела конспирировать свою работу и в докладах, сообщениях в столицу ни разу не назвала фамилию Лохматого. Предстояло найти человека, который лично бы знал агента. Вряд ли нужно подчеркивать, какой это был кропотливый, зачастую напрасный труд. Прошло почти двадцать лет, и разыскать сотрудника охраны, знавшего лично Лохматого, казалось делом просто безнадежным.

Время шло. Яковлев по-прежнему был на свободе, а доказательства его вины найти не удавалось. В отделе стали поговаривать, что нужно либо прекратить дело, либо брать Яковлева. Бак выслушивал предложения и успокаивал сотрудников:

— Арестуем, когда будет все ясно. Вот и добивайтесь ясности. Это наша работа.

Свидетеля все-таки нашли. Чекисты разыскивали бывшего жандармского вахмистра Тырина, через которого Лохматый поддерживал связь с охранкой: передавал доносы и получал деньги. На стол положили больше десятка фотографий и среди них снимок Яковлева. Тырина попросили сказать, кого из этих людей он знает. Бывший вахмистр обладал неплохой памятью. Он перебрал снимки и остановился на портрете Яковлева:

— Это Лохматый.

— А настоящая фамилия?

— Яковлев. Приказчик Яковлев. Жил в собственном доме на углу Амбарной и Никольской. Там я и брал его. А в тюрьме полковник Познанский завербовал. Мое дело было потом маленькое: взять у Лохматого письмо — отдать деньги.

Нашлись и другие материалы, полностью изобличавшие Яковлева.

— Вот теперь все ясно, — закончил Бак и распорядился познакомить со всеми документами первого секретаря горкома партии.

Провокатор был арестован. Возмездие настигло его.

Случаев, подобных этому, в чекистской практике Бориса Аркадьевича было много. В 1931 году один из районных уполномоченных ОГПУ представил материал на арест гражданина К. Свидетели, а это были авторитетные люди, писали, что К. служил у белочехов и принимал участие в расстреле советского работника. Факты, казалось, налицо. Но Бак не дал разрешения на арест. Опытный чекист, он увидел незаметные на первый взгляд неточности, которые ставили показания под сомнение. Дело было возвращено, тщательное расследование показало, что К. невиновен, хотя у белочехов действительно служил, пытаясь спасти задержанного ими брата-красноармейца.

Требовательный и строгий на службе, Бак был внимательным и чутким руководителем. Он знал, как

тяжел и изнурителен труд чекистов, не знающих покоя ни днем, ни ночью. Он многое сделал для того, чтобы как-то улучшить условия жизни и скрасить быт семей сотрудников, большую заботу проявлял о детях.

Его, простого и общительного, хорошо знали и ценили в областных партийных и советских органах. Знали на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах. Революционные праздники он проводил среди рабочих, активно участвовал в партийной работе. Бак был делегатом XV, XVI и XVII съездов партии, II, V, VI, VII и VIII съездов Советов, избирался членом ЦИК.

Он был из той плеяды большевиков, которых выдвинула на работу в органы госбезопасности революция. Ее идеалам он был верен всю жизнь, постоянно воспитывал подчиненных в духе требований, высказанных в свое время Ф. Э. Дзержинским.

— Держите постоянную связь с партийными органами, советуйтесь с ними, и тогда дела пойдут на лад, — всегда говорил он сотрудникам.

Верный делу партии, принципиальный во всем, он никогда не шел на сделку с совестью. Большевистская прямота, партийность в работе, неуклонное соблюдение революционной законности — вот чем руководствовался он при решении вопросов. Такой руководитель в органах госбезопасности в 1937 году кое-кого не устраивал, и он был необоснованно арестован...

Память о верном большевике и чекисте, Человеке с большой буквы вечна в сердцах тех, кто знал Бориса Аркадьевича Бака. Коммунист, командир, прошедший через горнило революции и гражданской войны, он на анкетный вопрос «Какие особые заслуги имеете?» — отвечал односложно: «Не имею».

Храбрость и самоотверженность в борьбе за дело революции, беззаветную преданность партии, громадное напряжение сил при выполнении ответственных заданий, умелую организаторскую работу он считал естественными качествами большевика.

БЕЗЗАВЕТНЫЙ ГЕРОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В августе 1921 года под станцией Погромное в бою с бандитами погиб чекист Александр Силин. Бандиты, опознав по служебному удостоверению человека, имя которого наводило на них страх, уже мертвому отрубили голову, искололи штыками тело, отрубили пальцы.

Выехавшие из Самары на поиски Силина сотрудники транспортной ЧК Петр Алексин, Василий Волков и Иван Илясов ночью, пока банда пьянствовала в селе, тайно откопали останки зарытого в общую могилу боевого товарища и привезли в Самару. Погибшего героя хоронила вся Самара. Трудящиеся города явились на траурный митинг со знаменами и плакатами. Похоронили Силина в городском сквере против здания губисполкома.

Чем же заслужил чекист такие почести, которые оказал ему народ посмертно?

В декабрьское утро бурного 1905 года резкие удары по подвешенной буферной тарелке возвестили о начале забастовки в Великолукских железнодорожных мастерских. Не обращая внимания на угрозы мастера Комисаренко, молодой жестянщик Силин продолжал бить длинным болтом по тарелке и призывал:

— Кончай работу! Довольно гнуть спину!

Рабочие стекались на митинг в паровозный цех. Собрались все, за исключением кучки черносотенцев из «Союза Михаила Архангела» во главе с Комисаренко. Эти сгрудились в сторонке и из-под козырьков картузов зло посматривали на рабочих, обмениваясь репликами.

Верстак в просторном цехе стал трибуной. Перебивая друг друга, выступали рабочие Беляев, Уколов, Тимошенко и другие. Александр протиснулся вплотную

А. Ф. Силин.
Фото 1921 г.

к верстаку, но выступить пока не решался, ему казалось, что речи старших товарищей были убедительней, чем слова, которые мог бы сказать он, Силин.

Шли дни забастовки, робость Александра прошла. Старые рабочие одобрительно кивали, слушая его зажигательные выступления на митингах.

Рабочие одержали тогда победу: их требования о сокращении рабочего дня и повышении зарплаты были удовлетворены, отменили штрафы, налагаемые мастерами за каждую провинность, а иногда и просто так, по настроению, за косой взгляд. Александр в эти дни не знал покоя. В обеденные перерывы бегал по митингам, которые возникали в цехах, а поздними вечерами после работы шел к друзьям. Собирались у кого-либо на квартире, обсуждали неотложные дела, спорили.

Вскоре царское правительство пошло в наступление, отменило все завоеванное рабочими. Начались аресты. Попал в черный список жандармерии и Александр Силин. Пришлось бросить работу на железной дороге и прятаться. Тайно собирались на островке, но как-то нагрянули туда жандармы, была стрельба, еле удалось уйти. Знакомая девушка Мария прятала беглеца в бане и несколько дней ухаживала за ним, носила ему пищу.

Прошло некоторое время, опасность ареста как будто миновала, и появилась возможность работать. На железную дорогу не принимали. В жандармерии

он значился как бунтовщик, выступавший на митингах, хотя материалов, достаточных для заточения его в тюрьму, собрать, видимо, не сумели.

Александр вынужден был наняться жестянщиком к частным подрядчикам. Однако от железнодорожников он не отрывался, продолжал участвовать в подпольных делах большевистских кружков узла. Вот почему, когда в июне 1919 года Силин прибыл в Великие Луки как председатель военно-революционного комитета дороги для пресечения действий чиновников-саботажников и их прихвостней, угрожавших остановить движение поездов, многие кадровые рабочие признали своего «Саньку», поддержали его.

В 1911 году Силин переезжает в Москву вместе с Марией, ставшей его женой. Работает слесарем на железной дороге. В квартире Силиных нередко собирались рабочие. Приходили по одному. В ожидании других пришедшие садились за стол, начиналась игра в «подкидного» и в «свои козыри», а затем с розданными картами на столе — чтение запрещенной литературы.

В октябре 1917 года Силин был в числе первых, поднявшихся на борьбу. С оружием в руках участвовал в захвате власти большевиками в Москве. Его назначают председателем военно-революционного комитета Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги. В день, который принято считать днем создания Красной Армии, 23 февраля 1918 года, Александр Филиппович получает мандат члена боевого центра. В этом документе значилось: «Является членом боевого центра дороги по борьбе с наступлением немцев с неограниченными полномочиями по принятию необходимых мер».

Из воспоминаний Михаила Ивановича Скорнякова, бывшего рабочего Великолукского паровозовагоноремонтного завода:

«В феврале 1918 года, будучи демобилизованным из старой армии, я вернулся в Великие Луки. Как-то летом приехал туда Александр Филиппович. До этого я с ним не встречался, но раньше был немало слышан о «Саньке-безбожнике» и «Саше-забастовщике». После того как мы познакомились поближе, Силин предложил мне поехать работать к нему в Москву — он тогда был начальником охраны дороги.

Семья Александра Филипповича жила в Марьиной роще, в 1-м проезде, в ветхом деревянном домишке. Несмотря на тесноту — они занимали квартиру, состоявшую из комнаты и кухни, — меня оставили у себя.

Работали днем и вечером, нередко всю ночь. После рабочего дня, быстро пообедав дома, Силин опять спешил в управление. Иногда выпадало свободное время, и тогда он предлагал мне побродить по Москве, которую я знал мало. Трамваи не ходили. Шли пешком. Москва бурлила. Стихийно возникали митинги. Александр Филиппович обязательно остановится, прислушается, а то и скажет: «А ну-ка дайте мне слово». И вскоре слышится его простая, но страстная речь.

В 1919 году Силин руководил политотделом дороги, боролся с саботажниками из числа чиновников-железнодорожников, мобилизовал людей на восстановление транспорта.

С конца 1919 года топливный кризис в стране принял угрожающий характер. Советом обороны вывоз топлива был приравнен к выполнению военно-оперативных заданий. По постановлению Совета Народных Комиссаров в начале 1920 года Александра Филипповича направляют на этот ответственный участок работы. «Для руководства всеми операциями по экстренной вывозке дров из района Самаро-Златоустовской железной дороги», — написано в сохранившемся в архиве мандате Силина, подписанном В. И. Лениным.

Где бы ни работал Силин, он лично брался за самое трудное, самое опасное. «Пользуется большим авторитетом у железнодорожников, имеет на них сильное влияние», — так характеризовали его в те годы партийные органы.

В мае 1920 года партия направляет испытанного большевика в органы ЧК. Он получил должность начальника транспортной ЧК трех железных дорог: Самаро-Златоустовской, Троицкой и Волго-Бугульминской.

С первых дней работы в органах госбезопасности Александр Филиппович много раз возглавлял отряды, участвовавшие в подавлении банд, орудовавших в районе железных дорог. Наиболее серьезными были операции против банд зеленых, напавших на Златоуст и пытавшихся толкнуть на преступный путь железно-

дорожников. Смелость, решительность, внезапность действий Силина обеспечивали успех подобных операций. Транспортная ЧК так же успешно боролась с другими врагами республики: ворами, крупными спекулянтами и антисоветскими группами, беспощадно разоблачала саботажников.

У Силина проявились замечательные организаторские способности и качества, необходимые большому руководителю. Он за короткое время разобрался в работе всех подразделений руководимого отдела и периферийных органов, выявлял недостатки и мастерски устранял их. Александра Филипповича возмущало, что в отделе нет строгого учета дел, нельзя сразу узнать, за кем из сотрудников числится тот или иной арестованный, кто ответствен за ведение дела. Не было должного порядка в обращении с деловыми бумагами, подчас очень важными, что создавало безответственность и оставляло возможность для злоупотреблений.

Сотрудники работали напряженно и с большой нагрузкой. За четыре месяца с начала работы Силина в отделе возникло более 1200 дел, и только четко поставленный учет мог обеспечить наблюдение за их прохождением, избежать волокиты и нарушений законности. Вчерашний слесарь, затем боевой командир в годы революции стал умелым руководителем сложного аппарата.

Чекист понимал, что борьба с врагами молодой Республики Советов — это не только операции с маузером в руках. Он много сделал, чтобы организовать и наладить кропотливую планомерную работу по выявлению и разоблачению скрытых врагов — наймитов российской и иностранной буржуазии. Занимался разработкой служебных инструкций по чекистской работе и настойчиво добивался применения их на практике. Старался быть деловым и принципиальным во взаимоотношениях с руководством дорог. Однако некоторые чиновники от руководства дали понять Силину, что его благополучие зависит от того, будет ли он с ними ладить. Большевик заявил интриганам: «Я должен работать в контакте с вами, но как чекист и коммунист от контакта в личных целях отказываюсь, если надо будет — пойду против всей Самары». Чекист не мог терпеть пьяниц, беспощадно очищал ряды чекистов от случайных людей, в то же время кропотливо воспитывал

вал преданных делу, но недостаточно грамотных сотрудников.

Стремительный, вечно занятый делами, участник всех серьезных операций, он был исключительно скромен в личной жизни. Несмотря на высокий пост, большие полномочия и широкие возможности, Силин при жизни даже не успел получить квартиру и жил с семьей при отделе. Заявление чекиста на квартиру осело где-то у волокитчиков жилищно-коммунальных инстанций, а других путей для получения квартиры он не искал. Квартиру предоставили семье уже после гибели Александра Филипповича.

Гражданская война заканчивалась, но по просторам Поволжья все еще рыскали недобитые банды. Они врывались в села, убивали коммунистов, отбирали у крестьян хлеб, терроризировали население.

Бандит Серов для привлечения на свою сторону крестьян всячески пропагандировал эсеровскую программу и лозунги. При своем штабе создал политический отдел, даже «реввоенсовет» и «следственную комиссию», состоявшие из отъявленных головорезов. Часть награбленного хлеба главарь раздавал голодающим, обещал райскую жизнь и уводил обманутых мужиков в другие села для новых погромов и грабежей.

Сарафанкин одно время примыкал к банде Серова, был у него членом «реввоенсовета», но потом, вкусив власть, начал орудовать самостоятельно.

Особенно ощутимый урон несли от бандитских налетов станции Самаро-Златоустовской и Ташкентской железных дорог — этих важных транспортных магистралей, соединяющих столицу с Сибирью, Уралом и Средней Азией. Обнаглевшие бандиты появлялись даже в районе Падовки, под самой Самарой. Неоднократно совершали набеги на села в районе Большой Глушицы и Большой Черниговки.

В июне 1921 года около разъезда № 9, повредив полотно железной дороги, они устроили крушение поезда и захватили ценные грузы. Отягощенные добычей мародеры ушли в степные районы Оренбуржья. В начале августа бандиты в красных шароварах появились в Бузулукском уезде. В селе Александровском они напали на сельскохозяйственную школу. Небольшой отряд коммунистов, находившийся в ней, оказал налетчикам отчаянное сопротивление, однако

в неравном бою все двадцать человек были перебиты. Бандиты забрали племенной скот и 500 пудов хлеба.

Надо было обезвредить банду как можно быстрее, не допустить перерыва в движении поездов. По тревоге, поднятой начальником транспортной ЧК Силиным, создали отряд из войск ЧК. Возглавили его председатель губернской ЧК Бирн, командир батальона Щугар и Силин. Когда поезд подошел к станции Погромное, бандиты были примерно в 15 километрах. Чекисты спешили. Им сообщили о подготовке бандитов к новому набегу. Для переброски красноармейцев решили использовать единственный грузовик, имевшийся на станции.

Силин выехал с первой группой. Надо было разведать обстановку, продумать план операции, подготовиться. Силин никогда не думал о личной безопасности, находился в самой гуще сложных событий, за это его особенно любили друзья и сотрудники.

Грузовик сделал два рейса. Возвращения его из третьего Александр Филиппович так и не дождался. Машина, оказалось, встала из-за проколотов шины. В это время бандитский патруль заметил переброшенную к селу группу красноармейцев и доложил:

— Чекисты за околицей!

Главарь как раз проводил смотр своего войска перед новым рейдом. Бандиты были хорошо вооружены. У каждого сытый, отдохнувший конь, большие запасы патронов. Бомбы, наганы, карабины.

Атаман тут же, прямо с построения, бросил все эскадроны на кучку красноармейцев. Однако смять их с ходу не удалось. Молодые бойцы дрались отчаянно, отбили четыре атаки. Был убит командир роты Кузнецов. Руководство боем взял на себя Александр Силин.

Неравная схватка длилась весь день. Кончились патроны, завязался рукопашный бой. Почти весь отряд погиб. Под вечер бандитская пуля оборвала жизнь Силина. В живых осталось несколько красноармейцев. Они-то и сообщили о гибели Силина.

В 4 часа 50 минут утра 11 августа дежурного Самарской транспортной ЧК пригласили на железнодорожный телеграф к аппарату. Вызывал из Бузулука уполномоченный Сухов. Он передал срочное сообщение: «На станцию Погромная вернулось несколько раненых

красноармейцев, бывших в бою в составе отряда губчека. Им удалось убежать. Отряд дрался до последнего патрона. Бандой руководит Сарафанкин. У него в наличии две с половиной сотни кавалеристов, пулеметы. В составе банды — доктор-англичанин. Руководитель отряда Силин убит, труп среди убитых не опознан».

Из воспоминаний Петра Ивановича Алексина:

«В то время я работал комендантом транспортной ЧК. Все наиболее опасные и сложные операции Силин возглавлял сам и непременно брал с собой меня, но в тот раз, когда поступило сообщение о намерении банды, я был на выполнении другого задания и к отходу поезда вернуться не успел. На другое утро получили телеграмму о гибели Силина. Меня и сотрудников Волкова Василия, Илясова Ивана послали на поиски Силина.

К месту боя пошли ночью. С собой взяли местного мужика, очевидца событий. Банда, довольная победой, гуляла в селе, но их верховые патрули не раз появлялись на дорогах. Разрыли несколько свежих, наскоро закопанных могил. В одной из них лежал боец в красноармейской гимнастерке, голова которого была разрублена шашкой пополам, лицо обезображено. Тело оказалось исколотым штыками, пальцы рук обрублены. Белая рубашка была с манжетами — такие носил Александр Филиппович, а курсанты и красноармейцы носили тогда рубашки с тесемками. В кармане брюк сохранился кисет, вышитый маленькой дочуркой Катюшей. Я обратил внимание на рубцы на руках. Это следы ожогов. Силин по приезде в Самару выписал для отдела мотоцикл и нередко разъезжал на нем по спешным делам. Как-то ночью потребовалось срочно выехать. Мотоцикл не заводился. Силин стал копать в моторе. В гараже электрического света не было, горела керосиновая лампа. Она неожиданно опрокинулась, загорелись верстак и промасленные полки. При тушении пламени Александр Филиппович получил ожоги. Следы тех ожогов помогли опознать изуродованное тело чекиста. Потом это подтвердили и задержанные бандиты.

Выбираться из бандитского окружения с телом товарища оказалось сложнее. Подвыпившие всадники стали появляться чаще, к тому же начало све-

тать. Однако мы благополучно добрались до станции».

Телеграфист в Богатом отстукал: «Кинель ОДТЧК, Самара ДТЧК. Приготовьтесь к встрече погибшего тов. Силина с поездом № 101. ОДТЧК Дьяков».

Рассказывает Екатерина Александровна Силина, дочь героя чекиста: «Мы жили в здании транспортной ЧК на улице Льва Толстого, только вход у нас был отдельный. Папа позвонил домой, сказал, что уезжает, и попросил принести забытые дома табак и трубку. Я обрадовалась встрече с отцом — мы ведь редко с ним виделись. По ночам, когда он приходил на несколько часов домой, я уже спала. Ходить к нему на службу не разрешалось. Зато до сих пор помню те немногие часы отдыха, которые он целиком отдавал нам, детям. Сам украшал елку, делал красивые игрушки из спичечных коробок. Иногда брал нас на прогулку. Находимся, бывало, по лесу, устанем. Тогда папа разжигал костер, усаживал нас возле огня, а сам все ходил задумчивый.

— Папа, о чем ты все время думаешь?

— Дела, доченька, дела...

Когда я прибежала на станцию, у платформы уже стояли три теплушки с красноармейцами и один классный вагон. Папа взял кисет, трубку, поцеловал меня. Поезд тронулся. Папа стоял на подножке классного вагона и махал мне рукой. Я тоже замахала обеими руками.

Через три дня я с мамой встречала на этой же платформе бронепоезд с останками нашего милого папы...»

Коллектив чекистов тяжело переживал смерть боевого друга и старшего товарища. Их горе разделяли все трудящиеся Самары. В похоронах участвовали несколько тысяч человек.

После похорон чекиста Александра Филипповича Силина самарская газета «Коммуна» писала: «Погиб на боевом посту революционер, известный не только самарскому пролетариату, но также московскому, петроградскому и других городов. Его знали как беззаветного героя революции».

На окраине села Погромное на месте последнего боя Силина и его товарищей установлен обелиск. Одна из улиц нового, Приволжского микрорайона города Куйбышева названа именем Силина.

А. КОЗЛОВ

ЧЕКИСТЫ САМАРЫ

Иоган Бирн

Так получилось, что по ряду причин до занятия Самары войсками белочехов в городе не была создана ЧК. И было ясно, что во вновь освобожденном городе нельзя будет обойтись без боевого органа, действующего против контрреволюции оперативно и решительно. Поэтому еще в ходе подготовки частей Красной Армии к наступлению на Самару 27 августа 1918 года Самарский губернский комитет партии, временно находившийся в волжском городе Покровске (ныне город Энгельс), принял решение о создании губернской ЧК. Ей предписывалось начать работу пока в прифронтовой зоне и быть готовой к работе в освобожденной Самаре. Председателем ЧК назначили И. Г. Бирна, члена губкома партии, до этого отвечавшего за организацию связи с большевистским подпольем в занятой врагом Самаре.

Иоган Генрихович Бирн, латышский рабочий-токарь, еще юношей включился в революционное движение, в восемнадцать лет стал членом большевистской партии. За революционную деятельность шесть раз арестовывался, около четырех лет провел в заключении в царских тюрьмах. С 1916 года он работал на Трубочном заводе в Самаре. После Февральской революции был избран в состав временного Самарского горкома партии. Сначала в 4-й армии, освобождавшей Самару, затем в городе и губернии Иоган Генрихович горячо взялся за организацию борьбы с контрреволюцией и саботажем.

В декабре 1918 года бюро губкома партии заслушало отчет председателя Самарской губчека И. Бирна о работе за два месяца, прошедшие после освобождения Самары.

И. Г. Бирн.

Фото 1920 г.

За короткий срок было сделано немало: подавлено несколько вооруженных выступлений сил контрреволюции, предупреждены восстания в Ставрополе и Мелекесе. В Большой Глушице небольшой отряд чекистов вместе с находившейся там инженерной ротой разогнал большую толпу подстрекаемых кулаками саботажников, чинивших беспорядки. Чекисты отбили обоз, захваченный врагом, арестовали зачинщиков беспорядков, отобрали большое количество оружия.

В Самаре было выявлено несколько тайных складов оружия и другого военного имущества.

В январе 1919 года на одном из заседаний губкома партии при рассмотрении вопроса о ревтрибуналах снова коснулись деятельности ЧК. Некоторые члены губкома говорили, что надобность в существовании Чрезвычайной комиссии с широкими полномочиями отпала, что ее следует оставить как вспомогательный аппарат ревтрибунала. «Время ЧК прошло», — заявил один из ораторов. В своем обстоятельном выступлении И. Бирн обосновал, что время решительной борьбы с контрреволюцией еще не прошло. Он говорил также о необходимости посылки на работу в Чрезвычайную комиссию проверенных и способных работников. Бирна поддержали В. В. Куйбышев, М. Ф. Левитин и другие. Последующие события в губернии — «чапаные восстания», враждебные выходки эсеров и другие преступ-

ные действия против Страны Советов — подтвердили, что Куйбышев, Бирн и Левитин были правы. В постановлении ВЦИК, изданном месяц спустя, говорилось, что за ЧК сохраняется право непосредственного вынесения решений для пресечения преступлений при вооруженных выступлениях контрреволюции и бандитов, а также в местностях, находящихся на военном положении. Губком партии принял меры для пополнения состава ЧК.

Вскоре Бирн был переведен на другую ответственную работу, однако в январе 1921 года его вновь назначили председателем губчека. В те дни серьезную опасность представляли крупные банды врагов Советской власти и деклассированных элементов. Иоган Генрихович не раз лично возглавлял направляемые против них отряды. Банды были разгромлены, большинство главарей явились в ЧК с повинной.

Неспокойно было и в самом городе. Используя как повод нехватку продовольствия, враждебные элементы несколько раз подбивали группы трудящихся на беспорядки. Действуя умело, чекисты под руководством партийных органов быстро локализовали эти выступления без серьезных последствий. Удалось своевременно обезвредить и контрреволюционную группу, готовившую вооруженное восстание с целью захвата власти в губернии.

Много хлопот доставляла борьба с расхитителями продовольствия. Несмотря на трудности голодного года, чекистам удалось сохранить семена для посева и тем самым обеспечить урожай следующего, 1922 года.

Осенью 1922 года Бирн направляется в Тамбов и избирается секретарем губкома партии. В последующие годы он учился в Коммунистической академии, по окончании которой был секретарем Воронежского губкома партии. В 1930 году партия поручила ему работу по налаживанию сельского хозяйства страны. В этой отрасли он занимал ряд ответственных должностей, одно время был заместителем наркома земледелия СССР.

Таковы лишь несколько страниц из полной событиями жизни пламенного коммуниста-ленинца, первого чекиста Самары Иогана Генриховича Бирна.

Широко известно в нашей области имя пламенного революционера Константина Филипповича Левитина, возглавлявшего большевистское подполье во времена Комуча, впоследствии председателя первого Самарского городского комитета комсомола, заместителя председателя областной контрольной комиссии ВКП(б), председателя Самарского горсовета. Менее известно, какую активную революционную работу — и в подполье, и после изгнания войск белочехов — вел в Самарской губернии его старший брат Марк Филиппович Левитин.

...Было раннее утро, когда председателя Самарской губернской ЧК Марка Левитина вызвали на телеграф к прямому проводу. На ленте аппарата, работавшего с Москвой, появился вопрос начальника штаба войск ВЧК:

«Прошу сообщить о положении в уездах, граничащих с Симбирской губернией, и в Самаре».

Левитин продиктовал телеграфисту:

«Положение восстанавливается. Кулацкое восстание в районе Сызрани и Обшаровки вчера ликвидировано. Ставрополь освобожден вчера, 13 марта 1919 года в 3 часа. Есть тревожные сведения из Бугульминского уезда. Меры принимаются».

Отвечая на вопрос о причинах беспорядков, Левитин передал:

«Восстали кулаки, но замечается руководство эсеров. В Ставропольском районе арестовали деятеля учредиловки. Повстанцы отправили делегатов на фронт с просьбой о помощи. Есть и другие данные о тесной связи мятежников с колчаковцами».

Потом он доложил о принятых мерах: об образовании военно-революционного комитета, объявлении осадного положения на участке железной дороги от Кинеля до Батраков и в некоторых уездах. Далее следовала просьба:

«Нам очень нужна конница или хотя бы седла. Шлите седел на батальон...»

Из Москвы сообщили, что из Саратова на помощь самарцам отправлена рота войск ВЧК с шестью пулеметами.

На другой день Левитин снова был на телеграфе. Сообщил о другом кулацком восстании, вспыхнувшем

М. Ф. Левитин.
Фото 1936 г.

в Кинель-Черкасах и Сергиевске. Мятежниками была захвачена железнодорожная станция, убиты председатель железнодорожной ЧК и два работника охраны дороги. Левитин сообщил о принятых мерах, о наступлении на кулаков на всех участках мятежа.

Через несколько дней Левитин доложил в ВЧК о полной ликвидации беспорядков. Однако он знал, что не исключена возможность опасного рецидива. Поэтому одновременно с расследованием и привлечением к ответственности главарей кулацкого восстания, розыском тех из них, кому удалось бежать и скрыться, председатель предложил своим сотрудникам внимательно изучать обстановку на местах и повышать бдительность.

События показали, что он был прав. Имелись попытки спровоцировать восстание и в других волостях. В Большой Глушице, например, появились листовки, в которых призыв к восстанию сочетался с провокационными сообщениями: «Граждане, продержитесь несколько дней, Колчак уже в Самаре». У подозреваемого в изготовлении листовок крупного помещика Крюкова произвели обыск и изъяли эсеровскую литературу. У бывшего члена земства Попова обнаружили переписку контрреволюционного содержания, в которой говорилось об организации враждебных выступлений. В захваченной при ликвида-

ции мятежа переписке штаба кулаков в городе Ставрополе и селе Жигули обнаружили несколько десятков отпечатанных на машинке листовок, где от имени штаба сообщалось о занятии Сызрани мятежниками и захвате там тридцати тысяч винтовок. Подобные листовки с провокационными ложными сообщениями распространялись в селах.

О причастности эсеров к кулацким мятежам говорили и перехваченные официальные указания руководства этой партии своим сторонникам.

Нужно было разобраться с некоторыми работниками аппарата Советов, обязанными своевременно оказать сопротивление кулакам, но проявившими трусость. Кое-кто из них открыто изменил делу революции и примкнул к мятежникам. При проверке выяснилось, что одни ранее были царскими чиновниками, других не устраивала новая власть.

Поступил сигнал о существовании контрреволюционной повстанческой организации в Сорочинске, входившем тогда в состав Самарской губернии. Левитин направил туда опытного сотрудника ЧК. Тому за короткий срок удалось познакомиться и установить тесные отношения с участниками этой подпольной группы. Сотрудник выяснил, что на 19 марта членами организации назначено вооруженное выступление. По сигналу чекиста ночью 18 марта в Сорочинск прибыл отряд из Самары. Главари организации были арестованы, и затея врагов сорвана.

В ходе следствия по делу организаторов «чапанного восстания» наряду с подлыми действиями кулаков и их представителей, пробравшихся в местные Советы, выявились многочисленные примеры стойкости деревенских коммунистов, исключительной преданности молодой Советской власти актива из числа бедняков. Об этих фактах Левитин говорил в губкоме партии во время доклада об итогах расследования, сообщал о них в своих выступлениях на совещаниях.

Вспышка контрреволюционного мятежа произошла в первые недели работы Марка Левитина председателем Самарской губчека — он был назначен на этот пост в конце января 1919 года.

Это было исключительно сложное время. Нужно было направлять все силы на разоблачение и ликвидацию контрреволюционного подполья. Нельзя

было оставлять без внимания и анархистов. Левитин знал об их враждебных действиях против молодой Советской Республики в Москве и ряде других городов. Да и в Самаре они давали о себе знать. Менее года назад под видом мобилизации ресурсов для экипировки частей, отправляемых на фронт, анархисты по сфабрикованным мандатам грабили магазины и склады. Сейчас от них можно было ожидать новых враждебных действий. Стало известно об их намерении объединить свои силы с левыми эсерами для того, чтобы вести совместно вооруженную борьбу против большевиков.

Усилиями губкома партии, коммунистов губчека, председателя Левитина работа губчека начала налаживаться. Губком партии принял меры по укреплению ЧК проверенными на деле кадрами. Заведующим одного из отделов ЧК губком назначил Константина Левитина...

Марк Левитин появился в Самаре, пробившись через линию фронта белочехов. В те дни большевистское подполье города испытывало значительные трудности. Некоторые явки большевиков оказались проваленными, контрразведка врага произвела ряд арестов. Партийные работники Самары, перешедшие на нелегальное положение, хорошо знали обстановку и людей. Но их тоже знали — и не только друзья, но и явные враги. Приходилось соблюдать особую осторожность.

Марку Левитину в этом отношении было легче: его в Самаре не знали. Подполье же приняло его без колебаний: его знали не только как брата руководителя подполья Константина Левитина, но и как активного партийного работника до революции. Несомненно, имел значение и богатый опыт конспиративной работы Марка Филипповича. Нелегальную партийную деятельность он начал в 1909 году слесарем завода «Акса́й» в Ростове-на-Дону. За революционную работу его четыре раза арестовывали, в 1914 году сослали в Нарымский край. Потом Левитин был призван в армию. Здесь он развернул большевистскую деятельность, стал одним из организаторов объединенного военного социалистического союза, действовавшего под лозунгом «Война — войне».

Революция застала М. Левитина в Томске. Он активно участвует в формировании Красной гвардии, становится ее начальником штаба. Его избирают членом исполкома солдатских депутатов, а затем губисполкома. Когда стали создаваться комитеты и отделы по защите завоеваний революции — предшественники чрезвычайных комиссий, — Левитин назначается начальником отдела по борьбе со спекуляцией. Потом он возглавляет отдел по борьбе с контрреволюцией. При наступлении белочехов как член военно-революционного штаба Левитин участвует в боях на улицах Томска. Когда штаб эвакуировался, вместе с ним уехал и Левитин. На этот раз ЦК партии направил его в Самару, занятую врагом.

В труднейшие для молодой республики годы партия перебрасывала Левитина из края в край, на самые боевые участки. И в Самаре он был недолго — чуть больше года. Но какой это был год! Он стоил целого исторического периода. Да, собственно, и был таковым. Из Самары — снова в Сибирь. Его отзывали «как знатока Сибири для очистки края от контрреволюции», так сказано в телеграмме.

В Томске он сначала был председателем Сибирской ЧК, затем председателем ревкома. Возникает другой беспокойный участок, его назначают председателем Семипалатинского ревкома. В конце 1921 года он секретарь Иркутского губкома партии. В 1923 году ЦК партии посылает Левитина на Северный Кавказ. Он избирается секретарем обкома партии Горской республики. В последующие годы — на партийной и советской работе в Ростове. С 1930 года Левитин жил в Москве и много лет работал заместителем наркома снабжения СССР и заместителем наркома пищевой промышленности СССР.

Марк Левитин — один из тех неггибаемых большевиков, что отдали все свои силы, свою жизнь делу строительства коммунизма.

Василий Беляев

В воспоминаниях бывшей сотрудницы Самарской губернской ЧК Екатерины Бочкаревой несколько раз упоминается имя Василия Беляева — заместителя

председателя губчека: к нему направили Бочкареву из горкома партии, он обучал ее трудному чекистскому делу, а затем послал с целью разведки на первое задание в женский монастырь, где было замечено появление неизвестных лиц. Вначале посещения монастырской церкви Бочкаревой ничего не дали, ее уже стала тревожить безрезультатность своих стараний, но Беляев продолжал спокойно объяснять, как себя вести, на что обращать внимание.

— Терпение и выдержка, это самое главное, — внушал он молодой сотруднице. — И, конечно, умение наблюдать...

Не напрасно ходила Бочкарева в монастырь. Через несколько дней ей удалось обнаружить тайный склад оружия, устроенный под алтарем церкви. Прибежала к Беляеву:

— Скорее, вывозят оружие...

Чекисты подоспели вовремя, но одной монашке удалось незаметно уйти. Прибежала она в губернский исполком и стала причитать:

— Грабят Иверский монастырь. Напали бандиты, много их там... Спасите храм божий от осквернения и разорения.

Новый работник, неискушенный в этих делах, поверил. От имени исполкома связался со штабом войск и добился направления в монастырь красноармейского отряда. Вскоре в первых рядах бойцов, окруживших монастырскую церковь, раздался дружный взрыв хохота: красноармейцы узнали своих товарищей по соседнему батальону, помогавших чекистам...

Среди множества постоянных дел особого внимания требовали дела, связанные с контрреволюционными выступлениями. Враждебно настроенным кулакам и другим врагам молодой республики удавалось иногда спровоцировать крестьянские массы на антисоветские акции. Особенно серьезным оказалось выступление кулачества в районе города Ставрополя, сел Жигули и Ново-Девичье.

При разборе дел зачинщиков этого мятежа выяснилось, что многие из поднявших оружие против советских работников и частей Красной Армии поддались кулацкой агитации по своей неграмотности, встали на защиту тех, на кого гнули свои спины, будучи у них

В.Ф.Беляев.
Фото 1919 г.

батраками. Их освобождали от наказания, сделав соответствующее внушение. Однако были и такие, как самарский иеромонах Тит, выезжавший в дни восстания в села для благословления мятежников. Такие люто ненавидели народную власть и мстили ей жестоко.

Расследование показало также, что в некоторых селах возможно возобновление беспорядков. Василий Беляев обратился в партийные органы с просьбой послать в села, в первую очередь в Аскулы и Жигули, опытного агитатора, чтобы разъяснить крестьянам преступную цель восстания, приуроченного врагами к моменту наступления войск Коячака на Восточном фронте, показать подлое лицо зачинщиков.

Беляев поставил также вопрос о необходимости укрепления волостных советов коммунистами. Ведя беспощадную борьбу с врагами, он принимал все меры для того, чтобы оторвать, спасти от враждебного влияния рабочих и трудовых крестьян.

Чуткость и максимальную объективность Беляева в оценке мотивов поведения каждого отдельного человека, его человечность по отношению к подчиненным, простоту в обращении кое-кто в то суровое время расценивал как отсутствие у него административных способностей и настойчивости. Это было не так, и вся последующая его деятельность подтвердила, что Беляев был не только честным тружеником, принци-

пильным коммунистом, но и способным, умелым администратором и организатором.

Кто же такой Василий Беляев, откуда он появился в ЧК, где и когда он успел приобрести навыки конспиративной работы, так необходимые чекистам?

Многому научила Беляева работа в подполье. К революционной борьбе он приобщился семнадцатилетним в 1910 году, когда работал слесарем на Жигулевском заводе. Началось с того, что рабочие-большевики Александр Гундобин и Прокофий Фролов стали давать ему нелегальную литературу. Вслед за этим последовали несложные поручения. Потом ему доверили распространение «Правды» и сбор средств в пользу репрессированных революционеров, сосланных в Нарымский край, пригласили на занятия кружка.

В 1914 году Василия Федоровича приняли в партию большевиков. В июне он уже участвовал в нелегальной городской конференции, проведенной за Волгой. В целях использования легальных возможностей для пропагандистской деятельности большевиков Беляеву поручили принимать участие в «Обществе разумных развлечений», организованном для рабочих и служащих.

Когда жандармерия начала аресты, первыми оказались в тюрьме большевики Панов и Беляев. По постановлению суда Беляева отправили в действующую армию: он воевал в составе Измайловского полка. Боевой опыт и фронтовая закалка оченьгодились ему в дни революции и гражданской войны.

То, что было сделано им по возвращении с фронта в Самару, сам Беляев расценивал как обычное дело большевика. Партия направляла его туда, где обстановка требовала решительных действий.

На Трубочном заводе, где после Февральской революции он начал работать по своей старой специальности слесаря, его избрали членом Самарского Совета рабочих депутатов, членом райкома партии. Василий Федорович активно участвует в подготовке и проведении в Самаре октябрьских событий, вступает в Красную гвардию. Когда в Оренбурге поднял мятеж казачий атаман Дутов, Беляев выезжает на подавление его в составе отряда красногвардейцев.

В дни провокационного выступления анархо-максималистов, внезапно захвативших ряд жизненно важных

объектов Самары, Беляев был членом большевистского штаба коммунистических отрядов. Когда к городу подступили войска белочехов, он назначается членом «пятерки» — штаба по обороне Самары. По указанию партийной организации Беляев остался в оккупированном врагом городе поддерживать связь со штабами Красной Армии, информировать о положении в городе. Кто-то донес о Беляеве чешской контрразведке, его искали, но не нашли. Умело конспирируясь, он продолжал действовать.

После освобождения губернии, когда задачей дня стало срочное восстановление Советской власти на местах, Беляева направляют в Иващенково, где при белочехах особенно зверствовали контрреволюционеры. В качестве члена исполкома местного Совета он провел там большую работу, затем выехал в Бугульму и Бузулук для создания там ревкомов.

Нужно было усилить борьбу с силами контрреволюции, с деятельностью сомкнувшихся с ней политических партий. По указанию Центрального Комитета губком партии направляет в ЧК проверенных большевиков, в числе которых был Беляев, утвержденный губисполкомом членом коллегии губчека. Несмотря на сложность работы на этом участке, ему то и дело давали дополнительные поручения: он являлся членом губернской комиссии по очистке советских учреждений от враждебных элементов, членом губернского революционного трибунала, уполномоченным губисполкома.

Во время мамонтовского прорыва Беляев в составе Московского коммунистического отряда особого назначения выезжал на Южный фронт. С начала 1922 года Беляев — председатель Томской губернской ЧК, затем начальник отдела ОГПУ в Брянской губернии.

Когда страна отмечала 10-ю годовщину ВЧК, Беляев уже три года трудился на партийной работе. Но о нем не забыли. В числе лучших чекистов за заслуги в деле защиты завоеваний революции ОГПУ наградило Беляева именным почетным боевым оружием — маузером с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Он был бойцом и на фронтах хозяйственного строительства. В 1926 году Беляев становится ближайшим помощником В. В. Куйбышева в аппарате ВСНХ — начальником секретариата ВСНХ. После учебы в Про-

мышленной академии оргбюро ЦК направляет его на отстававший в то время участок народного хозяйства — железнодорожный транспорт директором строящегося труболитейного завода НКПС в Луганске. И вскоре завод, не принятый еще в эксплуатацию, начинает выпуск остродефицитных труб для паровозных котлов...

Прекрасная жизнь В. Ф. Беляева тесно связана с городом Куйбышевом: он здесь родился, вырос, окреп как революционер и ответственный работник. Имя его по праву вписано в историю нашего края.

МАТРОС ПРИШЕЛ В ЧК

В коридоре здания ВЧК на Большой Лубянке при появлении Дзержинского вытянулся и лихо отдал честь рослый матрос, увешанный оружием. Феликс Эдмундович, ответив на приветствие, подозвал к себе сотрудника ВЧК, с которым матрос шел по коридору.

— Из Самары, вчерашний моряк! Привез в Москву арестованных, — кратко доложил сотрудник Дзержинскому.

Матроса пригласили в кабинет. Феликс Эдмундович подробно расспросил его о положении в Поволжье, поинтересовался состоянием снабжения в Самаре, делами местной ЧК.

— Где вы думаете работать после войны? — неожиданно спросил Дзержинский.

— Я столяр-краснодеревщик. Скучаю по работе. Белых добьем, вернусь на свой завод или в депо...

— Хорошие планы, — задумчиво сказал Феликс Эдмундович. — Но вот нам нужны люди с боевым опытом. Мы просим ЦК укрепить наш аппарат преданными большевиками. Вы не хотели бы поработать в ЧК?

— Я готов, но...

— Не бойтесь. Мы тоже не чекистами родились.

Беседа была долгой, душевной. Дзержинский много рассказывал о роли и задачах чекистов, о том, какую ненависть вызывают решительные действия органов госбезопасности у врагов Советской власти. Это значит, подчеркнул Дзержинский, что чекисты хорошо выполняют свой долг, надежно защищают народные завоевания. Феликс Эдмундович поинтересовался, нет ли у матроса знакомых в Москве и нет ли у него неотложных дел. Получив отрицательный ответ, он предупредил посланца с Волги:

— С этого дня ходить зря по Москве не рекомендуем. Зайдите вечером. Дадим вам задание.

Так уроженец Самары Петр Алексин встал на трудный путь чекиста, полный революционного оптимизма, суровой романтики борьбы и нелегких испытаний.

Когда умер отец, Петру Алексину было 7 лет. Стараниями матери ему удалось закончить ремесленное училище. В свободное от учебы время он подрабатывал у садоводов. Стал столяром-модельщиком, поступил на завод Журавлева, а позднее работал на пивоваренном заводе. В девятнадцать лет был арестован как один из организаторов забастовки.

Когда началась империалистическая война, Петра призвали в армию и направили на флот. Грамотного призывника послали учиться в годичную школу, после окончания которой он в качестве комендора служил на броненосце «Синоп». На дредноуте «Императрица Мария», куда его перевели позднее, стал заниматься в политических кружках. Затем судьба свела его с петроградскими рабочими, занимавшимися установкой вооружения на корабле. Это было на судостроительном заводе в Николаеве, куда Алексин прибыл после гибели дредноута для участия в оснастке нового боевого судна.

Петр быстро сблизился с питерскими рабочими, его стали приглашать в марксистские кружки. Когда начались февральские события 1917 года, Алексин уже имел ясное понятие и о революции, и о своем в ней месте, и о том, как следует бороться рабочему классу. Его избирают членом судового комитета, одним из руководителей союза военных моряков, начальником по охране общественного порядка.

Если первые две обязанности требовали организаторских способностей, то работа по охране общественного порядка в Николаеве в те времена была настоящим боевым делом. Впоследствии долгие годы Петр Иванович не выпускал из рук наган № 25152, отобранный им в схватке с бандитами и переданный ему затем судовым комитетом.

К июню семнадцатого корабль достроили и направили в Севастополь. Только теперь он назывался не «Император Александр III», как намечалось раньше, а «Воля».

В смутные дни сентября 1917 года черноморский матрос Алексин приехал в Самару, в отпуск. В родном городе его сразу захватили политические события. Кругом шли митинги, собрания, дискуссии. В числе

П. И. Алесин.
Фото 1918 г.

первых Петр Иванович записался в Красную гвардию. Там ему поручили обучение гвардейцев военному делу. Оружие доставали сами: разоружали бандитов, дезертиров, бывших жандармов и полицейских.

К октябрьским дням отряды Красной гвардии держали в своих руках многие ключевые позиции Самары. После того как была провозглашена Советская власть, Петр Иванович назначается комиссаром железнодорожного отряда, а затем его командиром. Охрана порядка на важной железнодорожной магистрали, защита ее от нападения бандитских групп требовали от отряда оперативности и немалого мужества.

Перед отрядом стояла задача обеспечить беспрепятственное продвижение эшелонов к Оренбургу на борьбу с бандами генерала Дутова. Красногвардейцы рвались в бой, и, когда осложнилась обстановка под Оренбургом, все записались добровольцами на фронт. Несмотря на указание оставаться на своих местах, тридцать красногвардейцев все-таки ночью уехали. Только чувство революционной дисциплины и долга удержало самого Алексина от побега на фронт.

В это время в Самару приехал чрезвычайный комиссар П. Кобозев. Он прибыл с особым заданием Реввоенсовета. Контрреволюционные заговорщики решили использовать в борьбе с Советской властью демобили-

зованные из царской армии и сохранившие оружие казачьи полки. Казачьи эшелоны продвигались к Оренбургу. Кобозев предложил отряду Алексина попытаться разоружить их. Это было опасное и рискованное дело.

Вот в штаб железнодорожной Красной гвардии по телеграфу пришло сообщение со станции Батраки: солдаты проходящего эшелона, поощряемые офицерами, бесчинствуют, грабят, насилюют. Навстречу эшелону выезжают красногвардейцы. Заняли позицию на подходе к станции Иващенко (ныне Чапаевск). У закрытого семафора поезд останавливается. Казаки не успели опомниться, как паровоз уже отцеплен. Злые, опухшие от беспробудного пьянства, казаки выпрыгивают из теплушек, бегут на станцию:

— Почему нас держат?

— Именем Советской власти предлагаем сдать оружие!

— Измена, — орет красномордый урядник, всполюшив эшелон. — Большевики не пускают. Бей их!

Раздаются выстрелы из вагона, брань. Тогда по команде Алексина из укрытий гремит дружный залп по крышам вагонов. Создается впечатление, что эшелон окружен. Казаки в замешательстве. В кювет летит одна винтовка, за ней другая, третья... Командир полка пытается помешать сдаче оружия. Он хватается за наган, призывает к сопротивлению. Еще пулеметная очередь поверх вагонов, и кювет наполняется винтовками.

В период борьбы с белочехами отряд Алексина стал партизанским. Ему была поручена защита Волго-Бугульминской железной дороги, единственной, пожалуй, свободной магистрали, связывающей столицу с Сибирью. Отряд и оборудованный бугульминскими железнодорожниками бронепоезд с надписью «Алексинцы» провели несколько удачных боевых операций. Им удалось разбить значительные силы противника. Партизаны дважды освобождали Бугульму.

А в это время контрразведка белых в Самаре разыскивает Алексина, терроризирует его семью. Кто-то пустил слух, что комиссара видели на берегу Волги у рыбаков. Другой донес, что Петр Иванович часто ночует дома. Белые устраивают на

Соборной улице (ныне Молодогвардейская) засады. 14 раз приходили чехи с обыском в дом, где жила жена красного командира с грудным сыном и шестилетней дочерью. Наконец ставят у дверей часового, не разрешают жене и детям даже выйти на улицу.

После освобождения Самары отряд бросают на восстановление железной дороги. Работы — с головой. Беяками разрушено 26 мостов, взорван пролет Сызранского моста. И только после всех восстановительных работ Петр Иванович возвращается в ЧК.

Алексина редко видели за рабочим столом. Боевые операции следовали одна за другой. Бороться с бандами, рыскавшими по Поволжью, было трудно. Они то вырастали до размеров крупных воинских частей, то дробились на мелкие группы и ускользали, чтобы в какой-то момент вновь объединиться.

Как-то чекисты задержали на станциях несколько подозрительных лиц, хотя документы у них были в порядке. Одни предъявляли справки о командировании их полком Красной Армии для заготовки продовольствия. Другие возвращались со службы, как освобожденные по состоянию здоровья. Задержанных пришлось отпустить.

А вскоре из ВЧК была прислана телеграмма о необходимости тщательной проверки поездов. В ней говорилось: «Санитарными поездами разъезжают политические деятели белых и белогвардейцы для связи и получения инструкций. Под видом сибирских уроженцев направляются на Урал и в Сибирь белогвардейские офицеры, ничего общего с сибиряками не имеющие. Предлагается тщательно проверять все поезда вообще, санитарные — в особенности». Алексина назначают ответственным за проверку поездов.

Однажды к Петру Ивановичу привели задержанного красноармейца с документами уволенного из армии по болезни. Алексин узнал задержанного: бывший моряк с «Императрицы Марии». Красноармеец обрадовался знакомому:

— Живой? Как ты выплыл с «Императрицы»?

Алексин рассказал, как после взрыва на корабле он, обожженный, оказался за бортом, долго плыл. Каким образом добрался до берега, не помнит. Очнулся в госпитале.

— Теперь вот в чека. Вместо того чтобы громить контрреволюцию, приходится тратить время на одураченных «братишек» вроде тебя. Скажи, где достал эту липу?

Алексин знал, что с моряками подобные беседы вести непросто, официальным допросом тут не обойдешься. На «братишку» подействовали душевная беседа и откровенность чекиста. Рассказал, где ему дали справку с печатью военного госпиталя. Едет он в оренбургские степи. Говорят, у Сарафанкина вольная и сытная жизнь.

Сообщения о существовании подпольной группы, которая фабриковала фальшивые документы, поступали и ранее. Было известно, что таким путем освобождаются от службы здоровые красноармейцы и ослабляются тем самым части Красной Армии. Некоторые из них оказывались потом в бандах Сарафанкина и Серова, орудовавших в Саратовской, Оренбургской губерниях, также отчасти в Самарской.

Алексин направил чекистов на Мещанскую улицу. Здесь у своей тетки с недавнего времени проживал прапорщик Баюсов. Выяснилось, что в прошлом он добровольно вступил в белую армию Дутова, служил в разведке, обучен приемам изготовления поддельных документов. Став поручиком, Баюсов возглавил «партизанский» отряд имени атамана Дутова. Затем с разведывательными целями его с женой забросили в Самарскую губернию. Здесь он развернуться как следует не успел: дутовщина была разгромлена. По фальшивым документам Баюсов поступил на службу в Красную Армию, но вскоре дезертировал, представив затем справку, конечно поддельную, о болезни.

В поисках хорошей жизни Баюсов начинает широко пользоваться полученными в разведке знаниями. От имени несуществующей организации заключает сделки, получая в качестве задатка значительные суммы.

В Самаре он встречается с бывшим чиновником белого самарского правительства, белым офицером, с которым создает подпольную организацию для борьбы с Советской властью. На широкую ногу ставят изготовление документов от имени эвакогоспиталя и других организаций. Тайно восстанавливают

Сотрудники транспортной ЧК выезжают на операцию.
Четвертый слева— П. И. Алексин. Фото 1921 г.

небольшую частную типографию, печатают бланки, готовятся к выпуску листовок. «Фирму» Баюсова начинают использовать банды Серова и Сарафанкина.

Все это выяснилось впоследствии. Пока же было известно только то, что на Мещанской улице проживает бывший белый офицер и тайно торгует поддельными документами. Шайкой преступников поручают заняться Алексину. Ночью пять сотрудников дорожной ЧК приступили к выполнению операции. Дом огорожен высоким забором. Петр Иванович, проводивший днем разведку, знал, что проникнуть во двор можно только со стороны соседей. Но там на цепи сидел громадный кобель. Как быть с ним? Выход один: уничтожить. Алексин в два прыжка оказался около собаки и вцепился в ошейник. Пес, успевший тявкнуть всего два-три раза, затих.

Пока Алексин возился со свирепым псом, чекисты проникли во двор. В доме ни звука. Дубовая дверь на внутреннем запоре. Под руки попался лом. Алексин, отличавшийся недюжинной силой, завел его за скобу, всем телом навалился, и дверь с грохотом рухнула.

Перепуганные офицеры не успели опомниться, как

их скрутили, вытащили из-под подушек гранаты и наганы. При обыске нашли много оружия, патронов, сотни бланков эвакогоспиталей и воинских частей Красной Армии, поддельные печати.

Заговорщиков бесшумно увели, оставив в доме засаду. В конце недели подсчитали «улов»: 180 человек, связанных с заговорщиками.

Но среди арестованных Баюсова не оказалось. Горничная хозяйки сообщила, что Александр Васильевич (так звали Баюсова) недавно куда-то уехал. За неделю до этого, подавая к столу, она слышала, что хозяева говорили о каком-то Сарпинкине и упоминали Бузулук. Сомнений не было: Баюсов поехал к Сарафанкину. Алексин поспешил на железнодорожный телеграф, вызвал уполномоченного в Бузулуке и продиктовал телеграфисту приметы Баюсова, подробно описанные горничной. К вечеру пришла телеграмма. Задержан! Как выяснилось потом, Баюсов действительно побывал у Сарафанкина, договорился с ним о совместных действиях и возвращался в Самару.

Однако сотрудники в Бузулуке отнеслись к Баюсову как к обычному задержанному, не учли коварства этого опытного врага. Во время первого допроса в Бузулуке он вдруг схватился за живот, закатил глаза под лоб и застонал. Уполномоченный вызвал дежурного красноармейца из ЧОНа и велел увести арестованного. В коридоре Баюсов внезапно рванул винтовку сопровождающего на себя, красноармеец, не ожидая нападения, упал, а бандит выпрыгнул из окна второго этажа. Позднее, спустя несколько месяцев, в церкви под Пензой в бородатом псаломщике Граймаковском чекисты опознали Баюсова, но тот, почуяв опасность, снова скрылся.

Летом 1920 года поступило сообщение о бандитском налете на станцию Златоуст. Паровоз серии «Щ», отремонтированный чекистами-транспортниками Самары в свободное время, всегда стоял под парами. Через несколько минут после получения депеши паровоз вышел из депо с единственным вагоном, в котором находились двенадцать чекистов во главе с Силиным. По приезде в Златоуст выяснилось, что с первыми налетчиками неплохо справились местные чекисты, однако опасность повторного

нападения оставалась. По этому поводу начальник дорожной ЧК Силин в докладной записке в центр писал:

«В районах Башкирской республики происходят восстания «зеленых» банд, которые начались после того, как было прогнано националистическое правительство Валидова и заменено настоящими коммунистами. С целью прощупать настроение рабочих и перетянуть их на свою сторону «зеленые» совершили налет на станцию, прорвавшись на конях к собравшимся на митинг у вокзала. Народ разбежался.

Считаю своим долгом отметить героическое поведение начальника ОРТЧК станции Златоуст Калинина и сотрудника Салтана, которые проявили редкую самоотверженность и инициативу. Калинин при налете «зеленых» был в мастерских депо и видел общую панику, под угрозой оружия собрал возле ворот около 10 человек, раздал им винтовки, расставил их цепью и открыл стрельбу. Воспользовавшись недолгим смятением среди банды, побежал к бронеплатформе, оттуда по его распоряжению был открыт пулеметный огонь. Калинин после этого под огнем «зеленых» возвратился к расставленной им цепи. Салтан за это время собрал 6 человек сотрудников ЧК, напал на бандитов с тыла, создал у них панику и растерянность.

Ввиду того, что угроза повторных налетов на железную дорогу не отпала, а наоборот, «зеленые» мобилизуют новые силы, для согласования совместных действий чекистов и частей Красной Армии, призванных на помощь, направил в штаб дивизии выезжавшего со мной сотрудника РТЧК Алексина, имеющего опыт боевой работы».

Некоторые чекистские операции походили одна на другую, хотя в одних задерживали политических преступников, в других — уголовников. Не оставались без внимания чекистов и крупные хищения, дерзкие грабежи.

В соседнем губернском городе на Волге было совершено ограбление государственного банка. По рекомендации центра в розыск включились чекисты и милиция. Транспортная ЧК взяла под наблюдение группу подозрительных приезжих. Собранные по

крупнице данные об их поведении были тщательно изучены. Насторожило следующее обстоятельство: группа постоянно пьянствует, тратит большие деньги. Когда из деревянного флигеля дома № 82 на бывшей Дворянской улице выходил кто-либо за покупками, то остальные сразу же запирались на замок. Бывший товарищ Алексина по Трубочному заводу, переселенный после революции из подвала в этот дом, сообщил, что их пять человек, все молодые, здоровые, среди них одна женщина.

—Сегодня, видимо, будет пьянка, таскали бутылки,— заключил сосед.— Завтра собираются уехать...

Операцию назначили на два часа ночи. Особо было указано, что бандитов, и в частности главаря, нужно взять живыми.

Поехали в морозную ночь на единственной автомашине. В окнах второго этажа, где квартировала подозрительная группа, света не было. Богданович с карабином расположился на крыше дома, а Петру Ивановичу снова пришлось орудовать ломом. Однако в квартиру Силин, Черстовой и Алексин проникли все-таки без шума. Пьяные бандиты спали вповалку, в самых безобразных позах. Тихо вынули из-под подушек наганы, гранаты. Заткнули рты кляпами. В другой комнате связали мужчину, по приметам — главаря банды, и женщину. В следующей — еще троих. Неожиданно из-за печи гремит выстрел, и пуля прошивает бескозырку Алексина, не задев самого матроса. В квартире оказался шестой. Матрос уложил бандита с первого выстрела. При обыске обнаружили несколько чемоданов с деньгами. Опечатали их и сдали затем в банк. Грабители успели израсходовать лишь незначительную часть похищенной суммы.

Немало было хлопот в том трудном двадцатом с продовольственными делами, в частности с продовольственным комитетом, куда пробрались бывшие чиновники. Комиссары комитета, честные коммунисты, были неопытными, зачастую беспомощными в этих делах. Вагоны с продовольствием нередко умышленно засылались не по назначению, загонялись в тупики, процветал грабеж. В одном лишь Кинеле за короткое время разграбили 61 вагон с продовольствием,

а чиновники из управления дороги даже не сообщили об этом в транспортную ЧК.

Враждебные элементы сделали так, что под угрозой оказалась выдача скудного пайка железнодорожникам. Лидер партии максималистов Гецольд и бывший колчаковец Провинцев, работавшие в депо, не преминули этим воспользоваться и задумали провести в самарских железнодорожных мастерских суточную забастовку, намереваясь дезорганизовать и без того нечеткое движение поездов. Пытались они склонить к забастовке даже рабочих Трубочного завода.

И в мастерских, и на Трубочном Алексин был хорошо известен, и его направили туда выступить на митинге.

— Знаете ли Петра Ивановича, товарищи рабочие? — обращается председательствующий к собравшимся.

— Знаем, как не знать...

— Тогда выслушайте его.

— Вас агитируют и подстрекают Гецольд и Провинцев, — начал свое выступление Алексин. — Известно ли вам, кто они такие? Если не знаете, я вам скажу: Гецольд — это анархист и максималист. Провинцев — недобитый колчаковец, теперь вернулся в Самару и мутит воду. Вот за кем вы идете!

Забастовка, замышляемая врагами Советской власти, была сорвана.

Проходя как-то по двору транспортной ЧК, Алексин увидел кучера, усердно грызущего твердую колбасу. Паек был известен: селедка на несколько человек, иногда немного сахару. О других продуктах никто из чекистов не помышлял.

— Где взял?

— Да за углом, у товарной конторы торгуют двое. У них много ее, по пятьсот рублей фунт. Приятель угостил, я прошлый раз подвозил его с вещами к вокзалу.

В голодающей Самаре копченая колбаса? Что-то тут не так. Несмотря на занятость, Петр Иванович все-таки решил проверить необычную по тем временам торговлю.

Один из торговцев расположился в подъезде дома с ящиками и, воровато оглядываясь, развешивал колбасу. Другой набивал потрепанный портфель день-

гами. Чуть в сторонке торчал франтоватый брюнет в полувоенной форме.

Кожанка Алексина моментально возымела действие. Торговцы засуетились, прогнали столпившихся покупателей, стали закрывать ящики. На вопросы чекиста отвечали сбивчиво. Один из них положил несколько кругов колбасы в бумажный кулек и угодливо протянул Алексину. Петра Ивановича так и подмывало отхлестать торговца этими кругами.

«Ты слишком горяч, Петр Иванович, нельзя так. Чекист должен уметь управлять и своими чувствами, и действиями», — вспомнил он наставления начальника.

Алексин остановил проезжавшую мимо подводу, велел погрузить ящики. Тут-то и вмешался франт, наблюдавший до этого за происходящим со стороны. Размахивая мандатом Оренбургского продкома, он стал доказывать, что привез колбасу по разрешению.

— Документы! — потребовал Алексин.

— Пожалуйста, вот сказано: предлагается вывезти сто пудов колбасы для голодающего Центра.

Несмотря на явное нежелание представителя продкома выпустить разрешение из своих рук, Алексин положил его к себе в карман. Как выяснилось при проверке, оно было сфабрикованным.

— Что же это вы колбасу везли для Центра, а продаете здесь?

— Она начала портиться...

— В городе холера, а вы торгуете гнильем! Знаете, что за это бывает?

— Что вы? Она же копченая. Понюхайте, как хорошо пахнет...

— Почему же тогда продаете?

Алексин повел ловкачей из продкома в отдел. Оказалось, что они успели продать семь пудов колбасы.

— Колбасу сдать в губпродком, а этих типов арестовать, — распорядился начальник ЧК Силин.

У продкомовцев нашлись покровители. Одни требовали их освобождения, другие доказывали, что часть колбасы принадлежит им и должна быть выдана. Но не дождались поправки от Петра Ивановича.

До села Дубровка от станции невелико расстояние, но оно все же достаточно далеко от зоны железной дороги. Несмотря на это, когда взбунтовались на селе кулаки, губком партии поручил заняться ими транспортной ЧК. Поехали десять человек во главе с Силиным. Был с ними и Алексин. Оказалось, что продовольственные комиссары при выполнении последнего задания вели себя неправильно, в особенности по отношению к середнякам. Это и явилось одной из причин волнений. Силин провел разъяснительную работу, велел арестовать продкомиссара и двух кулаков — главарей беспорядков. Выехали обратно на подводах. Зима. Холод сковывал движения, метель замела дороги. Чтобы не замерзнуть, решили переночевать на маленьком хуторе. Прежде чем лечь спать, Алексин по чекистской привычке захотел осмотреть хуторские закоулки. Заглянув случайно на сеновал, он обнаружил подозрительного мужика, по всем данным, казака. Тот в самом деле оказался казаком из банды генерала Попова. Задержанный сообщил, что генерал замышляет на днях поход из Саратовской губернии на Хворостянку. Чекисты не стали отогреваться, заспешили на станцию, чтобы срочно предупредить о бандитском налете.

Постоянное напряжение, опасные боевые дела подточили богатырское здоровье Петра Ивановича. У него сдали нервы, он надолго заболел. С 1926 года вынужден был перейти на другую работу, занимал ряд ответственных постов в советских учреждениях, много раз избирался депутатом городского Совета. В начале 30-х годов Алексина избрали председателем краевого общества бывших красных партизан. Бывшие красные партизаны пользовались заслуженным уважением и некоторыми привилегиями. Этим не преминули воспользоваться проходимцы и жулики, различными обманными путями присвоившие себе это почетное звание. Петр Иванович взялся за дело с присущей ему страстностью и беспощадностью к нечестным людям. После тщательной проверки разоблачил и изгнал из общества несколько сот фальшивых партизан, среди которых оказалось семь белогвардейцев.

К Алексину тянулись бывшие красногвардейцы, партизаны, чекисты и их семьи. Одни при-

ходили просто поговорить по душам, другие — за советом, за помощью. В тяжелые минуты жизни обращалась к нему семья Силина, родственники других чекистов; пенсионеры и всегда находили поддержку.

Родина высоко оценила заслуги чекиста перед народом и партией. В 1923 году за борьбу с бандами он был награжден золотыми часами, а к 50-летию Октября за боевые дела в годы гражданской войны и становления Советской власти — орденом Ленина.

КОНЕЦ САПОЖКОВСКОЙ АВАНТЮРЫ

Пассажирский поезд № 6, следовавший из Бузулука в Самару, прошел уже больше половины своего обычного, изо дня в день повторяющегося пути. Рейс складывался удачно: из Бузулука вышли по расписанию, что по тем беспокойным временам случалось не часто, погода стояла ясная, по-настоящему летняя, и дорога хорошо проглядывалась далеко впереди. Уголь тоже загрузили на редкость удачно — сухой и почти без мусора. Машинист, изредка высывающийся в окно паровозной будки, лениво скользил взглядом по знакомому до мелочей пейзажу, иногда поглядывая на часы и на возившегося у топки помощника. Все нормально, еще несколько часов такого хода — и они будут в Самаре.

И вдруг лицо его напряглось: впереди, метрах в трехстах, а может, и больше, на рельсы выкатились какие-то темные фигуры, некоторые из них сели прямо на шпалы, кое-кто отошел к насыпи. Теперь уже было видно, что они стояли с винтовками наготове. Высунувшись из будки почти по пояс, машинист заметил, что двое устанавливали на насыпи пулемет, а еще двое, стоя на рельсах, крест-накрест размахивают руками над головой, ясно давая знак остановиться. «Что за черт, — с тревогой подумал машинист, показав жестом помощнику, чтобы тот затормозил, — вроде бы никого тут быть не должно, или что случилось?»

Поезд заметно притормаживал, люди на рельсах и на насыпи укрупнялись, становились отчетливее, и, когда до них оставалось метров шестьдесят—семьдесят, машинист облегченно вздохнул.

— Наши это, — крикнул он помощнику, — должно

быть, предупредить о чем-то хотят. Или кого-то ждут.

Действительно, преградившие путь поезду были в форме бойцов Красной Армии, и по тому, как привычно и ловко сидела на них эта форма и как четко выполняли они неслышные еще в будке приказы командира, ясно было, что это не переодетые бандиты, а опытные, обученные солдаты.

Но вот поезд наконец совсем сбавил ход и почти остановился, и в ту же минуту в будку ворвались командир с маузером в руке и двое солдат с винтовками. Пулеметчик, которого еще издали заметил машинист, теперь держал под прицелом окна первого вагона.

— Всем оставаться на своих местах, не двигаться, — коротко скомандовал командир. — Через полчаса поедете дальше. Вы будете пока тут, — кивнул он солдатам и, прыгнув на землю, торопливо пошел вдоль состава.

А в вагоны уже со всех сторон забирались вооруженные солдаты, у каждой группы из трех-четырех человек был свой старший. Группы прочесывали поезд с двух сторон, навстречу друг другу.

— У кого есть деньги и ценности, прошу выложить на стол. Все реквизируется в пользу «Армии Правды», — в каждом вагоне повторял старший группы. Впрочем, просьба звучала чисто формально: почти всех пассажиров обыскивали, ценные вещи и деньги, если они обнаруживались, немедленно отбирали. Вся операция и в самом деле заняла не более получаса. Ни машинист с помощником, ни тем более пассажиры не успели прийти в себя, а странные налетчики уже скрылись, сняв оцепление и откатив пулеметы в тыл.

Впрочем, в летний день 14 июля 1920 года вообще нашлось бы совсем немного людей, которые могли вразумительно объяснить, что же произошло с пассажирским поездом № 6, что это за «Красная Армия Правды», в пользу которой изымались вещи и деньги, и каким образом оказалась она, эта армия, на перегоне Бузулук—Самара.

События двух последних дней развивались столь стремительно и необычно, что никто, кроме непосредственных их участников, не знал и не мог знать, что же произошло в действительности. А между тем события эти для местных властей стали главной заботой на несколько месяцев вперед.

В ночь с 13 на 14 июля 1920 года в Бузулукском уезде Самарской губернии начался контрреволюционный мятеж, вошедший потом в историю как «восстание Сапожкова».

Теперь, на расстоянии более чем полувека, на фоне крупномасштабных событий тех лет восстание это может показаться не более чем авантюрой, кратковременной вспышкой, чисто бандитской акцией, которых немало рождали те беспокойные и суровые годы. Но та же временная дистанция позволяет сегодня объективно и точно выявить действительные масштабы сапожковской авантюры, ее реальную опасность и необходимость той мгновенной реакции, с которой откликнулись на нее руководители республики и лично В. И. Ленин.

Надо прежде всего представить обстановку, в которой началось восстание Сапожкова. В. И. Ленин и большевистская партия понимали, конечно, что угроза военной интервенции все еще оставалась реальной — именно в первые, самые трудные ее годы легче и «дешевле» всего было уничтожить Советскую власть, стереть с политической карты мира новое государственное устройство. Понимали это, разумеется, и за рубежом.

Мирная передышка действительно оказалась недолгой. Уже 25 апреля 1920 года польские интервенты, грубо нарушив западные границы, напали на нашу страну. На помощь польским панам пришли империалисты Англии, Франции и США, которые бросили на молодую республику белогвардейскую армию Врангеля, расположенную в Крыму. Буржуазно-помещичья Польша и Врангель представляли, таким образом, две руки международного империализма, которые, сомкнувшись, должны были задушить Советы.

В Тезисах ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи», опубликованных 23 мая 1920 года, указывалось: «...местные партийные организации должны немедленно обсудить в полном объеме вопрос о своем содействии Западному фронту».

А в обращении ЦК РКП(б) ко всем партийным организациям с призывом об усилении борьбы с Врангелем от 10 июня 1920 года предлагалось: «Каждому рабочему, красноармейцу... разъяснить, что победа над Польшей невозможна без победы над

Врангелем. Последний оплот генеральской контрреволюции должен быть уничтожен».

Выполняя указания ЦК РКП(б), командиры и комиссары, политорганы и партийные организации внутренних войск, дислоцируемых в Среднем Поволжье и Приуралье, провели большую работу по военно-техническому укреплению частей и подразделений, много было сделано в организации и проведении партийно-политической работы с воинами. На проходивших митингах, собраниях, совещаниях бойцы и командиры выражали горячее желание выступить на защиту Советской Родины. Так, красноармейцы 26-го Симбирского батальона войск внутренней охраны (ВОХР), собравшиеся на митинг по вопросу «О польском фронте», в своей резолюции писали: «Клеймим позором польских бандитов, разрушивших водопроводы, электросеть, уничтоживших целые города. Клянемся честным именем красноармейцев исполнять все приказы и напрячь все силы по охране складов, железных дорог и всего советского имущества... В минуту грозной опасности со стороны польской шляхты — клянемся выступить как один человек на польский фронт и просим поспешить с нашей отправкой, ибо знаем, что каждый час продолжения войны усиливает голод и разруху».

Подобные решения выносили воинские коллективы Самары, Пензы, Саратова, Сызрани и других городов. Газета «Известия» Аткарского уездного исполкома и уездного комитета РКП(б) Саратовской губернии, например, сообщала: «Аткарск проводил на фронт под командованием т. Дунаева роту Н-ского батальона ВОХР, добровольно пожелавшую стать активной защитницей прав трудящихся. Рота эта находилась на работах в Балашове, где и постановила единогласно на собрании отправиться на Западный фронт... Получив разрешение и одобрение, хорошо обмундированные и вооруженные, под звуки оркестра гордо двинулись они, герои революционеры, на помощь воюющим братьям. Вперед, за нами, смелыми борцами, следуйте и вы, трудовые массы!».

В этих условиях укрепление и совершенствование боевой мощи Красной Армии и внутренних войск являлось проблемой первостепенной важности. Воен-

ные действия, развернувшиеся на Западном и Юго-Западном фронтах требовали все новых и новых пополнений людских резервов и материальных ресурсов. В связи с этим летом 1920 года для отправки на Западный фронт в Бузулукском уезде Самарской губернии, в селах Медведка, Каменная Сорма, Липовка, Новоалександровка и других населенных пунктах формировалась 9-я кавалерийская дивизия, которой командовал бывший левый эсер Сапожков.

Сам А. Сапожков — сын зажиточного самарского крестьянина. Во время первой мировой войны дослужился в царской армии до чина подпоручика. В 1917 году примкнул к левым эсерам, принимал участие в Октябрьской революции в Саратовской губернии и даже пытался вступить в большевистскую партию. Однако устойчивыми политическими убеждениями Сапожков не отличался и в последнее время все более подпадал под кулацко-эсеровское влияние. Между тем как военный специалист Сапожков занимал ответственные посты в Красной Армии. Так, например, с февраля 1919 года он командовал 2-й Туркестанской стрелковой дивизией и участвовал в военных действиях на Уральском и Южном фронтах против белоказаков и Колчака.

Как выяснилось позже, к мятежу Сапожков готовился заранее, находясь еще в Новоузенском уезде Саратовской губернии. Уже здесь он устанавливал контакты с кулаками, требовал от местной власти прекращения продовольственной разверстки, введения свободной торговли и т. д. А при формировании дивизии, готовящейся на фронт, подбирал командный, политический и рядовой состав из людей, политические взгляды которых либо полностью совпадали с его, либо были близки к ним. Из кулаков, явных и тайных врагов Советской власти, Бузулукского, Пугачевского, Новоузенского и Самарского уездов были в основном сформированы 49-й и 50-й полки дивизии, которые стали вскоре главной силой, надежной опорой Сапожкова. В числе активных соучастников Сапожкова оказались бывшие офицеры: командир 1-й бригады Ф. Зубарев, начальник отдела дивизии В. Масляков, командир полка В. Серов, в будущем главарь одной из

крупных банд, помощник командира полка А. Масляков и другие. Формируемая сапожковская дивизия насчитывала сначала около 1000 человек, но очень скоро ее численность возросла до 2700 человек. Причем в составе ее было 1800 штыков, 900 сабель, 10 пулеметов, 4 орудия, 400 подвод с продовольствием и боеприпасами.

Возглавляемая такими командирами, разлагаемая изнутри неустойчивыми, а то и откровенно уголовными элементами, эта огромная масса все больше становилась похожа на банду. Части дивизии, расположенные в селах Бузулукского уезда, занимались мародерством. Случалось, даже убивали коммунистов и советских активистов. Ни начальник отдела дивизии В. Масляков, ни ее военкомы Трифонов и Зайцев никакого влияния на самого Сапожкова не имели. Вышестоящий орган, штаб Заволжского военного округа, не раз предупреждал Сапожкова за самоуправство, однако предостережения эти ничего в поведении командира не меняли. Он по-прежнему продолжал считать себя полновластным хозяином дивизии. Более того, у него все отчетливее складывался и план политический: он намеревался захватить Самару, а потом совершить поход и на Москву.

12 июля 1920 года за пьянство и развал воинской дисциплины командование Заволжского военного округа отстранило Сапожкова от руководства дивизией. Поздно вечером 13 июля 1920 года Сапожков, узнав о своем смещении с поста командира дивизии и посчитав это решение незаконным, тайком выехал из Бузулука в расположение частей дивизии, расквартированных в нескольких населенных пунктах. Сразу, буквально на ходу, провел там секретные совещания со своими единомышленниками. Командиры и политработники, которые категорически отказались примкнуть к заговору, были арестованы. Под арест попали и вновь назначенные командир дивизии Стасов и комиссар Перфирьев.

Мятеж начался поздней ночью с 13 на 14 июля в поселке Погромное, в 30 верстах к востоку от Бузулука. Нашей разведкой было установлено, что восстали не все части дивизии, а прежде всего близкие по духу и намерениям Сапожкову — 49-й и 50-й кавалерий-

ские полки и вновь сформированная батарея. Рано утром 14 июля Сапожков двинул эти части на Бузулук, открыто заявив населению, что этот шаг им предпринимается якобы «для спасения власти Советов от капиталистических элементов». Свою «программу» Сапожков изложил в изданном им приказе и так называемой «декларации прав человека — гражданина РСФСР». В приказе, например, говорилось о якобы происшедшем расколе в Российской большевистской партии, которая неумело и неправильно ведет управление государственными, хозяйственными и военными делами, нарушает принципы демократии и т. д. В «декларации» же утверждалось, что политика Советской власти и партии большевиков «далеко зашла вправо».

Как в приказе, так и в «декларации» предлагались «практические меры», а именно: «профильровать» и переизбрать Советы, отменить продразверстку, упразднить профкомы и Чрезвычайные комиссии, повсеместно разрешить вольную торговлю продовольственными и промышленными товарами. Кроме того, Сапожков объявил части 9-й кавалерийской дивизии «Красной Армией Правды». Играя на отсталых настроениях части бойцов, безудержно используя мелкобуржуазную эсеровскую демагогию, он выдвинул ряд провокационных лозунгов: «Долой продразверстку, да здравствует свободная торговля!», «За Советы, но без коммунистов», «Долой продкомиссаров!» и другие.

Эта политическая программа находила поддержку не только в самой дивизии, но и среди части местного населения. Ведь именно здесь, в основных зерновых районах Поволжья, особенно заметно было расслоение крестьянства, влияние кулацких элементов. Крестьяне проявляли недовольство продразверсткой, которая лишила их стимула к развитию своего хозяйства. Недовольство крестьян использовали мелкобуржуазные партии — меньшевики, анархисты и эсеры. Они и вынесли на поверхность сапожковщину. Обстановка сложилась крайне напряженная. Оборону города Бузулука взял в свои руки уездный комитет РКП(б) во главе с его секретарем И. Бородиным. О создавшемся положении были информированы советские и партийные

органы Самары и Оренбурга. Сразу в Бузулуке был создан военно-революционный комитет. Общее руководство операцией по разгрому Сапожкова было возложено на начальника штаба ВРК т. Кашинского, а оборона станции — на В. Чекурина и члена ревкома С. Воробьева. В считанные часы были мобилизованы и поставлены под ружье коммунисты всего Бузулукского уезда, сформировано два коммунистических отряда, укомплектована команда бронепоезда, в которой находились и чекисты уездной дорожно-транспортной ЧК Бузулука. Общее число мобилизованных составляло свыше 500 человек. Сюда входили многие коммунисты и среди них члены Бузулукского уисполкома — Т. Ильин, В. Пономарев, уездный военный комиссар Бузулука С. Сучков и другие. В отряд входило большое число комсомольцев. Для защиты города одна группа расположилась на разъезде № 4 (ныне село Красногвардеец), а вторая была направлена в село Новоалександровка.

Предъявленный Сапожковым ультиматум уездному Совету города гласил: «Гарнизон Бузулука должен в 20 минут сдать оружие. Если не выполните мое распоряжение, будет применена вооруженная сила».

В ответ на этот ультиматум Бузулукский ревком ответил: «Начдиву за 20 минут вернуть воинские части на место стоянки. Выслать представителя для переговоров. За кровопролитие ответственность ляжет на Вас. Ревком». На переговоры направился уездный военный комиссар С. Сучков, который был арестован мятежниками. Вечером того же дня начались ожесточенные бои за станцию Бузулук. Команда бронепоезда и отряд под командованием секретаря укома партии И. Бородина, куда входили кадровые рабочие-железнодорожники, коммунисты, комсомольцы, чекисты, приняли удар атаковавших станцию сапожковцев. Противник понес заметные потери в живой силе, оставил орудие и два станковых пулемета.

Поздно вечером бой разгорелся вновь. Отряду Бородина удержать свои позиции не удалось. Имея значительное превосходство в силах, мятежники заняли станцию Бузулук, сам город и другие ближайшие населенные пункты. В течение двух дней сапожковцы грабили местное население, опустошали во-

енные склады, вывозили продовольствие, различные материалы, угнали из города весь транспорт, в том числе и всех лошадей.

Мятежники предприняли несколько попыток вывести из строя главную железнодорожную магистраль, идущую со стороны Урала, Сибири в центр России, с целью искусственно вызвать нехватку товаров первой необходимости.

Первые успехи Сапожкова, однако, со всей очевидностью обнаружили идейную несостоятельность его авантюры. Дивизия все более обретала облик обыкновенной банды. В числе «трофеев», захваченных сапожковцами в Бузулуке, было около 400 ведер спирта. На митинге, посвященном захвату Бузулука, «ораторы» еле держались на ногах. Сам Сапожков выступал пьяным, а его главный помощник комбриг Зубарев три раза принимался говорить, но так и не смог связать несколько слов. В городе сапожковцы проводили митинги и собрания, на которых выступали с антисоветскими речами. Они призывали население записываться не в Красную Армию, а в «Армию Правды». Венцом их грязных действий явился расстрел более 50 железнодорожников.

Захватив город и станцию Бузулук, мятежники торжествовали. Им казалось, что победа в кармане. Но руководство штаба Бузулука, как рассказывал потом старый большевик В. Чекурин, послало в тыл врагов разведчиков, которые доложили, что в городе идет попойка и нигде нет охраны, заградительных застав. Тогда отряд вооруженных рабочих, прикрываясь в целях маскировки табуном крупного скота, быстро приблизился к станции и завладел ею.

На станцию стали прибывать пьяные сапожковцы, их тут же разоружали и сажали в вагон. В это время позвонил по телефону заместитель начальника отдела сапожковской дивизии Дворецкий и попросил позвать коменданта станции. Об этом тотчас сообщили члену военно-революционного комитета В. Чекурину. Он подошел к телефону и представился Дворецкому как комендант. Было условлено, что Дворецкий сейчас же приедет на станцию. Тут же организовали засаду, и как только Дворецкий приехал, его арестовали.

Первоначально нанесенные удары по сапожковцам

не приостановили их действий. Стало ясно, что борьба потребует более серьезных мер.

14 июля 1920 года командование Заволжского военного округа приняло решение о формировании двух конно-пеших отрядов для ликвидации мятежа Сапожкова: один в Самаре, другой в Оренбурге. Самарский отряд в составе 1200 человек, в том числе 200 человек 27-го батальона ВОХР, под общим командованием Шпильмана был поднят по боевой тревоге. К вечеру того же дня он прибыл в Бузулук.

Для совместных, согласованных и решительных боевых действий Самарская группа войск была объединена с бузулукскими коммунистическими отрядами, работниками ЧК и частями особого назначения (ЧОН) и сразу же приступила к выполнению боевой задачи. Бой длился десять часов, с полудня до позднего вечера, причем с обеих сторон в нем участвовали артиллерия и пулеметы. Сапожковцы неоднократно атаковали объединенный отряд Шпильмана, но успеха так и не добились. Верные Советской власти войска вместе с бузулукскими рабочими под руководством коммунистов И. Бирна, И. Бородина, Т. Ильина, В. Пономарева, В. Чекурина и других изгнали бандитов из Бузулука. Была одержана крупная победа. Более 300 мятежников были взяты в плен и разоружены. Для них был организован митинг, на котором сапожковцам рассказали правду о контрреволюционной сущности мятежа, его руководителе, о неблагоприятных фактах предательства. Многие бывшие мятежники, более 100 человек, сразу же подали заявления о вступлении в Бузулукский отряд, в котором они впоследствии воевали, громя сапожковскую банду.

Уже к утру 16 июля 1920 года Сапожков с оставшимися войсками стал отходить в сторону города Уральска. Выполняя указания Заволжского военного округа, Оренбургский губком партии, чтобы отрезать пути отхода сапожковцам в южном направлении, выслал навстречу им свыше 1000 бойцов и командиров под командованием Келлера. Эти подразделения днем 16 июля энергичными ударами выбили мятежников со станции Погромное, захватив 70 пленных. Преследуя отходивших сапожковцев, подразделения Келлера вечером этого же дня приняли с ними бой в районе

станции Новоалександровка. 489-й отдельный батальон ВОХР, действовавший в составе отряда Келлера, куда входили рабочие и чекисты дорожно-транспортной ЧК Бузулука, очистили многие прилегающие к городу селения.

Утром 17 июля 1920 года остатки войск Сапожкова в составе 150 человек при двух орудиях, появившись со стороны села Колтубановка, открыли артиллерийский огонь по сельскохозяйственной коммуне «Солнце правды», расположенной в бывшем монастыре. К счастью, снаряды ложились на огород и никто из коммунаров не пострадал. Затем сапожковцы захватили у безоружных работников 27 лошадей и разграбили все продовольственные запасы коммуны.

На поддержку отряда Шпильмана из Самары на станцию Колтубанка Ташкентской железной дороги прибыл эскадрон запасного кавалерийского дивизиона и рота добровольцев Самгубвоенкомата, которые с ходу во встречном бою разгромили сапожковцев. Многие его бойцы, поняв, что их втянули в антисоветскую авантюру, добровольно складывали оружие и сдавались. А главные сподвижники Сапожкова — комбриг Ф. Зубарев, В. Масляков и другие были арестованы чекистами дорожно-транспортной ЧК Бузулука.

Для окончательного решения вопроса о ликвидации мятежа Бузулукский уездный комитет РКП(б) 17 июля 1920 года провел специальный пленум, на котором был обсужден вопрос о ликвидации последствий мятежа Сапожкова. В его работе приняли участие находившийся в Бузулуке нарком земледелия РСФСР С. П. Середа и представители Самарского губкома РКП(б) И. П. Васянин и Н. А. Вершинин. Уком РКП(б) принял резолюцию, в которой записал: «Коммунисты, состоящие в отрядах, сформированных в связи с мятежом Сапожкова, должны с 8 часов вечера до 7 часов утра находиться в казармах, а с 7 часов утра до 8 часов вечера заниматься своей основной работой в учреждениях и на предприятиях».

Между тем мятеж Сапожкова продолжал распространяться и на соседние уезды. Понимая надвигающуюся опасность, Пугачевский уком РКП(б) перевел

часть коммунистов на казарменное положение. А Балаковский уездный комитет партии в связи с тревожным положением в селах, уездах, вызванным бандитскими действиями сапожковцев, направил в деревни ответственных партийных работников, которым поручалось вести широкую разъяснительную работу по разоблачению среди местного населения авантюристических и предательских действий Сапожкова.

Трудящиеся массы Поволжья и Приуралья с негодованием отнеслись к разбойничьим действиям сапожковцев. Об этом свидетельствует широкая рабоче-красноармейская конференция, проведенная в Самаре 18 июля 1920 года, которая заслушала сообщение командующего войсками Заволжского военного округа В. А. Авксентьевского о мятеже Сапожкова в Бузулуке. Конференция заклеила позором и презрением Сапожкова и заявила, что все авантюристы будут беспощадно уничтожены железной рукой рабочего класса.

Для быстрейшего уничтожения так называемой «Армии Правды» 18 июля 1920 года штаб Заволжского военного округа объединил отряды Шпильмана и Келлера в Бузулукскую группу под единым командованием В. П. Распопова. Чувствуя бесперспективность мятежа, сапожковцы решили уйти от преследования регулярных советских частей. С этой целью 26 июля они разделились на две группы. Одна (8-й полк) под командой сподвижника Сапожкова Усова двинулась в направлении на город Уральск и 8 августа в районе Кон-Так-Кулак была разбита войсками ВОХР и частями Келлера. Другая (7-й полк) под руководством самого Сапожкова с довольно крупными силами направилась на Новоузенск, надеясь пробраться в низовья рек Волги и Урала. На этом пути они уже откровенно выступали как бандиты: грабили кооперативы, райпродкомы, уводили у крестьян скот, жестоко расправлялись с работниками Советской власти. В селе Тылово Пугачевского уезда бандиты расстреляли военкома роты Пылева. В селе Украинка того же уезда угнали 2300 овец и 4700 голов рогатого скота. В Большой Черниговке разграбили райпродком, забрали 17 миллионов рублей, а также все промышленные и продовольственные товары.

Начиная с 18 июля Сапожков со своими сподвижниками стал предпринимать попытки прорваться через линию железной дороги на участке Ершов—Уральск. В связи с этим части Красной Армии и внутренние войска, действовавшие против Сапожкова, преградили ему пути отхода в направлении Уральска, Оренбурга и Актюбинска, выставили заслоны в уязвимых местах. Линия железной дороги Ершов—Пугачевск, Ершов—Уральск была объявлена на осадном положении. Для поддержки 485-го батальона ВОХР, находившегося на охране железной дороги, был выделен резерв 474-го батальона ВОХР в составе 40 человек и милиции. Кроме того, на наиболее опасных участках Дергачи—Озинки и Озинки—Уральск были сосредоточены бронелетучки.

Встретившись с крупными силами наших войск на пути своего продвижения, Сапожков предпринимает ложный отход и показывает, что движется якобы на Уральск. А сам в это время переправляет через линию железной дороги между станциями Семиглавый Мар и Шипово свой обоз, разбирает железнодорожный путь на протяжении одной версты между станцией Шипово и 306-м мостом, прерывает телефонную связь с Уральском. Именно на этом участке сапожковцам удалось переправить через железную дорогу главные свои силы — 480 сабель.

2 августа сапожковцы приблизились к линии железной дороги Красный Кут—Новоузенск—Александров Гай. Для усиления обороны названного участка дополнительно было выделено 290 человек с тремя пулеметами. Общее командование всеми действующими отрядами в этом районе было возложено на командира 68-й татарской бригады. И хотя оставшиеся у Сапожкова войска даже с натяжкой нельзя было назвать дивизией, он не сдавался. Отчаянность положения только увеличивала ярость сопротивления. К тому же его отряды пополнялись по ходу движения антисоветскими элементами из местного населения.

В. И. Ленин 2 августа 1920 года по прямому проводу направил телеграмму, в которой дал указание ревкому Уральской области и Саратовскому губисполкому принять совместные срочные и самые решительные меры к быстрейшему разгрому мятежников.

Выполняя его указания, партийные и советские

органы провели ряд радикальных мероприятий. На ликвидацию мятежа командование Заволжского военного округа дополнительно направило подразделения Самарских и Оренбургских пехотных и кавалерийских курсов, а также некоторые другие воинские части.

Самарским, Саратовским, Оренбургским губкомами РКП(б) было принято решение все вновь прибывшие части, а также ранее действовавшие здесь войска сосредоточить в трех уездах: Пугачевском, Бузулукском и Уральском. На этом этапе общее командование по ликвидации сапожковщины возглавил командующий Заволжским военным округом К. А. Авксентьевский.

Саратовский губком РКП(б) и губисполком создали ревком в Новоузенске, выделили 20 человек ответственных партийных и советских работников во главе с членом президиума губкома, уездная ЧК получила соответствующие директивы и дополнительные указания, рекомендации и советы. Кроме того, председатель Саратовской ЧК Петров направил в Новоузенский уезд 31 сотрудника ЧК. Они стали настоящей грозой для контрреволюционеров, выявили десятки сапожковских агентов, арестовали большое число активно действующих в уездах эсеров.

Вопрос о борьбе с сапожковщиной специально рассматривался и Самарским губкомом РКП(б) 5 августа 1920 года. Это было связано с тем, что мятеж к тому времени растекался вширь, охватив почти все волости Бузулукского, Новоузенского, Самарского и Пугачевского уездов. Местное население подвергалось жестоким избиениям и пыткам, у многих отбиралось имущество, скот, бандиты убивали партийных и советских руководителей. Агенты Сапожкова рыскали по уездам, собирая в свои ряды недовольных Советской властью, вели контрреволюционную агитацию. Требовалось немедленное разоблачение его агентов, а сотрудников ЧК было крайне мало. На заседании пленума губкома РКП(б) председателем губчека был назначен А. Альберт, а 2 августа 1920 года создана коллегия из пяти человек, в которую вошли А. Альберт, И. Слепченко, В. Беляев, П. Селезнев, П. Чаркин. В губчека была направлена группа партийных работников из состава губкома партии и губисполкома. Контрразведку в Пугачевском

уезде против банды Сапожкова возглавил самарский чекист В. Яковлев-Семенов.

Стояли жаркие августовские дни. «Даже птицы не вылетали, — писала местная газета, — боясь обжечь свои крылья, а бандиты сапожковцы творили свое грязное дело, не прекращая своих враждебных выпадов». Так, 6 августа они внезапно совершили налет на город Новоузенск. И хотя после непродолжительной перестрелки атака противника была отбита, а преследуемый нашими войсками, потерявший весь обоз и большую часть своих сил Сапожков с жалкими остатками вынужден был скрыться в камышах, борьба не была окончена.

Оправившись от нанесенного удара, Сапожков объединил вокруг себя недовольных Советской властью, в основном дезертиров, и совершил нападение на два отряда наших войск, захватил в плен несколько бойцов, оружие и пулеметы. 18 августа в 5 часов утра Сапожков с тремя кавалерийскими эскадронами и сотней пехотинцев при трех орудиях и нескольких пулеметах повел наступление уже на станцию Новоузенск. Не выдержав сильного артиллерийского обстрела противника, некоторые воины местного гарнизона дрогнули. Видя это, командир 3-й роты ВОХР Самарин быстро собрал разбежавшихся красноармейцев и повел их на противника, сам находясь в передовой цепи. Стремительной и внезапной атакой, мощным ружейно-пулеметным огнем при поддержке артиллерии, двух бронелетучек наши бойцы к полудню вынудили противника отступить.

В результате инициативных и энергичных боевых действий частей Красной Армии, внутренних войск и отрядов ЧОН преследуемая банда Сапожкова постепенно таяла: от нее после августовских боев осталось всего 60—80 человек. А 6 сентября эти остатки были настигнуты у озера Бак-Баул и полностью уничтожены. Сам Сапожков был убит.

Что же касается самой 9-й кавалерийской дивизии, то с некоторым опозданием, к середине сентября 1920 года, она была сформирована и отправлена на польский фронт и вошла в состав 13-й армии. Бойцы и командиры дивизии героически сражались с врагами, защищая родное социалистическое Отечество.

А. КОЗЛОВ

В ПОИСКАХ УБИЙЦ ФРАНЦИСКА ВЕНЦЕКА

8 июня 1918 года толпой лавочников и домовладельцев на Заводской улице в Самаре были зверски замучены председатель ревтрибунала старый большевик Франциск Венцек и заведующий коммунальным отделом Иван Штыркин. Так сообщали самарские газеты после освобождения города от белочехов, так пишут историки. Но кто же конкретный убийца? Чьи руки огагрены кровью этих замечательных людей?

На первом же совещании председатель Самарской ЧК сказал:

— Постановление Совета Народных Комиссаров от 5 сентября и товарищ Дзержинский требуют от нас решительных действий по отношению к врагам республики. Мы не можем допустить, чтобы убийцы Венцека, нашего Франциска Венцека, разгуливали на свободе. Мы должны найти убийц и подстрекателей и наказать их за преступление.

Вскоре к комиссару ЧК, комната которого находилась на центральном телеграфе, пришла молодая женщина и сказала, что хочет ему что-то сообщить. Волнуясь и путаясь: «Я видела», «Ой, нет, это она говорила», — пришедшая рассказала о кровавых событиях 8 июня.

Комиссар выслушал женщину, дал ей бумагу и попросил все, что она рассказала, написать. Вот что она сообщила.

«Я, служащая телеграфной конторы Волкова, заявляю следующее. Моя подруга 8 июня сего года была на Заводской улице. Там, около клуба коммунистов, собралась большая толпа. Потом она видела, как чехи повели товарища Венцека и еще одного комиссара. Кто-то в толпе начал шуметь, оскорблять

комиссаров. Подруга видела в толпе почтово-телеграфного служащего Карцева. Он первый подбежал к Венцеку и ударил его камнем по лицу. Об этом подруга мне рассказала в тот же день. Второй случай произошел со мной лично. Перед приходом чехословаков мне был дан отпуск на три недели, и 9 июня я сидела на пристани Волжско-Камского коммерческого пароходства и ждала парохода в Сызрань. В это время на пристань пришли Карцев и его друг. Увидели меня, подошли. Говорят: «Видно, испугались, удираете из города?». Я пробормотала, что мне бояться нечего, я ни в одной партии не работала, просто еду в отпуск. Карцев говорит: «Теперь комиссарам не вернуться». Я ответила, что это еще посмотрим. Тогда Карцев раскричался, стал говорить мне «ты», пригрозил, что бросит меня в воду, начал обзывать. Потом он подошел к ожидающей парохода толпе, показывая на меня: «Вот сидит большевичка, таких нужно бить». Однако пассажиры не реагировали на это, отворачивались от него. С этими словами Карцев обратился к чешскому часовому, но тот не понимал по-русски и ничего не ответил. При первой возможности я сошла с пристани и спряталась в другом месте».

Волкова путалась в показаниях, не хотела называть подругу, потом заявила, что ее зовут Надя и что она учительница. Позже в беседе в здании ЧК она расплакалась и заявила: «Ладно, буду говорить, как есть». Волкова сообщила, что на Заводской улице в тот день была она сама, видела, как расправлялись с большевиками, но опасалась говорить об этом. Боялась Карцева: он на все способен.

Карцева арестовали. Началось расследование. В разбор дела включился комиссар Озолин.

Тридцатипятилетний чиновник Карцев, бывший губернский секретарь, сначала все отрицал, изворачивался, заявив, что в день прихода чехов сидел дома, так как ухаживал за больной женой. В качестве свидетелей называл доктора Заммеля, проживавшего на Саратовской улице, своего друга Нахбо. Однако эти свидетели в ЧК говорили что-то невнятное, на вопрос о болезни жены Карцева от прямого ответа уклонились.

Опросили других свидетелей. Выяснилось, что после появления в городе белочехов Карцев носил при себе револьвер, угрожал коммунистам Медведеву и Трофи-

мову, пообещав их выдать белой контрразведке. Те вынуждены были скрыться из города.

В ходе следствия было доказано, что Карцев виновен в убийстве. Он первым ударил Венцека, и этот удар послужил для бывших черносотенцев сигналом к расправе над большевиками.

Лавочники старались спасти Карцева от возмездия, всячески выгораживали его. От имени квартального совета собрали подписи под прошением, где описывали «заслуги» Карцева как «товарища председателя» квартального совета, человека, «посвятившего себя заботам об интересах мелкой братии». Однако ничего более убедительного в защиту Карцева привести не могли. Да и большинство подписей при проверке оказались сделанными одной и той же рукой.

Позже в результате кропотливой оперативной работы Самарским ОГПУ были добыты сведения о том, что большевиков Венцека и Штыркина белочехам выдал самарский лавочник Филашев. Другим активным участником убийства был торговец ювелирными изделиями Воронцов.

Начался трудный поиск доказательств. Следователь ОГПУ рассудил так: расправа произошла на Заводской улице (ныне улица Венцека), значит, жители этой улицы, близлежащих домов вольно или невольно могли быть свидетелями происшедшей трагедии. Он пошел по домам, расспрашивал стариков, старожилов, просил припомнить, кто жил здесь в те годы, уточнял, где их можно найти. Нелегко было восстановить картину преступления. Многих возможных участников событий не было в городе: одни с винтовкой в руках пошли преследовать врага да так и не вернулись, другие погибли в застенках контрразведки белых. Многие разъехались, и где они — теперь никто не знал. Все же следователю удалось найти некоторых очевидцев, восстановить по крупицам события тех дней.

Крыловы, например, сообщили, что когда в клуб коммунистов ворвались чехи, Венцек и Штыркин сумели смешаться с толпой, затеряться в ней. Но их заметил Филашев и выдал. Тот же Филашев подбивал толпу расправиться с большевиками. По показаниям другого свидетеля, Филашев подошел к лежавшему на тротуаре около типографии Штыркину и выстрелил в него из «бульдога».

Воронцова видели в числе первых, кто поднял булыжник и набросился на конвоируемых. Он бил ногами упавших на мостовую избитых Венцека и Штыркина.

Чекисты еще раз восстановили картину расправы.

Белочехи, прорвавшись в город, пошли по Заводской и Панской улицам к клубу коммунистов, где был штаб. Другая группа заняла Хлебную площадь. Клуб оказался окруженным. Венцека и Штыркина повели четыре чешских солдата. Венцек без шапки, в плаще шел спокойно, сохраняя достоинство, не обращая внимания на происходящее вокруг и не замечая сгустков крови на своей черной бороде. Потом он взял под руку Штыркина, заботливо отер с его лица кровь. Первые удары Карцева разожгли звериные страсти лавочников. Толпа неистовствовала, раздавались ругательства и выкрики: «Вот он!». Большинство угроз было адресовано Ивану Штыркину — это он конфисковал обширные домовладения богачей и заселил их беднотой из подвалов.

Около типографии на углу Троицкой солдаты с усмешкой отошли от конвоируемых и толпа набросилась на арестованных. Раздался выстрел. Потом тела убитых увезли на подводе под конвоем чехов.

В это время другая часть лавочников митинговала на площади. Кто-то залез на постамент памятника Александру II и пытался произнести речь. Кто-то сдирал доски, которыми был закрыт памятник.

Следствие установило, что Воронцов, испугавшись возмездия, бежал с белыми. Разыскивать его по всей обширной республике в годы гражданской войны не было ни времени, ни возможностей. Только много лет спустя узнали мы, что Воронцов проживает в Карелии. Заниматься делом престарелого беглеца не было уже никакого смысла — он сам, без вмешательства суда, «приговорил» себя на вечную ссылку, на долгую жизнь вдали от проживающих в Куйбышеве родных — жены и сына. Не удалось разыскать Филашева. В Самаре он в тот год, когда велось следствие, не появлялся. Ходили слухи, что раньше он бывал в городе, прятался у знакомых. Биография его якобы закончилась в какой-то тюрьме, где он сидел под чужой фамилией за уголовное преступление.

А. КОЗЛОВ

НА ПОСТУ В КРЕМЛЕ

«Вы, наряду с напряженной учебой, в течение всего времени пребывания в школе несли ответственную и почетную службу по охране Кремля, конгрессов Коминтерна, партийных съездов, конференций и съездов Советов.

На вашу долю выпало огромное счастье видеть и слышать живого Владимира Ильича Ленина и стоять на посту у его квартиры.

Вы провожали в последний путь Владимира Ильича Ленина и несли почетный караул у его гроба».

Это строки из приветственного адреса, преподнесенного куйбышевцу Николаю Семеновичу Кузнецову в 1964 году начальником Московского Высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР в ознаменование сорокалетия со дня третьего выпуска, примечательного тем, что это был практически первый в стране выпуск подобного рода красных командиров: они прошли полный курс обучения и получили основательное военное образование. В числе окончивших учебу были будущий Главный маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, генерал-полковник Д. Ф. Алексеев и другие прославленные генералы и государственные деятели.

А это извлечение из другого документа.

«Назначать на ответственные посты для несения охраны в Кремле курсанта Кузнецова Николая Семеновича, члена партии с 1919 года...» — читаем в приказе начальника Первой Советской объединенной военной школы имени ВЦИК за 1920 год. Ответственные посты в Кремле — это те, которые были учреждены для охраны помещений, занимаемых руководителями Советского правительства, вождем мирового пролетариата В. И. Лениным.

Н.С.Кузнецов.
Фото 1926 г.

С майором Кузнецовым я познакомился в начале пятидесятых годов, когда служил в органах госбезопасности в Куйбышеве. Работал с ним в одном отделе. С возложенными на него обязанностями он справлялся успешно, все делал без лишнего шума и показной активности, оставался спокойным, даже когда не все ладилось. Несмотря на значительную разницу в возрасте, у нас сразу установились товарищеские отношения. Однако нам, занятым работой даже по вечерам, не удавалось сойтись ближе, рассказать друг другу о себе, о прошлом. Может быть, я так ничего и не узнал бы о Кузнецове, если бы дотошный редактор стенгазеты отдела не настоял, чтобы он подготовил заметку в номер, посвященный ленинским дням. В той заметке Кузнецов писал:

«Тяжелую весть о кончине вождя я услышал на съезде Советов, где мы — кремлевские курсанты — несли охрану. 23 января на Павелецком вокзале мы встретили траурный поезд и сопровождали процессию по улицам Москвы до Колонного зала. Я был в числе сопровождавших и шел недалеко от гроба дорогого всему миру человека. Потом наша рота курсантов несла службу в Доме Союзов во время прощания народа со своим Ильичем.

27 января 1924 года у кремлевских курсантов появился новый парный пост — пост у Мавзолея Ленина».

Так мы узнали, что рядом с нами работает человек, охранявший Ленина и много раз встречавшийся с ним при жизни.

Какие пути-дороги привели рабочего парня в Кремль?

Николай Семенович рассказывает об этом так:

«С семнадцати лет я работал на железной дороге, вступил в партию. Когда усилился накал гражданской войны, большинство коммунистов ушли на фронт. Начали проситься и мы. Однако железнодорожники не подлежали мобилизации, и нам отказали. После неоднократных обращений комиссар железной дороги Виленский сказал мне: «На фронт успеешь, а вот учиться, пожалуй, поедешь. Нужны красные командиры». Направили нас, несколько человек из числа более грамотных, на пулеметные курсы в Москву. Но меня свалила болезнь — «испанка», и я отстал от своей группы. Поехал через несколько дней, начал в одиночку искать по Москве нужные мне курсы и очутился на Ходынке. Вижу — большая казарма, у ворот поставлен пулемет. Вот, думаю, тут они и должны быть, эти пулеметные курсы. Оказалось, что ошибся. Прочитали в казарме мои бумаги и направили в Кремль. На другое утро у Троицких ворот предъявил направление, показал партбилет и получил пропуск.

Я в Кремле! Там, где Советское правительство, где Ленин! От волнения я приостановился.

Около пяти лет я прожил потом в этом святилище, побывал в каждом его уголке, в малоизвестных заповедных местах, стоял на часах на всех постах. И до сих пор, когда прохожу под арками Кремлевских ворот и ступаю на гранитную брусчатку мостовой, меня охватывает такой же трепет, что испытал тогда восторженно-удивленным рабочим парнем...

Итак, пройдя Троицкую башню, я остановился и не знал, куда мне дальше идти. Обратился к одному часовому, другому — не отвечают. Вспомнил, что часовым не положено разговаривать, но как мне быть, если больше никого нет? В это время увидал, как двое проходят через площадь, оживленно разговаривая между собой. Подбежал к ним и говорю: «Товарищи!». Те обернулись, и я остолбенел: передо мной стоял Ленин, сам Ленин, так хорошо знакомый по портретам! Владимир Ильич заметил мою растерянность и заго-

ворил первым, стал расспрашивать, что мне нужно, куда иду, откуда я. Я отвечал. Поговорив недолго, Ильич попрощался, а его спутник — им был, как потом узнал, Бонч-Бруевич — показал, как пройти в штаб курсов.

— Спросите там товарища Александрова, начальника курсов, или комиссара, — сказал он.

Я долго смотрел вслед уходящим. До тех пор, пока они не зашли в здание. Мне несказанно повезло: в первый же день встреча с Лениным! Другие курсанты, чтобы посмотреть на Ильича, ходили ближе к местам его ежедневных прогулок после дневной работы: мимо Большого Кремлевского дворца к Тайницкому саду и обратно...

Разыскал я штаб, поднялся на второй этаж. В комнате, которую мне указали, около большого письменного стола стояли два командира.

— Как вы сюда попали, что вам нужно, кто вас сюда направил? — спрашивает один из них.

Вид мой был не из лучших: поношенная одежонка, сам желтый и худой после болезни. Большой кабинет, важные командиры, вопросы один за другим — я немного оробел. Главное, испугался — не примут, а желание учиться было огромное, после встречи с Лениным оно еще больше усилилось, превратилось в мечту побыть несколько месяцев вблизи Ильича. Решил чуть слукавить.

— Меня послал Ленин, — сказал я и протянул свои документы.

Командир, видно, разгадал мою хитрость и засмеялся:

— Ну как же тогда не принять!

Он внимательно просмотрел мои бумаги, задал два-три вопроса, кажется, остался доволен.

— А экзамены все равно придется сдавать, — заключил командир. Это был Александров, нужный мне начальник курсов.

Образование у меня для того времени было вполне приличное — начальная при фабрике, а потом высшая начальная школа — это восемь лет учебы, да и учился я прилежно. Диктант написал без ошибок, быстро решил задачи на четыре действия по арифметике. Комиссару понравилось.

— Грамотные коммунисты нам очень нужны, — сказал он.

Зачислили меня в шестую пулеметную роту».

В июне 1920 года учебу пришлось прервать — часть курсантов направили на Южный фронт. Взвод, в котором служил Кузнецов, выгрузился на станции Гуляйполе и на другой же день вступил в бой против офицерских частей белых, занимавших город Орехов. Пулеметы были выданы курсантам лишь перед самым боем. Они оказались с непривычными для курсантов длинными рукоятками, но сметливые ребята быстро приспособились к ним. Наступая в составе Красной Армии, курсанты с боями дошли до Крыма.

Когда Кузнецов вернулся в Москву, пулеметные курсы оказались преобразованными в военную школу, соответственно был продлен срок обучения. Началась упорная учеба, сочетавшаяся с несением караульной службы в Кремле, выполнением служебных заданий и партийной работы, которую было поручено Николаю Семеновичу вести в своей роте.

«Побывал я на многих постах в Кремле, — рассказывал Н. С. Кузнецов. — На некоторые назначали только членов партии и то не сразу. Мне объявили о назначении на ответственный пост у квартиры Владимира Ильича Ленина, проинструктировали. От нашей роты туда было выделено всего несколько курсантов. Стоял я на этом посту вплоть до выпуска в 1924 году.

Неширокий, но довольно длинный, около двадцати метров коридор, в одном конце которого дверь в рабочее помещение Совнаркома, в другом — дверь в квартиру Ленина. Около этой двери был наш пост. Помню, как-то принял я вахту ночью. Курсант, которого я сменил, сообщил, что Владимир Ильич на работе и в квартиру пока не возвращался. Накануне у меня был приступ болезни, чувствовал себя неважно, но заявлять об этом не стал, не хотелось пропускать почетное дежурство. Через некоторое время в коридоре появился Владимир Ильич и направился в сторону квартиры. Подойдя ко мне, поздоровался, предъявил удостоверение, причем, как всегда, предварительно развернул его и внимательно посмотрел на меня.

— Вы, товарищ, не больны?

— Нет, нет, товарищ Ленин, все в порядке...

Владимир Ильич еще раз взглянул на меня и ушел в квартиру, но тотчас вернулся, вынес стул.

— Посидите, товарищ.

Минут через десять пришел караульный начальник и сменил меня. Оказывается, Владимир Ильич позвонил коменданту Кремля о моей болезни...

Несмотря на занятость, Владимир Ильич много внимания уделял нам, курсантам, бывал в казарме, принимал меры для улучшения условий нашего быта и учебы. В то же время не раз указывал коменданту Кремля на недостатки в организации караульной службы, следил, чтобы они были устранены. Ленин несколько раз выступал перед нами. В мае 1921 года я был на партийном собрании в Свердловском зале Кремля, где выступал Владимир Ильич и говорил о продналоге. Ранее я слушал его лекцию о международном положении. Мы были благодарны Ильичу за его заботу о нас, и нам хотелось как-то выразить свое уважение к нему. На одном из собраний в начале 1922 года мы постановили присвоить В. И. Ленину звание почетного курсанта.

Когда Ленин умер, об утрате горевали трудящиеся всего мира. Каково было нам, знавшим его и слушавшим, находящимся с ним рядом в Кремле! Конечно, было очень тяжело и горько.

28 января 1924 года к нам на траурный вечер пришли некоторые руководители партии и правительства. Шел душевный разговор о Владимире Ильиче, о том, каким он был. О его величии и скромности, силе логики в его выступлениях, о беззаветной преданности идеалам революции».

По окончании военной школы Николай Семенович был на командных и политических должностях в Красной Армии. В 1933 году партия направила его на оперативную работу в органы государственной безопасности. Как бывший железнодорожник, он работал в транспортных отделах, в том числе продолжительное время в городе Куйбышеве. На пенсию ушел в 1953 году.

Пост, на котором стоял другой куйбышевец, Александр Борисов, был около двери кремлевского кабинета Ленина, но не в приемной, а в коридоре, ведущем к квартире.

До службы в Кремле Борисов был добровольцем отряда особого назначения ВЧК. В отряде Борисов привык ко всяким неожиданным поручениям: сутками

А.Г.Борисов.

Фото 1975 г.

сидел в засаде в квартире фабриканта Прохорова и на условный стук в дверь впускал очередного посетителя — участника контрреволюционной группы, не знавшего о разгроме их организации чекистами. Патрулировал по улицам беспокойной столицы, а когда обострялась обстановка, со своим пулеметом вставал на пост для усиления охраны важного объекта. В составе батальона войск ВЧК выезжал на Северный Кавказ для ликвидации бесчинствующих недобитых деникинцев, а потом — в дагестанский город Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) на разгром крупной банды Гацинского и Алиханова. Участвовал в ожесточенных боях в районе горного аула Аракань.

Однако когда его вызвал начальник специального отделения ВЧК товарищ Беленький и после беседы объявил, что он, Борисов, назначается на работу в Кремль для охраны Ленина, растерялся. Быть около самого Ленина! Это такое большое доверие! Каждый боец в отряде мог только мечтать об этом.

Очень волновался тогда молодой пулеметчик. Он был готов при необходимости закрыть своей грудью любимого вождя. Еще свежи были в памяти злодейские выстрелы в августе 1918 года. Нельзя было исключать возможность новых покушений на Ленина и сейчас.

Не забыть Борисову первую встречу с Лениным. Он стоял на посту. Услышав приветствие Ильича:

«Здравствуйте, товарищ», — от волнения не сразу нашелся, как ответить.

Ходили через эту дверь мало. Несколько раз за день проходил Ленин. Имели право проходить в кабинет здесь, минуя секретаря, еще пять человек из числа руководителей Советского правительства. Однажды во время конгресса Коминтерна был у Ленина основатель Компартии Италии Антонио Грамши. Он также прошел в дверь, охраняемую Борисовым.

В апреле 1922 года пост временно переместили к дверям Солдатенковской больницы на Ходынке — Ленину там делали операцию по извлечению пули. Борисов тщательно проверял пропуска у каждого. Дзержинскому, навещавшему больного, такая строгость понравилась.

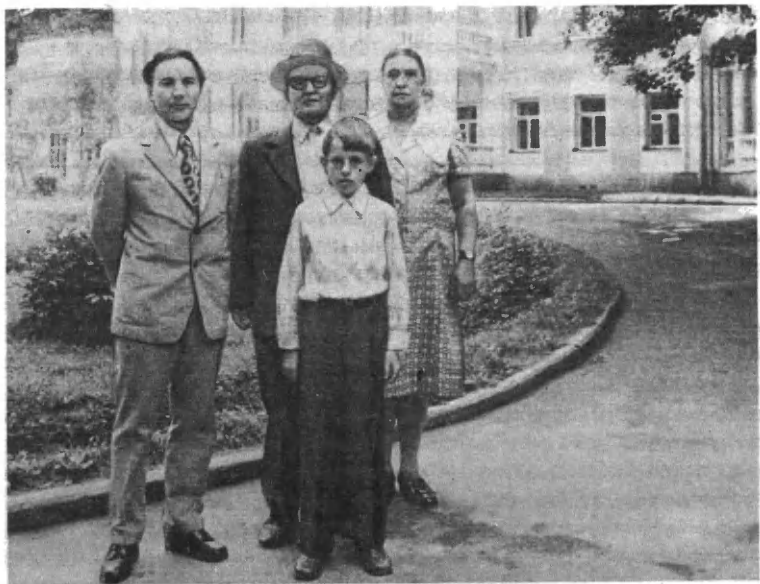
— Правильно, товарищ. Так надо делать всегда, — сказал он. Тревожное время диктовало необходимость особой бдительности.

В июне 1922 года Борисову объявили о выезде в специальную командировку. Оказалось, что ехать нужно недалеко — в Подмоскovie, в Горки.

Большой, очень красивый парк, клумбы цветов перед домом, успокаивающая тишина. Ленин и его семья занимали три комнаты на втором этаже. В этом же доме жили семьи Д. И. Ульянова и бывшего народника из Алакаевки Алексея Андреевича Преображенского, ставшего под влиянием Ленина активным марксистом и входившего потом в состав искровской группы в Самаре. Преображенский был очень болен, но не мог сидеть без дела и работал в совхозе. В большой комнате около входа в здание находился телефон для связи с Москвой, и дежурили там работники охраны, в числе которых был и Борисов.

Время было тревожное, шла упорная борьба с остатками контрреволюционных сил, поэтому руководство охраны учитывало возможность различных осложнений. Состав работников охраны в Горках был малочисленным, и на каждого возлагалась большая ответственность, не говоря о постоянной занятости на службе.

В архиве сохранилась инструкция, предусматривающая в таких случаях особые меры охраны. Там упоминается, что «Борисов и Пинковский с пулеметом «Люис» отвечают за охрану правой стороны большого дома в Горках и должны занимать боевую позицию по направлению вправо к пруду».

А.Г.Борисов с женой и внуком в Горках Ленинских.
(Июнь 1977 г.)

«Мы, работники охраны, старались не нарушать покой Ильича, не мешали ему, — рассказывал Александр Григорьевич. — Держались в стороне, поэтому серьезных бесед с ним ни у меня, ни у моих коллег не могло быть. Однако Владимир Ильич несколько раз обращался ко мне и давал несложные поручения. При этом обращения его всегда были в очень вежливой форме.

Выступление Ленина я слушал всего один раз. Это было в ноябре 1922 года в Большом театре. Я сопровождал его во время поездки из Горок...

Меня спрашивают, каким запомнился Ленин в минуты отдыха? — продолжал Борисов. — Мне кажется, что у Ленина, когда он более или менее был здоров, не было отдыха. Даже на прогулках он не расставался с книгами. В Горки привозили много книг. Ильич тут же быстро сортировал их, а некоторые отбирал для более детального просмотра или чтения. Во время прогулок я вместе с Пакалном, начальником охраны, сопровож-

дал Ленина. В парке у Владимира Ильича было любимое место — под большим дубом, где он садился читать.

В некоторые вечера, один-два раза в неделю, в доме демонстрировали кинофильмы. Однажды я помогал киномеханику Хабарову «прокручивать картину». Это был не развлекательный фильм, а хроника, или технический, о сборке автомобилей. Лишь однажды видел Владимира Ильича отдыхающим. Это было 1 января 1924 года около новогодней елки в Горках, куда были приглашены дети рабочих совхоза. Владимир Ильич находился здесь же».

В скорбный день 21 января 1924 года Борисов дежурил около телефона до 16 часов и ушел отдыхать перед ночным патрулированием по парку. Вскоре пришел сменившийся с поста Струнец, тяжело опустился на стул и проговорил:

— Ильич... наш... умер...

Борисов вскочил, долго не мог попасть ногами в валенки. Оделся кое-как и побежал. Не хотелось верить, что свершилось страшное. Еще днем, всего шесть-семь часов назад, Борисов видел Ильича...

На другой день Борисову дали специальную книгу, он стал записывать всех прибывающих для прощания с Ильичем, и каждый расписывался в книге. Приходили крестьяне из окрестных сел, вечером приехали делегаты II съезда Советов.

В морозный день траурная процессия направилась в Москву. На станции Герасимовка ожидал специальный поезд. Борисов был в числе сопровождающих и находился около гроба. На каждой станции и разъезде поезд встречали толпы людей. Многие вытирали слезы. Дзержинский сказал машинисту:

— Там, где народ, можете остановиться, но в Москву прибыть вовремя, по графику.

С Павелецкого вокзала процессия тронулась к Колонному залу Дома Союзов.

Несколько раз заходил потом Борисов в Колонный зал, чтобы побыть еще и еще раз возле дорогого Ильича...

В 1925 году Борисова перевели на другую работу, а в 1930 году он вернулся к своей старой профессии, которую приобрел еще подростком до добровольного ухода в Красную Армию, снова стал «стеклодуем», как тогда называли стеклодувов. Тридцать лет проработал

он в этой должности в лабораториях куйбышевских заводов.

Семнадцать метров коридора в Кремле отделяли пост, на котором стоял Кузнецов, от поста, где находился Борисов, однако друг друга они не запомнили, а возможно, в те годы ни разу не встретились, поскольку числились в разных подразделениях. По-разному сложилась и их дальнейшая судьба, но у них одна общая черта, приобретенная, по-видимому, в те дни, — исключительная личная скромность.

В ИНТЕРЕСАХ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

А. КАЗАНСКИЙ

ФРОНТ НА КАЖДОМ ШАГУ

Зимним вечером костлявые лошаденки с большим трудом тащили скрипучие сани. Следом за ними молча шли бойцы продотряда. И хотя виду никто не подавал, на душе у каждого было муторно и тревожно: как-то встретят их в следующем селе?

Шагая за санями, об этом же думал и член Чрезвычайной комиссии по борьбе с голодом в Ярославской губернии сотрудник ЧК Ростовского уезда Волконский-Благовестов. Думал и анализировал события предыдущего дня.

Как обычно, чекисты шли от дома к дому, убеждая и требуя сдать излишки продовольствия. Встречали враждебно. Всякий раз, когда удавалось обнаружить у кулаков припрятанные продукты, на головы бойцов извергались тысячи проклятий и угроз.

— Вот уж попадетесь Юшке. Он вам покажет, почему фунт излишков.

Значение этих слов понимал каждый. По Ярославской губернии разгуливала кулацко-эсеровская банда, появляясь внезапно то тут, то там. За два года в ЧК

поступило немало сведений о сожженных бандитами сельских Советах, разоренных коммунах, убитых комбедовцах. И почти на каждом из этих преступлений лежала зловещая тень Юшко.

О разбойничьем облике атамана было сложено много былей и небылиц. Все они подчеркивали невероятную жестокость бандита. Этому гориллоподобному верзиле, казалось, незнакомы были ни жалость, ни стыд. Он с одинаковым хладнокровием мог убить и старика, и ребенка. Не стесняясь, забирал последнее у тех, кто победнее, и явно щадил кулаков. Этим, по-видимому, и объяснялся тот факт, что чекистам долгое время не удавалось напасть на след банды. Кулацкие элементы хорошо укрывали своего выкормыша, науськивали на тех, кто активно помогал установлению Советской власти.

Банда Юшко не только мешала продотрядам, отнимая продовольствие у местного населения. Были случаи прямого нападения бандитов на чекистов, что особенно радовало и вдохновляло кулаков. Все их поведение говорило Благовестову о том, что Юшко с бандой находится где-то рядом, может быть, даже следит за чекистами. К концу дня догадка подтвердилась.

Когда отряд подходил к небольшой деревне, бойцы увидели, как с крыльца одного дома торопливо спрыгнул человек и, петляя по огородам, бросился к лесу.

Рассуждать было некогда. Раз человек бежит от представителей Советской власти, значит, совесть нечиста.

— Стой! Стрелять будем!

В ответ из огорода полоснул гулкий выстрел.

— Ребята, уйдет! — крикнул командир.

Чекисты открыли огонь. Возле самого леса убежавший, словно поскользнувшись, ткнулся вниз головой. Подбежавшие бойцы нашли его уже мертвым.

— Арефьев, — опознали убитого жители. — Он у Юшко заместо почтаря.

«Значит, с бандитами иметь дело все-таки придется. Ну что ж, посмотрим, кто кого», — размышлял про себя Благовестов, шагая в темноте за санями.

Излишки продовольствия в уезде есть, это факт. Ильинско-Хованская волость в Ярославской губернии считается самой зажиточной. Не зря здесь нищие друг

за другом ходят. Ходят — значит, подают. Да и достаток в домах слишком уж бросается в глаза. По всей стране голодающие последнюю одежонку продают, а здесь все покупают. И как! У богатея Чердынцева, говорят, одних только швейных машин несколько штук. Нет, продовольствие здесь есть, и он, Константин Благовестов, сотрудник ЧК Ростовского уезда, выполнит эту первую доверенную ему операцию.

Было уже далеко за полночь, когда перед чекистами наконец замаячили силуэты заснеженных изб. Услышав собачий лай, бодрей зашагали лошади. В предвкушении сна и отдыха повеселели совсем уже оковеневшие бойцы.

Дом для ночлега выбрали побольше, чтоб не стеснить хозяев. Как всегда, первым в сени вошел с наганом наготове лучший боец отряда, друг Благовестова комсомолец Иван Кучин. Бойцы отряда на всякий случай тоже приготовили оружие. Иван постучал в дверь — в доме никто не отозвался. Постучал еще раз — молчание. В сени потянулись остальные бойцы. Благовестов тоже взошел на крыльцо.

И в этот момент из горницы грохнул выстрел. За ним другой, третий. Послышался топот. Наружная дверь, перед которой стоял Благовестов, вдруг распахнулась. Да так больно шибанула, что Константин не устоял на ногах. Падая, он увидел огромного человека, бежавшего через двор. Константин лежа несколько раз выстрелил вслед убежавшему. И хотя тот скрылся, Благовестов почувствовал, что пули не прошли мимо цели. Беспорядочная винтовочная стрельба постепенно стихла, и только собаки по всей деревне еще продолжали истошно лаять. Бандиты, застигнутые врасплох, понесли потери, бежали.

Из сеней вынесли тело Кучина. Рана оказалась смертельной. Случайная встреча с бандой Юшко стоила отряду одной жизни. Но короткий ночной бой стал тем переломным моментом, после которого работа продотряда начала налаживаться.

Грабежи почти прекратились. Поубавилось спеси и у кулаков. А у середняков и бедных крестьян, наоборот, появилась уверенность в завтрашнем дне, и они охотнее стали помогать чекистам.

Вот тогда и убедились бойцы продотряда, насколько правы были товарищи из уездного комитета партии и

их командир, утверждавшие, что в уезде немало продовольственных излишков. Два эшелона продуктов было заготовлено в короткий срок. У кулака Чердынцева было конфисковано более 20 швейных машин — товар по тому времени необычайно дорогой.

Два эшелона продовольствия, готовые к отправке, стояли на железнодорожных путях. Сопровождать их в голодающую Самару назначили Константина Благовестова. Нелегким и опасным был путь к городу на Волге. Но вагоны с мукой, зерном и овощами прибыли в полной сохранности. Так закончилась первая ответственная операция молодого сотрудника ЧК Константина Благовестова. Так впервые побывал он в Самаре, где тридцатью годами позже возглавил особый отдел военного округа.

Сколько было их потом — больших и малых, трудных и несложных операций в жизни чекиста. Но эта, первая, помогла ему навсегда обострить классовое чутье, научила решительности в боевых действиях, осторожности и бдительности в разведке.

Опыт приходит с годами. Константин Николаевич Благовестов прошел хорошую жизненную школу. Сын продавщицы фруктового магазина, он вырос без отца. Матери очень хотелось вывести Костю в люди. Двенадцатилетнему мальчику подыскивали такую работу, чтобы днем мог учиться, а вечером зарабатывать на жизнь: устроили помощником механика в кинотеатр Либкина в Ярославле.

Костя все время был среди людей. Ходил на митинги, читал бородатым солдатам свежие газеты и тайком от матери мечтал вступить в ряды бойцов за власть народа.

В один из декабрьских дней семнадцатого года пятнадцатилетний паренек пришел в штаб Красной гвардии. Стараясь казаться взрослее, попросился добровольцем. Ему, конечно, отказали:

— Молод, парень, подрасти.

Уходить не хотелось, и Костя с любопытством смотрел на людей с винтовками, на их командира, отдававшего распоряжения, подписывавшего какие-то документы. Вот принесли кипу бумаг. Командир принялся разбираться в них. Он долго вздыхал, рассматривал каракули, вертел листок так и сяк. Наконец, поймав любопытный Костин взгляд, спросил в упор:

- Грамотен?
- Учился.
- Сколько?
- Четыре класса торговой школы кончил.
- Это хорошо. Будешь переписчиком.

Так Костя Благовестов вступил в ряды Красной гвардии. Работы оказалось много. Грамотных в то время не доставало. И молодой переписчик с утра до вечера выписывал пропуска, удостоверения, строчил отношения. Настоящее дело, то, о каком он мечтал, начиналось поздно вечером. Вместе с другими красногвардейцами ему разрешили патрулировать ночью.

Летом 1918 года войсковую часть Благовестова перебросили под Симбирск на подавление мятежа белочехов. Здесь он впервые участвовал в настоящем бою. В Симбирске узнали, что в Ярославле вспыхнул эсеровский контрреволюционный мятеж, получили приказ следовать туда. Но когда полк Благовестова добрался до Ярославля, сопротивление мятежников было уже сломлено. Молодому красноармейцу пришлось участвовать лишь в ликвидации отдельных очагов контрреволюции.

Два года провоевал он на различных фронтах гражданской войны. В марте 1921 года, в дни учебы на артиллерийских курсах в Петрограде, участвовал вместе с делегатами X съезда партии в подавлении антисоветского мятежа в Кронштадте.

Когда война подошла к концу, партия направила Благовестова в органы ЧК. Таков был путь Константина Николаевича к тому памяtnому дню, когда он, сотрудник ЧК Ростовского уезда Ярославской губернии, провел первую самостоятельную операцию по сбору продовольствия для голодающей Самары.

К тому времени многие враги Советской власти уже хорошо знали его в лицо. Это наполняло сердце молодого чекиста гордостью. Значит, не зря он воевал и рисковал, если бандитское отребье боится его.

Весной 1922 года в ЧК поступили данные о ряде убийств, совершенных в Ярославской губернии и под Москвой. Заподозрили бывшего белого офицера Федулова, впоследствии ставшего анархистом. О нем в ЧК знали. Улик, достаточных для ареста, не было. И вдруг Федулов скрылся из города. Последовало одно за другим несколько убийств.

Бандит был опытен, осторожен и уходил буквально из рук. Он стрелял без промедления в любого, в ком подозревал чекиста. Не один человек пострадал от рук убийцы.

Однажды пришло сообщение, что Федулова видели в Москве, недалеко от кинотеатра «Волшебные грезы». Задержать его в многолюдном месте мог тот, кто хорошо знал бандита в лицо. Таким человеком был Константин Благовестов. Ему и поручили эту операцию. Однако Федулов тоже хорошо знал Благовестова, что осложняло и без того нелегкую операцию. Но и это не остановило чекиста.

— Мы не можем допустить, чтобы отпетый террорист спокойно разгуливал по столице, — сказал Благовестову начальник. — Разыщите его. Действуйте решительно, но не упустите.

Константин получил мандат, в котором говорилось: «Сотруднику Ярославского ОГПУ Волконскому К. Н. поручается разыскать террориста Федулова и при необходимости уничтожить его». Так уж получалось, что в целях конспирации Благовестов вынужден был нередко пользоваться вымышленной фамилией.

Дни шли за днями. Благовестов пешком из конца в конец исходил многие улицы Москвы, заглядывая в самые значные места. По приметам выяснил, что похожий на Федулова человек вечерами нередко появлялся в чайной на Чистых Прудах. Однако первый вечер ожидания в подъезде близ чайной результатов не дал. А может, размышлял Благовестов, он просто не заметил Федулова среди посетителей? И тогда чекист решил рискнуть.

На другой день, заняв столик в чайной, Константин сделал заказ и, потягивая пиво, стал наблюдать за посетителями. За столами распевали песни подгулявшие нэпманы. Приходили и уходили пьяные компании. Над столами висел табачный дым. Какие-то скользкие типы, шепчась, обдeldывали под монотонный шум чайной темные дела.

И вдруг в просвете ниши показалась чья-то фигура. Еще не успев разглядеть как следует лица нового посетителя, Благовестов чуть не вскрикнул: «Он!». Вошедший был одет в коричневый офицерский френч. На голове вельветовая кепка. Стоя у входа, бандит настороженно всматривался в зал. Благовестов чуть

наклонился в сторону, и колонна скрыла его от глаз пришельца. Федулов как будто успокоился. Сел за стол, поманил к себе официанта. И тут взгляды их встретились...

Все произошло в какой-то миг. Руки бандита мгновенно опустились в карманы. Он выхватил оружие, но выстрел Благовестова прозвучал на секунду раньше. Падая, Федулов все же успел выстрелить, но его пуля продырявила лишь стену. Вторым пистолетом террорист воспользоваться не успел. Испуганные посетители чайной повскакали с мест. Благовестов поспешил их успокоить.

В том же году Константину Николаевичу вновь довелось побывать в Москве. В этот раз он приехал на курсы чекистов.

Однажды Константина Николаевича и еще четырех курсантов пригласили в Кремль на встречу с Дзержинским. Феликс Эдмундович стоял в кабинете у письменного стола и слушал начальника курсов. Увидев курсантов, поздоровался с ними, предложил сесть. Потом сам взял стул и, подсев к молодым чекистам, стал их расспрашивать. Его интересовало все: откуда родом, сколько учился, где воевал, кем работал. Каждого в отдельности спросил, обедал ли он сегодня. Под конец беседы Феликс Эдмундович со вздохом сказал:

— Поучиться бы вам, друзья, по-настоящему. Да нельзя. Работы очень много. Кстати, вам, товарищи, как опытным чекистам, поручается серьезное дело.

В нескольких словах он пояснил содержание задания. Предстоял рейд по местам заключения. В то время, время становления Советской власти, в тюрьмах находились преступники всех мастей: спекулянты, анархисты, мятежники-контрреволюционеры. Предстояло разобраться, кто из них был действительно закоренелым врагом Советов, а кто невольно, может быть, случайно попал под влияние контрреволюционеров. Нужно было внимательно разобраться в делах, дать выявленным фактам правильную оценку. Дзержинский предупредил о необходимости строгой объективности, полной законности.

Задание не из легких, хотя внешне оно не представлялось трудным. И главная сложность его заключалась в том, что далеко не все обстоятельства, при которых заключенные попадали под стражу, были

зафиксированы в их делах. Многое предстояло восстанавливать, сверяя показания заключенных с различными фактами из их биографий, анализируя показания других арестованных. Задание усложнялось еще и тем, что многие контрреволюционеры, не признавая Советскую власть, отказывались разговаривать с ее представителями.

Однако Благовестову уже не впервые приходилось сталкиваться с такими трудностями. Он умел «разговаривать» людей. Умел сопоставлять самые разноречивые факты. Через некоторое время он уже докладывал Дзержинскому о результатах проведенной работы. Феликс Эдмундович поблагодарил чекиста и энергично пожал на прощанье руку.

Удивительное умение сочетать в борьбе с врагами решительные действия с подлинной гуманностью Дзержинский привил многим своим сотрудникам. Эту характерную черту Железного Феликса перенял и Константин Благовестов. Чувство гуманности и принципиальности в том понимании, о котором говорил Феликс Эдмундович, сохранилось у него на все долгие годы службы в органах госбезопасности.

Вот еще один характерный эпизод из деятельности Благовестова в ОГПУ.

В 1923 году в горно-таежных районах Прибайкалья произошли вооруженные стычки местного населения. Опорными пунктами двух соперничавших банд стали села Менза и Укыр-Шонуй, находившиеся на противоположных берегах небольшой, но бурной речки, протекавшей на территории нынешней Бурятии.

Как выяснилось, население Укыр-Шонуя в годы гражданской войны насмерть билось с казаками атамана Семенова и войсками барона Унгерна. Мензенское же казачество принимало участие в расправах над сторонниками Советской власти в Прибайкалье и помогало бандам семеновцев.

Был в истории этих сел один центральный, полный трагизма эпизод. Когда укыршонуйцы, создав партизанский отряд, ушли в горы, казаки Мензы ворвались в село. Они согнали стариков, женщин и детей на мельницу и всех заживо сожгли. Дома в селе были разграблены. Кого не успели сжечь, порубили шашками и перестреляли из пистолетов.

Вернувшись домой, укыршонуйские партизаны не

узнали села и решили отомстить за злодеяние. Завязалась борьба. Эту обстановку, справедливый гнев бывших партизан контрреволюционные круги использовали в своих целях. В борьбе укыршонуйцев с мензянами стали проявляться бандитские методы. Бывшие партизаны вершили самосуд. Казаки платили тем же.

На восстановление справедливости и наведение порядка послали отряд Благовестова. Чекистов наделили чрезвычайными полномочиями. «Помначмилиции Троицкосавского уезда Волконский-Благовестов Константин Николаевич командируется в Мензенскую и Укыр-Шонуйскую волости для раскрытия и уничтожения развившегося там бандитизма с правом ареста Гуслистова, его адъютантов и прочих соучастников, участие в бандитизме которых будет выяснено». В отряде было 5 оперативных работников. Их сопровождал взвод кавалеристов, которому придали горное трехдюймовое орудие и 5—6 пулеметов системы «Шоша».

Операция предстояла сложная. Не потому, что отряды были хорошо вооружены, а потому, что в одном из них находились свои, хорошие люди, герои партизаны. Не воевать же с ними!

С мензянами развязка произошла скоро. Несколько стычек закончились победой чекистов. Человек сорок бывших семеновцев арестовали, а банду разоружили. Оставался еще отряд бывших партизан. Обращать против них оружие как-то не поднималась рука. Но действия враждующих сторон создали в районе такую нервную обстановку, что руководство губернии требовало самых решительных мер и отвергало всякие переговоры. И все-таки, посоветовавшись с товарищами, Благовестов решил рискнуть. В село Укыр-Шонуй он отправился с помощником Семибратченко без оружия.

У околицы чекистов остановили вооруженные люди:

— Кто такие? Куда идете?

— К атаману идем. Чекисты!

— Ха-а! — осклабился один из дозорных. — Хороши гостечки.

Слух о прибытии к атаману чекистов мгновенно разлетелся по селу. У штаба спешно начал собираться отряд. Когда задержанных привели к штабной избе, вокруг нее уже плотной стеной стояла многочисленная

охрана. Парламентеров пропустили в избу. За столом в окружении адъютантов сидел атаман.

Чекисты поздоровались, представились. Хозяева будто нехотя и недружно ответили на приветствие. Наступила неловкая пауза. Наконец атаман разжал зубы:

— Что скажете?

— Предлагаем вам прекратить всякие военные действия и сдаться! — твердо заявил Благовестов. — Вы сложите с себя все полномочия и поедете с нами.

Атаман вдруг вскочил как ужаленный и, выхватив из-за пояса гранату, угрожающе замахнулся:

— Я поеду?! Да я разнесу вас в клочья!

— А кому будет от этого польза? — сказал Благовестов, садясь к столу. — Тебе? Советской власти? Погибнем мы — придут другие. К чему бесславно губить вчерашних партизан? Подумай-ка!

Атаман медленно сел. В словах чекиста была не только железная логика, но и твердая уверенность в собственной силе и правоте. Было заметно, что в атамане сейчас боролись противоречивые чувства: страх перед наказанием и жажда мести. И он не знал, на что решиться.

— Что от меня требуется?

— Объяснить все людям и поехать с нами. Это самый разумный шаг.

Атаман принял ультиматум. Чекисты отвезли его в уезд. Бывшему партизану после проведенного следствия предложили выбрать другое место жительства. Отряд, естественно, сложил оружие, люди разошлись по домам.

Однако на этом история конфликта между двумя бурятскими селами не кончалась. Благовестову предстояло навести порядок, наладить отношения между жителями двух враждующих сел. И прежде всего нужно было восстановить Советскую власть. Чекисты провели митинги, помогли выбрать советские органы. Разыскали похищенное мензянами имущество, вернули лошадей и скот. Они наладили в селе полнокровную жизнь по законам Советской власти. Отряд занимался всем, вплоть до создания кружков художественной самодеятельности. Зато когда чекисты уходили из района действий, жители сел провожали их с благодарностью.

Когда в стране был наведен порядок и покончено с

кулацкими и контрреволюционными элементами, перед республикой со всей остротой встал вопрос экономики, строительства заводов и фабрик. Для этого нужны были деньги, большие средства. Благовестов участвовал во многих операциях по разоблачению валютных спекулянтов и подпольных миллионеров. И, как всегда, его выручали природная смекалка и находчивость.

С годами работа органов безопасности становилась все более кропотливой, размеренной и, пожалуй, бесшумной. Все реже и реже приходилось пускаться в ход браунинг. Враг искусно маскировался. Естественно, менялся и стиль работы чекистов.

Благовестов возглавлял райотдел, а потом и отдел областного управления в Ярославле. Под его руководством и при его участии были разоблачены и обезврежены уцелевшие группы мятежных белых офицеров. Немало пришлось повозиться с церковниками, сектантами, проявлявшими враждебную активность в годы коллективизации. Особой смекалки, умелых и продуманных действий требовало разоблачение иностранных агентов.

Когда началась Великая Отечественная война, Благовестова назначили начальником особого отдела формируемой вновь стрелковой дивизии. Дивизия формировалась недолго. Месяц спустя дивизия уже храбро сражалась на фронте. Началась напряженная работа особиста. Это были нелегкие для страны дни. Под напором превосходящих сил немецких агрессоров наша армия отступала. Особисты уходили последними.

Однажды ночью Благовестов вместе со своими людьми и взводом охраны заехал в деревню, уже оставленную нашими войсками. На улице машину остановила женщина. Показав на ярко освещенные окна одного дома, она с горечью сказала:

— Ждет, подлец, немцев. Подготовился. Всех он предаст, кулак проклятый!

Благовестов с тремя солдатами подошел к дому. Постучали.

— Кто там?

— Ди тюр ауф, битте. Ауф махен шнель, — выложил весь свой запас немецких слов оперуполномоченный.

— Сейчас, сейчас, дорогие господа, — слышалось из-за двери. — Давно жду, милости прошу, битте...

Дверь отворилась, и в ней появился мужчина с керосиновым фонарем в руках. Увидев вместо немцев людей в красноармейской форме, он опешил и, бормоча что-то бессвязное, рухнул на колени.

Предатель приготовил фашистам богатую встречу. В избе все блестело, как перед праздником. Стол накрыт белой скатертью. У икон — зажженная лампада. Графины наполнены наливками разных сортов. В печи — зажаренный гусь.

Беглый осмотр дома больше ничего не дал. И тогда Благовестов, по старому опыту, сунул руку за икону. Там оказался сверток, в котором был спрятан длинный список жителей деревни. После каждой фамилии стояла пометка: «коммунист», «активист», «сын — командир». Даже определена была мера наказания: «расстрелять», «повесить», «выпороть». Не довелось встретить господ предателю.

Однажды в расположении штаба дивизии появилась молодая привлекательная женщина. Предлагая купить то ягоды, то грибы, она весело болтала с солдатами и командирами и уже успела побывать всюду: у наблюдательных постов, у замаскированных перед штабом орудий. Что-то в ее поведении настораживало Благовестова. Навели справки. Местные жители сообщили, что женщина появилась в селе недавно, сказав, что бежала от немцев из села Ломоносово и ищет восьмилетнюю дочь. Попросилась на квартиру. Приютила ее одинокая сердобольная старуха.

Женщину задержали. Сначала она отделялась шутками, пыталась уйти от расспросов. Наконец показала справку Ломоносовского сельсовета, выданную еще до войны.

Благовестов пригласил машинистку отдела и приказал обыскать подозрительную беженку. У молодухи извлекли из-за пазухи пачку немецких пропусков, которые фашисты распространяли в начале войны, чтобы склонить советских солдат к измене. Затем у шпионки нашли записную книжку с пометками, где расположен штаб дивизии, где находятся орудия и так далее.

Смазливую фельдшерицу немцы завербовали в оккупированном селе Ломоносово. С Советской властью у нее были старые счеты: дочь репрессированного кулака, племянница бывшего купца, она считала себя

Н.Н.Благовестов.
Фото 1950 г.

обиженной. Изменнице было дано задание разведать путь через Свитские болота, изучить огневые позиции советских войск, склонить бойцов к предательству, и если такие найдутся, то вместе с ними вернуться назад. Не дождались фашисты ни самой изменницы, ни перебежчиков.

Работа в особом отделе постоянно усложнялась. Начав с поимки вражеских лазутчиков, Благовестов получает все более ответственные задания.

На фронте он получил письмо, что его 16-летний сын комсомолец Владилен вслед за отцом добровольно ушел на фронт, а осенью в 1942 году — горькую весть, что танкист старший сержант Владилен Благовестов погиб в боях под Курском.

В 1943 году Благовестова назначают на ответственную работу в Москве. Он часто выезжает с важными заданиями на фронт, занимаясь подготовкой и засылкой разведчиков во вражеский тыл. Во время Тегеранской конференции находился в Иране и выполнял ряд поручений, связанных с обеспечением безопасности глав государств.

В 1949 году Константина Николаевича назначают начальником особого отдела Приволжского военного

округа, а через год — на ответственную работу за границей. Вот что рассказывает об этой работе его сослуживец генерал-майор запаса В. Я. Кольцов.

«В пятидесятых годах начальником управления контрразведки Центральной группы войск Советской Армии, где я возглавлял одно из подразделений, был назначен К. Н. Благовестов. Группа войск находилась на территории Австрии и Венгрии, обстановка была сложной: иностранные разведки и зарубежные контрреволюционные силы к этому времени успели оправиться от забот военного времени и все свои усилия направили против нашей страны, наших войск за рубежом и находившихся там по делам службы советских гражданских лиц. В этих странах после войны осело значительное число антисоветски настроенных эмигрантов и фашистских пособников, бежавших из СССР вместе с гитлеровскими войсками. Все они охотно соглашались работать на любую империалистическую разведку.

Человек исключительной работоспособности, деловитости, широкой эрудиции, знаток своего дела, прекрасный организатор, Константин Николаевич быстро разобрался в непривычной и сложной обстановке, умело повел работу.

Многое можно рассказать об операциях, проведенных под руководством и при личном участии этого опытного чекиста. Приведу лишь несколько примеров. В результате умелых действий удалось раскрыть резидентуру разведки одной из капиталистических стран, которая путем использования новейших технических средств пыталась проникнуть к секретным данным штаба войск. Резидентура другой разведки была разоблачена на железнодорожном транспорте — она собирала через свою агентуру данные о перевозках советских войск и советского имущества за рубежом. Удалось выявить в американской зоне, выманить в нашу зону и арестовать бывшего немецкого бургомистра в Днепропетровске, палача украинского народа, переметнувшегося после войны к другой разведке.

Опасным преступником был дезертировавший из Советской Армии офицер Дурнов. Занимаясь крупной спекуляцией между зонами, он попал в поле зрения американской разведки. Она прибрала его к рукам,

подготовила для разведывательной деятельности и начала активно использовать. Дурнов, выдавая себя за советского офицера, находящегося за границей, знакомился с советскими военнослужащими, входил в доверие, старался выведать у них военную, экономическую и политическую информацию. Иногда это ему удавалось. При аресте Дурнова обнаружили перечень шпионских заданий, врученный ему иностранной разведкой».

Старшина Петр Герасимович Солодовников в армии был шофером и четыре года возил полковника Благовестова. «В новом начальнике, — вспоминает он, — нам особенно нравились его скромность и простота в обращении. По приезде в Австрию Константин Николаевич отказался от различных привилегий и услуг, которыми пользовался его предшественник, питался со всеми сотрудниками в столовой. Не допускал никаких излишеств, не терпел людей, стремившихся к приобретательству.

Таким он остался и после ухода в отставку. В Куйбышеве, например, отказался от предложенной ему большой прекрасной квартиры и поселился в маленькой двухкомнатной:

— Зачем нам на троих такие апартаменты, когда в городе так много нуждающихся в жилье, — говорил он.

Несмотря на большую разницу в служебном положении и звании, мы до последнего времени оставались с ним друзьями».

А это выдержка из адреса, присланного к 70-летию К. Н. Благовестова:

«Дорогой Константин Николаевич!

...Хочется с особой силой подчеркнуть Ваше трудолюбие и организованность, Вашу исключительную человечность и внимание к людям, обаяние, простоту, бескорыстие и высокую партийную принципиальность, Ваше мужество и постоянное присутствие духа, умение передавать подчиненным свой богатейший опыт, учить их тонкостям чекистского мастерства.

Как бывший подчиненный горжусь тем, что работал под Вашим непосредственным руководством в сложных условиях переднего края обороны социалистического лагеря, с большой признательностью и благодарностью вспоминаю Ваше внимание и отеческое отношение,

Ваше участие в моем воспитании и становлении как чекиста и офицера...

Генерал-полковник В. В. Федорчук»

В Куйбышеве ветерана-чекиста часто приглашали на встречи с молодежью предприятий и учебных заведений. Старый человек, отягощенный болезнями, он, однако, охотно принимал приглашения. К своим выступлениям всегда относился ответственно, где бы ни приходилось выступать: на телевидении или в школе, в больших залах Дворцов культуры или перед маленькой группой книголюбов.

Этот тридцатилетний период, отданный воспитательной патриотической работе, Константин Николаевич называл второй жизнью.

КОНЕЦ ДЕЛА «ЗАЛЕТ»

«Доктор» ждет пациента

Зима в Варшаве не удалась: в конце декабря ударили морозы, выпал снег, а в новом году потеплело. Туман, дожди, слякоть навевали какое-то смутное ощущение тревоги и неуверенности, от которого становится холодно и неуютно.

Впрочем, может быть, не одна погода была виновата в том, что Валентинов чувствовал себя скверно. Последнее время он все чаще замечал в себе глубокую и, как ему казалось, постыдную раздвоенность: дела шли будто бы хорошо, и повстречай посторонний человек этого элегантного, модно и в то же время скромно одетого господина с прекрасными манерами, он непременно подумал бы, что ему сопутствуют успех и благополучие. Но в глубине души Валентинов все чаще и чаще ощущал тревогу, мешающую жить и вкушать плоды преуспевания. Он еще надеялся, что это только временная хандра — от переутомления, от всех тех многолетних мытарств и сует, которые достались на его долю, что это пройдет, не может не пройти...

Но шли дни, недели, месяцы, и Валентинов понимал, что это не хандра, а идущая из глубины души тоска. Тоска, которая звала на размышления, требовала исповеди перед самим собой и еще требовала, быть может, такого, после чего Валентинов уже перестал бы быть Валентиновым.

Смутно понимая это, он никогда не доводил себя до этих границ искренности — нельзя же рубить сук, на котором сидишь, — и только становился злее, энергичнее, яростнее.

Вот и сейчас, стоя у окна своего бюро на улице Монюшко и разглядывая серую, в лохмотьях тумана

улицу, он переживал очередной процесс внутреннего взбадривания: к черту и эту чужую проклятую улицу, и этот город, и эти сомнения. Человеческая жизнь слишком коротка, чтобы успеть ответить на все вопросы, которые приходят в голову. Достаточно того, что он, Валентинов, наверху: ему хорошо платят, его боятся, он, наконец, продолжает бороться с этими ненавистными ему большевиками, тогда как многие его бывшие однополчане, раскиданные по свету, смирились со своей судьбой.

Он борется. Прочь сомнения и тревоги, которые тем более опасны, что могут повредить его репутации отчаянного, храброго и хитрого резидента. Да, ему платят именно за это, и о его тоске и страхе никто не должен знать.

...В прихожей раздалися шаги, и Валентинов повернулся к двери, думая, что это пришел человек, которого он ждет вот уже более часа. Но это был Петр — двухметровый детина, который выполнял при Валентинове обязанности и секретаря, и слуги, и телохранителя. Валентинов помнил этого казачьего есаула по Новочеркасску, где формировался один из полков Добровольческой армии Деникина. Полк этот почти целиком был порублен красными конниками, и Валентинов не любил вспоминать эти годы, а Петра спустя много лет он подобрал в Варшаве, в одном из сомнительных кабаков, где тот служил вышибалой.

Петр положил на стол свежие газеты и удалился. Валентинов пробежал их глазами, и они вселили в него новую порцию бодрости: судя по всему, польское правительство брало все более решительный курс на обострение отношений с «товарищами».

Близко стоявший к правительственным кругам «Иллюстрированы курьер цодзенный» писал: «Планы большевиков может разбить лишь иностранная интервенция, организованная коалицией государств». Ей вторила виленская газета «Слово», прямо писавшая, что договор с СССР о ненападении Польше нужен постольку, поскольку он дает ей возможность включиться в антисоветскую интервенцию.

Газеты пестрели сообщениями об активизации белой гвардии на Дальнем Востоке, а также о том, что в Варшаве и в других польских городах идет вербовка добровольцев в армию генерала Семенова.

Первая партия офицеров уже была отправлена парходом на Дальний Восток самым коротким путем.

Валентинов отложил газеты и усмехнулся: ничего себе, короткий путь... Да и Семенов сейчас годится не больше чем для пропагандистских целей. Интервенция — да, она сможет сломить «товарищей», и Валентинов первым побежал бы под ее знамена. Но надо быть реалистом — интервенции в ближайшее время не будет. Борьба ведется совсем другими средствами.

Об этом откровенно сказал ему как-то шеф — резидент английской разведки мистер Гарольд Габсон. Сказал как бы между прочим, в завершение длинного делового разговора, словно подчеркивая дружеское расположение:

— Вам, русским эмигрантам, надо менять психологию, иначе вы долго не протянете. Вы все спите и видите крестовый поход против большевиков. Полноте, все это не так...

Англичанин, хорошо владеющий русским, так и сказал «полноте», и от этого слова его показались Валентинову еще обиднее, хотя он понимал их правоту.

— Советам пятнадцать лет, а что вы делали эти пятнадцать лет? Убивали полпредов, взрывали мосты, травили скот. Вы не заметили, что за это время Россия стала другой. Так вот, знать, какая она — ваша задача. Ваша, я ведь ясно говорю, господин Валентинов?

Кому-кому, а Валентинову, возглавившему в Варшаве резидентуру английской разведки, которая по договоренности со вторым отделом польского генштаба организовывала разведывательную работу против СССР с территории Польши, это было совершенно ясно. Впрочем, он давно уже не терял времени даром. С первых дней революции.

Когда она свершилась, Валентинову шел двадцать второй год. Сомнений он, молодой офицер из дворянской семьи, не испытывал: сама мысль, что страной будет править «мужик», казалась противоестественной. Офицеров, которые пошли служить в Красную Армию, он презирал и ненавидел. Началась гражданская война, и он дал выход своей ненависти, служа под знаменем Деникина.

Что было дальше, об этом Валентинов предпочитал вспоминать реже, хотя одно из знакомств этого

времени ему пригодилось. Полковник Богатов, служивший в деникинской контрразведке, после разгрома армии, уже в Турции, где разместились остатки белого воинства, отыскал невесту чем понравившегося ему Валентинова и предложил «работу».

В выборе полковника был особый смысл: в Валентинове он почувствовал дикую злобу придавленной к земле рогатиной змеи и циничную готовность пойти на все, чтобы отомстить родине, изгнавшей его.

Начинается работа Валентинова в разведцентре белогвардейской организации РОБС («Российский общевойсковой союз»), в румынской, английской, польской и, наконец, немецкой разведках. Острие же этой многообразной работы было направлено всегда против одного государства — СССР. Впрочем, с немцами Валентинов начал сотрудничать чуть позднее, в 1936 году. А в тот хмурый январский день 1932 года, с которого мы начали свой рассказ, он являлся резидентом английской разведки в Варшаве, хотя человек, которого он с таким нетерпением ждал в тот день, был немец — Тадеуш Мильский.

...В дверь постучали, и в сопровождении казака в кабинет вошел высокий сухопарый человек неопределенного возраста в длинном двубортном пальто. В маленьких глазах сквозило плохо скрытое беспокойство.

Валентинов, не вставая, кивнул головой:

— Проходите, господин Мильский. Раздевайтесь...

Казак принял у гостя пальто, шляпу, клетчатый теплый шарф и, круто повернувшись, вышел. Посетитель опасливо приблизился к столу и сел в мягкое кресло. Казалось, его не удивлял такой холодный прием.

Минуту собеседники молчали. Потом Валентинов поднял на вошедшего глаза и сказал резко, едва выдавливая слова:

— Так как же вы, господин Мильский, посмели самовольно, без вызова вернуться в Варшаву? Без инструкций покинуть Самару, нарушить приказ, и это при хваленной немецкой исполнительности!

— Я надеялся, что здесь, в Польше, я буду...

Но Валентинов грубо оборвал его:

— Молчать! Вы как последний трус сбежали со своего поста и должны понести самое суровое наказание!

Валентинов орал на немца так, что казак в приемной осторожно прикрыл плотнее дверь. Мильский больше не пробовал возражать. В конце концов он уже начал привыкать к такому приему: два дня назад состоялся столь же неприятный разговор с представителями польской разведки на конспиративной квартире на углу улиц Маршалковской и Вспольной. Что делать, он действительно самовольно бросил насиженное место в Самаре и объявился в Польше. Но ведь главное-то свое задание выполнил, агентура в Средневолжском крае создана, и этот крикливый розовощекий господин об этом хорошо знает.

Наконец Валентинов умолк, сел на место и, помолчав минуту, сказал уже спокойно и деловито:

— Сведения оборонного характера о районе Самары, Казани и Нижнего Новгорода, которые вы сообщили в отчете, ценности не имеют. Планы заводов также поверхностны... А как имена оставленных вами людей? — продолжал он после некоторой паузы.

Мильский понял, что настоящий разговор только начинается, и оживился:

— Коротков в Самаре, Караваев в Сызрани, Клюге на станции Инза...

Заботы пана Мильского

Тадеуш Бернардович Мильский был родом из Познани, германский подданный. В 1908 году он приехал в Россию, приехал полный сил и энергии, с мечтой разбогатеть. Вскоре в Самаре, где он обосновался, привыкли к этому высокому, худому, очень моложавому человеку, владевшему мастерской автогенной сварки. Видя его военную выправку, злые языки поговаривали — особенно в 1914 году — о его военном прошлом, но сам Тадеуш Бернардович это отрицал.

Дела его шли хорошо, мастерская процветала, и, если бы не революция, мечты Мильского о солидном капитале сбылись бы. Революция смешала все карты этому расчетливому, умеющему копить деньги человеку. Мастерскую пришлось передать в Автодор, а сам он из владельца превратился в рядового служащего.

Но Тадеуш Бернардович был не из тех, кто прощает, когда ущемляют его собственнические интересы.

В 1929 году, приехав с женой в отпуск в Польшу, в Познань, он начинает искать контактов с польской разведкой. Один из родственников помог ему в этом, и сотрудники второго отдела польского генштаба зачислили его в свои списки, а чуть позже передали англичанам, то есть в распоряжение Валентинова.

Вернулся Мильский в СССР окрыленный успехом: теперь-то он отомстит этому проклятому мужичью за все! Еще в пути он рисовал себе радужные картины: он стоит во главе группы, которая будет собирать разведывательные сведения, вербовать новых людей, найти которых в СССР Мильский считал делом нетрудным. Для начала он предполагал вовлечь в свою группу близких знакомых — Короткова в Самаре, Караваева в Сызрани, Ключе на станции Инза. Вот это размах, шеф будет доволен!..

Возвратившись домой, Мильский постарался как можно быстрее встретиться с Коротковым и Ключе. Рассказал им о своей поездке, о том, как хорошо живут на Западе, вылил ушат грязи на советских людей, не забыв подчеркнуть, что Советам скоро придет конец, уж он-то теперь знает об этом точно. Но говорить о новом «деле» пока воздержался.

Тадеуш лихорадочно стал готовиться к первому отчету. Нужно суметь показать, что он уже работает. О том, что группа создана, можно сообщить смело. Правда, разговор с ее «членами» еще не состоялся, но это можно сделать позже...

Хотелось сразу же дать разведывательную информацию, хотя сотрудник разведки и не сказал, какие вопросы конкретно их интересуют. Да это и неважно: раз скоро война, значит, о важных заводах.

Хорошо, что жена, сказавшись больной, осталась в Польше: к ней поедет дочь Божена и передаст сведения. И Мильский стал готовить Божену. Для этого потребовался не один вечер. Она должна все запомнить, нельзя писать на бумаге и оставлять улики. И молодая девушка заучивала сведения о Трубочном заводе, Средневожском заводе, «Берсоль»: где они расположены, что на них производится, сколько рабочих и служащих и т. п.

Каково же было его разочарование, когда Божена, возвратившись из Польши, рассказала, что эти сведения

польской разведке известны и нового для них она ничего не привезла.

Тадеуш утешился благодарностью за усердие и стал ждать подробных инструкций.

А дела становились все хуже и хуже. Положение простого служащего его не устраивало, жить на зарплату Мильский не умел. Поэтому он решил подать заявление о выезде за границу, не согласовав этого вопроса со своими новыми хозяевами.

С каждым годом жизнь в СССР становится невыносимей, рассуждал Мильский, а что будет дальше? Надеяться не на что. А «там» его встретят как своего человека. Тут работа уже не казалась легкой. На каждом шагу опасности. Так пусть здесь работают другие.

Разрешение на выезд Мильский получил быстро. Перед отъездом вновь повидал Короткова и Ключе (Караваяев жил в Сызрани, съездить к нему времени не нашлось). Попрощался, выразил надежду, что они останутся по-прежнему друзьями и, если потребуется, окажут ему помощь, опять же не сказав, какую. В глубине души он сомневался в этих людях, интуитивно чувствовал, что живет в мире иллюзий.

Вскоре Мильский со своим семейством был уже в Варшаве.

Здесь-то и начались неприятности. На него кричали, его обвиняли, с него требовали объяснений: как он посмел самовольно оставить Самару. Разве что только не били, хотя последняя встреча с Валентиновым вполне могла окончиться и этим.

И все-таки хитрый немец втер очки своим хозяевам — и полякам, и англичанам, и Валентинову. Он понимал, что подробный отчет, который он представил, особой цены не имеет. Но агентура! Действующая агентура в центре Советской России — это уже, простите, кое-чего стоит...

Его уже не смущало, что члены его «организации» даже не подозревают о том, что в планах английской разведки давно числятся под условным названием «Барнаба» с резидентом Коротковым во главе. Поди проверь, люди далеко отсюда. И, преданно глядя своими поросычьими глазками на Валентинова, он повторял уже названные прежде полякам имена: Коротков Дмитрий Александрович, сын бывшего помещика,

техник Рудметаллторга, неудовлетворенный своим положением, жаден к деньгам, имеет злоупотребления по службе, ненавидит Советскую власть. Отто Клюге, Олег Караваев...

Характеристики краткие, заранее продуманные. Впечатление они производили — Мильский это понимал. Смutil его только Валентинов, который в конце разговора вплотную подошел к нему, притянул за лацкан пиджака и сказал тихо, но внятно:

— Смотри, старик, я Самару знаю хорошо. Не напутай...

И от этих слов, и еще от того, что в зрачках Валентинова заходили белые сполохи, Мильский почувствовал себя неважно.

Впрочем, едва выйдя из «бюро» на улицу, он тут же успокоился.

— Сопляк! Скотина румяная...— бормотал он.— Вот и работай с этими свиньями...

И он опасливо оглянулся назад.

Беспокоился Мильский, как оказалось, зря. Его слова и письменные отчеты вызывали доверие. На резидентуру «Барнаба» была сделана крупная ставка. Мильский был передан полковнику Богатову, по указанию которого неоднократно ездил в Берлин, разыскивал немецких специалистов и рабочих, вернувшихся из СССР или приезжающих в отпуск, собирал через них нужные для англичан сведения. Перед отъездом по требованию Валентинова он написал тайнописью письма для своих «друзей» в России. Кто будет связным и повезет его письма в Самару, он не знал.

Есть идея

В Самаре январь удался на славу: снег выпал еще в декабре — обильный и пушистый. Волга стала тоже в декабре, и из окна своего кабинета Вершинин видел, как мужики села Рождественно, лихо настигивая своих лошадок, едут на базар.

Как переменялась жизнь за каких-то шесть-семь лет! Вершинин помнил голодный двадцать первый год, когда ему как представителю ВЧК приходилось работать в комиссиях по борьбе с голодом, тифом, холерой. Враг тогда злобствовал особо яростно.

«Конец Советам» — эти слова были на устах белоэмигрантов и их покровителей, этого ждала поднимающая голову внутренняя контрреволюция.

Вершинин вспомнил разгром антисоветской организации в Самаре и Бузулуке, руководимой Шведковским. Ее члены — бывшие офицеры, кулацкие сынки — собирались под видом кружка по изучению эсперанто, собирали оружие, готовились к мятежу. Сколько сил и энергии пришлось тогда потратить, чтобы расплести этот запутанный клубок.

Силы Вершинину и его товарищам давала уверенность в правоте своего дела, вера в то, что пройдут годы и заживет страна спокойно и счастливо, а он, Вершинин, снова пойдет на свой родной Трубочный завод, где мальчишкой начинал токарем. Иногда он видел эти далекие годы даже во сне и, проснувшись, почти до боли ощущал желание пойти по гудку на завод.

Но шло время, и Вершинин понимал, что пора, о которой он мечтал, отодвигается на неопределенное время. И ему, начальнику отдела ОГПУ, это было известно лучше, чем кому другому. Снова поднимала голову внутренняя контрреволюция, чувствуя открытую поддержку правящих империалистических кругов за рубежом.

Поволжье в планах врагов занимало не последнее место. За кордоном не забывали последние кулацкие восстания в деревне, тайные общества в городах. И, как показывали факты, пытались найти новую почву для своей деятельности.

Вот и сейчас Москва сообщила, что в Варшаве создана резидентура английской разведки, которую возглавил Сергей Валентинов, по кличке «Доктор», бывший белогвардейский офицер, деникинец. Резидентура нацелена на среднее Поволжье, в частности на Самару, откуда родом и сам Валентинов. В сообщении Москвы особо подчеркивалась роль некоего Мильского, бывшего самарского служащего, который остался в Польше и, видимо, сумел оставить в городе какие-то связи.

Это для Москвы Мильский был «некий», в Самарском ОГПУ его знали и в свое время интересовались им вплотную. Вершинин дал поручение молодому учителю, бывшему чапаевцу; тот прекрасно справился

с заданием: подружился с сыном Мильского, стал своим в семье, и многое о бывшем хозяине мастерской, потом совслужащем, было известно в ОГПУ.

Вершинин же способствовал поездкам Мильского в Польшу, думал, что игра только начинается. И вот такой неожиданный шаг — Мильский не вернулся в Самару...

— Николай Афанасьевич... — услышал Вершинин над ухом и сразу очнулся от задумчивости. Перед ним стоял его помощник Ильин с папкой бумаг.

— Есть ли что нового, Петр Васильевич? — спросил Вершинин. — В варшавском деле?

— Как будто бы всех проверили. Но особо нового — ничего. Валентинов действительно является уроженцем Самары, но выехал из города с родителями до революции...

— А как знакомства Мильского?

— Здесь нас могут заинтересовать прежде всего вот эти трое... — Ильин развернул бумаги. — Коротков, Ключе, Караваев. Проживают и работают они на прежних местах, наблюдение ничего интересного не дает. Правда, в поведении Короткова чувствуется некоторая нервозность.

— Может быть, почувствовал, что им заинтересовались?

— Нет, работа делается чисто, я проверял. А почему он волнуется — попытаемся установить. И вот еще что, Николай Афанасьевич, — продолжил Ильин. — Есть тут одна идея, хотел с вами посоветоваться. И Коротков, и Ключе, и Караваев, и другие знакомые Мильского под присмотром, от нас они не уйдут. А вот в Варшаве рядом с Доктором неплохо бы иметь своего человека. Ведь Москва прямо предупредила, что ее варшавский информатор сильно ограничен в действиях...

— Человека, человека... — Вершинин встал из-за стола, прошелся по комнате и остановился у окна. — Я, Петр Васильевич, об этом в последнее время не раз думал. Мильский сбежал, и все карты смешаны. Нужен нам там человек. Но кого послать?

— А вы Козырева Михаила не забыли? Того самого, которого мы Мильскому присватывали? Чапаевец, отчаянный человек.

— Так он же в свою Белоруссию уехал, так мне рассказывали.

— Правильно, уехал, учительствовать начал. А зазноба-то его — наша, самарская, тут осталась, на швейной фабрике работает. Вот он к ней и приехал и ко мне по старой памяти заходил вчера...

— Постой, постой, — оживился Вершинин. — Он же еще с сыном Мильского тогда подружился... Это, брат, мысль. Всплыви он в Варшаве да с репутацией борца с большевиками — белорусский националист, к примеру, — поляки так или иначе его к Валентинову приведут. А тут и...

— А тут и Мильский его узнает, — dokonчил Ильин, — и даст рекомендацию своему человеку — он там сейчас это с радостью сделает.

— Ну что ж... — Вершинин снова уселся на свое место и склонился над столом. — Мысль хорошая. Только что думает об этом сам Михаил Козырев... Мы ведь его к дьяволу в пасть... Ладно, давай его побыстрее ко мне.

Задание

Михаил Козырев второй день ходил по Самаре без дела и злился, что так бездарно тратит короткий отпуск, с таким трудом добытый. Маши, ради которой он ехал за тысячи верст, не оказалось дома: комсомольская ячейка фабрики послала ее и еще нескольких девчат, целую агитбригаду, в деревню. Приехать девчата должны были только послезавтра, да и то неточно.

Михаил остановился у своего старого знакомого, однополчанина по Чапаевской дивизии, который сейчас работал в столярной мастерской. Хозяин обрадовался другу. Выпили водки, посидели, вспомнили былое, товарищей — и живых, и сложивших голову в степях от Андросовки до Оренбуржья.

Но два дня за столом не просидишь. И Михаил бесцельно слонялся по городу, который, как он заметил, стал более деловым. Хотя казаться это могло и от нынешней Михайловой праздности.

Зашел он, правда, вчера в ОГПУ к своему знакомому Ильину. Поболтали, вспомнили дело, которое Михаил по заданию Ильина выполнял, — похаживал в дом к немцу Мильскому.

— А ведь мы не ошиблись в нем, — сказал Ильин о Мильском. — Сбежал-таки за границу.

Больше Ильин об этом ничего не добавил, а Михаил не расспрашивал...

Сейчас же делать было совсем нечего. Он направился в кино. У входа в кинотеатр Михаил приметил белобрысого парня в меховом картузе и в сером легком пальтишке. Парень лузгал семечки и беззастенчиво разглядывал Михаила. Затем подошел к Михаилу и попросил прикурить.

— Петр Васильевич просил сегодня зайти в семь часов, — сказал парень и, подмигнув, улыбнулся. — Наше вам.

Петром Васильевичем звали Ильина.

... Маша приехала на следующий день. Они полдня сидели с ней за столом, в ее маленькой комнатке, пили чай с баранками и переговаривали, казалось бы, обо всем. А о главном, о том, что он хочет забрать ее с собой, расписаться и увезти, Михаил молчал, хотя видел, что Маша ждет этой самой важной части разговора.

Наконец он отстранил от себя стакан с чаем, взял ее руку, притянул к себе и сказал:

— Я, Машенька, за тобой приехал. Хотел увезти, как договаривались. А сейчас это, Маша, придется отложить.

И, видя, как она напряглась вся от неожиданности, от обиды, добавил:

— Ты ведь знаешь — я партийный. Вот и получил задание. Придется уехать. Ненадолго...

Последние слова он уже сказал, жалея ее, чувствуя, как она забилась в беззвучных рыданиях.

Что еще он мог сказать ей? Не скажешь, что вчера он имел долгую беседу с Ильиным и Вершининым. Они предупреждали: задание трудное, ответственное и опасное, но крайне необходимое в борьбе с контрреволюцией. Берется ли он? Он не отказался, хотя мог сделать это.

Знакомя Михаила в общих чертах с заданием, Ильин говорил:

— Через границу тебя переправим с помощью наших товарищей в Белоруссии. На польской стороне тебя задержат, начнут допрашивать. Ответы нужно подготовить заранее. Тут же нужно помянуть и Самару. Важно, чтобы ты понравился, глядишь — привлекут к

сотрудничеству. Лучше всего здесь, пожалуй, работать под белорусского националиста. Но даже если и не завербуют, будешь искать Мильского в Варшаве. Встреча, конечно, должна быть случайной. А тот рано или поздно приведет тебя к Доктору, к Валентинову. Вот он-то для нас и важнее всего. Сейчас он сидит на голодном пайке: своим хозяевам-англичанам рапортовать не о чем. Тебе он обрадуется — ты для него находка. Яроша, сына Мильского, постарайся тоже отыскать: вы с ним друзья, данные им характеристики и рекомендации будут для нас кстати...

За кордоном

Михаила допрашивали десятые сутки, выясняя, кто он такой, откуда, что ему известно о дислокации воинских частей в Белоруссии, о положении в колхозах, об отношении крестьянства к Советской власти.

Польский офицер был доволен ответами. Михаил тоже успокоился, понял: удалось убедить контрразведку в своей враждебности к Советам. И в причинах: он ненавидит их за раскулачивание, за преследование семьи... Его поместили на квартиру, обеспечили множеством книг и заставили их прочитать. Он понял: началась идеологическая обработка.

А вскоре и Валентинов имел возможность познакомиться с невысокого роста худощавым молодым человеком, произведшим на него хорошее впечатление. При первой же встрече Валентинов сказал:

— Генштаб передал нам материалы о перебежчиках из Белоруссии. Думаю, что ваша ненависть к Советской власти сблизит нас в дальнейшей работе.

Он интересовался деятельностью белорусских националистов, настроением народа, спрашивал, можно ли в современной обстановке поднять массы на восстание. Ничего утешительного Козырев сказать не мог. Встречи продолжались. Во время одной из них Валентинов сообщил, что их организация ведет большую работу на Украине и в других областях Советского Союза, а в Белоруссии не имеет до сего времени людей, с помощью которых можно было бы восстановить связь с группами, враждебными Советской власти, и развернуть работу.

— В этом, — сказал он, — вы должны нам помочь и, возвратясь в Белоруссию, положить начало нашей работе.

В своем отчете англичанам Валентинов писал: «...Я переключился на обработку переданного поляками нашему центру Козырева Михаила, белоруса, учителя, видного деятеля белорусской националистической организации, бежавшего в Польшу в связи с ее разгромом».

Через два месяца Валентинов вручил Козыреву инструкцию и рекомендовал тщательно ее выучить.

«...По возвращении на совсторону прощупать близких людей, на которых можно положиться, из числа студенчества, учителей, неустойчивых колхозников (желательно бывших унтер-офицеров) и лиц, идеологически враждебных соввласти».

Далее рекомендовалось «создавать ячейки, вырабатывать лозунги борьбы с Советской властью, но открыто не действовать, накапливать силы и ждать указаний из-за границы. От вооруженных выступлений временно отказаться, собирать сведения военного характера и т. п.».

Собирать сведения, вести шпионскую работу, опираясь на недовольных, — в этом и состояла суть задания.

В марте 1932 года, получив несколько тысяч рублей советских денег, Козырев в сопровождении неизвестного ему лица дошел до назначенного места и, подождав наступления темноты, перешел границу.

Валентинов же передал своему шефу Богатову для Интеллидженс сервис сведения о наличии в Белоруссии антисоветской националистической организации. На подробности он не скупился...

Английская разведка весьма заинтересовалась этим сообщением и предложила установить, не нуждается ли белорусское националистическое движение в какой-либо технической поддержке или материальной помощи, которую Интеллидженс сервис готова была оказать в любое время.

Обсуждал это предложение Михаил с приехавшим в Минск Ильиным и работником ОГПУ Белоруссии Барташевым. Они внимательно выслушали Михаила, неоднократно возвращались к тем или иным фактам и событиям, уточняя, сопоставляя, оценивая их.

Особенно интересовало Ильина то, что Валентинов,

зная о жизни Козырева в Самаре (во время допросов поляки все подробно записали), не проявил к этому никакого интереса. Что бы это могло значить? Не является ли посылка в Минск проверкой? Ведь Михаилу не дали явок, не назвали ни одного человека.

Ну что ж, проверка так проверка. Через месяц Козырев был в Варшаве и докладывал Валентинову, что он завербовал нескольких учителей из белорусов, проживающих в пограничных с Польшей селах и являющихся участниками националистической организации, что с их помощью создал линию беспрепятственного перехода границы.

Названные им «националисты» в течение ряда лет встречали непрошенных гостей из-за кордона. Между тем Михаилу собирались поручить новую работу.

С момента приезда Мильского в Польшу прошло уже больше года, а резидент «Барнабы», находящийся в Самаре, молчал. Никаких сведений о нем не было и у Богатова. Мильскому высказали сомнение в преданности Короткова, но он уверял, что Коротков не подведет.

Летом 1932 года к переходу в Советский Союз был подготовлен сын Мильского, проживавший в Познани, но он трусился и отказался от этого задания.

И тогда вновь вспомнили о Козыреве, который находился в резерве и занимался обработкой печатных изданий, получаемых из СССР. Однако его подготовка закончилась только к осени.

Посылая Михаила в Советский Союз, английская разведка рассчитывала установить прочную связь с Коротковым и Ключе, получить от них разведывательную информацию и дать новые инструкции. Немаловажное значение имело и то, что курьер должен был выяснить моральное состояние этих людей, в необходимом случае подбодрить их и поддержать материально.

Курьер прибыл в Самару

Михаил приехал в Самару в конце сентября.

Его здесь с нетерпением ждали. Он встретился с Ильиным и Вершининым в одном из номеров гостиницы «Гранд-отель» на Советской улице. Говорили долго, советовались, задавали друг другу вопросы.

Приезд Михаила Козырева в Самару ставил много серьезных вопросов перед чекистами. То, что Козырева направили в первую очередь к Короткову, подтверждало, что тот играет первую скрипку в резидентуре Валентинова. Но действует ли она вообще? Каковы ее возможности, какой разведывательной информацией располагает?

Было решено устроить встречи Михаила со всеми адресатами, указанными в зашифрованном письме, которое он вез Короткову, Ключе, Караваеву. Решили направить его сначала к Отто Ключе, а за время поездки еще раз внимательно посмотреть за поведением Короткова. Могла же английская разведка найти способ известить его о выезде курьера. Кроме того, нельзя было нарушать инструкции: к Короткову Михаил Иванович должен был приехать вместе с Отто Ключе.

Кто он такой? Почему так уверен в нем Мильский? На чем основана его уверенность? Механик лесозавода на станции Инза, немец, приехавший в Россию в 1905 году из Риги.

До Февральской революции служил управляющим именьями у крупной помещицы англичанки Пейм-Френч. Женился на вдове помещика, расстрелянного в 1918 году красными. В 1920 году арестовывался органами ОГПУ.

Сведения неутешительные. Как же он будет вести себя при встрече с «курьером»? Об этом размышлял Михаил, сидя в вагоне поезда.

...Ключе Михаил застал дома — тот жил рядом со станцией. Это был немолодой, какой-то блеклый человек, который встретил Михаила крайне настороженно. Когда же тот объяснил, кто он и откуда, а также передал привет от Мильского и письмо, написанное тайнописью, Ключе заметно побледнел и не пытался скрыть дрожащих рук.

Прочитав письмо, Ключе еще сильнее побледнел и на некоторое время потерял дар речи. Смешно было видеть этого трусливого человека, на которого так уверенно делала ставку английская разведка. Но дело нужно доводить до конца, и Михаил попытался утешить своего собеседника.

— Вас, по-видимому, просят съездить со мной в Самару? — спросил Козырев.

— Да, — немного оправившись, торопливо произнес Ключе, — но я не могу, я очень занят...

— Если вы не можете отлучиться, тогда прошу написать письмо, с которым я поеду сам.

Ключе охотно, хотя и дрожащей рукой, написал Короткову записку о том, что ее податель — свой человек и прибыл от их общего знакомого.

Дальше оставаться не имело смысла. Перед уходом Михаил сказал, что о возвращении он телеграммой уведомит Ключе, который должен его встретить на станции и передать письмо для Мильского, сообщив сведения, которых от него ждут. Ответа Ключе Михаил не расслышал.

В Самару Козырев прибыл рано утром и сразу же с вокзала позвонил Петру Васильевичу. Не называя Ключе, коротко рассказал о встрече и осведомился, как поживает их общий знакомый. Ильин ответил, что он вполне здоров. Это значило, что Михаил может выполнять задание дальше и отправляться к Короткову.

Наспех позавтракав, он сразу же отправился по нужному адресу. Однако встреча их состоялась только вечером: Короткова дома не оказалось. Михаил вручил записку Отто Ключе. Прочитав ее, Коротков спросил: «В чем дело?» Михаил сообщил, что прибыл нелегально из Польши от Мильского, и в подтверждение своих слов передал книгу Л. Раковского «Зеленая Америка», пояснив, что на ее страницах тайнописью все изложено. Содержание этого текста было известно. Мильский писал: «Мои просьбы следующие: нужно, чтобы Олег (имеется в виду Караваев) прибыл ко мне за границу. Наш курьер может его взять с собой. Нам нужно наладить регулярную связь, с помощью которой вы будете получать от меня поручения и сообщать о их выполнении. Мы сможем через курьера передавать вам регулярно деньги для работы и для вас лично. Если дело с Олегом наладится, эту работу поручим ему. Прием и отправка людей организованы хорошо, можете быть вполне спокойны. Ведь вы знаете, я никогда не позволю подвести кого-либо из старых друзей».

Другим почерком следовало задание:

«Согласно указаниям Вашего друга, мы обращаемся с просьбой принять участие в нашем общем деле. Мы задаем серию вопросов, но самыми важными

считаем две группы, а именно: крупные заводы и авиация. Политическое осведомление не представляет трудностей, но просим и о нем не забывать». А дальше очень подробно: какие заводы интересуют, что о них выяснить, какие сведения важны об авиации и т. п. В конце было написано: «Желаем Вам всего хорошего, убеждены, что лучшие времена для нашей родины уже недалеки. Высылаем вам деньги. Курьер, безусловно, верный человек, но с ним ни в какие разговоры вступать не следует».

Коротков читал молча, видимо, стараясь как можно лучше уяснить смысл написанного. А Михаил разглядывал его. Бледный человек с взъерошенными волосами и колючими глазками. На губах неприятная, язвительная усмешка... Затем Коротков взял бумагу и написал:

«Дорогой Т. Б. Получил — большое спасибо. Направляю обещанное. Все вопросы будут решены, результат сообщу. Олег в Сызрани. Всем привет».

Передав записку, задумался и почему-то, не соблюдая осторожности, обычной для таких случаев, подошел к шкафу и, протянув под него руку, достал небольшую металлическую коробку, из которой извлек тщательно уложенные бумаги и молча передал Михаилу.

Нарушив молчание, Козырев сказал:

— В письме должна быть просьба обязательно свести меня с Олегом.

— Да, об этом в письме говорится, но Олег сейчас находится в Сызрани.

— Адрес его у вас есть?

Коротков ответил, что с Олегом он не виделся целый год, но адрес имеется.

— Для чего вам нужен Олег?

— У меня задание: во что бы то ни стало найти Олега и увезти его с собой.

— Так вы здесь работать не будете?

— Нет, мне нужно скорее возвращаться обратно.

После этого Коротков сказал:

— Когда вы встретите Олега, отнесите к нему с осторожностью. Во-первых, я не видел его целый год, а во-вторых, сейчас он... Боюсь, что в его жизни произошли изменения, он работает сейчас в драмкружке и вообще... Я ему полностью не доверяю, хоть он и мой шурин.

Коротков немного помолчал, пошевелил руками волосы на голове и добавил:

— Олегу скажите, что он провалился и ему нужно бежать за границу, а чтобы он не отнесся к вам подозрительно, я напишу несколько слов.

Договорившись о пароле на будущее, Михаил стал прощаться. Пожал Короткову руку и снова почувствовал на себе колющий настороженный взгляд.

Внимание: «Барнаба»!

— Выходит, что резидентура «Барнаба» действует, — задумчиво сказал Вершинин, рассматривая бумаги, переданные Михаилу Коротковым. — Это агентурные сведения чистой воды...

Они снова сидели втроем — Михаил, Вершинин и Ильин — в том же номере «Гранд-отеля». На столе стояла початая бутылка мадеры, были разложены карты, и постороннему естественней всего было подумать, что три командированных не очень скучно убивают время в чужом городе.

— А Мильского мы снова недооценили, думая, что он блефует со своими агентами. Стало быть, Коротков действительно резидент в Самаре, варшавские сведения подтверждаются...

Это говорил Ильин, который выглядел сегодня каким-то особенно усталым, а потому даже желчным. Разрабатывая операцию, он допускал, что резидентура англичан в Самаре — «Барнаба» существует только на бумаге да в воображении охочего до чужих денег Тадеуша Мильского. Кто-кто, а он-то великолепно знал этого авантюриста — недаром так долго возился с ним в Самаре.

— Ваше мнение, товарищ Козырев, о дальнейшем ходе операции? — спросил Вершинин Михаила. Тот помолчал, потом коротко ответил:

— Для меня пока все ясно с Коротковым. Враг, ядовитый, злобный и беззастенчивый. Остаются другие двое — Олег Караваев в Сызрани и Клюге в Инзе. Надо и с ними довести дело до конца, конечно же, ничем себя не выдав...

Вершинин и Ильин не возражали против такого хода дела. Правда, сказали, что в Сызрань ехать нет

смысла: Олег Караваев на 5—7 дней выехал в район, придется сначала побывать в Инзе, у Ключе. Михаил согласился.

Когда они прощались, Ильин на минутку задержался и вдруг сказал весело:

— Да, вот еще что. Мы тут беседовали как-то с одной гражданкой по имени Маша. Жива, здорова, шлет тебе привет и говорит, что с нетерпением ждет. Так что ты это учти. Бодрости не теряй и за характером следи — не все ж нам с конторой дело иметь, наступят и другие деньки. Учти.

— Учту, — ответил Михаил и улыбнулся.

...Вечером Козырев, как и было условлено, дал телеграмму Ключе о своем выезде из Самары, а на следующий день был в Инзе. Ключе ждал его на станции. Вначале Козырев не узнал своего знакомого. За эти несколько дней он словно преобразился: подтянулся, движения его стали решительными и быстрыми. Казалось, это был совсем не тот человек, которого впервые увидел Михаил.

Ключе медленно подошел к Козыреву, поинтересовался, удачной ли была поездка. Михаил не стал разводить церемоний, довольно небрежно сказав:

— Давайте, что вы там подготовили:

Тут-то и произошла осечка, и Михаил понял весь смысл преобразования, происшедшего с Ключе.

— Мне нечего передавать, я не собирался этого делать, пусть оставят меня в покое, — отчеканил Ключе резко и раздраженно, повернулся и пошел по перрону.

Такой оборот дела для Михаила был неожиданным и в то же время радостным. Он отчетливо понял, что дело тут не в сверхосторожности Ключе, а в том, что действительно этот человек дает ему от ворот поворот, хорошо обдумав все и, видимо, немало пережив. Ключе выключился из игры. Теперь он был не опасен.

Впрочем, Михаил нашел еще в себе силы нагнать Ключе и попытаться ему пригрозить. Но тот уже не слушал и ушел независимым и бесстрашным.

Михаил постоял еще немного на перроне, глядя ему вслед, и заспешил к станции. Делать тут ему теперь было нечего.

И в ОГПУ о провале «миссии» Михаила Козырева в Инзе узнали с радостью. Господин Мильский все-таки,

значит, втирает очки своим хозяевам — и Валентинову, и англичанам, и полякам. В стройной на бумаге системе «Барнабы» оказался изъяснитель!

Взоры чекистов снова обратились на Короткова.

Чекисты внимательно изучали содержание пакета, переданного Коротковым Михаилу. Необходимо было решить два вопроса: насколько серьезны собранные сведения и каковы возможности по их сбору.

Бумаг было много, видимо, потребовалось немало времени, чтобы столько написать. Заводы Самары, Чапаевска, Пензы. Сырье, продукция, цифры, цифры...

Наконец все изучено, сопоставлено с действительными фактами. Выводы радовали. Данные о перечисленных заводах устаревшие, можно спокойно, не внося никаких изменений, передавать их разведке. Об авиации ни слова. Все сведения — поверхностные, собранные человеком, не работающим на этих заводах, имеющим к ним только косвенное отношение.

Но на один вопрос ответа не было. Почему в документах нет никаких данных за последний год? Если их у Короткова нет, то почему? Если есть, то, опять-таки, почему они не переданы сразу? На этот вопрос предстояло дать ответ.

Впереди еще немало неизвестного. И прежде всего — Олег Караваев. Кто он, какова его роль в резидентуре «Барнабы»?

Сын бывшего служащего, потерявший родителей еще до Октябрьской революции, он воспитывался у товарищей отца, которые к революции и Советской власти вражды не имели и вскоре все свои силы отдали служению народу. Олег рос мальчиком одаренным, увлекался литературой, мечтал стать писателем.

Все эти сведения были собраны о нем после сообщения Москвы о создании варшавской организации Валентинова. Вершинину удалось даже отыскать рукописные журналы с его рассказами и стихами. Они были несовершенными в художественном отношении, но полными оптимизма и веры в победу революции.

Нет, этот парень не очень-то годился в агенты врага.

В тяжелые годы гражданской войны он вместе со всеми переносил голод и лишения. В конце двадцатых годов жил у сестры (жены Короткова) в Самаре, но и

там вел себя нормально. В данный момент он работал в драмкружке станции Сызрань и ничего подозрительного в его поведении не наблюдалось. Жена его, Вера, работала тут же — кассиром на железнодорожном вокзале.

Почему же Мильский так на него рассчитывает? Опять переоценил свои силы? Думал — достаточно несколько раз в беседах с ним оклеветать Советскую власть, и молодой человек готов против нее бороться.

После возвращения из Инзы Козырев выехал в Сызрань. Был тихий воскресный день. С визитом он решил не торопиться, прогулялся по улицам, посмотрел на отдыхающих людей. И только потом пошел по нужному адресу. Дверь открыла молодая девушка:

— Здесь живет Олег Караваев? — спросил Михаил.

Та кивнула головой и показала на дверь другой комнаты. Молодой человек с приятными чертами лица, длинными волнистыми волосами сидел на диване и читал книгу.

— Вы ко мне?

— Да, — ответил Михаил и протянул ему письмо Короткова. Он бегло прочитал его и лишь после этого предложил войти. Затем стал читать еще раз. Михаил осмотрелся. Уютная комната среднего размера, новая мебель, фотографии по стенам. Стол, заваленный книгами и журналами.

— Значит, вы были у моего родственника в Самаре? — спросил Караваев.

Михаил утвердительно кивнул.

Олег предложил ему раздеться, сесть. Михаил не стал отказываться и, усевшись поудобнее, сообщил хозяину, что он приехал из Варшавы.

— Что-нибудь привезли от Мильского? Вы, конечно, его знаете?

— Да, я Мильского хорошо знаю, но вам ничего от него не привез.

— Так вы приехали в Сызрань работать?

— Нет, я был у Короткова и заехал сюда. Мне обязательно нужно было повидать вас.

— Пожалуйста, я вас слушаю.

— Наши руководители, в том числе и Мильский, просят вас приехать в Варшаву. Я должен дать маршрут и дать паролем...

Казалось, его слова не удивили Караваева. Молодой человек внимательно слушал, не перебивал. И только когда Михаил закончил инструктаж о технике перехода границы и спросил, когда Олег предполагает отправиться в Варшаву, ответил:

— Скажите, что мне нужно завершить кое-какие дела, пусть ждут меня месяца через два.

...А через час после описанной встречи у дежурного Сызранского отдела ОГПУ раздался звонок. Человек, назвавшийся Олегом Караваевым, просил срочно принять его. По взволнованному голосу дежурный понял, что сделать это нужно немедленно...

Разговор с «пришельцем из-за границы» был для Олега тяжелым испытанием. Сначала он хотел сразу же его выпроводить, потом — задержать, но он был безоружен и нужно было выяснить, чего хочет этот молодчик. Вторично читая письмо Короткова, он лихорадочно решал, что предпринять. «Выясню все, а затем прослежу, где остановился этот тип...» Но проследить ему не удалось. Михаил Николаевич, как назвал себя гость, выйдя из подъезда, словно растворился в воздухе.

Языком документов

Вершинин и Ильин обсуждали результаты встречи Козырева с Олегом Караваевым. Петр Васильевич сам ездил в Сызрань, ознакомился с рапортом дежурного по отделу, беседовал с Олегом. Нужно было принимать ответственное решение. Вывод о том, что разведка противника твердо намерена сделать Караваева связным, сомнений не вызывал, но к нему прибавилось весьма существенное дополнение — Караваев оказался преданным и надежным человеком. Это обстоятельство открывало новые возможности. Две из них были особенно заманчивыми. Во-первых, Михаил Козырев после «выполнения» задания, заслужив доверие англичан, должен получить новую «работу», несомненно сложнее и ответственнее. Во-вторых, послав Олега Караваева в Варшаву, можно было продолжить игру с английской разведкой и отделом польского генштаба, вновь взять под контроль канал связи между Валентиновым и резидентом «Барнабы». Сможет ли Караваев

выполнить такую сложную роль? Верилось, что да: развит, энергичен, сообразителен, а главное — надежен...

Началась подготовка к ответственному заданию. А Михаилу Козыреву тем временем вновь предстояло тайными тропами идти за границу. Это был его последний маршрут. При переходе границы Советского Союза он погиб в случайно завязавшейся перестрелке. Вот как скажет на допросе оказавшийся в 1945 году в руках нашей контрразведки Валентинов:

«В декабре 1932 года во втором отделе польского генерального штаба я узнал, что при переходе границы из СССР в Польшу был убит Козырев. Мне передали документы, которые он вез от Короткова, но обстоятельства гибели скрыли, сославшись на несчастный случай. А месяца через три в Варшаву прибыл Олег Караваев, долго болел, так как сильно простудился во время нелегального перехода границы. Он дал вполне хорошее описание структуры и деятельности ленинградского «Клуба иностранных моряков». Не помню, откуда он почерпнул эти сведения. Подробно описал авиабригаду в Кречевцах, дал еще несколько незначительных сообщений по РККА и т. п. Находясь в Варшаве, написал несколько докладов о настроении населения. Центр заинтересовали сведения, переданные Коротковым, хотя они и нуждались в серьезных уточнениях. Меня торопили. Требовали активизировать работу «Барнабы». Ничего не оставалось делать, как готовить к заброске в СССР Караваева. Но быстро его подготовить не удалось».

Цель приезда Караваева в Самару была ясна: подтолкнуть «Барнабу», которая, по мнению англичан, к слову сказать, справедливому, работала без должной инициативы. Такова была цель Валентинова, пославшего Олега в Самару. Вершинин и Ильин поставили перед ним несколько иную задачу: Караваеву предстояло выяснить, чем же в действительности занимается Коротков, что он подготовил для передачи своим зарубежным хозяевам, каковы его планы.

...Встреча его с Коротковым произошла поздно вечером.

— Кто такой Михаил, который ко мне приезжал? — спросил Коротков.

— Михаил Николаевич — курьер-эмигрант. Много

раз переходил границу. Передает поручения от Доктора.

— Разве не Мильский является главой организации?

— Нет, руководит делом бывший офицер, по кличке Доктор, Мильский же является одним из членов, но пользуется большим авторитетом.

— Скажи Мильскому, что он дурак. Они только умеют хвастаться, филькины грамоты пишут. Сами не знают, чего хотят. Запрашивает сведения о Трубочном заводе, производит ли он снаряды. Маленький ребенок и тот понимает, что если завод в данный момент и не военный, то при необходимости через десять часов будет точить снаряды... Дело не в этих сведениях и не в том, чтобы взорвать завод. Большевики новые настроят. Надо подготовить внутренний фронт, чтобы можно было ударить с тыла...

Коротков говорил зло, с раздражением, видно было, что он выкладывает свое сокровенное, над которым думал не один день.

В этом разговоре Олегу удалось выяснить, что с Мильским Коротков был связан и раньше, дал согласие возглавить все «дело», а теперь ничего делать не будет.

— Разве можно сейчас работать? — ворчал Коротков. — Каждый друг друга боится. Мильский надеялся на Ключе, — продолжал Коротков, — но тот показал ему спину, трус... Никаких сведений я тебе не дам и собирать не буду. От других они тебе тоже не нужны. Ты пойдешь без них. Будешь бороться пером. Твоя задача — обрисовать наше положение, показать другим нашу настоящую жизнь. Агитировать за интервенцию. Этим ты больше принесешь пользы делу, чем сбором сведений и взрывами. А перейдешь границу — обратно не возвращайся. Жди победы. Мильскому передай, что он идиот. Не умеет работать...

Коротков был виден насквозь: никакой резидентуры в Самаре нет, да и ставка на Короткова тоже провалилась.

Дальше разговаривать не имело смысла, и он задал Короткову последний вопрос:

— Какой же политической платформы вы придерживаетесь?

— Никакой. Сперва надо от большевиков освободиться, а там будет видно...

Перед уходом Олег, по совету Ильина, как бы между прочим, сообщил Короткову, что Козырев погиб при переходе границы и все документы попали в руки чекистов. Обернувшись, он увидел полное растерянности лицо Короткова.

...Прошло более пяти лет. На участке Засновского погранотряда при попытке перейти государственную границу Союза Советских Социалистических Республик была задержана Божена Мильская, по национальности немка, подданная Германии.

При задержании у нее были обнаружены фальшивый паспорт и другие документы, две с половиной тысячи рублей советских денег, пистолет браунинг с патронами. На следствии Божена показала, что для шпионской работы на территории СССР она была завербована сотрудником второго отдела польского генштаба.

Из показаний Божены было видно, что перед заброской в СССР ей дали задание поселиться на жительство в Минске, Москве или Калининe, устроиться на работу, а через некоторое время выехать в Куйбышев. В Куйбышеве поручалось разыскать Короткова и выяснить, почему от него нет никаких вестей. Отработать с ним новый пароль, о котором сообщить в Варшаву. Встретиться с надежными людьми из прежних знакомых и завербовать их для шпионской работы.

Приехав в Москву, Божена пыталась остановиться у своей давнишней подруги, но та, узнав, откуда она прибыла, проявила излишнее любопытство, напугавшее Божену. Она была вынуждена сразу же уехать в Куйбышев. Но и здесь знали, что она живет в Германии, и отнеслись к ней с недоверием. Весть о том, что Коротков арестован уже несколько лет назад, окончательно выбила ее из колеи.

Бежать! Как можно скорее бежать из этого ада, где все чужие, ненавистные люди.

Не прожив в Советском Союзе и двух недель, Божена ринулась обратно...

Что же произошло за эти пять лет, которые разделяют встречу Олега с Коротковым и приезд дочери Мильского в Советский Союз?

Враждебная деятельность Короткова была установлена, и так называемую резидентуру пришлось ликвидировать. Олега за границу не послали, оставили в

Союзе в надежде, что к нему будет прислан связной, но тот не появился.

Вот что стало известно об этом из показаний Валентинова:

«Центр английской разведки неоднократно интересовался состоянием работы резидентуры, находящейся в Куйбышеве (Средневолжском крае). Я как резидент Восточного сектора ничего утешительного сообщить не мог. Караваев в Варшаве не появлялся, присылал иногда короткие сообщения, не имеющие никакой ценности, просил направить к нему курьера.

После гибели Козырева хорошо отлаженная связь в приграничной полосе нарушилась. Направить курьера было невозможно. О Короткове никаких известий не поступало. В этот период ко мне дважды приезжал Богатов, сильно ругал Мильского, но помочь ничем не мог. Видя безнадежность создавшегося положения, махнул рукой и уехал.

Что он докладывал в центр, мне неизвестно, но сначала была прекращена выдача денег на Мильского и Караваева, затем последовал разнос, а в 1935 году была ликвидирована руководимая мною резидентура и центр английской разведки отказался со мной работать»..

Чекистам удалось внедриться в обе резидентуры, они знали о замыслах врага, сковывали его деятельность, в ряде случаев направляя его по ложному пути. В этом немалая заслуга куйбышевских чекистов. Полученные оперативные данные помогли в ходе следствия до конца разоблачить вражескую агентуру.

Заброска на территорию СССР Божены Мильской была последней попыткой связаться с резидентом Коротковым, возобновить работу. Вместе с тем, это был последний акт в работе чекистов по делу «Залет».

Остается сказать несколько слов о Валентинове. В 1935 году по известным уже причинам его работа в английской разведке прекратилась. Он искал выхода, и в 1936 году его подобрала германская разведка, которой он служил верой и правдой до последних дней фашистского рейха.

После разгрома фашистской Германии Валентинов был разоблачен и понес заслуженную кару.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Митрюхина вызвали в Москву. Принял его Серго Орджоникидзе. Вышел из-за письменного стола, приветливо поздоровался и усадил в кресло.

— Я познакомился с характеристиками, материалами. Неплохо о тебе пишут, — сказал Орджоникидзе и положил ладонь на папку с бумагами. — А теперь расскажи мне о себе сам, расскажи все, понимаешь, все подробно.

Владимир Иванович рассказал, что в партии с октября 1917-го, был в Красной гвардии, воевал, а с 1918 года в ЧК.

Нарком задавал вопросы, уточнял, требовал подробностей.

Потом вызвал своего секретаря.

— Позвони в ЦК, скажи — я не возражаю. Передай: Митрюхин — хороший большевик, опытный чекист.

Шел 1935 год. Страна напрягала силы для укрепления оборонной мощи. Нужны были деловые, надежные и преданные кадры. Орджоникидзе интересовало прошлое Митрюхина для того, чтобы выяснить его деловые качества и способности. Решался вопрос о направлении на руководящую работу на крупный завод оборонного значения.

Чем же заслужил Митрюхин такой отзыв наркома Орджоникидзе, человека требовательного и скупого на похвалы?

* * *

В ожидании гудка рабочие Пензенского паровозного депо обычно собирались в единственном теплом и сухом месте — в токарном цехе. Курили, делились новостями. Потом, повесив на табельную доску свои марки, расходились по рабочим местам.

Так началось и морозное утро 27 февраля 1917 года. Однако в этот раз гудка долго не было, а когда собралась вся смена, поднялся на один из станков котельщик Чернышов и зачитал телеграмму:

— Царское самодержавие свергнуто!

Чернышов с трудом успокоил товарищей по работе, призвал к организованности. Митинг принял несколько решений, в том числе о создании боевой дружины для охраны революционного порядка. Тут же началось ее формирование. Вначале записались 15 человек. В числе первых был и Митрюхин. В эту же ночь он был назначен на пост в проходной депо, впервые взял в руки наган, отобранный у одного из жандармов.

Паровозное депо, где в 1916 году начал работать слесарем семнадцатилетний Володя, и фабрика Сергеева были предприятиями с наиболее крупными трудовыми коллективами. Их рабочие имели некоторый опыт забастовок и были настроены революционно. Летом семнадцатого ряды пензенского пролетариата пополнились питерскими рабочими: частично эвакуировался из Петрограда Трубочный завод. Дружина, быстро возросшая численно, отстаивала предприятия от нападений бандитствующих элементов, давала отпор проидам черной сотни. Осенью дружина влилась в Красную гвардию, при этом случайные и враждебные лица отсеялись. В декабре молодой красногвардеец Митрюхин участвовал в операциях по занятию дома губернатора и других учреждений города.

В апреле 1918 года Владимир Митрюхин дежурил в штабе отряда на станции Пенза-Первая. В пять часов утра прибежал военный моряк. Рассказал, что он чудом вырвался из Кузнецка: город заняли банды, прискакавшие из Хвалынска. Разгромили советские учреждения, начались грабежи, насилия.

Митрюхин поднял отряд по тревоге, позвонил в ЧК и руководству Совета. Специальным поездом отряд выехал в Кузнецк и в два часа дня был уже там. Совместно с отрядом, прибывшим из Сызрани, бандитов разогнали, к вечеру порядок был восстановлен. Через несколько дней пришло сообщение о мятеже в Саратове. Митрюхин в составе отряда выехал туда. А потом отряд вошел в состав 1-го Пензенского советского полка и был на разных участках гражданской войны. На Уральском фронте, в тяжелых климатиче-

ских условиях, в окружении враждебно настроенного казачества молодой красноармеец получил настоящую закалку как боец и как будущий чекист. Там же в боях он был контужен.

* * *

На станции Митрюхина ждала подвода. Возница помог натянуть тулуп, взобрался на облучок, зажал коленками винтовку и дернул вожжи. Вслед за ними тронулась другая подвода с тремя вооруженными людьми в штатском.

— Что за народ на тех санях? — спросил Митрюхин.

— Да это наши ребята, из нашего отдела.

— Зачем они здесь? Приезжали по делу?

— Известно зачем. Встречать. Для охраны. У нас тут без этого нельзя. Пошаливает банда Ямана. Сам главарь — настоящий зверь.

— Ну, это зря. Я привык защищаться сам.

Возница ничего не ответил. Только неопределенно хмыкнул.

Лошади бежали ходко, прошло несколько часов, а Нижнего Ломова все не было видно.

— Сколько же верст до Ломова? По времени вроде бы должны быть на месте.

— Верста — она зависит от того, как ее считать, товарищ начальник. Мы поехали по другой дороге. Подальше будет, зато поспокойнее.

Добрались только к вечеру. Митрюхина с женой привезли прямо к приготовленной квартире — две крохотные комнатки в одноэтажном доме, а вторая подвода завернула к воротам уездного ГПУ.

Не успели согреться с дороги чаем, прибежал дежурный:

— Товарищ уполномоченный, начальника милиции убили...

Начальник уездной милиции Перепелкин возвращался в Нижний Ломов по лесной дороге. Внезапно из-за деревьев раздались выстрелы и одна из первых пуль оборвала его жизнь. Несколько позднее выяснилось, что главарь банды Синюков, узнав о назначении нового начальника ГПУ, решил подготовить ему «встречу» и устроил засаду на основной дороге, ведущей от станции Титово. Бандиты из числа местных жителей

опознали лошадей, увидели знакомую им повозку и решили, что едет тот, кого они ждали. Митрюхина же в это время провезли по кружной дороге.

В Нижний Ломов Митрюхина направили как чекиста, имеющего опыт борьбы с бандитами: перед этим назначением он несколько месяцев занимался в соседней губернии ликвидацией антоновщины.

В окрестностях Нижнего Ломова орудовали разбежавшиеся антоновцы, в основном местные жители. Прекрасно ориентируясь в родных местах и имея поддержку со стороны родственников, они все больше нагнали. Терроризировали актив сел, дважды останавливали на перегоне недалеко от Выглядовки пассажирские поезда и грабили пассажиров. Устраивали набеги на населенные пункты даже в дневное время.

В городе появлялись листовки с угрозами по адресу коммунистов, подписанные кличками бандитов. Проверка же показала, что изготовлены они новоявленными молодыми анархистами-максималистами. Поступили данные, что эти молодчики тайно собираются в бывшей женской гимназии, изучают там произведения Бакунина и намечают планы своих антисоветских действий. За литературой ездили в Петроград, а организационную помощь получали от анархистов Самары. Главарь тайной группы Смолюков якобы по заданию «инициативной группы» связался с бандитами, сообщал им о готовящихся против них операциях и получал от них материальную помощь. Его не раз видели в Верхнем Ломове в домах у бандитов. Задержанный чекистами Смолюков вначале отказался от дачи показаний. Но другие задержанные оказались более разговорчивыми и рассказали, кто есть кто.

Как-то летом Митрюхин в домашней одежде, в сандалиях на босу ногу пошел в магазин. Видит, на площади перед уездисполкомом топчутся двадцать вооруженных всадников на разгоряченных конях. Митрюхин подошел к ним.

— Скажи, парень, — обратились к нему, — где тут уком партии?

— Кто ж там будет сегодня... Воскресенье, все на речке, — соврал Владимир Иванович. — А зачем вам?

— У нас дела, — ухмыляется один и подмигивает. — Ладно, в другой раз. От нас не уйдут...

Оказалось, что это была группа бандитов, прибыв-

шая учинить погром. В молодом человеке в сандалиях они не опознали начальника ГПУ.

Записки же с угрозами расправы Синюков и Яман посылали Митрюхину несколько раз.

Главари банды быстры на расправу: почуют активность против них — изрубят, исполосуют. Угрозы и насилие сделали свое, и чекистам трудно было получить у местных жителей какие-либо данные о бандитах. Информация, поступающая от сельского актива, была слишком общей. А как бороться вслепую, не зная ничего о противнике?

Однажды ночью в окно квартиры Митрюхина осторожно постучали. Кто там может быть? Дежурный? Вряд ли... Что-то уж очень несмело.

— Кто?

— Владимир Иванович, поговорить надо...

— Кто все-таки?

— Ну я... Федор...

Митрюхин быстро оделся, зажег фонарь и открыл дверь. На пороге стоял рослый мужчина в старой шинели. Заветренное лицо покрыто нечесаной темной бородой. Усталые глаза отчаявшегося человека.

— Заходи.

Незнакомец за ствол втащил винтовку, прислонил ее к кадушке и осторожно закрыл за собой дверь.

— Не могу я больше быть там, нет сил смотреть на них... Пусть простит меня Советская власть, если может... или расстреляет.

— Я не Советская власть, я только ее представитель. И ничего обещать не могу. Проходи в комнату.

Слушал бандита чекист, и крутые желваки ходили под скулами. Сколько же обманутых темных людей, сбитых с толку демагогическими лозунгами Антонова, бродит по лесам. И вот этот тоже. В окопах первой мировой гнил. В Красной Армии был. А вернулся в деревню — окрутили кулаки. Только теперь понял, куда, к кому попал. Грабежи, убийства. Разве об этом думал и мечтал, когда возвращался с фронта? О земле думал, о жене, детях...

Качает понимающе головой Митрюхин, вставит два-три слова и снова слушает рассказ Федора. А того до души трогает молчаливое внимание человека, его неторопливые короткие вопросы.

— Это ты, Федор, правильно говоришь, — подбад-

ривает Митрюхин. — Нехорошо убивать, грабить свой народ. Получил землю от Советской власти, будь добр, обрабатывай ее. Ты правильно сделал, что пришел с повинной головой. Думаю, Советская власть это учтет и, возможно, простит. Ну, а как Яман? Простит ли он тебе уход из банды? Предположим, ты уедешь отсюда. Страна большая, и он не найдет тебя. А как твоя родня? Не будет ли мстить Яман за тебя? Неужели Яман вечно будет издеваться над твоими братьями, сестрами, над народом? Давай подумаем вместе, как нам быть, как быстрее кончить с Яманом. Может быть, вместе лучше расправиться с ним и тогда не будет надобности прятаться, уходить из родных мест?

Долго длилась беседа. Договорились, что Федор пока вернется в банду, но время от времени будет приходить к Митрюхину.

В следующий раз он пришел поздно вечером. И тот вечер едва не был последним для обоих.

Владимир Иванович заставил Федора раздеться, усадил за стол, налил горячего крепкого чая. Вдруг Александра Михайловна крикнула «Ложись!» и упала на пол, как ее учили в ЧК, где раньше работала. Федор прижался к стене. Приподняв занавеску, Митрюхин увидел фигуру, перепрыгнувшую через куст бузины. Жена, оказывается, увидела над верхней рамой окна человека с гранатой в руке. Внезапный крик молодой женщины, видимо, ошеломил бандита, а там слышался топот коней приближающегося наряда милиции.

— Это по вашу душу, Владимир Иванович, — заключил Федор.

— Твоя бы тоже оказалась на небесах, — ответил Митрюхин.

Больше всего в этой истории волновало Митрюхина одно обстоятельство: видел или не видел бандит Федора? Сидел Федор в простенке между окнами. Если видел, задуманный план можно считать провалившимся. И все надо начинать сначала. А если не видел, не заметил?

И Федор рискнул снова вернуться к Яману — одному из самых жестоких и хитрых бандитских вожakov. Нет, пока в банде ничего не заподозрили. Владимир Иванович дал задание Федору — оторвать хотя бы на короткое время атамана от банды и дать знать об этом в ЧК. Рассчитывали задержать Ямана

и надеялись, что арест его приведет к распаду всей шайки. От Федора да и по другим сведениям было известно, что за последнее время рядовых бандитов потянуло домой, к земле, к семьям и банда держится за счет угроз и насилия со стороны главаря.

Прошло несколько дней. Наконец-то раздался долгожданный стук в окно. Потом нервно застучали в дверь.

— Убил я его! — Федор, задыхающийся и бледный от бега и волнения, сел прямо на пороге.

— Разве я велел убивать? Ты должен был только сообщить, где он.

— Нечаянно убил... Он сам напал, я не хотел...

Владимир Иванович дал ковш воды, усадил Федора за стол, протянул папиросу. Федор жадно затянулся, кажется, чуть успокоился, но как-то расслабился, скис.

— Рассказывай. Давай все по порядку, — потребовал Митрюхин.

Как договорились, Федор уговорил Ямана «поразматься», погулять у Анисьи, к которой он изредка похаживал.

Молодая вдова встретила приветливо, хотя особой радости не выразила. Подаренный кашемировый платок тоже не вызвал у нее восторга. Мельком взглянув на подарок, Анисья тихо вымолвила:

— Не новый.

Пили много, но Яман долго не пьянел. Ругал своих, которые были в воскресенье в Ломове, никого не застали, вернулись с пустыми руками.

— Другой раз сам пойду в Ломов. Вырежу всех начальников и комиссаров. Один буду править! — бахвалился Яман. — Что мне уезд, на Пензу пойду, всю губернию займу! Они у меня попляшут! А тебя, Федя, командиром полка назначу. Нет, начальником дивизии, вот кем.

— А меня? — пискнула Анисья.

Яман ущипнул ее за щеку, левой рукой рывком стянул с лавки и усадил к себе на колени.

— Одну в атлас и бархат. Шляпу с перьями достану.

Уже в полночь Яман отпустил Федора спать в сенях. Федор полежал там немного. Прислушался. Тихо. Изредка хихикала опьяневшая Анисья, но потом тоже затихла. Федор бесшумно обулся, взял винтовку и шагнул к выходу. В это время неожиданно открылась

дверь и показался Яман. Глаза у него скосились. Федор знал — это нехороший признак, в нем проснулся зверь.

— Ты куда собрался? Бежать? Предать меня захотел? Говорили мне, ты бегаешь в чека, не верил. Вот тебе чека! — и Яман поднял наган.

Первым выстрелил Федор. При появлении Ямана Федор, не отрывая глаз от атамана, нащупал спусковой крючок. Когда Яман прицелился, Федор, как была винтовка на весу, так и выстрелил. Руку сильно оттянуло назад, пуля угодила Яману в лоб. Рука Ямана сжалась в предсмертной судороге, и раздался выстрел. Его последний выстрел. В сениях что-то разбилось. Анисья в ужасе уставилась на безжизненное тело любовника.

— Бери за ноги, оттащим к бугру, — скомандовал Федор. — Потом пол вымоешь. Холодной водой. Спросят, скажи — мы ушли в полночь. Ты ничего не видела! Поняла, дура?

Анисья кивнула головой, взялась за ноги убитого.

* * *

— Так, — протяжно выдавил из себя Митрюхин. — Что будет, если в банде узнают про убийство?

— Убьют. Меня и Анисью. Филька убьет.

— Поедешь с нами. По дороге ни с кем из наших не разговаривай, от меня не отходи. Сядешь на мой тарантас. Покажешь место, а потом уйдешь от нас.

Через некоторое время небольшой отряд выехал из города. За бугром, указанным Федором, залегли. Митрюхин отпустил Федора, и он скрылся в темноте. Раздались два-три выстрела — это стрелял Федор. Цепочка открыла «ответный» огонь. На рассвете пошли за бугор и там нашли труп Ямана.

В банде быстро распространился слух, что их атаман попал в засаду и убит в перестрелке.

Предположения чекистов оправдались: банда после гибели главаря распалась. Но оставался Синюков, этот рыжий командир «зеленой армии». Еще зимой чекисты напали на его след, но ему удалось тогда уйти.

Из Пензы на помощь прислали взвод войск ОГПУ, прикомандировали конный резерв милиции и усилили оперативную работу. К осени 1923 года банда Синюкова и другие более мелкие шайки были разгромлены.

Однако самому Синюкову удалось бежать. В уезде стало спокойно. Митрюхина отозвали в губернский отдел ОГПУ.

Розыск Синюкова продолжался. Во время суда над другими бандитами он заочно дважды был приговорен к расстрелу. Поступили сообщения, что Синюков живет в Ростове и сапожничает. Послали запрос в Ростов. Задержали преступника, привезли и доставили к Митрюхину.

— Кем работаете?

— Сапожником.

Высокий, молодой, волосы темные. Нет, что-то не так. Пригласили свидетелей, знавших Синюкова.

— Нет, — говорят, — не он. Тот совсем не такой.

Ошиблись ростовчане, задержали другого Синюкова, какого-то мелкого уголовника. Пришлось направить на Дон своих сотрудников и свидетелей-опознавателей. Вернулись они и не одни, с задержанным.

В кабинет вводят маленького старика. Идет спокойно, ступает осторожно. Рыжая борода клинышком аккуратно расчесана. На пороге снимает шарообразную матерчатую шапку, остается в тюбетейке. Хочет снять галоши.

— Садись, — показывает чекист на стул.

Неужели этот благообразный старик и есть тот зверь и садист, гроза нескольких уездов? Нет ли снова ошибки? Однако приметы сходятся. Да и свидетели не должны бы обознаться. Ездили двое: бывший бандит, добровольно сдавшийся чекистам, и другой — пострадавший от Синюкова.

— Фамилия?

Старик называет какую-то вымышленную. Чекист садится за приставной столик лицом к лицу с задержанным, предлагает ему закурить, берет и сам папиросу. Наклоняется к старику.

— Давно мы с тобой ждали встречи друг с другом: ты со мной — еще прошлой зимой, в лесу, а я с тобой — в Ломове. Заравствуй, Синюков! Я Митрюхин.

Лицо старика моментально преобразилось, глаза начали бегать, он озирался по сторонам, задержал взгляд на окнах. Теперь он зверь, готовый к прыжку. Митрюхин запирает окно. Такая предосторожность правомерна: раньше Синюкову удавалось бежать из-под стражи.

Допрос заканчивается поздно вечером. Сотрудники уводят бандита.

* * *

Летом 1927 года Митрюхина назначили районным уполномоченным в Чапаевск. К этому времени враги и «бывшие люди», потерпевшие неудачу в открытых боях, перешли к другим формам борьбы: устраивали саботаж, провокации, распространяли ложные слухи, стремились использовать любой случай, каждый повод, чтобы чем-то навредить, омрачить трудовые будни народа.

Как-то раз, возвратившись на исходе дня из Самары, Митрюхин от сотрудника милиции на вокзале узнал о драке между двумя заезжими самарскими уголовниками — «гастролерами», не поладившими между собой во время игры в бильярд. Один другого ударил ножом. Удар оказался смертельным. Убийцу схватили, отвели в отделение милиции. Кто-то по городу пустил панический слух: самарская шпана приехала бить чапаевских рабочих и одного уже убила. А милиция укрывает убийцу. Сотрудник милиции, задержавший убийцу, вместо того чтобы разъяснить пришедшим к нему рабочим суть дела, а может быть, и дать взглянуть на тело убитого, решил «показать свою власть», прогнал пришедших и для конвоирования задержанного затребовал наряд из войсковой части.

И вот около здания милиции стала собираться толпа. Когда сюда подошел Митрюхин, на улице скопилось несколько сот человек. В первых рядах сновали какие-то юркие и крикливые субъекты, требовавшие выдачи убийцы и угрожавшие громить отделение милиции. Уполномоченный ГПУ взошел на крыльцо, попросил успокоиться, объявил, что хочет рассказать правду. Его не слушают. Кто-то хватает кирпич и пытается ударить им по голове Митрюхина, тот уклоняется, и кирпич, угодив в стену, разлетается на куски. Кто-то другой сталкивает Владимира Ивановича с высокого крыльца, и он насилу выбирается из толпы.

Город был переполнен слухами, кто-то будоражил и настраивал на недоверие к местным советским органам людей. Но кто? В памяти застряло несколько перекошенных злобой и ненавистью лиц из первого

ряда толпы. Но кто они, где их искать? А действовать нужно было незамедлительно, причем безошибочно. Митрюхин был уверен, что здесь не обошлось без руки врага, а им могли не сговариваясь помогать уголовники, которые во время смуты не прочь погреть руки.

Посоветовавшись с секретарем горкома партии, Митрюхин решил пригласить известных в городе бывших полицейских, торговцев, черносотенцев. Кто сам пришел по повестке, кого пришлось привести.

И чекист не ошибся. Среди собранных оказались вчерашние знакомые: и тот, который замахивался кирпичом, и тот, который столкнул с крыльца. Еще несколько человек из стоявших в первых рядах. Митрюхин обо всем этом доложил в горкоме партии.

— Надо признаться, в этом деле есть и наша вина, — сказал секретарь, — мы недостаточно оперативно информируем рабочих о событиях, и поэтому они нередко начинают верить различным слухам. Вы во всем разобрались, товарищ Митрюхин, знаете все подробности, вот и идите по заводам, соберите рабочих и расскажите им, как все произошло, кто виновен, в общем, всю правду.

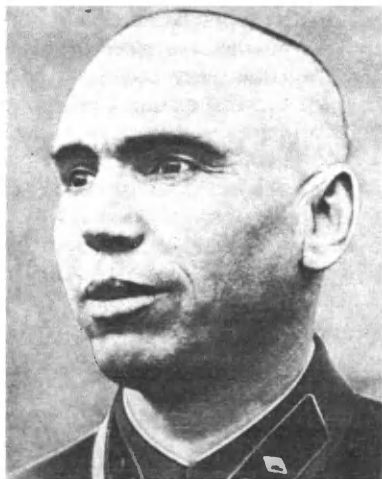
В этот день Митрюхин побывал почти на каждом предприятии и выступал с рассказом о том, какую роль в распространении слухов играли недобитые враги Советской власти, подробно и ярко живописал их «деятельность».

Такие встречи с народом очень действовали. Рабочие сами стали приводить в милицию и в ГПУ распространителей провокационных слухов.

Тщательное расследование помогло выявить главных виновников беспорядков. Краевой суд сурово наказал их.

В один из весенних месяцев банки Самары и других городов Поволжья забили тревогу: поступают фальшивые двадцатикопеечные монеты. Подделка денег во все времена сурово каралась. Это ведь не что иное, как посягательство на экономическую основу страны, на суверенные права государства.

Начались поиски. Поступили данные о вооруженной шайке, имеющей специальное оборудование. Следы привели в один из домов поселка Кузнецова. Задер-

В.И. Митрюхин
Фото 1934 г.

жали двоих, нашли кучу фальшивых монет, но никаких станков и оборудования не обнаружили. Арестованные отпирались, уверяли, что у них ничего такого нет и не было. Быстро удалось собрать сведения о связях задержанных, каковы их ежедневные маршруты, какими деньгами они обычно расплачиваются в магазинах.

Умелое использование косвенных показаний дало результаты — один из задержанных назвал адрес дома, где, по его предположению, должна быть мастерская шайки. Медлить было нельзя: узнав о задержании участников, главарь может ликвидировать свое «хозяйство» и скрыть следы. Поэтому пришлось выехать на место без предварительного изучения и разведки. Поехали на автомашине сотрудники Митрюхин, Коган, Евдокимов и другие.

Быстро нашли отдельно стоящий особняк за высоким забором. Ворота на запоре. По двору бегают громадный пес. Постучали. Никакого ответа. Поинтересовались у соседей, где хозяева. Те ничего вразумительного не могли сказать, только то, что хозяева — люди замкнутые. Лишь одна словоохотливая старуха, вечно сидевшая на лавке у ворот, оказывается, видела, как хозяин дома перепрыгивал со двора через забор, а до этого спускался по лестнице с чердака. Ясно, значит, заперли на внутренние запоры и ушли через забор, не захотели вешать замок.

Нужно было сперва избавиться от собаки. Удалось заманить ее в сарай и запереть там. Перелезли через забор. Входная дверь, как и ворота, была заперта изнутри. Митрюхин разыскал припрятанную лестницу и с пистолетом в одной руке, фонарем в другой полез на чердак. Над сенями — закрытый лаз. Открыл, осветил фонариком сени. В углу — кровать, там закутанная в одеяло фигура. Окликнул — не отвечает. Спрыгнул и быстро отворил дверь, зашли другие сотрудники. На постели — никого, оказывается, из одеял и подушек сделано подобие спящего.

В доме никого не оказалось и ничего подозрительного не нашли. Под ковром, лежавшим на полу, обнаружили лаз в подвал, направились туда, а там — целая мастерская, станочек, готовые двугривенные, большие запасы заготовок. Ничего не стали трогать, выпустили собаку. А сами в засаду. Прошла ночь, никто не появлялся. Пришлось посылать машину за едой. Только на исходе второго дня вернулись хозяева — мужчина и женщина. Их тихо задержали. Потом задержали еще пять человек.

Операция прошла бесшумно. Шайка фальшивомонетчиков перестала существовать. В конторах Госбанка облегченно вздохнули.

Весной 1934 года поступило несколько сообщений, что в некоторые магазины и базы Самары приезжают какие-то вооруженные люди, загружают автомашину продуктами и промтоварами, а изумленным заведующим оставляют официальные расписки с печатью Самарского оперсектора ГПУ.

— Нужно по делу, — говорили они работникам баз. — Закончим дело — возвратим.

Затем у каждого из них брали подписки о сохранении в тайне проведенной «операции». Проходили дни, товары не возвращались, и тогда заведующие начинали поднимать тревогу. Было ясно, что действовала шайка мошенников. Печати на расписках и предписаниях были поддельными. К тому же Самарский оперсектор был уже ликвидирован, то есть расписки выдавались от имени несуществующего органа.

Полпред ОГПУ Бак вызвал к себе Митрюхина.

— Знаете об этих случаях? — и протянул милицмейскую сводку.

— Слышал, Борис Аркадьевич. Звездин, начальник милиции, занимается лично, но пока не поймали.

— Почему до сих пор не занимались этим делом наши товарищи? Надо включиться. Поручаю вам. Учтите, компрометируются органы ГПУ, этого допускать нельзя.

Митрюхин и его помощники побывали на базах, в магазинах и других учреждениях, беседовали с руководителями, секретарями партячеек, инструктировали их, как поступить, если к ним заявятся мнимые «сотрудники ГПУ».

Через несколько дней, в 9 часов вечера, раздался телефонный звонок из Заготзерна.

— Владимир Иванович, ГПУ забирает у нас все пишущие машинки.

— Задержите их до нашего прихода, но на нас не ссылайтесь. Под любым предлогом. Сочините что-нибудь. Предложите выпить, в конце-концов, но задержите.

Выехавшие на место сотрудники задержали рецидивиста, неоднократно судимого за мошенничество. Он оказался главарем шайки. Рассказал, что печати делал сам, но были затруднения с изготовлением «предписаний». Написанные от руки, они не производили нужного впечатления и вызывали сомнение. Потребовались машинки.

Показания необходимо было проверить. Митрюхин не исключал возможности использования печатей ликвидированного органа, тогда пришлось бы выяснять, каким образом печати оказались у мошенника.

— Вы утверждаете, что печати изготавливали лично вы?

— Да, сам...

— Можете сейчас сделать печать?

— А как же.

Задержанный попросил кусок картона и острый нож. Начал манипулировать ножом, и не прошло часа, как печать была готова.

Потом задержали остальных участников шайки.

Владимир Иванович после многолетней работы в органах госбезопасности Средневолжского края занимал ответственные должности в хозяйственных организациях Куйбышева. В настоящее время персональный пенсионер союзного значения, проживает в Куйбышеве.

НЕПОДКУПНЫЕ

1

Григорий Климов некоторое время постоял у ворот тюрьмы, с хрустом расправил плечи и пошел по Ильинской улице. Долгое сидение в комнате с зарешеченными окнами, непривычный длительный допрос арестованного утомили его. Молодое тело требовало движений, и Климов ускорил шаг, энергично размахивая при этом руками.

Дело, которое поручили ему вести, в отличие от первых, оказалось сложным. Оно возникло по жалобе рабочих-заготовителей из Курумочского леса, и по нему проходило более десяти человек. Бывший купец первой гильдии Семушкин и его сообщники, игнорируя советские законы, беспощадно эксплуатировали рабочих, а платили мало. Не считаясь с нарядами исполкома, сплавляли лес организациям, существование которых вызывало сомнение, допускали другие серьезные злоупотребления и наживались.

Получив дело, Климов пригласил волжского грузчика Логинова, известного ему по профсоюзу, и попросил его побывать на лесоразработках под видом поиска выгодной работы. Умный и толковый человек, прямой по натуре и немало пострадавший за это от бывших хозяев и приказчиков, Логинов был нетерпим к несправедливости. В лесу он быстро нашел общий язык с рабочими, хорошо разобрался в обстановке и, вернувшись, рассказал детально о творившихся там беспорядках. Климов, поехавший туда позже, по ориентировке Логинова быстро нашел нужных свидетелей, собрал другие необходимые документы и теперь в самарской тюрьме приступил к поединку с арестованными.

Не успел Климов пройти и половину квартала, как ему неожиданно преградил дорогу солидный мужчина и, угодливо поклонившись, спросил:

— Виноват, вы не Климов Григорий Иванович будете?

— Предположим...

— Прошу прощения за назойливость, не вы ли ведете дело Семушкина?

— Ну и что?..

Назойливый незнакомец пошел рядом, продолжая быстро объясняться, нахваливать Семушкина. Дескать, он большой специалист по лесной части, приносит пользу новой власти: лес нужен всем.

— Возможно, купец ошибся малость, по незнанию нарушал некоторые теперешние законы. Верно, он покрикивал на рабочих, взыскивал за безделье — ух, прижимистый мужик. Это же по старинке, без того нельзя было раньше. Сам купец, знаю, как это бывает. Между прочим, готов помочь разобраться в коммерческих делах. Готов помочь всем, кто нуждается. Я такой. Купца Колесникова все в городе знают. Вот справа двухэтажный дом, это мой дом. Номера там были.

Купец показал на дом. Григорий узнал его. Когда провожал Лиду, девушку, с которой познакомился на репетиции «Ромео и Джульетты», она останавливалась здесь и прощалась с ним.

«Неужели отец?» — предположил он.

За разговорами дошли до Воскресенской площади. Купец запыхался, но от Климова, шагавшего быстро, не отставал.

— Может, зайдём, посидим. Что за беседа на ходу. — Колесников показал на чайную. — Не побрезгуйте. Многие из молодых были рады моему расположению: у меня дочки-красавицы на выданье!

«Что хочет купец от меня? Разговор о Лиде? Или знает что-либо существенное по делу Семушкина. Нужно выяснить все до конца, а там увидим», — решил Климов и согласился вместе пообедать.

На столе появился запретный в то время графинчик. После первой же стопки Колесников осмелел, стал откровенным и, как он выразился, приступил к делу. Он, оказывается, разговаривал с женой Семушкина, та приготовила кругленькую сумму на расходы. Надо выручить друга.

Было ясно: предлагает взятку. У Климова внутри

все кипело от возмущения, ему хотелось отругать купца, плюнуть ему в лицо, даже ударить. Он знал — этого делать нельзя, но можно арестовать за предложение взятки. А что дальше? Как разоблачить его, доказать, что было такое предложение? Климов не знал. К тому же стопка водки подействовала быстро и стало противно. Раньше ему не приходилось пробовать этого зелья.

Когда Колесников отлучился к буфету и начал о чем-то шептаться с буфетчиком, повернувшись к залу спиной, Григорий незаметно пробрался к выходу, выбежал на улицу и прыгнул на подножку проходившего мимо трамвая.

В губчека к сообщению Климова отнеслись серьезно.

— Взяточничество — величайшее зло, — сказал Беляев, заместитель председателя. — Нужно отбить у этих купчиков охоту пытаться подкупать советских работников. Какая наглость — предложить взятку! Кому? Чекисту! За последнее время у нас это не первый случай. Гончарову удалось схватить виновницу за руку при свидетелях, когда она подсовывала ему миллионы. Задержали молодую монашку, а вышли на епископа Павла, за которого она хлопотала. — Беляев встал и взволнованно продолжал: — Мы строго судим тех, кто дает взятки, не только потому, что они развращают советских работников, не имеющих пока достаточного опыта и твердости. Они покушаются на диктатуру пролетариата, пытаются свести на нет смысл ломки государственного аппарата, доставшегося в наследство от царизма. А тот, кто берет?.. Он продает себя в мерзкое рабство. Он хуже раба: раба продавали насильственно. Взяточник продает, как говорят юристы, свое действие или бездействие. Нельзя совмещать социализм, к которому мы стремимся, и рабскую зависимость человека от кого-то.

На рапорте Климова появилась резолюция, разрешающая взять деньги у Колесникова, но и обязывающая разоблачить, арестовать давшего взятку.

На другой день Колесников снова поджидал Климова и как ни в чем не бывало продолжил разговор, начатый в чайной. Климов затеял с купцом игру. То изображал испуг за возможные последствия, то как бы поддавался уговорам, но ясного ответа не давал. Колесников не отступал. По его понятиям,

Сотрудники Самарского отдела СГПУ. В первом ряду четвертый слева — Г.И.Климов, во втором четвертый слева — И.К.Опанский

ни один человек не может отказаться от больших денег. По крайней мере так всегда было в его практике. «Возьмет!», — думал он про себя и понемногу прибавлял сумму «гонорара».

Как-то под вечер Колесников разыскал Климова около Струковского сада и затащил в ресторан. Григорий Иванович часто оглядывался по сторонам, прикинулся недовольным: люди увидят, скажут: что это за дружба у чекиста с купцом, откуда у него деньги на ресторан?

— Не трусь, — успокаивал Колесников, — все можно объяснить. Ты мою дочку Лиду знаешь? Разве плоха? Скажешь, что сватаешь ее, вот и дружба! И на самом деле сосватаем, только обделаю дело. Деньги на свадьбу пойдут, да костюм приличный купишь.

«Лида — его дочь. Неужели и она замешана? — подумал Григорий. — Не это ли причина нахальства и панибратства купца в обращении со мной?»

Григорий Иванович сделал вид, что поддался уговорам. По согласованию с руководством встречу с Колесниковым назначили на квартире, где нашлись бы при надобности свидетели-очевидцы. Однако осторожному Колесникову квартира, видимо, не понравилась, побыв там несколько минут, сказал, что с собой у него

в этот раз ничего нет, и ушел. Пакет с деньгами всучил в укромном углу ресторана.

В тот вечер на репетиции Лида была задумчива. На улице отстранила руку Григория и, обернувшись, зло проговорила:

— И вы, оказывается, такие же, как все люди нашего круга. Как купцы, чиновники. Я думала, что большевики чисты и справедливы, непохожи на других, на моих старых знакомых.

Колесникова арестовали, деньги сдали в кассу, однако не было прямых доказательств факта дачи взятки, за исключением нового рапорта Климова и самих денег. Колесников же все категорически отрицал.

Начальник отделения, опытный следователь Михаил Боднар, недавно разоблачивший преступника-купца, подложившего ему крупную взятку в 10 миллионов рублей, предложил небольшую комбинацию.

На очную ставку с Колесниковым Климова привели под конвоем. Красноармеец сдал его Боднару под расписку. Увидев Климова в сопровождении конвоира, купец заерзал на стуле, но быстро справился с волнением и подмигнул Климову. Потом руками и мимикой стал делать какие-то знаки, давая понять: «Держись!».

Зазвонил телефон. Разговаривая, Боднар отвернулся. Колесников воспользовался моментом и зашептал:

— Не признавайся, откажись...

— Бесполезно, они все знают, — так же негромко ответил Климов и отрешенно махнул рукой.

— Как ты с ним? — Купец кивком головы показал на следователя.

— Друзьями были...

В это время Боднар повесил трубку, дал отбой и, сославшись на срочный вызов к начальнику, отложил очную ставку. Телефонный звонок и вызов к начальнику — все это предусматривалось планом Боднара. Он предполагал, что Колесников предпримет какие-то меры, чтобы связаться с Климовым, договориться с ним, и тем самым возможно разоблачит себя. Так и получилось. К следующей встрече купец приготовил записку и, когда привели в кабинет следователя, проходя к своему месту, незаметно сунул ее в руку Климова. «Держись крепко, не признавайся, никто не видел, как брал деньги, не докажут. Боднару скажи, если закроет дело — озолочу», — прочитал Климов.

Можно прекращать игру. Климов выложил записку на стол Боднара, затем из ящика другого стола достал ремень, снятый им при «аресте», подпоясался и сел писать рапорт с приложением записки.

Колесников оторопел. Боднар прочитал ему показания жены купца Семушкина. Она сообщала, сколько дала денег Колесникову для освобождения мужа. Оказывается, Колесников половину суммы оставил себе.

Домой Климов возвращался вместе с Боднаром.

— Ну и артист ты, Гриша. Хорошо изображал арестованного.

— Я же в самодеятельности участвую, еще в Москве в типографии начал. А сейчас у нас в клубе руководит кружком сам Константин Скоробогатов, известный артист! Я сейчас, Михаил Дмитриевич, о другом думаю. В ЧК я всего-то несколько недель, а в какую историю попал, какая ситуация сложилась. Что же будет дальше?

— Пока работаешь в ЧК, каждый раз будет что-то новое, зачастую неожиданное. Иной раз придется заниматься тем, о чем раньше понятия не имел, но ты обязан будешь разобраться в обстановке не хуже специалиста. В разных ситуациях недостатка не будет. Важно всегда чувствовать свою ответственность, не терять голову и не идти против своей совести.

Боднар дружески положил ладонь на плечо Климову, и некоторое время они шли молча. Видимо, в этот день была заложена основа дружбы двух чекистов, сохранявшаяся потом более чем полвека: молодого, задорного в то время Климова и Михаила Боднара, человека сложной судьбы.

Лида перестала ходить на репетиции, и Григорий больше с ней не смог встретиться. Так и не узнал он, была ли она причастна к делу отца, было ли возмущение ее отработано заранее или же, не имея никакого отношения к грязным делам, высказала Григорию все, что думала.

2

Приглашение работать в ЧК для Климова было полной неожиданностью. В июле 1920 года в зал Самарского губернского совета профсоюзов пригласили коммунистов, мобилизованных на «внутренний фронт». Одних направляли возглавить заготовку дров, других —

на борьбу с эпидемиями или комиссарами в учреждения. Решение многих хозяйственных задач совершенно справедливо было приравнено к фронтовым делам.

Ожидающего своей очереди Григория Климова отозвали в сторону и представили заместителю председателя Самарской губернской ЧК Василию Беляеву.

— Ты большевик? — спросил он.

— Да, с 1919 года.

— Писать умеешь?

— Окончил начальное училище в Москве. С тринадцати лет работаю в типографиях, кое-чему там тоже научился.

— Где еще работал?

— В восемнадцатом добровольно ушел на фронт, вернулся в Москву по ранению, потом вместе с матерью подался в Самару.

— Садись, напиши свою биографию.

Написанное Климовым Беляеву понравилось: грамотно и четко.

— Будешь работать в ЧК. Таково решение губкома.

— Что там буду делать? Работать в типографии?

— Будешь следователем. Ты грамотный, поработаешь, научишься. Главное — честность и революционное сознание.

Климов недоумевал: поговорили пять минут и назначили следователем. Неужели за такой срок можно определить, годен человек для работы в ЧК или нет?

Однако на деле не так все это было. Вопрос о Климове был предрешен в партийных органах, и оставалась проверка его грамотности. Чекисты заметили молодого наборщика Григория Климова еще задолго до этой встречи в совете профсоюзов.

Во время забастовки работников самарских типографий, устроенной меньшевиками, небольшая группа большевиков, в числе которых был Климов, обеспечила бесперебойный выпуск губернской газеты «Коммуна». Однако главное было не в этом. Климов оказал тогда еще одну, может быть, более важную, услугу — разоблачил далеко идущие замыслы зачинщиков забастовки, рассчитывавших спровоцировать других рабочих города и сделать забастовку всеобщей: он обнаружил в типографии совнархоза подготовленный для печати набор воззвания меньшевиков, сообразил, к чему может привести распространение листовки, и незаметно сделал

вручную несколько оттисков. Через большевика Зубкова передал оттиски в губчека.

Листовки не увидели света. Срочно были приняты и другие меры. Забастовку удалось локализовать. Это было в то время, когда в губернском правлении союза печатников большинство принадлежало меньшевикам. Губком партии большевиков принимал меры для оказания нужного влияния на печатников, на митингах и собраниях разоблачались реакционные выступления меньшевиков. Однако после приезда группы меньшевиков, находившихся до этого на территории, занятой колчаковцами, активность их вновь начала усиливаться.

Некоторые из прибывших в Самару скрыли свою партийную принадлежность и начали действовать втихую. Некто Семечкин, например, указал в анкетах, что является беспартийным, на самом же деле был казначеем меньшевистской организации. Меньшевики выступали против основы молодого государства — диктатуры пролетариата и, ссылаясь на примеры непромышленных районов, вопили, что диктатура пролетариата есть диктатура меньшинства, и требовали «демократизации». Не отказываясь от попыток подчинить массы своему влиянию, они продолжали в то же время делать демагогические заявления о «нейтральности» профсоюзов. Их призывы о разрешении свободной торговли, свободных перевозок продовольствия, рассчитанные на обывателя, были бы в то время на руку спекулянтам, и введение их еще больше усложнило бы дело снабжения населения.

Летом 1920 года в Самару приехал член Центрального комитета профсоюза печатников меньшевик Григорьев и на собрании всячески восхвалял политику своей партии. Выступавший после него большевик Хайкин разоблачил несостоятельность позиции меньшевиков. Потом слово взял молодой и еще неопытный Климов. Волнуясь и краснея, он, как очевидец событий, привел конкретные примеры предательства меньшевиков в Москве в октябре 1917 года и их позорного поведения в Самаре. Непосредственность и прямота речи Климова пришлись по душе участникам собрания.

Большевики усилили борьбу с меньшевиками и эсерами. В решении Самарской городской партийной конференции говорилось о необходимости добиваться быстрее завоевания той части рабочих и

крестьян, которая еще оставалась под их влиянием. Враждебные действия меньшевиков вышли за рамки идеологической борьбы, приняли характер преступлений. Пришла пора пресекать их, и меньшевиками занялась ЧК.

Задержанные председатель Самарской организации меньшевиков Грибков и его помощники сначала упорно отстаивали программу меньшевиков и правоту своих действий, однако у чекистов были неопровержимые данные о сотрудничестве членов организации с Колчаком, об их враждебных действиях в Самаре и другие изобличающие материалы.

Грибков вынужден был признать свою вину перед Советским государством. Трудно сказать, насколько искренними были эти признания. Большевики не рассчитывали, что меньшевиков можно перевоспитать. Однако Грибков и некоторые из его друзей дали слово быть лояльными по отношению к Советской власти, враждебную работу не проводить и выйти из партии. Их отпустили из ЧК с миром. Такие, как Семечкин, были осуждены к лишению свободы до конца гражданской войны.

Самарская организация меньшевиков распалась. Грибков и Борисов, посоветовавшись с другими членами организации, в ноябре 1920 года опубликовали об этом заявление в «Коммуне».

3

В Чрезвычайной комиссии Климова назначили в группу, которая занималась делами о спекуляции и должностных преступлениях. Руководитель группы Константин Уласов сидел обложенный делами, некоторые тома лежали на полу кабинета. Он ненадолго оторвался от бумаг, переспросил фамилию Климова, отдал ему две папки с документами и сказал:

— Проведи по этим делам следствие от начала до конца. Как и что нужно делать, посмотри вот в тех законченных делах. Садись за тот стол и работай. Извини, мне сейчас некогда. — И Уласов снова погрузился в чтение.

Климов приступил. Читал, как мог анализировал, вызывал на допросы. Для молодого следователя самым трудным оказалось сделать заключение по делу о мере

наказания. В то время не было ни уголовного, ни уголовно-процессуального кодексов, а на Чрезвычайные комиссии по некоторым категориям дел были возложены и судебные функции. Следователь должен был внести предложение, на какой срок осудить обвиняемого.

Докладывая свои первые дела на заседаниях коллегии ЧК, Климов опасался, что с ним могут не согласиться. Особенно смущали его те дела, по которым подозреваемых следовало оправдать. Вдруг сочтут, что он беспомощный и не умеет собирать доказательства? Или обвинят в отсутствии у него классового чутья, в мягкотелости по отношению к врагам? Некоторые заявления граждан, по которым были заведены дела, не получали подтверждения, оказались надуманными. По нескольким таким делам Климов сделал вывод, что подозреваемый не виноват и дело следует прекратить. Намечал наказание только тогда, когда вина его достаточно доказана и сам он, следовательно, внутренне был убежден в виновности задержанного.

На заседаниях коллегии Климов сначала робко, потом более настойчиво отстаивал свои выводы. Большинство его заключений получило одобрение членов коллегии ЧК, и у него выработалась определенная уверенность и твердость. Все складывалось как нужно, у Климова обнаружились способности к ведению следствия. О трудолюбии же молодого следователя говорить не приходилось. Руководство перевело его в отделение, которое возглавлял Боднар. Он стал поручать Климову более сложные дела.

4

Будучи старше Климова на десять лет, Михаил Дмитриевич Боднар успел досыта вкусить «прелести» дореволюционной жизни: с десяти лет батрачил то у помещиков, то у священников в Белоруссии, в поисках твердого заработка выезжал в кайзеровскую Германию, там тоже был батраком у бюргеров, потом работал на строительстве железной дороги. После немалых мытарств и хождений по чиновникам Боднару в 1915 году удалось вернуться в Россию. Его направили в глубокий тыл — в Самару. Он поступил на железную дорогу, стал кондуктором. Здесь Михаила Дмитриевича захватили,

закрутили революционные события. Летом семнадцатого года он стал большевиком. Тогда же зачислили его в боевую дружину Самаро-Златоустовской дороги, сыгравшую определенную роль в октябрьских событиях.

Когда к Самаре подступили войска белочехов, комиссар Шабалков направил Боднара для усиления охраны железнодорожного моста через Самару. Он не знал тогда, что чехи уже на правом берегу. Боднар оказался в плену. Продержали его сутки и отпустили, поверив, что он рядовой стрелок охраны моста. Выдал его через несколько дней чешской контрразведке знакомый поп. Заточили парня в знаменитую самарскую тюрьму. В начале октября, перед оставлением города, арестованных повели для погрузки в один из составов, вошедших в историю как поезда смерти.

В колонне был четкий строй: в каждом ряду по десять арестованных и по одному конвоиру с каждой стороны ряда. Порядок этот нарушился на станции у Ташкентского тупика: колонна не могла пройти по узкому проходу между вагонами. Конвоирам пришлось прижаться к вагонам и пропускать арестованных вперед. Тут Боднар увидел двух железнодорожников, тоже пропускавших арестантов и также прижавшихся к вагонам. Боднар посмотрел на свою шинель — такая же железнодорожная, как у тех. И фуражка форменная. «Выручай, друг-шинель! Будь что будет», — неожиданно созрело решение, и он прижался к вагону рядом с конвоирами. К этому времени солдаты, сопровождавшие ряд, где был Боднар, и запомнившие его, были где-то сзади, а другие не обратили внимания на железнодорожника, усердно ковырявшегося в буксе вагона.

Колонна прошла, за нею — солдаты. Железнодорожники отправились по своим делам, к ним присоединился и Боднар, вместе с ними перелез под одним составом, потом под другим и пошел вдоль пути, стараясь казаться безразличным к окружающему, подавив желание бежать, бежать без оглядки.

Недалеко от станционных путей начиналось кладбище. Когда Боднар зашел туда, уже темнело. Пробираясь между крестами, спотыкаясь о могилы, дошел до какого-то склепа. Спрятался там и заночевал. На другой день ближе к вечеру перебрался на чердак дома, где жил товарищ. Вскоре в город вошли красные. Боднар

был спасен, избежал участи тех, кто был вывезен поездом смерти.

В освобожденном городе Михаилу Дмитриевичу райком партии поручил организовать партячейку в кондукторском резерве станции. Затем его избрали председателем этой ячейки, членом 6-го райкома партии и членом горсовета. Пошли поручения одно сложнее другого. В январе 1919 года направили на работу в ЧК, сначала в транспортную, а потом — в губчека.

Когда топливная проблема обострилась, его, как члена Совета, командировали уполномоченным по заготовке дров в Бугульму. В это время там вспыхнуло кулацкое восстание, Боднар во главе отряда из 25 человек выехал в села и волостные центры для восстановления разгромленных кулаками местных Советов, организации ревкомов. Пригодился боевой опыт, приобретенный в Красной гвардии при разгроме бандитских групп в Кротовке, Батраках и при разоружении белоказаков.

По возвращении из Бугульмы Боднар продолжил работу в Самарской губчека. Человек с большим жизненным опытом, прошедший хорошую школу в рабочем движении и достаточно грамотный по тем временам, он вскоре стал одним из ведущих следователей. Горячий по характеру, но умеющий сдерживать себя, когда это требовалось, настойчивый и целеустремленный, он раскрыл ряд серьезных преступлений контрреволюционеров и враждебных элементов.

Некоторые товарищи по работе считали его формалистом. Но это был полезный «формализм», порожденный стремлением раскрыть истину, соблюдая при этом нормы закона и грамотно оформляя материалы дела. Поэтому ни коллегия ЧК, ни суды, как правило, не возвращали на доследование дела, законченные Боднаром.

Каких только дел нет в томах с копиями обвинительных заключений, подписанных начальником следственного отделения Боднаром и хранящихся в архиве! Разоблачение бывших белых офицеров, пытавшихся создать контрреволюционные группы, участников расправ над партийным и советским активом в дни хозяйничанья белочехов, организаторов и вдохновителей кулацкого «чапанного восстания». Были и менее

значительные, на первый взгляд, дела, по которым проходили крупные спекулянты.

Некоторые бывшие купцы пытались поправить свои пошатнувшиеся дела, воспользовавшись народным бедствием — голодом в Поволжье. Сговорившись с представителями иностранных организаций по оказанию помощи голодающим, они скупали у них по дешевке продовольствие, предназначенное для детей, а продавали на черном рынке по баснословным ценам. Владелец магазина «Сан» Гиршвельд и его сообщники перепродавали муку, сахар и рис сотнями пудов. Михаил Боднар знал, что такое голод — не раз в детстве сам бывал полуголодным, — поэтому с особым рвением, но в то же время оперативно распутывал подобные дела.

5

Климов только под утро вернулся с обыска и снова заспешил на работу. Нужно было найти преступников, обеспечить наблюдение за выявленными тайными складами и не допустить вывоза оттуда краденого.

День только начинался, а солнце уже беспощадно припекало. Видит: на крыльце сидят два мальчика. Лохмотья чуть прикрывают худые тела, лихорадочно блестящие глаза уныло провожают прохожих. Просить у них нет сил, руки не протягиваются больше за подающим. Рядом, прислонившись к стене, дремлет мать, держа у высохшей груди младенца.

Голод! Страшный голод обрушился на Поволжье. Как помочь людям в беде?

Климов ускоряет шаги. Думает. Надо действовать. Выявлять и разоблачать всех, кто наживается на народном несчастье. Карать беспощадно спекулянтов: они нагнали цену муки на рынке до двухсот тысяч рублей за пуд. Это месячное жалованье сорока квалифицированных рабочих! Поймать за руки жуликов, засевших на складах, вернуть краденое, накормить и спасти от голодной смерти детей. Таких, как те двое, встреченные им только что.

В губчека у Климова попросили некоторые данные для включения в составляемую телеграмму в центр. Такие сообщения о положении в Самарской губернии направлялись систематически, однако на этот раз

телеграмма, составленная совместно с Боднаром, получалась особенно тревожной. В ней сообщалось о невиданной засухе, голоде, беспорядочных потоках беженцев и о самом страшном — о многих случаях заболевания холерой. Бедствовала губерния, которая еще год-полтора назад отправляла хлеб в Москву и Петроград.

В Москве телеграмма сначала побывала у заместителя председателя ВЧК. На ней он изложил свои соображения:

«Т. Дзержинскому.

Полагаю, что помимо экстренных продовольственных мер необходимо:

1. Немедленно выслать в Самару достаточное количество денежных знаков для выдачи жалования рабочим.

2. Немедленно переселить в другие, не зараженные холерой, губернии часть населения.

3. Создать на местах тройку с диктаторскими полномочиями для борьбы с холерой и по делам беженцев.

4. Создать в центре комиссию по оказанию помощи голодающим губерниям.

4.VII.1921 Уншлихт»

Советское правительство принимало экстренные меры, мобилизовало все силы для оказания помощи голодающим. На призыв правительства откликнулись трудящиеся всей страны. В Подмосковье и некоторых других губерниях на средства рабочих и служащих открывались и содержались детские дома для голодающих, вывезенных из Поволжья.

В Среднее Поволжье двинулись эшелоны с хлебом, нередко отнятым у кулаков ценой крови коммунистов. Сопровождались эшелоны чекистами и красноармейцами, оберегавшими их от нападений бандитов.

Какую-то долю помощи голодавшим детям вносили питательные пункты, организованные иностранцами. В столовых на Троицкой и Петроградской улицах, в Хлебном переулке и в Пушкинском доме кормили некоторых детей сладкой рисовой кашей, давали немного хлеба, а иногда поили какао. Однако питательные пункты охватывали не более одной трети голодающих детей.

Обстановка вынуждала чекистов участвовать в решении проблем, вызванных неслыханным бедствием. Уполномоченным по борьбе с голодом и эпидемиями губчека назначил начальника отделения Владимира Мармузова, человека образованного и воспитанного, имевшего боевой и жизненный опыт, компетентного в вопросах экономики, а главное — энергичного и умелого организатора. Губисполком и ЧК наделили его определенными правами и полномочиями.

Кажущиеся незначительными по понятиям сегодняшнего дня, некоторые преступления в те годы приобретали важное значение.

В селе Кошки работники продкомиссариата во главе с неким Гараевым продали «на сторону» партию каустической соды. Когда кража обнаружилась, преступники скрылись. Как известно, сода — это мыло, товар недорогой по цене, но остродефицитный в то время и крайне необходимый при борьбе с эпидемиями. Нужно было разыскать Гараева и его шайку, а главное — вернуть соду.

Розыск поручили Климову. За несколько недель до этого по делу о спекуляции мануфактурой Климов допрашивал в качестве свидетелей мужского портного и его жену, владельцев мастерской на Некрасовской улице и проживавших там же. Их показания были объективными и помогли следствию.

Портной, большой мастер своего дела, был популярен в городе, у него шили модники — разбогатевшие спекулянты, сохранилась и старая клиентура из «бывших». Климову понравилось эта приветливая чета. Иногда, в свободную минуту, он забежал к ним просто так поговорить, отдохнуть от дел. К тому же портной, как Климов, был заядлым театралом.

Портной и его жена знали многих жителей Самары, охотно делились новостями, которые они узнавали у многочисленной клиентуры, привыкшей поболтать во время примерок.

Когда по пути домой после получения задания по делу Гараева Климов зашел к своим знакомым, у него еще не было четкого плана действий.

— Начальник чем-то озабочен? — сразу заметил портной. — Неприятности? Какое-то важное задание, Григорий Иванович?

Климов ограничился ссылками на усталость и заго-

ворил об артисте, вернувшемся в театр после странствий по Сибири.

— Не интересуется ли вас, Григорий Иванович, сода? Отменная, каустическая, в барабанах, — с лукавой улыбкой, как бы совсем нехоти, спросил портной. Он что-то знал, и ему не терпелось сообщить об этом чекисту.

Портной рассказал, что какие-то приезжие продали соду. Он предполагает, что привезли ее из Казани. Там на заводе братьев Крестовниковых ее много. «Продавцы» сейчас в Самаре, договорились встретиться завтра в 12 часов дня здесь, напротив мастерской, у церковной ограды. Портной видел одного из них.

Руководство ЧК, которому Климов доложил о разговоре с портным, дало указание арестовать преступников. В помощь выделили оперативного работника Войнова.

На другой день, не без помощи портного, они задержали Гараева и его сообщника, оказавшегося бухгалтером Барановым.

Гараев предъявил чужой паспорт и не давал показаний. Поэтому Климов занялся Барановым. Этот тоже вначале отрицал причастность к какому-либо делу, путанно объяснял происхождение обнаруженной у него значительной суммы денег, но позднее показал, что соду Гараев продал богатому немцу колонисту из села Александрталь, а в Самару приезжали за деньгами: колонист хранит их в городе. При встрече у церковной ограды Гараев вручил Баранову его долю и сказал, что уезжает на юг. Колониста Баранов не видел и его не знал.

Климов без промедления поехал в Александрталь. Выяснить, кто выезжал в Самару, оказалось делом несложным. В тот же день он задержал скупщика и отыскал краденое.

Чекисты обратили внимание на питательные пункты иностранных обществ и, анализируя их сводки, пришли к выводу, что они обеспечивают пищей значительно меньше детей, чем первоначально предполагалось. В чем же дело? Не доставляются обещанные продукты? Нет средств? Оказалось другое: часть продуктов и одежды попала не тем, для кого они предназначались.

Сотрудников ЧК заинтересовало появление на черном рынке тростникового сахара и необычно белой

муки. Нити привели к складам тех самых обществ. Выяснилось, что за небольшой срок через руки работавших там бывшего купца второй гильдии Киселева и его сообщников ушло на сторону полторы тысячи пудов муки, двести пудов риса и сто пудов сахара. Пришлось опечатать склады для проверки, а виновных арестовать.

На выгодную работу в столовых и складах при содействии представителей иностранных обществ проникли бывшие торговцы и дельцы.

Некоторые иностранцы использовали этих своих ставленников для личной наживы: на выручку от продажи спекулянтам предназначенных для детей продуктов они скупали через них же ценности по дешевке. При этом бывшие торговцы о своей выгоде тоже не забывали и часть доходов присваивали. Устраивались кутежи, процветала карточная игра с крупными ставками.

В ходе разбирательства стало ясно, что неблагоприятные дела некоторых иностранных представителей не ограничивается хищениями и спекуляцией. Григорию Климову поручили заняться проверкой поступивших по этому вопросу сообщений.

Подозрительно было поведение работавшего у иностранцев управляющим делами бывшего полковника царской армии, дворянина, занимавшего до этого солидный пост в штабе военного округа. Из штаба он ушел самовольно и так «спешил», что даже не сдал свои дела. Позднее у него на квартире нашли забытые им секретные карты с нанесенными на них отметками о расположении частей Красной Армии, несколько секретных приказов и другие документы. Не было никакой гарантии, что все это не побывало в руках у иностранных разведчиков, с которыми полковник ранее постоянно общался, а теперь у них работал.

Отдельные иностранцы разъезжали по губернии якобы в заботах об обеспечении голодающих. На самом же деле они собирали различные сведения, которые к вопросу снабжения не имели никакого отношения. У одного из них, например, оказались результаты многолетних ценных опытов Безенчукской опытной станции. Другой иностранец разослал своим уполномоченным в уездах бланки отчетов с множеством вопросов и настойчиво добивался заполнения всех

Сотрудники УКГБ поздравляют М.Д.Боднара с 90-летием со дня рождения. Ноябрь 1982 г.

граф. Многие ответы совершенно не требовались иностранному обществу и могли заинтересовать лишь разведки капиталистических государств. Для сбора шпионской информации иностранцы использовали и другие возможности. Через некоторое время иностранцы начали готовиться к отъезду, свою деятельность свортывали и, несомненно, увезли бы с собой собранную информацию.

Нельзя было допустить вывоза разведывательных материалов, нужно было их изъять. Но как это сделать? Производить обыск нельзя, хотя есть для этого все основания. Могут быть дипломатические осложнения, будет нанесен ущерб налаживаемым с трудом внешним отношениям.

Кто-то предложил явиться в представительство иностранного Красного Креста, работники которого были замечены в нарушении общепринятых норм, и потребовать выдачи собранных сведений. Это было бы

бесполезно: кто же сразу признается в недозволенной деятельности? Начальник отделения Авдеев предложил инсценировать бандитское нападение на служебное помещение, забрать документы. Ему категорически возразили: не подобает советским чекистам пользоваться таким методом. Авдеев горячился:

— Это же наши материалы, кровные пролетарские, если хотите, достояние народа! Отнимем украденное у нас — и все. Разве это нечестно? Какой закон запрещает вернуть хозяину краденое?

Григорий Иванович сказал, что он знает кое-кого из обслуживающего персонала общества. С одним парнем работал вместе в типографии, другого хорошо знал его знакомый портной и положительно о нем отзывался. Посоветуется с ними. На том и порешили.

Накануне отъезда иностранцев бывший печатник притащил большую связку бумаг. Климов полистал. Это было именно то, что требовалось.

6

Годы наиболее напряженной деятельности чекистов прошли, внутренняя контрреволюция была подавлена, партия развернула работу по восстановлению и подъему народного хозяйства страны. Опытные и испытанные кадры направлялись в народное хозяйство. В числе их оказался и Михаил Боднар. Григорий Климов продолжал работать в органах ОГПУ, его в 1926 году направили на более высокую должность в соседнюю губернию. Еще через два года послали на учебу в Москву. По окончании школы ОГПУ работал в центре, в конце 1933 года был направлен на Украину. Отечественная война застала Климова в городе Ровно на посту заместителя начальника управления НКВД. В июле 1941 его назначили помощником командира 1-го партизанского полка НКВД. Формировался полк в Киеве, откуда выехал в Житомирскую и Полесскую области. Климов был в полку недолго, его отозвали и назначили начальником особого отдела.

Отделу, которым руководил Климов, поручили проверку советских военнослужащих, возвратившихся из плена или вышедших из окружения. Надо было разобраться не только в том, при каких обстоятельствах тот или иной военнослужащий оказался в плену, хотя

это тоже было немаловажно, так как добровольная сдача в плен противнику квалифицируется как опасное преступление и всегда сурово наказывается. Еще важнее было выявить среди военнопленных вражеских агентов. Этому научила практика первых месяцев войны, когда выяснилось, что немецкие разведывательные органы нередко использовали именно этот путь для засылки к нам своих разведчиков.

Проверка вышедших из окружения проводилась оперативно, и они без задержки направлялись на формирование или вливались в части действующей армии. Отдельных военнослужащих, однако, приходилось изучать более тщательно, чтобы решить, можно ли снова доверить им оружие или командный пост. Здесь Климову очень пригодилось чутье, выработанное в результате опыта долголетней следственной и оперативной работы.

В числе освобожденных нашими частями из немецкого лагеря в Калаче оказался командир одного из полков Советской Армии, оборонявших Сталинград. Было известно, что солдаты и офицеры этого полка сражались храбро, бились отчаянно, но превосходящие силы врага разбили немногочисленные группы воинов, оставшихся от полка. Некоторые бойцы, в том числе и раненый командир полка, оказались в плену.

Было известно, что пленных офицеров немцы, как правило, отправляли в свой глубокий тыл, а в данном случае старший офицер оказался в лагере вблизи фронта — в Калаче. Климову это показалось странным. При дальнейшей проверке один из опрошенных солдат опознал полковника и показал, что этот полковник немцами был назначен руководить военнопленными, используемыми на строительстве оборонительной линии. В обращении с другими военнопленными тот был жесток, всячески угождал немцам. Солдат сообщил также, что лично сам пострадал от усердного немецкого холоуя — тот избил его за плохо выполненную работу. Проверка через других бывших узников лагеря подтвердила эти данные.

Подозрения Климова после этого переросли в уверенность, что полковник — предатель. Предъявил ему собранные улики и спокойно спросил:

— Что скажете теперь?

Полковник разрыдался. Рассказал, что в первые же

дни плена его допрашивал немецкий генерал и под угрозой смерти отобрал подписку о добровольном сотрудничестве с немцами. Создал ему приличные условия жизни и оставил в лагере вблизи фронта. Расчетливый фашистский генерал допускал возможность контрнаступления русских и занятия ими Калача. Он считал, что освобожденных советскими войсками военнопленных на некоторое время задержат в тылу для проверки, но потом отправят на фронт. Предполагал, что полковника, отличившегося до пленения в боях под Сталинградом, восстановят в командной должности. Полк в первое время, возможно, не дадут, но батальон он получит. Вот тогда полковник должен был открыть фронт и через занимаемый батальоном участок пропустить немцев.

В этом же пункте проверки оказался и бывший командир кадровой дивизии, генерал, вышедший из окружения в одиночку. К началу войны дивизия находилась вблизи границы, и в первые же дни немцы обрушились на нее большими силами. Спротивлялись наши полки отчаянно, но были разбиты, дивизии не стало. Контуженный генерал оказался в плену. Кто-то из солдат успел переодеть его в форму рядового, никто из своих его не выдал, и он был зачислен как рядовой. Немного оправившись от контузии, генерал из лагеря бежал. В крестьянской одежде пробивался к своим и через много дней вышел к нашим в районе Воронежа.

Климов предложил генералу отметить на карте, в каких пунктах он останавливался. Получился зигзагообразный пунктир. Изложил на бумаге свои наблюдения о расположении немецких частей. По ряду отмеченных генералом пунктов Климову удалось уточнить, бывал ли он там. Да, был пожилой бродячий сапожник, находил общий язык с крестьянами, подбадривал людей и доверительно говорил, что неудачи Красной Армии — явление временное, вселял надежду на избавление от фашистов.

Сомнений не было, генерал оставался верным сыном Родины. Об этом Климов написал в своем заключении. Вскоре генералу снова дали дивизию. Еще через некоторое время фамилия его была названа в приказе Верховного главнокомандующего. Он был отмечен как командир отличившегося в боях соединения.

Невозможно перечислить те важные дела, которые прошли через руки Климова. На счету особых отделов, которые возглавлял Григорий Иванович, значится немало разоблаченных шпионов и предателей.

Заслуги Климова отмечены шестью орденами и несколькими медалями. После ухода в 1954 году в запас Климов возвратился в Куйбышев, ставший ему родным по первым годам Советской власти. Здесь вновь встретился со своим старым другом Михаилом Боднаром, персональным пенсионером союзного значения.

ШЛА ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...

Полковник в отставке
А. ПАНОВ

ГЕРОИ ПРИГРАНИЧНЫХ СРАЖЕНИЙ

В сборнике документов и материалов «Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне» отмечено: «Упорные бои вел на границе личный состав Кагульского пограничного отряда». И там же: «О размахе боевых действий на участке Кагульского пограничного отряда говорят общие потери противника, достигшие более 4 тысяч человек. За мужество и стойкость 74 пограничника были награждены орденами и медалями и 4 удостоены звания Героя Советского Союза».

Одиннадцать дней сдерживали войны отряда попытки немецко-фашистских и румынских войск форсировать реку Прут.

С января 1940 года я служил именно в Кагульском пограничном отряде на 11-й заставе сначала на Днестре, а после освобождения Бессарабии — близ уездного города Кагула. Это время, первые дни приграничных сражений и имена моих сослуживцев-пограничников для меня незабываемы на всю жизнь.

В отряде служили комбайнер из села Нижнее Санче-

леево Ставропольского района сержант Иван Бузыцков, будущий артист Куйбышевского театра драмы Анатолий Кулагин, бывшие студенты Куйбышевского механического (приборостроительного) техникума Александр Дмитриев, Михаил Щеглов, Константин Петряев, рабочие и колхозники разных мест области: Александр Шманатов, Александр Комаров, Петр Шевелев, Николай Сидоров, Федор Мордяшев, Александр Исаев, Егор Желтоногов, Григорий и Федор Банновы, Алексей Кандалов и Алексей Новоженин, Валентин Гусев, Петр Утенков и мой двоюродный брат Петр Панов — все из села Печерского Сызранского района, кинельцы Василий Коржиманов и Павел Салманов, Василий Широчкин из Коноваловки Борского района, Иван Макагонов, Иван Серпокрылов, Константин Савельев (Чиликин) из Русской Борковки, Петр Теленков из Усолья. Многих из названных в те годы я не знал лично, установил с ними связь после почти тридцатилетней поисковой работы.

При защите Родины смертью храбрых в первые дни войны погибли Николай Наумов, Александр Зубов, Сергей Кудашев, Валентин Гусев, многие были ранены.

Форпост под Кагулом

После передислокации с Днестра на границу по реке Пруту 2 июля 1940 года 12-я застава отряда по командованием лейтенанта К. Ф. Ветчинкина разместилась на самом берегу Прута, в шести километрах от небольшого города Кагула. Несколькими днями позже туда же перебралась и наша 11-я застава. Начальником заставы был младший лейтенант Ф. Н. Подуст, помощником — лейтенант Н. П. Бондарев, участник боев с самураями у сопки Заозерная, награжденный за мужество орденом Красного Знамени.

Метрах в 200—250 от застав, в зоне ответственности 12-й заставы, через Прут был переброшен автогужевой мост, а к Кагулу через непролазные шестикилометровые плавни уходила узкая, 8—10 метров в ширину вместе с земляной насыпью, единственная дорога, связывающая небольшой пограничный гарнизон с большой землей. Против застав на той стороне Прута вытянулось вдоль берега довольно большое румынское

село Оанча (Ивановка). Справа и слева от дороги тянулись бесконечные заболоченные непроходимые плавни.

Наш берег был низким и почти открытым. Румынский берег значительно выше. Заросший густыми лесами, он позволял румынам вести наблюдение и при необходимости скрытно подтянуть и укрыть любую боевую технику, разместить войска. В Оанче была каменная церковь с высокой колокольней, которая могла быть и действительно была использована для наблюдения и корректировки артогня.

Пограничники, пристально изучавшие сопредельную сторону, понимали, что там творится что-то недоброе: румыны укрепляли границу, строили доты и дзоты, на границу зачастили какие-то неизвестные лица, участились попытки переброски на советскую землю вражеских лазутчиков. Не было сомнений, что соседи готовятся к войне.

К середине июня 1941 года обстановка на границе накалилась донельзя. Пограничные наряды отмечали постоянный приток румынских и немецких войск к границе, из села Оанча началась эвакуация жителей. Командование заставы на каждом боевом расчете подчеркивало сложность и опасность обстановки, требовало повышения бдительности, принимало меры к повышению боевой готовности.

И все же, несмотря на это, жизнь на заставах шла своим чередом: после службы в личное время и в часы культурно-массовой работы пограничники собирались вместе, играли в волейбол, устраивали спортивные соревнования, пели, танцевали. И никто не знал, что это была последняя мирная неделя.

Бой у моста

Мост через Прут был особо важным объектом заботы лейтенанта Ветчинкина: если враг захватит мост, то сразу же двинет по нему танки и мотопехоту.

Придя к такому выводу и учитывая полученные вечером данные из разведотдела отряда, Ветчинкин принял решение в ночь с 21 на 22 июня направить на мост усиленный наряд из пяти человек под командованием старшины заставы Николая Наумова.

Старшина Наумов родился и вырос в крестьянской семье села Яблоневого Оврага Дубово-Уметского района, комсомолец. В пограничных войсках служил с осени 1938 года.

Николай, как говорится, был ладно скроен и крепко сшит. Он обладал незаурядной природной силой, а почти трехлетняя служба на границе выработала в нем умение мгновенно ориентироваться в обстановке, ловкость и легкость движений и постоянную готовность к действию. Он неоднократно встречался на узких дозорных тропах и вступал в схватки с вражескими лазутчиками, участвовал в поимке шпиона Сигуранцы (тайная политическая полиция Румынии) и фашистского абвера Будницкого.

В полночь Наумов и его товарищи, получив боевой приказ, вышли с заставы. Через несколько минут скрытного продвижения четверо из них достигли заранее определенного места, залегли и тщательно замаскировались, слившись с местностью. Пятый, рядовой Лунев, прошел к обычному месту часового на мосту.

Тишина... Глухая предутренняя тишина...

Вдруг ослепительные вспышки и гром... Оглушительный гром... Под его внезапными раскатами вдребезги разлетелась царствующая надо всем тишина...

С высокой насыпи предместья пограничникам хорошо было видно, как с противоположного берега к нашей стороне на деревянных и надувных лодках, на заранее подготовленных плотях устремились фашистские солдаты, ведя на ходу непрерывный массированный огонь из пулеметов, винтовок, автоматов. По заставе и по площади вокруг пограничники открыли ответный огонь. Лодки и плоты разлетались от метких попаданий их гранат, фашистские солдаты падали в воду, сраженные пулями пограничников, но врагов было слишком много, они упорно продвигались дальше и дальше. Вот уже несколько лодок достигли нашего берега, выпрыгнувшие из них румыны и немцы начали закрепляться и усиливать и без того яростный обстрел пограничников.

Постройки застав, дымясь и потрескивая, горели, с грохотом рушились деревянные стропила и перекрытия. Личный состав втянулся в бой, прикрываясь пылающими зданиями.

Бой разгорался. Вот на территорию застав ворвались

чужаки и сразу забегали, зашарили в поисках поживы. О как не терпелось старшине Наумову броситься очертя голову на эту ораву мародеров и убийц, навалиться, ошеломить, смять и уничтожить, сбросить в волны Прута. Но этот успех был бы временным, ничтожно малым.

«Значит, — мысленно убеждал себя Наумов, — ударить нельзя, не имеем права. Если мы уйдем отсюда, обнаружим себя, враги увидят нашу малочисленность и немедленно начнут штурм моста».

Прошло более трех часов. Но вот Никулин заметил, что из-за крайних домов Оанчи выскочил и бросился бегом к мосту большой отряд румынских солдат во главе с офицером. Наумов тоже заметил бегущих и приказал подготовиться к отражению атаки, изготовить пулемет, снарядить гранаты. Фашисты уже на мосту, бегут к нашему берегу, достигли разграничительной перегородки, разбивают ее.

— Ну вот, друзья, и настал он, наш час, — тихо произнес Наумов.

Нападающие, может быть, от страха, сбились в плотную гурьбу и так мчатся по высокой насыпи предместья.

— Огоны! — подал команду Наумов, первым выстрелив в рыжего верзилу, особенно ретиво рвавшегося вперед. И скороговоркой зататакал пулемет Никулина, быстро и отрывисто загревели выстрелы четырех винтовок. Вражеская группа заметно стала редеть, а вскоре, расстреливаемая в упор, залегла.

Прошло минут пятнадцать-двадцать, и враги бросились во вторую атаку. Она была более грозной: на пятерых пограничников набросилось более взвода. Снова подпустив захватчиков на предельно допустимую дистанцию, пограничники дружным и метким огнем расстреляли их.

Третья атака. Враги изменили тактику. Теперь они набегают волнами, одна группа за другой. Их живой нарастающий прибой, поддерживаемый массированным обстрелом позиции пограничников из-за реки, становится все мощнее и яростнее, грозя затопить бесстрашную пятерку. У пограничников появились первые потери: тихо, без вскрика и стога, ткнулся пробитой головой в пахучие травы рядовой Лунев. Резкой болью обожгло

левую руку чуть выше локтя Никулину, но он продолжает стрелять.

Прошло полчаса, час, а бой продолжается, румыны никак не могут справиться с отважной четверкой. Но вот по какому-то сигналу все вдруг вскакивают и остервенело бросаются на пограничников. Те не менее яростно отбиваются, бросают последние гранаты, нанося жестокий урон фашистам. Начинается самое страшное дело войны: рукопашная.

Но уже упал, прошитый автоматной очередью в упор, рядовой Савин. Его убийца тут же падает от пули Никулина. Рукопашная продолжается.

Силы неравные: на троих пограничников со всех сторон лезут не менее 15—18 врагов. Резким и неожиданным выпадом Наумов с силой отбил штык румынского сержанта и тут же всадил свой в его отвислый живот. С нечеловеческим глухим рыком тот валится на землю, а старшина никак не может вытащить свой штык из его тела: по-видимому, он пропорол толстый ремень убитого. Это промедление стоило Наумову жизни: прогремел выстрел, и волжанин рухнул рядом с поверженным врагом.

Угланов и Никулин, теперь уже вдвоем, продолжали отчаянно драться, а потом сумели совершить, казалось, невероятное: вырвались из смертельных тисков, собрали оружие друзей, захватили в качестве трофея вражеский крупнокалиберный пулемет и вскоре присоединились к основным силам застав, где и продолжали сражаться.

К вечеру комсомолец ефрейтор Никулин принес младшему политруку Лепешкину заявление о приеме его в партию.

А мост противнику так и не удалось захватить. В ночь с 23 на 24 июня 1941 года он был взорван группой лейтенанта Бондарева.

«Слухач»

Так однажды повар Саша Сопин назвал радиста Геннадия Паушкина: Геннадий на слух принимал сигналы азбуки Морзе и сразу переводил их на привычный русский язык.

Вечером 21 июня он с одним из командиров отде-

лений заставы был направлен на участок, возвратился оттуда около 24 часов, а пока почистил винтовку и попил чайку, стрелки добежали до часа ночи. Видимо, поэтому в жестокое утро 22 июня спал особенно крепко и проснулся после всех. Вскочив с койки, он схватил с тумбочки брюки и гимнастерку, натренированными автоматическими движениями натянул их на себя, недоумевая, что все ему вроде бы не по росту. Во дворе был кромешный ад: оглушительно ухали снаряды, горело, обдавая нестерпимым жаром, и трещало горящее дерево и железо застав, трасирующие пули противно жужжали, казалось, у самых ушей.

— Паушкин! На рацию! — услышал он.

— Передайте немедленно в штаб отряда о нападении на заставы, — приказал лейтенант Ветчинкин.

Путь до радиорубки он проделал по-пластунски. Вот он достиг двери радиорубки, открыл ее, ужом скользнул через порог внутрь, встал на ноги, вставил ключ в замочную скважину изнутри и повернул его. Включил питание, настроился на волну отрядной радиации и быстро застучал ключом: «SOS! SOS! SOS!». Потом открытым текстом передал: «Застава в огне! Застава в огне! Застава в огне!» — и дальше о сути случившегося.

Передача окончена. Геннадий взглянул в окно рубки.

— Не может быть! Неужели они здесь?!

К сожалению, глаза не подводили его, он видел: румынские солдаты прорвались на территорию застав, бегали по двору.

Надо скорее уничтожить рацию и сжечь документы, и он торопливо запустил руку в карман брюк, в котором обычно носил спички. Но там их не оказалось. Он точно знал: спички всегда были у него, — они были непременным атрибутом его спецслужбы. Он суетливо обшаривает карманы, выворачивает их. Из карманов выпадали какие-то полуистершиеся бумажки.

В кармане оказалась красноармейская книжка соседа по койке Коли Суворова, который, проснувшись на несколько мгновений раньше, схватил его, Геннадия, обмундирование, а свое оставил на тумбочке. Сосед не курит, искать в его карманах спички бесполезно.

А враги не стояли на месте. Они уже рядом, вот загрохали прикладами винтовок и автоматов по двери.

Надо что-то предпринять. Геннадий увидел широкую щель в полу. Он собрал кодовые и переговорные таблицы и опустил в щелочку. Теперь надо разделаться с рацией. Орудую гранатой, как молотком, сбил лимбы, покрушил лампы.

И уж потом швырнул гранату в окно, прямо под ноги фашистам. Сам выскочил из этого же окна и обрушился на уцелевших после взрыва врагов, воспользовавшись замешательством, скатился в какой-то ров.

— Генка! Генка! — услышал он сразу несколько голосов. — К нам, быстрее к нам!

Еще несколько усилий, и Геннадий среди своих. Вместе с товарищами по заставе защищал границу, отступал с боями. Забегая вперед, скажу: Геннадий Александрович воевал до последнего дня войны.

Блуждающий пулемет

Командир отделения 11-й заставы сержант Александр Зубов, пробудившись от внезапного оглушительного грома, не сразу понял, что творится вокруг. Как и многие другие в это утро, он подумал, что началось землетрясение, как было несколько раз в прошлом, 1940 году.

В казарму влетел помощник дежурного по заставе и неестественно громко закричал:

— Застава, в ружье! Напали румыны!

— Отделение, в ружье, одеваться, захватить оружие и боеприпасы и быстро во двор! — отдал своим бойцам приказание отделенный.

Во дворе застав гроыхали взрывы снарядов и мин, огромные языки пламени охватили оба здания застав, бушевал чудовищной силы пожар.

— Командиры отделений, ко мне! — услышал он голос начальника заставы младшего лейтенанта Подуста.

Несколько минут спустя, нагруженные до отказа ящиками с патронами и гранатами, снаряженными магазинами для ручных пулеметов, пограничники заставы занимали рубежи обороны.

По решению лейтенанта Ветчинкина, принявшего командование силами обеих застав, защитники границы

постепенно оттянулись ко второй линии обороны, проходившей через развилку дорог, метрах в трехстах восточнее застав. Здесь и разыгрался жестокий и кровопролитный бой, длившийся весь день.

Наводчиком ручного пулемета в отделении Зубова был пограничник Николай Мирошников. Он открыл такую убийственную стрельбу из своего РПД, что многие фашисты улеглись замертво на первых метрах советской земли. Бойцы отделения дружно поддерживали его меткими выстрелами своих трехлинеек. Вот, выпустив из обессилевших рук винтовку, упал на дно окопа волжанин Сережа Кудашев, пуля крупнокалиберного вражеского пулемета попала ему в голову. Вскоре был тяжело ранен осколком мины в предплечье Мирошников. Наскоро перевязав его, сержант Зубов приказал добираться до медпункта, а сам залег за его пулемет. До боли сжав зубы, Александр открыл стрельбу по осмелевшим было румынам.

Враги наседали, и работы у пулеметчика было невпроворот. Александр перемещался со своим грозным оружием туда, где напор врагов был особенно силен. Наблюдатель отделения доложил сержанту, что слева появилась группа фашистов в 15—20 человек. Зубов выскочил за тыловую линию окопа, прикрываясь густыми зарослями тальника и чернобыльника, и, подпустив их на возможно близкое расстояние, открыл такой губительный огонь, что вскоре группа как боевая единица перестала существовать.

Избрав тактику «блуждающего пулемета», сержант Зубов в течение дня непрерывно перемещался с места на место, пресекая огнем пулемета каждую попытку врага атаковать. Сам он был легко ранен в левую ногу, но, наскоро сделав перевязку, продолжал сражаться. Около 14 часов в непосредственной близости от Зубова ярко полыхнул разрыв снаряда, и герой пограничного сражения был сражен насмерть.

Бывший руководитель обороны 11-й и 12-й застав, ныне полковник в отставке Герой Советского Союза Кузьма Федорович Ветчинкин дал высокую оценку боевому мастерству и мужеству волжанина, назвав его настоящим героем. По его словам, за первый день боя сержант Зубов уничтожил не менее двух взводов солдат противника. Жизнь свою он отдал недешево. Отважный воин, бесстрашный комсомолец, большой

труженик и простой волжский парень — таким Зубов остался в памяти своих боевых товарищей.

Засада в блокгаузе

Было около десяти часов 22 июня 1941 года. Уже почти шесть часов свирепствовал бой у расположения 11-й и 12-й застав Кагульского погранотряда.

С наблюдательного пункта лейтенант Ветчинкин и младший лейтенант Подуст заметили, как справа от застав из-за высоченных разлапистых вязов вынырнули и двинулись в направлении шоссе вражеские солдаты при двух пулеметах. Было решено перехватить их. Для этой цели более всего подходила дерево-земляная огневая точка, оборудованная у развилки дорог и хорошо обжитая пограничниками на учебно-боевых занятиях. Сейчас она находилась между сражающимися, на ничейной земле. Ветчинкин приказал Подусту подобрать и направить к этой точке двух пограничников для разведки, а затем, если она свободна, занять и использовать для разгрома врагов.

Выбор пал на пулеметчика ефрейтора Петра Панова и бойца, прибывшего с подкреплением из комендатуры. Условившись о сигнализации из блокгауза, бойцы поползли, прижимаясь к земле. Они скользили вдоль правой стороны дорожной насыпи и успешно достигли блокгауза. Он оказался пустым. Пограничники, непрерывно ведя наблюдение за местностью, установили пулемет, подготовили боеприпасы.

Петр решил подать командиру условный сигнал, что можно присылать подкрепление. Сигнал никто не принимал. Однако он был замечен своими: пуля в сантиметре от головы Петра ударилась в восточную стену дзота. Сигнализировать дальше не имело смысла. Бойцы поняли, что никакого подкрепления не будет, надо рассчитывать только на свои силы. Между тем, фашисты, заметив точку, видимо, в порядке страховки полоснули по ней длинной автоматной очередью. Защелкали пули, Петр и его товарищ не отвечали, продолжали выжидать. Враги совсем осмелели и пошли почти во весь рост. Расстояние продолжало уменьшаться. Вот осталось около 80 метров... Теперь пора! Петр удобнее изготовился, заметил в центре наступающих

капрала и пулеметчика, тщательно прицелился и нажал спуск. Огненные строки срезали сразу 6—7 человек. Среди врагов началось замешательство. Они залегли. Мало-помалу вражеские солдаты оправились от страха. Все началось снова: гремел пулемет Петра, хлопали выстрелы винтовки его товарища...

Более полутора часов два бойца вели бой с румынскими солдатами и в конце концов взяли верх. Посидев в дзоте еще пятнадцать-двадцать минут, бойцы вернулись к своим.

Первые выстрелы

Живет в районном центре Шигоны Куйбышевской области ветеран войны Петр Дмитриевич Теленков. Мало кто знает, что, будучи бойцом 5-й заставы Кагульского пограничного отряда, он и его друг ефрейтор Александр Ильич Макаров ранним утром 22 июня 1941 года обнаружили вражеский десант, воровски пробиравшийся через реку Прут к нашему берегу за 30—40 минут до начала общего нападения, и, смело вступив в бой, разгромили его. Их выстрелы были первыми выстрелами, первым боем на участке отряда.

Дело было так. 21 июня в 22 часа повар заставы ефрейтор Макаров и пограничник Теленков вышли на охрану границы на левый фланг заставы.

Достигнув назначенного им района, пограничники заняли место, получившее на заставе название «Старый Дуб». Ничто не нарушало естественной для границы настороженной тишины. Медленно выплыли Стожары, предвестники близкого рассвета. Пора возвращаться на заставу. Друзья тихо отползли от своей «точки», поднялись, осторожно разминая онемевшие от долгой неподвижности ноги. Затем они направились к общей дозорной тропе, ведущей к заставе.

— Мне показалось, — рассказывал недавно Петр Дмитриевич, — что слева, под невысоким обрывистым берегом Прута, послышались какие-то необычные шорохи. Догнав старшего наряда, тронул его рукой за плечо и шепнул ему о своих наблюдениях.

— Нет... Ничего нет, — ответил Макаров, послушав немного. И добавил: — Это арба на той стороне едет.

Прошли еще немного, и Петр уже более явственно различил осторожные размеренные звуки, похожие на гребки весел.

— Слушай, Саша, по-моему кто-то плывет к нашему берегу на лодке. Давай посмотрим, проверим.

— Стой здесь, — приказал Макаров. — Я пойду к берегу.

Та-та-та — резкой отрывистой трелью протарахтела пулеметная очередь со стороны реки. Над головой Теленкова со свистом пронеслись пули. На глазах Петра Макаров, сложившись пополам, свалился наземь.

«Убили, — с ужасом пронеслось в голове бойца. — Убили!»

— Теленков, гранаты! — услышал он тут же команду Макарова.

У Петра отлегло от сердца. В несколько прыжков он преодолел расстояние до обрыва, на бегу доставая гранаты. Внизу раздался громкий взрыв и вслед за ним вопли раненых врагов. Это Макаров успел бросить первую гранату.

Теленков увидел метрах в 15—20 на нашем берегу 7—8 военных, только что высадившихся из лодки. А с той стороны торопились к нашей еще несколько десантных надувных лодок. На них румынские и немецкие солдаты. Они вели массированный, хотя и нецельный, огонь из пулеметов, винтовок, автоматов.

Бросок Петра тоже был удачен: граната разорвалась в самой гуще солдат. Еще две гранаты Макаров и Теленков бросили в приблизившиеся к нашему берегу лодки. Надувные борта их от попадания осколков лопнули, и десантники попадали в поднятые взрывами волны. Все смешалось: мертвые фашисты тонули, раненые, выронив оружие, во все горло просили о помощи, барахтаясь в реке, оставшиеся в живых торопились выбраться на берег. А пограничники хладнокровно били из своих трехлинеек, и каждый их выстрел не пропадал даром. Над головами пограничников звенели и жужжали пулеметные, винтовочные и автоматные пули врагов, но они хорошо замаскировались и укрылись за стволами деревьев и были неуязвимы.

Минут через пятнадцать-двадцать на берегу остались лишь трупы поверженных врагов, с той стороны лодки больше не показывались. Кругом снова стало тихо,

спокойно, как будто здесь всего несколько минут назад не гремели оглушительные взрывы и выстрелы.

Оба пограничника были довольны тем, что благополучно вышли из серьезного испытания, что они справились с вражеским десантом. Но они не знали, что эта наглая вылазка врагов была прелюдией большой войны и была рассчитана на то, чтобы тихой сапой проникнуть в тыл заставе, а потом, при начале общего нападения, коварно ударить ее защитникам в спину.

Весь день 22 июня Теленков, будучи станковым пулеметчиком в отделении своего земляка сержанта Бузыцкова, вел почти непрерывную стрельбу по прорывающимся группам врага и нанес им большой урон. Особенно видны были потери врагов от метких очередей его «максима», когда те попытались овладеть деревянным мостом через Прут.

Все дни вплоть до 30 июня 1941 года, пока личный состав заставы сражался с фашистскими войсками, Теленков со своим пулеметом был постоянно в гуще боя.

В пору летнего отступления по степям Южной Украины Теленков в составе своей заставы еще неоднократно бывал в боевых стычках с немецко-фашистскими и румынскими войсками. Затем в составе артиллерийского полка НКВД СССР принимал участие в боях за Волоколамск, Медынь, Юхнов. Бывал ранен, отлеживался в госпиталях.

До сего времени Петр Дмитриевич с сердечным волнением вспоминает 22 февраля 1942 года. В тот день Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин вручил ему и группе других пограничников первую награду за бой на реке Прут. Фотокарточку, где вместе с пограничниками запечатлен и Михаил Иванович, в семье Теленковых хранят как самую дорогую реликвию.

24 июня 1945 года отважный воин участвовал в Параде Победы на Красной площади.

Командир «станкачей»

Командиром «станкачей» — отделения станковых пулеметчиков — 5-й заставы Кагульского погранотряда служил наш земляк, уроженец села Нижнее Санчелеево

Ставропольского района, бывший комбайнер сержант Бузыцков Иван Дмитриевич, ставший первым из куйбышевцев Героем Советского Союза периода Великой Отечественной войны.

Автор этих заметок служил в Кагульском погранотряде в одно время с Бузыцковым, хотя до января 1941 года не знал о нем. После событий 5 января 1941 года на участке заставы, героем которых был Бузыцков, он прославился не только в отряде, но и во всем Молдавском пограничном округе. В тот воскресный день сержант и его напарник по наряду Петр Иванов подверглись наглому, заранее продуманному румынским командованием нападению: их обстреляли румынские пограничники, ранили в ногу бойца. За нападением наблюдали солдаты румынского пикета. Оно сопровождалось нарочито громким смехом и издевательскими выкриками. Советские пограничники смело приняли дерзкий вызов и крепко наказали наглецов. Они не спасовали перед тем, что на них потом набросились десятки вражеских солдат, подошедших к линии границы и криками угрожавших расправиться с «русскими Иванами». Инцидент длился три дня, после чего румынские власти признали свою вину, но попытались ее свалить на нижних чинов. По признанию румынского погранкомиссара, в результате этой стычки их сторона потеряла только убитыми 14 человек. Сержант Бузыцков и рядовой Иванов были поощрены командованием Молдавского пограничного округа.

Свой второй героический подвиг воспитанник Ставропольской комсомольской организации совершил в приграничном сражении на реке Прут, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

21 июня 1941 года сержант Бузыцков и боец его отделения Василий Денисов были назначены в наряд и в 22 часа вышли на правый фланг участка. Приграничье окутали темно-серые, быстро густеющие сумерки, дымящийся вечерними испарениями Прут заполнил легкими прозрачными волнами тумана близлежащие сады и виноградники, выровнял ложбины и впадины, создав видимость морского разлива. Вокруг стояла привычная пограничная тишина.

Иван знал, что тишина обманчива, она может прерваться нежданно-негаданно в любой момент, а в этой мгле каждое мгновение можно столкнуться с врагом.

И.Д.Бузыцнов
Снимок предвоенных лет.

Вот буквально два-три дня назад повозочник Павел Соснов, возвращавшийся из Леово с продуктами для бойцов заставы, обнаружил с краю придорожных плавней лишнюю кочку, проверил ее штыком и «выудил» из-под нее вражеского лазутчика.

Сержант да и все на заставе знали, что обстановка на границе была исключительно напряженной, в воздухе висела тяжелая грозовая военная туча. Но ни он, ни его напарник не могли предположить, что именно эта ночь на целых четыре года лишит землю мира.

Около трех часов без происшествий прибыли домой. После доклада дежурному, приставив винтовки к стене, уселись на лавочку рядом с казармой, закурили, сладко потягивая дымок козьих ножек.

Беседа была прервана неожиданными яркими сполохами, грохотом очереди чужого пулемета и взрывами ручных гранат на левом фланге заставы, после чего там открылась беспорядочная ружейно-пулеметная пальба...

— Застава, в ружье! — тут же скомандовал старший политрук Бойко.

Через десять-пятнадцать минут на левом фланге все замолкло. Снова возвратилась спугнутая на время тишина. Командиры и бойцы уже было поверили, что все их ранние тревобления кончились, что все это было не что иное, как маленькое ЧП, может быть, провокация.

Прошло еще несколько минут, и вот за рекой, в

районе деревянного моста, вверх взвились две зеленые ракеты, и не успевшая утвердиться тишина была растерзана чудовищным шквалом артиллерийских снарядов, мин и пуль, обрушившихся на заставу. Огромным пламенем вспыхнуло здание заставы, конюшня, столовая.

— Тимушев, Михальков, Бузыцков, Филиппов, по местам! — крикнул лейтенант Тужлов. — Застава, к бою! Стоять насмерть!

И сразу вся застава пришла в движение. Каждый бежал, куда ему следовало, делал то, что полагалось. Бойцы отделений названных сержантов помчались к закрепленным за ними дзотам, а ефрейтор Филиппов со своими подчиненными — к окопам между дзотами Михалькова и Тимушева, с западной стороны заставы.

Через несколько минут, до отказа нагрузившись патронами, коробками со снаряженными лентами, ящиками гранат и волоча за собой три «максима», отделение Бузыцкого бежало к своему дзоту, что находился в 500 метрах восточнее заставы, на изгибе шоссе, идущего от моста к селу Стояновка. Огневая точка была так искусно вписана в местность, замаскирована кустарниками, что обнаружить ее можно было только в непосредственной близости. Издали прилегающая к ней местность казалась уютной зеленой полянкой. Однако она господствовала над округой, обеспечивала возможность кругового обстрела.

Бузыцков наметанным командирским глазом придирчиво осмотрел размещение и изготовку каждого, сделал кое-какие замечания и сам занял место наводчика одного из пулеметов.

В непосредственной близости лейтенант Тужлов, старшина Козлов, сержант Федотов, кавалеристы, повар и еще три-четыре пограничника вели трудный бой с прорвавшейся группой немецких и румынских солдат. Отчаянно бились бойцы отделения Михалькова. Атаки, одна ожесточеннее другой, отбивали пограничники сержанта Тимушева и ефрейтора Филиппова. У железнодорожного моста бойцы железнодорожных войск НКВД увязли в жестокой схватке с напиравшим противником. Пулеметчики Бузыцкого своим огнем поддерживали наших бойцов на всех этих участках. Но вот одна из прорвавшихся групп немцев атаковала непосредственно их блокгауз.

— Товарищи бойцы, — обращается Бузыцков к своим, — стрелять только по команде, подпустим фашистов поближе.

Враги приближаются. Все ближе и ближе их цепи. По всей вероятности, они еще не видят хорошо самой природой замаскированного дзота, почти не пригибаются, не осторожничают. Защитники дзота молчат...

— Пора, ребята. Огонь! Бей гадов! — командует Бузыцков и сам выпускает длинную очередь. Сразу же заработали второй и третий «максимы». Учащенной дробью защелкали винтовки. Вражеская группа моментально распалась и начала таять под меткими выстрелами пограничников. Оставшиеся в живых залегли.

К залегшим остаткам первой группы подошло подкрепление. И вот уже новая атака, поддерживаемая массированным обстрелом крупнокалиберных пулеметов противника. Но и в этот раз пулеметчики меткими очередями из трех «максимов» и выстрелами из винтовок вынудили фашистов снова залечь. Атака их захлебнулась, они понесли большие потери.

Фашисты обрушили на блокгауз шквал артиллерийских снарядов и мин. Взрывы их сотрясали все вокруг, вздымали целые тучи земли. Вражеские пули не щадили защитников. Вот один из них тихо, как бы нехотя, опустился на дно дзота, второй ухватился рукой за щеку.

Но дзот живет и крепко отвечает врагам. Сколько было отбито атак в этот день заставой и отделением сержанта Бузыцкого, никто сказать не сможет. Их было множество, огневых, опасных... Они нанесли большие потери немецко-румынским войскам. Но главным выигрышем было то, что они наглухо преградили врагу дорогу на Стояновку и на Леово.

Уже начало темнеть, когда в блокгауз пограничников попал неприятельский снаряд. Два пограничника были убиты, сержант Бузыцков вторично ранен в правое предплечье. Больше находиться на этой позиции было нельзя. Остатки отделения перебрались ближе к заставе, выполняя ту же задачу прикрытия шоссе.

До самой темноты грохотал бой, сержант сам продолжал громить врагов из пулемета. В это время к пулеметчикам пришло пополнение под командованием помощника начальника штаба комендатуры старшего лейтенанта Константинова. В этой же группе

прибыл земляк и друг Бузыцкого сержант Федор Мордяшов.

На второй день практически повторялись все перипетии первого дня боев: враги нахально напирали со всех сторон, пограничники отважно отбивались. В один из боев рядом с Бузыцковым разорвался вражеский снаряд. Он потерял сознание: у сержанта были перебиты обе ноги. Его эвакуировали с поля боя в деревню, а затем в военный госпиталь.

После излечения по пути на фронт Бузыцков был в Москве, где ему Михаил Иванович Калинин вручил высшую награду государства — орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. На фронт вернулся лейтенантом.

Иван Дмитриевич успешно провоевал всю войну, а после нее продолжал службу во внутренних войсках МВД.

У самого Прута стоит дорогой для ветеранов-пограничников памятник героям приграничных сражений — остатки здания старой заставы, оплавленный неимоверным жаром и закопченный дымом пожарища кусок стены. На нем — мемориальная доска, по мрамору которой выбито:

**«ЗДЕСЬ ЗАСТАВА ГЕРОЯ ЛЕЙТЕНАНТА ВЕТЧИНКИНА
СТОЯЛА НАСМЕРТЬ,
ЗАЩИЩАЯ РОДНУЮ ЗЕМЛЮ,
22 ИЮНЯ 1941 ГОДА».**

Неподалеку от стены старой заставы возвышается холм братской могилы и четырехгранный, зауженный кверху высокий обелиск. Здесь покоится прах павших героев 11-й и 12-й застав.

ШИФР НЕИЗВЕСТЕН...

В начале мая 1942 года в окрестностях города Сызрани зафиксирован выход в эфир неизвестной радиостанции. Несмотря на принятые меры, установить местонахождение и задержать передававшего радиogramмы не удалось. Шифр перехваченных радиogramм неизвестен...

Из донесения Сызранского горотдела НКВД

1

Укромное место выбрали на берегу Волги, неподалеку от пристани, где деревья и заросли кустарника надежно укрывали от постороннего глаза. Корнев прошелся над обрывом, огляделся. Река в этот утренний час была пустынна, только на той стороне одиноко маячила рыбацкая лодка. Он сделал большой крюк по прибрежным зарослям и, не обнаружив ничего подозрительного, вернулся к радисту. Пока Анисин забрасывал на ветки антенну, колдовал над передатчиком, Корнев еще раз перечитал радиogramму, хотя составили ее накануне вечером и каждое слово в ней было продумано, взвешено, выверено.

— У меня все в ажуре, — приподнял голову Анисин.

Корнев надел наушники, протянул листок с шифровкой:

— Вызывай.

Разведцентр откликнулся сразу, на первый же позывной, словно находился не за сотни километров, под Варшавой, а где-то рядом, в окрестностях Сызрани. Едва Анисин отстучал свое традиционное «АТЕ», как в наушниках прозвучал перевернутый пароль, означавший, что разведцентр готов принять сообщение Провода.

«АТЕ.

Вчера на Пензу с войсками проследовали 32 эшелона, из них 9 с танками, 7 с боеприпасами, 10 с продовольствием. На Инзу — с войсками 19 и 9 эшелонов смешанных.

Мое положение осложняется. Кончаются деньги, садятся батареи. Вынужден работать реже. В городе и в окрестностях усилено патрулирование, местность прочесывается. Уследить одному за ж.-д. узлом и Волгой невозможно. Прошу прислать помощника, с ним деньги, питание к рации. Живу на старой квартире.

Провод»

Корнев вслушивался в морзянку. Передача прошла четко, только на злосчастной «щ» Анисин опять чуть не сбился с темпа. Буква эта с первого дня не давала ему покоя. Он боялся ее пропустить, поэтому Корнев старался не смотреть на него, ждал, что ответит разведцентр.

Через несколько секунд в наушниках запищало:

«ЕТА.

В эфире помехи. Повторите радиограмму. Повторите.

Р. Р.»

— Похоже, что-то замышляют, — забеспокоился Анисин. — Подвох какой-то готовят.

— Ладно, игрок, — усмехнулся Корнев. — Слушай начальство, Передавай, да спокойнее.

Анисин снова вышел в эфир. Но на половине текста Корнев оборвал передачу.

— Пока хватит. Позже отстучим полностью. А сейчас сворачиваемся.

— Может, искупаемся, Федор Викторович, раз уж мы в таком благодатном месте? — спросил Анисин, уложив рацию в противогазную сумку. И, ухмыльнувшись, добавил: — Денек-то, видать, будет жаркий.

Корнев кивнул:

— Резвись. Полчасика можем отдохнуть.

Нежась на теплом, еще не успевшем раскалиться песке, он сквозь веки наблюдал за фыркавшим от

удовольствия в реке радистом: «Соображает, дьявол. Попариться сегодня действительно придется». В то, что разведцентр не смог сразу принять радиограмму, не верилось. Скорее всего, провокация, своего рода проверка. Ну и черт с ними. Пусть не думают, что тут райские условия и можно часами торчать в эфире.

Занятый своими мыслями, он не заметил, как Анисин в стремительном кроле пошел от берега. Корнев приподнялся на локте и махнул рукой:

— Пора. Вылазь!

Радист по-прежнему удалялся, энергично работая руками. «Не видит или... Черт. Знает же, что плаваю я как кочерга». Корнев встал и хотел уже подать более энергичный сигнал, но в этот момент Анисин повернул назад.

Через несколько минут, шумно дыша, он вышел на берег. По-ребячьи подпрыгивая на одной ноге, тряс головой — в уши попала вода. Рослая атлетическая его фигура воплощала безмятежность, спокойствие, и только в глазах бегали озорные огоньки. «Ну что, струхнули, старший лейтенант?»

Корнев молча одевался. Натягивая сапоги, равнодушно проговорил:

— Кажется, это Чехов писал, что телеграфисты — самый отчаянный народ.

— Извините, Федор Викторович... — В голосе Анисина зазвучали нотки раскаяния. — Засиделся, размяться захотелось. Да и люблю я Волгу. Как-никак родился на ней.

— Ладно. Доставай рацию. Передадим еще раз.

— Скажем: жарко было. Решили искупаться.

— Остроты отложим на вечер. Передашь, что спугнули. Ложная тревога.

Ответ на радиограмму пришел через несколько минут.

«ЕТА.

За информацию благодарю. Продержитесь еще немного. Усиьте контроль за ж.-д. узлом, не упускайте из виду Волгу. Сообщайте обо всем дважды в сутки: 9.00 и 18.00 московского. Человек спустился 10 августа

в вашем районе. Не понимаю, почему не встретились. Ждать и быть внимательным.
Р. Р.»

— Вот так номер, — растерянно протянул радист, расшифровав радиограмму. — Выходит, проморгали помощника. Походил, походил он вокруг, вынюхал тут все да и подался опять к немцам. А те теперь играют с нами, как кошка с мышкой. А, Федор Викторович?

— То бабка надвое еще сказала. Может, человек тот сам от немцев запрятался.

Корнев достал папиросу, не торопясь прикурил и затянулся дымом. Опасений радиста он, казалось, совсем не разделял.

— Чую, не доверяете, Федор Викторович, — уже спокойнее сказал Анисин. — Как говорится, знай сверчок свой шесток. Но все ж хочу предупредить: кого попало оттуда не пошлют. Подбирают из таких гадов, что жалить готовы до смерти.

— Будем делать свое дело, сержант. Человек не прибыл. Денег мало, батареи чуть живы. И как все повернется, посмотрим. Рацию, между прочим, надо убрать. Неровен час...

Анисин быстро свернул антенну, упрятал рацию снова в противогазную сумку. Отряхнув с голых коленей налипшую траву, щелкнул босыми пятками:

— Разрешите еще разок скупнуться, товарищ старший лейтенант?

— Давай. Только по-быстрому.

Радист едва успел зайти в воду, как сзади окликнули:

— Стой!

Из-за кустов бесшумно вышел патруль.

— Прошу предъявить документы, — козырнул молодой розовощекий лейтенант. Два бойца с автоматами на груди стояли рядом. Перелистав удостоверение Корнева, лейтенант повернулся к Анисину.

— Ваши документы.

Радист вылез из воды, улыбнулся патрульному и комически пожал плечами:

— Вот бдительный народ: в воде и то проверяют. А того не поймут, что не гоже шпиону быть голым. Он же и в баню до макушки вооруженный ходит.

Лейтенант не откликнулся на шутку, долго и внимательно изучал красноармейскую книжку Анисина.

— Что делаете в таком пустынном месте?

— Загораем. «Кольцова» ждем, — балаганил радист.

— Может, Пушкина?

— Нет, лейтенант. «А. В. Кольцова». — Корнев незаметно погрозил Анисину. — Пароход будет в одиннадцатый ноль-ноль.

Когда патруль удалился, Анисин сказал, растягивая слова:

— А занятная была бы картина, если б увидел лейтенант, что у нас в сумке. Как думаете, Федор Викторович?

— Думаю, не о том у тебя сердце болит. — Корнев насмешливо посмотрел на радиста. — Не о сумке. Скорее о бдительности. Боишься, что проворонили твоего помощника.

— А вы не смейтесь, — обиделся Анисин. — Вспомните, как со мной было.

Корнев с трудом удерживал улыбку, припоминая подробности прошлого. После приземления, упрятав парашют и рацию, Анисин ранним утром заявился на железнодорожную станцию. Зашел в дежурку и растолкал дремавшего за столом старшину:

— Слышь, дядя, шпион я, доставь куда следует.

Он полагал, что одной этой фразы достаточно, чтобы усатый пожилой милиционер подпрыгнул от неожиданности. Не каждый же день шпионы сваливаются с неба в отделение милиции. Реакция оказалась иной. Старшина сладко зевнул, снова закрыл глаза и пробормотал:

— А, шагай ты до бабуси. Теж мени, шутник нашелся,

— Да шпион я! Шпион, понимаешь! — загорячился Анисин.

— Иды, сержант, иды. Водычки испей, помогае с похмелюги.

Пришлось Анисину подтвердить свое заявление фактами: достать пистолет, фальшивые паспорта, документы. Это убедило старшину, но все же ожидаемого впечатления не произвело. Он привел себя в порядок, отобрал у Анисина вещественные доказательства и сел писать обстоятельный протокол. Неторопливо закончив все формальности, взялся за телефон и доложил по службе о сдавшемся шпионе...

— Дискуссия откладывается, сержант Анисин. Пора

домой. — Корнев перекинул через плечо противогазную сумку, поправил ремень.

До города они шли молча. У кинотеатра «Ударник» расстались. Корнев протянул радисту деньги и сказал:

— У меня свидание тут рядом назначено, а ты посмотри кино. Сейчас одиннадцать. Встречаемся без четверти час. Вопросы есть?

Вопросы у Анисина, наверно, были. Он стоял растерянный, ошарашенный неожиданным предложением. Овладев собой, кинул руку к пилотке.

— Все ясно, товарищ старший лейтенант. В двенадцать сорок пять буду здесь как штык.

2

В горотделе, куда он зашел, отпустив Анисина в кино, царило оживление. К дому подкатывали и с ревом уносились автомашины, мотоциклы, озабоченно сновали по коридору сотрудники. Корнев открыл дверь начальника отдела Соболева. Тот с недовольным видом ходил по кабинету.

— Неприятности, Сергей Петрович? — поздоровавшись, полюбопытствовал Корнев. Он снял противогазную сумку, приставил ее к стулу и расстегнул ворот гимнастерки. — Жарища. Печет, как в пустыне. Вспомняешь родную Беларусь, леса, озера...

— Тут с другого бока припекает, — не разделяя лирического настроения Корнева, сердито перебил его Соболев. — Шпион орудует в городе. Шпи-о-он. Понял?

— Понял, — в тон ответил Корнев. — Орудует — значит, поймать надо.

— Легко сказать. Сегодня вот опять шифровку перехватили. Подняли гарнизон, разослали патрули, и снова пустые сети. Ушел, мерзавец. Но ведь тут он, — стукнул Соболев по столу. — Ходит по Сызрани, выглядывает, передает.

— Чего же передает?

— А вот читай... — Начальник отдела протянул шифровку. Корнев подержал в руках свою утреннюю радиограмму, поморщился. Было неловко, что приходится доставлять немалые хлопоты, неприятности Соболеву, с которым успел подружиться, всем сызранским коллегам. Но что поделаешь. Есть вещи, которые

выше такого рода деликатностей. Он вернул текст передачи, пожал плечами.

— Китайская грамота. Тут шифровальщикам надо поломать голову.

— Ломают, да толку мало. А содержание и школьнику понятно. Не о пейзажах сообщает.

— Где ж выход?

— Наметили кое-что, — замялся Соболев, очевидно, не желая откровенничать.

— Пойду к себе, — поднялся Конев. — Поговорю с начальством.

Он связался с Центром, доложил полковнику Светличному об утреннем радиосеансе.

— Мы слушали вас, — сказал полковник. — Ты правильно поступил, что прервал передачу. Надо подрабатывать у них мнение, что Анисину приходится туго. Кстати, как у него настроение? Опять он сбивается на контроле.

— Переживает. Говорит, что помощника проморгали. Опасается, как бы тот не раскрыл все карты. Сейчас в кино пошел.

— В кино? — удивился Светличный. — А ты, того... не перемудрил?

— Нет, товарищ полковник, — заверил Корнев. — Хочу, чтобы парень до конца убедился, что мы ему доверяем.

— Резонно, Берчевский, кстати, подтвердил все его показания. И о школе, и о диверсантах, что летели с Анисиныным. Но об аресте помощника ему знать пока не следует. Естественнее держаться будет. А теперь о передаче. Вечером в эфир не выходить. Следующий сеанс послезавтра утром. — Полковник продиктовал радиограмму, перечислил количество эшелонов, характер грузов. Потом добавил: — Детали уточним завтра. Надо будет показать переброску войск под Сталинград. Там сейчас трудно. И еще. По нашему мнению, «гость» или «гости» могут к тебе нагрянуть с часу на час. Теперь, возможно, без предупреждения. Надо думать, немцы все-таки постараются проверить Анисина. Как готовность?

— «Гостей» ждем. — Корнев доложил о готовности группы, расстановке постов, сигнализации. — Только обстановка вот усложнилась, товарищ полковник. Гарнизон поднят на ноги, всюду патрули, засады. Сегодня нас едва не задержали.

— Понятно. — Полковник с минуту помолчал, очевидно, раздумывая над сказанным, потом добавил: — Ответственность всего дела ты, конечно, представляешь. И то, что головой за него отвечаешь, тоже. Помни: если будет совсем невмоготу, можешь раскрыться Соболеву. Но только в крайнем случае. Понял?

— Ясно, товарищ полковник. Разрешите еще один вопрос? Личный, по поводу моего последнего рапорта.

— Не трать зря бумагу, Корнев. Твой фронт в Сызрани.

3

Вечером он долго не ложился. Не хотелось спать, хотя минувшей ночью не отдохнул как следует: несколько раз поднимали для разговора с Москвой. Ходил по комнате, курил, бросая одну папиросу и зажигая другую. Мысли вертелись вокруг сегодняшнего разговора со Светличным, его категорического отказа. Рапорт с просьбой послать его на родную Витебщину он написал еще осенью прошлого года. И, как казалось, довольно обстоятельный: вырос и работал в тех местах, знает там каждую тропку, людей. Все бы это пригодилось для работы в подполье.

Была еще одна причина, о которой он умолчал. В семье, рано оставшейся без отца, он был старшим. Опорой и первым помощником матери. И когда работал в колхозе, и позже, в годы учебы в педтехникуме, и потом, когда пришел в органы ГПУ. Все эти годы он знал, чем живут в доме, кто как учится, какую дорогу выбирает в жизни. Теперь они одни. Там, под немцем. Мать, четверо младших братьев, пять сестер.

Наверно, он все-таки добился бы своего, но в апреле в Центре стало известно об Анисине. Корнева вызвал полковник Светличный и приказал с группой чекистов немедленно вылететь в Сызрань. Задание: использовать сдавшегося шпиона для дезинформации вражеской разведки. Работать в обстановке полной секретности, информировать только Центр. Почему выбор пал именно на него, Корнева, он понял позже, когда увидел Анисина. Сыграло роль сходство. А сначала решил, что причина — в знании радиодола, которое основательно изучил в разведшколе.

Эх, Анисин, Анисин. Знал бы ты, как помешал.

Случись эта история позже, многое могло бы перемениться. А теперь нечего и думать, что отпустят. Слишком ответственное задание. Корнев присел к столу, раскрыл следственное дело. С фотографии смотрели серые глаза, в знакомой усмешке готовы были дрогнуть губы, выпирал такой же, как у него, Корнева, нос. На листках, заляпанных чернилами, написанная на первом же допросе автобиография.

«Ни отца, ни матери, ни фамилии своей настоящей я не помню. Эта — детдомовская. Зовут Александр — это точно. Отчество — Васильевич, тоже присвоенное. Отец умер, когда мне было лет, может, пять от роду. Мать вышла замуж. Помню, что жили мы тогда на Волге, в Батраках. При переезде я потерялся, а может, и нарочно меня потеряли — отчим не очень жаловал меня. Угодил я в приют. Сначала не то в Курске, не то в Харькове. Потом я много поменял детдомов. Чуть подрос — убежать стал. На лето. Зимой-то белые мухи под крышу загоняли. Мотался по всей стране, наловчился у одного шулера в карты, случалось — и воровал по мелочам. С годами стал прирабатывать подпаском, пастухом, раз даже молотобойцем, так рос лет до шестнадцати. А в Сумах старичок один, Ефремыч, мастер в детдомовской мастерской, заморозил меня радиоделом. Как колесом мою жизнь переехал. Собирали мы с ним, пацаны, приемник детекторный, что-то ремонтировали. Зиму прокопались, не заметил я, как стал радиолюбителем. Семилетку в детдоме кончил. Там и работать в мастерской остался. Ефремыча заменил. Таких же пацанов, как сам недавно был, учить стал. Потом монтером, надсмотрщиком телеграфных и телефонных линий работал. В комсомол вступил. А в 1939 в Красную Армию призвали. По своей специальности. В полковой школе настоящее радистское образование получил...»

Биография как биография. Ничего вроде сомнительного. Хотя немцы — мастера и не на такие легенды. Корнев снова закурил, перевернул страницу, прижатую скоросшивателем.

«...В свои двадцать с небольшим я только и умел толком в карты да отбивать морзятку. А в лагере это оказалось тем, что им надо. В плен попал я дуриком. Под Минском отбились от своих втроем. Ни патронов, ни жратвы. Подхарчились на одном хуторе, заснули

как убитые. Сонных нас и повязали. Пригнали в лагерь. Житуха там была дикая. Прочитал бы где — не поверил. Осенью дожди, холод, а мы за колючкой под открытым небом. Больные, раненые гниют заживо. Побой, голод, собаками нас травили, хуже скотины. Мерла братва пачками. Без счета. Кто через это прошел, тот знает фашистам цену.

Допрашивал меня сначала один тип в штатском. Выпытывал, уговаривал. Сначала я упирался: предателем, мол, не стану. А потом нагляделся всего, наказан был на товарищей, решил: чего подыхать зря? Лучше уж отплатить им на всю катушку.

Они-то, понятно, тоже не дураки. Крутили, крутили меня и так и эдак, раз двадцать, наверно, на допросы таскали. Думали, поднапутаю где. А чего я мог напутать? В негеройскую биографию свою приплел самую малость: отец, мол, раскулачен, погиб. А остальное — как было. Только о комсомоле не сказал.

В конце октября привезли меня в школу ихнюю. Аж под Варшаву. Поговаривали, контрразведка генштаба рядом находилась. На даче Пилсудского. Дали мне кличку «Мамонт». Группа наша была под началом ротмистра Зарвица. То ли венгр, то ли серб, не знаю. С этим мы быстро снюхались. Ротмистр в картишки баловался. Даже не баловался, а болезнь это у него вроде. Как кончим занятия — за стол. И пошла. Со зла обдирал я их всех сначала как липку. И паек, и табак, и шнапс, и барахло — все ко мне валило. А потом стал потихоньку туфтовать, поддаваться ротмистру, обучил его карточным секретам. На том и сошлись.

По радиоделу, штучкам ихним всяким шел неплохо. Ну, Зарвиц и выставлял меня везде в передний ряд: «Мамонт — это класс. Мамонт еще себя покажет. Не каждый с ним может потягаться». С такой аттестацией меня и выпустили 7 апреля 1942 года. Сказали: доверяют большое дело. Обещали крест, деньги и все такое. Задание: выяснить наличие оборонных объектов в Сызрани, характер охраны на мосту через Волгу, продвижение грузов».

Через три дня после выброски и явки Анисина с повинной они передали первую радиограмму. Немцы не ответили. На вторые и третьи сутки повторилось то же самое. Уже тогда Корнев увидел, что радист искрен-

не, откровенно переживает неудачу и больше всего боится, что немцы так и не ответят на вызов и тем самым не подтвердят его показания.

Они все-таки ответили. Поздравили с началом работы, уточнили задание. С 7 мая начались регулярные радиосеансы. И вот тогда Анисин повеселел. словно сбросил с души тяготивший груз.

Помощник его, Берчевский, оказался другого поля ягодой. Когда взяли на улице, аж зубами закрипел:

— Жаль, пистолет запрятал, перестрелял бы как собак.

О сотрудничестве с ним и речи не могло быть. Да и чего ожидать от такого. Кулацкий выродок. Отца осудили за поджог и кражу колхозного хлеба, а сынок жил мезтью. Рьяно помогал фашистам, в разведшколе заведовал складом имущества. На допросе бахвалился, что при приземлении убил четырех железнодорожников. Проверили — вранье. Когда Анисина попросили, не посвящая в суть, охарактеризовать сокурсника по разведшколе Берчевского, он усмехнулся:

— Да какой это убивец. Болтун! Того он удавил, того зарезал. Авторитет себе у немцев поднимал, как симулянт температуру. Но убить человека может. Шакалья натура. — И, не удержавшись, спросил: — А откуда вы о нем знаете?

Корнев улыбунулся, вспомнил этот наивный вопрос. Ответить на него он не смог бы и при желании. Центр регулярно присылал данные на возможных помощников Анисина. И чем меньше оставалось времени для визита «гостя», тем короче становился список шпионов. Можно было только представить, как нелегко давалась вся эта операция. Такие же «резиденты», как Анисин, наверняка сидят в Пензе, Рузаевке, Рязани. И нужно ежедневно, ежечасно координировать действия всей этой сети, не допускать малейшей оплошности, просчета и убедить, убедить немцев, что стратегические резервы скапливаются под Москвой. Потому такие фантастические цифры в радиограммах, потому еще так нужен Анисину помощник — «язык» оттуда, где вынашиваются большие планы.

Корнев погасил свет, поднял тяжелые шторы и распахнул окно. Дохнуло свежестью. Из сада пахло

яблоками, цветами. Город спал. Затемненный, насто-
роженный. Тыловой город, в котором проходил его
фронт...

4

Постоянные мольбы Анисина о помощи не достигали цели. Батареи действительно сели, и сигналы теперь едва прослушивались в Москве. Радист слал полные отчаяния шифровки, умолял, плакался, что разведцентр толкает его на рискованный шаг — он вынужден будет либо украсть, либо купить эти злосчастные батареи, — и что такой неосторожный шаг может обернуться провалом.

Из-за линии фронта в ответ шли обнадеживающие радиogramмы и настойчивые требования регулярно информировать о продвижении железнодорожных составов и грузов по Волге. Невнимание к «резиденту» раздражало и пугало Анисина. Он был уверен, что чекисты проморгали связного, тот раскусил их игру и наверняка сообщил в разведцентр. О том, что Берчевский взят, давно допрошен и отправлен в Москву, Анисин все еще не знал. Но тревога его была обоснована. Связь действительно могла вот-вот оборваться, и Корнев стал настойчиво предлагать центру план фиктивных акций, чтобы обеспечить рацию необходимыми батареями или аккумулятором. Можно было сослаться, что питание случайно раздобыто у работника автобазы, польстившегося на деньги железнодорожника и т. д.

Полковник Светличный внимательно выслушивал эти варианты и всякий раз отклонял их.

— Пойми, — убеждал он Корнева, — сейчас наступает самый решительный момент. И выиграет тот, у кого крепче нервы. Какой бы самый благонадежный, с точки зрения немцев, вариант мы ни нашли, он будет им на руку: даст время для оценки положения, для дополнительной проверки радиста. А в этом любая разведка старается быть уверенной. Но когда они станут перед фактом, что связь прекращается, то невольно будут вынуждены показать, нужен им Анисин или нет. Коль надобен — помогут. Обязательно помогут. Так что наша задача теперь ждать. Ждать вестей и гонцов оттуда.

В очередной радиogramме Анисин сообщил немцам, что жить ему не на что и он вынужден поступить на

работу. Из-за линии фронта дали согласие. И «резидент» стал «монтером телефонной сети». В эфир теперь выходил раз в неделю, по воскресеньям. Информировал немцев о якобы подслушанных разговорах, сосредоточении крупных частей под Сызранью, росте военных перевозок на Пензу, и отчасти — на Сталинград.

А в небольшом⁴ доме по Интернациональной по-прежнему ждали «гостей». Днем и ночью. Круглые сутки. И было это нелегко.

В полуподвальной комнате — квартире Анисина — поселились двое молодых чекистов. Их жизнь ограничивалась стенами дома. И только в часы приема пищи Корнев приходил на подмену. Один бежал в столовую, двое по-прежнему дежурили.

На улице, в доме действовала целая система сигнализации. Достаточно было подозрительному лицу появиться в нескольких кварталах от квартиры радиста, как о каждом его шаге сообщали сюда. Казалось, все было продумано, учтено. Даже поведение хозяйки дома в случае появления шпиона. И тем не менее...

Однажды вечером, когда до разговора с Центром оставалось очень мало времени, а появление шпиона казалось уже маловероятным, Корнев, вопреки правилу, отпустил на ужин сразу обоих сотрудников. «Гость» словно ожидал этого момента. Едва Корнев расположился за столом и попросил хозяйку принести чаю, как в дверь постучали и на пороге появился офицер. Смущенно улыбаясь, он извинился за беспокойство и стал расспрашивать Ольгу Ивановну о родственниках, которые были эвакуированы год назад, осенью сорок первого года, в Сызрань.

Все в поведении всшедшего капитана было естественным: и манера держаться, разговаривать, и вопрос, который его тревожил. Мало ли людей потерялось в эту лихую пору. Разметала война кого куда. Попробуй отыскать. Ладно, капитану повезло. В госпитале он получил письмо от родных, они сообщили ему адрес. А теперь вот по дороге на фронт выкроил часок, чтобы заскочить, наведать. Неужели он перепутал номер дома?

— Да вы садитесь, чего ж стоять-то, — растрогавшись, пригласила хозяйка. Муж ее тоже воевал, и она рада была помочь фронтовику. — Садитесь. Я чаю

согрею. У меня-то Костровы не снимали. Может, в соседях...

Капитан присел на краешек стула. Лицо его было расстроено. Надо ведь такому случиться. Сколько времени ждал встречи, и такая незадача. Корнев посочувствовал ему:

— Бывает. Может, действительно, путаница с адресом.

Сомнения в том, что незнакомец действительно тот, кого они так терпеливо ждали, не было. Это был один из тех, о ком регулярно сообщал Центр. Сначала перечень сузился до трех человек. Этот — Силенко. Предатель и абверовский агент, учился в той же разведшколе, что и Анисин.

— А вы здесь живете? — поинтересовался капитан. Невинный вопрос был частью пароля.

— Да, с приятелем снимаем у Ольги Ивановны комнату, — как можно беззаботнее ответил Корнев. — Он вышел ненадолго.

Капитан был почти на голову выше его, шире в плечах, да и питался, наверно, не в скромной военной столовке. Откормлен, морда лоснится. Кобура пистолета предусмотрительно расстегнута. «Силен зверь, — раздумывал Корнев, — Как же мне взять его? В рукопашной придавит. И самбо не поможет. Приемчиками и он, конечно, владеет. Ну, чего ж ты молчишь? — подстегнул он себя. — Говори. Не то насторожится гад...»

Со двора вошла хозяйка и с шумом двинула ведро под скамью. Условный сигнал — гость пришел один, во дворе никого нет — подтолкнул Корнева.

— Давай закурим, капитан, — простецки предложил он. И, поднявшись, похлопал себя по карманам в поисках портсигара, демонстрируя, что оружия у него нет. — «Беломор» у нас с Сашкой отличный...

— Не-е. Спасибо. Я своего, армейского. — Капитан достал кисет, оторвал клочок газеты и принялся вертеть козью ножку.

— Руки! Руки вверх! — Воспользовавшись мгновением, Корнев выхватил из заднего кармана брюк пистолет и отскочил назад. — Двинешься — стреляю!

Капитан медленно поднял руки, зло прикусил губы.

— На колени! Вставай на колени! Теперь ложись, вытяни руки!

Незнакомец покорно распластался на полу. Из-под задравшейся полы шинели виднелся раздувшийся карман брюк, застегнуый на булавку. «Не граната ли? — Корнев подошел, ткнул носком сапога. — Нет, скорее деньги». Он вытащил из кобуры лежавшего пистолет и облегченно вытер со лба пот.

Сотрудники, появившиеся через несколько минут, увидев Корнева с пистолетом в руке, еще на пороге выхватили оружие. Шпиона связали, обыскали и усадили на стул. Корнев уселся напротив и спросил:

— Ну, как поживаете на гетмановской дачке? Зарвиц здорово обдирает вас в карты?

Капитан не ответил, попросил закурить. Затягиваясь папиросой, он, очевидно, оценивал положение, в котором оказался: то ли чекисты его взяли, то ли свои устроили проверку?

— Чего ж молчишь, Силенко? Иль забыл Зарвица?

— Не дури, Мамонт! Узнал же. — Капитан пошевелил связанными руками. — Развяжи. Ротмистр тебя вспоминает. А в картах он теперь ас.

— Один прилетел или с напарником?

— Один.

— Что просил я, привез?

— Привез. На вокзале, сдал в багаж. Да развяжите, наконец, — видимо, поверив, что он среди своих, разозлился Силенко.

— Это потом, — усмехнулся Корнев и распорядился, чтобы вызвали машину.

Утром из Москвы прилетел Светличный. Допросил шпиона. Сведения оказались, очевидно, настолько ценными, что обычно сдержанный полковник поблагодарил Корнева.

— Большого зверя поймал, Федор Викторович. Увезу его с собой. Можешь гордиться: операцию провел на пять. А о своих не беспокойся. Живы, здоровы. Братья твои партизанят. Эдик был ранен, сейчас снова воюет...

5

Через тридцать лет с городом надо знакомиться заново. С годами он вырос и помолодел, украсился новыми кварталами, зданиями, скверами. Но места, с которыми связано столько воспоминаний, память

хранит надежно, и Федор Викторович находит их довольно быстро. Дом на Интернациональной, где была квартира «резидента» немецкой разведки; кинотеатр, горотдел НКВД...

У нас впереди целый день. Корнев человек теперь сугубо штатский, работает в Куйбышеве на одном из заводов, но сегодня отпущен начальством, и мы стараемся максимально использовать эту возможность.

Вспоминать о войне трудно. Я знаю, что нелегко сейчас и Федору Викторовичу. Здесь, в Сызрани, в сорок четвертом он получил трагическую весть из-за линии фронта. Братья Павел и Владимир погибли в бою с карателями. Эдуард вернулся домой инвалидом. Вскоре после войны умерла помощница Федора Викторовича, хозяйка квартиры на Интернациональной, когда ее дочке было всего пять лет.

Мы стоим у дома, и Федор Викторович рассказывает, какой замечательной души была эта простая русская женщина. Солдатка, мать. Как, рискуя собой, ребенком, она помогала чекистам. Мужественно и беззаветно.

Больше года существовала квартира «резидента». После того как был взят Силенко, радиосвязь с немецкой разведкой активизировалась. Анисин сообщил, что помощник наконец прибыл и они работают теперь вдвоем.

Под Сталинградом готовились к решительному перелому в войне, скапливалась сила для сокрушительного удара. А из Сызрани во вражеский тыл потоком шли радиogramмы о том, что эшелоны, пароходы и баржи с живой силой и техникой в нарастающем количестве идут на Москву.

Осенью немцы стали проявлять особый интерес и к Сызрани. Они потребовали от резидентуры указать военные объекты, заводы оборонного значения для бомбежки. Чтобы отвлечь внимание, в ответ отправили радиogramму, в которой сообщали, что Анисину и Силенко удалось завязать связь с охраной железнодорожного моста через Волгу и есть реальная возможность взорвать его. Ответ пришел в тот же день. Немцы приказали немедленно ликвидировать связи с охраной. «Ваше дело — разведка. Мостом займется авиация», — подчеркивалось в радиogramме.

Косвенное сообщение о готовящейся бомбардировке

моста помогло нашей авиации. Армада вражеских бомбардировщиков была встречена далеко от окрестностей Сызрани. К мосту удалось прорваться только одному самолету. Но и тот, встреченный зенитным огнем, сбросил бомбы далеко от цели, в волжскую пойму.

Когда версия с подготовкой к взрыву моста не прошла, внимание вражеской разведки от Сызрани попытались отвлечь другим путем. Ежедневно стали сообщать о резко возросшем потоке воинских грузов на железной дороге и Волге. Маршрут их в основном указывался тот же — московский. Немцы клюнули на эту удочку и настойчиво потребовали уточнения характера грузов: марки самолетов, танков, калибры артиллерии и т. д. Дезинформация из Сызрани росла с каждым днем и приобретала все большее значение.

Было естественно ожидать, что после Сталинградской битвы доверие к резидентуре в Сызрани у немцев упадет. Ведь буквально за несколько дней до начала исторического сражения фашистские главарь были совершенно уверены, что на этом участке Восточного фронта им ничто не грозит, и считали дни и часы, когда падет Сталинград и наша страна будет обречена окончательно. Однако двусторонняя связь поддерживалась и дальше.

Центр принял решение разбомбить вражеское гнездо под Варшавой. Полковник Светличный вызвал Корнева, поручил ему уточнить у радиста местонахождение вражеской разведывательной школы и немецкого штаба. Такая информация в Москву немедленно была передана. Но буквально через час Корнева снова пригласили к телефону.

— Ты сам-то веришь в то, что передал? — недовольно спросил Светличный.

— Конечно, товарищ полковник.

— Тогда объясни, как твоему подопечному удалось с точностью до метра, повторяю, с точностью до метра указать расположение жилых корпусов, учебных зданий, столовой, складов и так далее? Он что, с рулеткой там бегал?

— Я верю Анисину, товарищ полковник.

Вынашивая мысль о переходе к своим, радист пользовался каждым случаем, чтобы собрать необходимую

информацию. Расстояние между объектами в развед-
школе измерял по несколько раз, шагая в строю,
прогуливаясь, направляясь в столовую, на занятия.
Шаги скрупулезно переводились в метры, тщательно
запоминались. Отсюда кажущаяся подозрительной
точность.

Вражеский разведцентр подвергли бомбардировке.
Но через несколько дней из-за линии фронта снова
поступили радиогаммы, запросы. Как установили, уже
с запасной базы. Разбомбили и ее. Но связь немцы не
прекращали.

Она действовала и в сорок третьем...

КОНТРАРАЗВЕДЧИКИ НА ФРОНТЕ

Наши части ворвались в Киев. Танки гвардейского корпуса, в отделе контрразведки которого я тогда служил, добивали фашистов на окраинах города. Отдел наш только начал разгружать свой нехитрый багаж в отведенном помещении, а первый заявитель уже ждал у двери. Его привел офицер-политработник, которого этот пожилой киевлянин остановил на улице и начал рассказывать о скрывающемся в городе вражеском агенте. Начальника отдела на месте не оказалось, привели киевлянина ко мне. Сели мы на подоконник — стульев для отдела еще не раздобыли. Заявитель кратко и толково изложил суть дела.

В дни хозяйничания немцев у него в соседях поселился некий Шаповаленко, якобы приехавший из Одессы. В том доме раньше жил известный в городе ученый. Фашисты расстреляли ученого, уничтожили его семью, а хорошо обставленную квартиру отдали «одесситу». Одно это уже вызвало подозрение у соседей. Они начали к нему присматриваться. Жил Шаповаленко широко, устраивал гулянки. Непохоже было, чтобы он служил: бывал дома даже днем. Но насторожило другое: соседи несколько раз видели его при входе в отделение гестапо. Нередко приводил он к себе молодых ребят, которые потом вместе с ним куда-то уезжали. Сам он возвращался, а ребята эти больше не появлялись, приходили другие. По сообщению заявителя, Шаповаленко не успел уехать с гитлеровцами, хотя и готовился, в настоящее время скрывается у себя дома.

— Пожалуйста, проверьте: очень он подозрителен, я уверен — это враг, — повторял посетитель.

Я взял с собой автоматчиков и пошел по указанному адресу. Квартира оказалась запертой. На звонки и стук

никто не отзывался. Пришлось открыть самим. В квартире все цело, но видно следы спешных сборов. В комнатах — ни души. На плите кофейник — остатки коричневой гущи еще теплые. Значит, хозяин где-то здесь, поблизости. Разыскиали его в подвале — прятался в темном закутке под разным старьем. Сделал вид, что обрадовался нам, русским. Клялся и божился, что спрятался от фашистов, которые якобы его разыскивали, и он два дня не выходил из подвала. Назвался бывшим торговым работником из Одессы, при оккупантах занимался коммерцией. Говорил всякую чепуху о своей помощи нашему подполью, партизанам. Было ясно — врет, в чем-то он виноват. Не теряя времени, мы приступили к тщательному обыску квартиры. В библиотеке из-под многочисленных толстых томов книг вытащили пачку фотографий. Добротные, сияющие гляncем снимки, на большинстве — фирменные знаки берлинских фотографий и дарственные надписи. В другом тайнике обнаружили немецкие пропуска, письма.

Допрос я продолжил у себя в отделе. Пока мы ездили, комендант раздобыл стол, расставил стулья, протянули телефон. И вот сидит передо мной пятидесятилетний мужчина. Обрюзгшее лицо, блестит лысина. Одет немного старомодно, но во все добротное. Я не стал затягивать допрос общими вопросами — в освобожденном городе других дел было много — и начал с фотографий. На одной из них четверо в немецкой форме и рядом Шаповаленко в костюме. В середине — немецкий майор с железным крестом на груди.

— Это Вислов, — охотно пояснил задержанный. — Крест он получил за Францию. С 1941 года на Восточном фронте. Был начальником разведшколы, готовил русских для заброски в тыл Красной Армии. Последний раз встретились здесь, в Киеве. Это было три месяца тому назад. Сказал, что направляют на фронт. Знаю его давно. Принимали его в высших кругах военной разведки и гестапо. Хвастал, что бывал у Гиммлера и один раз на докладе у фюрера. Правда ли это — не уверен. Сам он бывший русский граф, служил в белой армии, эмигрировал в 1918 или 1919 году. Рядом с ним на снимке — обер-лейтенант — тоже русский, я его знаю плохо...

— А теперь расскажите о себе, — сказал я Шаповаленко, прервав его многословное показание о других

— С чего начать? — спросил он изменившимся, охрипшим вдруг голосом. Хитрить ему не было смысла — изъятые документы разоблачали его.

— Начинайте с того, как стали работать на немецкую разведку, — предложил я.

— Извольте, — согласился Шаповаленко. — Я из мелких помещиков. В Воронежской губернии мы имели двести десятин земли. Собрав все ценное, в восемнадцатом я выехал за границу. Жил в Вене, потом в Праге. Как ни экономил, моих запасов хватило лишь на десять лет, я оказался на положении нищего, существовал на крохи, которые удавалось выпрашивать в русских эмигрантских организациях. Когда в Германии к власти пришел Гитлер, среди эмигрантов прошел слух, что там не отказываются от услуг белой эмиграции. Я выехал туда и оказался на службе в разведке. Пригодилось знание языков. В 1942 году меня послали в Киев и поручили подбирать молодых людей под видом посылки их в немецкие технические школы. На самом деле их посылали в разведшколы.

Далее Шаповаленко показал, что за все время ему удалось переправить пятьдесят человек, и назвал фамилии и приметы большинства из них. Он рассказал, что диверсанты и агенты, подготовленные из числа русских военнопленных и заброшенные в тыл, как правило, приходили в советские органы с повинной и немецкая разведка решила готовить более надежные кадры из числа добровольцев, вербуемых на оккупированной территории. Шаповаленко явно опасался, что мы его тут же расстреляем, и старался показать себя человеком знающим, который нам может пригодиться.

После первых допросов мы отправили Шаповаленко в особый отдел армии, и больше я с ним не встречался. Передавая дело, я обратил внимание руководства на Вислова, о котором мы до этого имели показания явившихся с повинной разведчиков, а теперь получили его фотокарточку.

Танки нашего корпуса продолжали развивать наступление, и мы из Киева выехали. *

Одна из наших передовых «тридцатьчетверок» наскочила на мину. Порвана гусеница, и заглох двигатель. Командир батальона приказал экипажу заняться ремонтом, для прикрытия оставил еще один танк, а с остальными устремился дальше. Я об этом узнал от

начальника штаба бригады, куда заезжал вечером. И когда на другой день рано утром поехал на передовую, решил побыть в деревне, на окраине которой застряли танки. Густой туман затруднял наше продвижение, и мы чуть не проскочили нужный пункт. Наконец увидели силуэты двух танков. Подъехали. На вопрос: «Где командир?» — часовой указал на избушку рядом. Через окно до нас донесся крик:

— Скажешь, где штаб танковой дивизии «Мертвая голова» или нет? Не скажешь — расстреляю на месте!..

Танкист, стоявший на часах у двери избы, увидев меня, вытянулся, приветствуя, и пропустил без слов. На лавке сидели два молодых лейтенанта — командиры танков. У одного из них в руке ТТ, и в такт своим словам он постукивал им по столу. Перед ними стоял немецкий майор и пытался ответить:

— Не знаю я, где штаб дивизии сейчас, с танкистами я не был связан. Три дня блуждаю и не знаю, где не только штабы, но и где мой собственный батальон. Прошу вас, доложите обо мне командованию.

— Сейчас я доложу... пулю тебе в лоб, — продолжал кричать лейтенант.

Немецкий майор говорил на чистом русском языке, без акцента. Пожилой, лет 55, с правильными чертами лица, холеный, волосы светлые, редкие, но ни одного седого. Чуть располневшую фигуру облегает добротная шинель.

— В чем дело, лейтенант Зеленов? — спрашиваю у танкиста. Он вскакивает и чуть сбивчиво, но довольно точно докладывает, как все было.

За ночь танкисты отремонтировали машину, но с рассветом видимость не улучшилась, все закрылось завесой густого тумана. Чтобы не заблудиться, экипажи решили переждать и легли отдыхать в ближайшей избе. Стрелок остался охранять, походил вокруг танков и прислонился к одному из них, чтобы закутить. Вдруг со стороны леса послышался шорох. «Возможно, опять коровы блуждают, вчера тут появлялись», — подумал часовой, но сам из предосторожности спрятался за танк и стал наблюдать. Ничего не было видно.

— Никак деревня какая-то, — услышал он полусшепот.

«Неужели пехота наша подросла», — предположил часовой. Стал прислушиваться. Шаги затихли где-то близко.

— Это же избушка, господин майор!

— Да, по карте здесь значится деревня. Значит, отдохнем. Надеюсь, русские еще далеко...

«Немцы, власовцы» — сообразил часовой и приготовился к бою. В это время показались они сами — три едва различимые фигуры.

«Надо поднять своих!» — решил часовой и, дав очередь из автомата, скомандовал:

— Руки вверх! Бросить оружие!

Из избушки выбежали товарищи. Опешившие вначале фашисты попытались сопротивляться, но двоих из них сразу уложили. Офицер сдался. У него-то и добывался лейтенант показаний. Документы, извлеченные из карманов и сумки майора, он протянул мне. Я сказал, что забираю майора. Зеленов не возражал.

Рассвело. Я сообщил танкистам о примерном местонахождении их батальона, они уехали, а сам приступил к допросу вражеского офицера.

Что-то мне показалось знакомым в чертах его лица, в широко открытых голубых глазах. Продолжая рассматривать, предложил ему снять шинель, присесть, предложил закурить.

— Фамилия? — спросил я.

— Вислов. Александр Дмитриевич Вислов.

Мне сразу вспомнился Киев, шикарно обставленная квартира и фотокарточки. Вот он какой, Вислов!

— Я вас знаю, Вислов.

— Да, я предполагал, что чекисты меня разыскивают. Отпираться нет смысла, мои документы в ваших руках. Да, я тот самый, о котором, видимо, донесли бывшие мои ученики из разведшколы.

В это время один из сопровождавших меня солдат доложил, что чай готов. Я приказал подать два стакана.

— Пейте, — предложил я пленному.

— Благодарю. Представьте себе, двадцать пять лет мотаюсь по Европе, а русский чай близок сердцу и сейчас. И обычаи русские, гостеприимство...

— Но все это вы добровольно сменили на все фашистское.

— Что мне оставалось делать? История выбросила меня за борт...

Я прервал майора и предложил сначала рассказать, что ему известно о дислокации немецких войск, и разложил карту. То, что рассказал майор, в основном

подтверждалось нашими разведданными. Некоторые его сведения устарели — он сам оговаривал это, объясняя отсутствием у него свежей информации. Я позаботился, чтобы полученные данные были переданы в штаб, и продолжил допрос.

Записав вместе с приехавшим со мной следователем первые показания Вислова, я позвонил начальнику контрразведки армии и доложил о задержании известного по нашему списку вражеского разведчика. Телефон несколько минут молчал. Начальник, видимо, перелистывал список, в котором значился разведчик.

— Это правда? — переспросил он, возобновив разговор.

Я подтвердил.

— Немедленно доставить к нам. Обеспечьте усиленную охрану, — приказал полковник.

Я стал объяснять, что кругом, даже позади нас, фашисты, наша пехота еще не подошла, есть опасность наскочить на врага.

— Это уже ваша забота, как обеспечить доставку, но он к утру должен быть у нас, — услышал я в ответ.

С Висловым и несколькими автоматчиками я сел в бронетранспортер. Нас сопровождала охрана — пулеметчики и отделение солдат с автоматами и гранатами. До штаба доехали благополучно.

Познакомившись с нашим протоколом допроса, начальник контрразведки армии приказал привести Вислова. Обычно строгий и сухой, на этот раз он назвал меня по имени и отчеству и предложил согреться чаем. Однако, поблагодарив, я отказался, сказал, что спешу, задерживаться нельзя — могу отстать от своих танкистов. Полковник удерживать не стал.

В соседней комнате, служившей приемной, офицеры отдела горячо поздравили меня с удачей — задержанием опасного врага.

Перед уходом я взглянул на Вислова. Тот был спокоен, обернулся в мою сторону и негромко сказал:

— Полагаю, майор, меня сейчас не расстреляют: знаю я очень много...

Пожалуй, Вислов был прав. Действительно он должен был знать много. Должен помнить подлинные и вымышленные фамилии выпускников руководимой им разведшколы, знать, куда они были заброшены. Возможно, знает об осевшей в нашей стране немецкой

агентуре. И выдаст он все это не сразу, а постепенно, малыми порциями.

Спустя недели две во время очередного доклада в штабе армии я спросил полковника, какие показания дал Вислов.

— Мы его и допросить-то толком не успели, забрали в отдел фронта, а там — в Москву.

Через год по окончании войны я вернулся на родную Волгу, стал работать начальником городского отдела государственной безопасности в Куйбышеве. И тут повстречал приехавшего откуда-то из-под Москвы молодого полковника. Мы с ним разговорились. Я вспомнил эпизод с задержанием Вислова.

— Позволь, позволь, — перебил меня полковник, — это какой Вислов?

Я рассказал. Оказывается, Вислов дал много ценных показаний, которые помогли следователям разоблачать немецких агентов — выпускников школы.

Но справедливая кара не миновала Вислова.

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС...

Тревожным было лето 1941 года. В Европе бушевала война. Она неумолимо приближалась к рубежам нашей Родины, ее грозовые тучи густо нависли над границей, угрожая каждую минуту обрушиться на нее смертоносный ливень. Все мы понимали, что война близка, неминуема, и даже успокоительные сообщения ТАСС не могли заглушить нарастающего чувства тревоги.

Война застала меня в должности начальника управления Наркомата государственной безопасности по Орловской области. Но вскоре органы безопасности объединили в Наркомат внутренних дел и меня назначили начальником областного управления НКВД.

Вторгшаяся в нашу жизнь война изменила привычный уклад и, конечно же, стиль и методы всей чекистской работы. Борьба против вероломного врага, его разведывательной агентуры приобрела в этих условиях особую остроту, стала в нашей работе главным, но не единственным.

Директивы ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 29 июня 1941 года и постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля возлагали на органы безопасности большие задачи по оказанию помощи фронту и организации всенародной борьбы в тылу врага. Уже на второй день войны Советское правительство приняло решение о создании в прифронтовых областях истребительных батальонов для борьбы с диверсантами, парашютистами и агентурой фашистов, которые с началом боевых действий на территории нашей Родины особенно активизировали свою подрывную деятельность. В короткий срок мы сформировали в области семьдесят пять истребительных батальонов, в составе которых насчитывалось более десяти тысяч бойцов и командиров.

Эти батальоны были хорошо отобилизованы, вооружены и действовали под оперативным руководством органов государственной безопасности. Население видело в них свою защиту, всячески помогало батальонам, называя их ласково «нашими ястребками». Из лучших людей этого подлинно народного войска мы позднее формировали разведывательно-диверсионные группы, которые сыграли важную роль в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Многие из этих групп совершили поистине героические подвиги.

В августе 1941 года группа из двадцати бойцов под командованием чекиста А. Ю. Эглита, входившая в состав Брянского батальона, проникла в тыл немцев и развернула активные разведывательно-диверсионные действия. Она доставила командованию ценные сведения, вырезала попутно пять километров кабельной связи, подорвала на шоссе несколько военных машин. В одной из таких засад удалось захватить штабную машину, в которой ехали три офицера, охраняемые отделением солдат. В портфелях штабников оказались важные документы.

Такие боевые группы существовали в Бежицком, Людиновском и других батальонах.

В период формирования партизанских отрядов свыше четырех тысяч бойцов и командиров из истребительных батальонов стали партизанами. Такие батальоны, как правило, являлись костяком и опорой отрядов, их наиболее организованными и подготовленными частями. Некоторые батальоны почти в полном составе переходили на положение партизан.

Задолго до оккупации Брянска ушел в тыл врага истребительный батальон под командованием секретаря горкома партии Д. Е. Кравцова. Впоследствии батальон превратился в крупный партизанский отряд, а затем был сформирован в бригаду, в рядах которой насчитывалось около тысячи человек. Бригада уничтожила несколько тысяч фашистов.

Много славных боевых дел на счету бежицких партизан. На их боевом счету 2665 убитых гитлеровцев, 457 полицейских и власовцев, 127 пущенных под откос эшелонов с живой силой и военными грузами врага. А ведь этот сводный партизанский батальон был создан на базе Бежицкого истребительного батальона, ядро которого поначалу составляли 250 бойцов.

В ночь на 1 октября 1941 года вражеские войска, прорвав линию Брянского фронта, стремительно приближались к Орлу. Необходимых сил для защиты города не было, но сдать его без боя мы тоже не могли. Навстречу фашистам выступил отряд, спешно сформированный из истребительных батальонов и чекистов. Соединение бойцов под командованием майора М. Н. Масанова и комиссара секретаря парткома УНКВД В. Т. Слюнина заняли между Орлом и Кромами рубеж и 3 октября вступили в неравную схватку с передовыми частями гитлеровцев.

Отряд мужественно сражался, бойцы подорвали несколько танков, уничтожили немало мотоциклов и ценою собственной жизни задержали продвижение врага. Время для организации обороны между Орлом и Мценском было выиграно. Прибывшие в этот район войска генерала Д. Д. Лелюшенко успели перегруппироваться, занять оборону и подготовиться к встрече противника.

В начале октября наши войска вели тяжелые бои на главном направлении ударных групп противника, преграждая, в частности, путь армии Гудериана на Тулу. Однако на других направлениях оборона была ослаблена или почти отсутствовала. Такое положение сложилось на рубеже Орел—Елец, где действовали подвижные части немецких войск. Подобное обстоятельство нельзя было не учитывать. В Ельце располагались многие областные организации, и надо было позаботиться о защите города.

На заседании обкома партии мы приняли решение: организовать оборону Ельца силами истребительных батальонов. Елецкие и орловские батальоны пополнились партийно-советским активом и чекистами. Командиром отряда был назначен чекист М. А. Забельский, комиссаром стал второй секретарь Орловского горкома партии Л. И. Семенихин.

Второй отряд возглавил чекист Колгушкин. Отряд был сформирован из батальонов тех районов, которые прилегали к Ельцу. Управление Народного комиссариата внутренних дел по Орловской области выдало отрядам все запасы оружия, облизполком обеспечил продовольствием. Итак, спешно отобилизованные отряды выступили в район Новосиль-Богодуховки, создав как бы «малый фронт» на подступах к Ельцу.

Для общего руководства отрядами и координации их действий обком партии утвердил тройку в составе секретаря обкома партии И. Хрипунова, первого секретаря Елецкого горкома партии Ф. Маркова и автора этих строк. Итак, «военный совет малого фронта», ответственный за судьбу двухтысячного гражданского войска и оборону города, приступил к исполнению своих нелегких полномочий. Больше двадцати дней отряды вели бои и удерживали занятый рубеж, пока войска Брянского фронта не вышли из окружения и не взяли под защиту участок «малого фронта».

Эффективную борьбу истребительные батальоны вели с вражескими парашютистами и диверсантами. В первые дни войны Навлинский, Брасовский и Почелский батальоны ликвидировали крупный парашютный десант. Неожиданно через линию фронта прорвалась колонна гитлеровских танков. В бой вступили Погарский, Трубчевский и Унечский истребительные батальоны и немало сделали для уничтожения фашистских танков.

Немецкие разведывательные центры абвера, гестапо, службы безопасности, военно-полевой полиции стремились наводнить своей агентурой прифронтовые районы.

Это были хорошо обученные, опытные враги, и борьба с ними потребовала также особого умения, воинского искусства, высокой оперативности. Вот с этой тайной армией врага и вступили в поединок чекисты, постоянно чувствуя поддержку советских людей и их готовность к защите родной земли.

В одном из сел, примыкающих к железной дороге, поселилась эвакуированная женщина. Что ж, мало ли людей разбросала по белому свету война. Женщина как женщина. Но приходилось быть бдительными. Время! Чекисты собрали все данные об этой женщине. Оказалось, что она дочь кулака, была завербована немецкой разведкой и заброшена в советский тыл.

За шпионкой поручили следить помощникам чекистов из местных жителей. Они узнали, что Галина постоянно бывает в соседней деревеньке у другого фашистского лазутчика, скрывавшегося под видом работающего и смиренного крестьянина. Ночью лазутчик обычно прокрадывался в лес, настраивал рацию и передавал хозяевам сведения. Чекисты, разумеется, накрыли шпионов с поличным.

В начале зимы чекисты задержали пятерых советских

военнослужащих, заподозрив их в дезертирстве. При допросе и проверке снаряжения задержанных обнаружили во фляжных и противогазных коробках взрывчатку и механизмы для осуществления взрывов. Диверсанты под видом красноармейцев пробирались к железнодорожной линии Елец—Верховье, Елец—Красное. Нетрудно себе представить, что бы могло случиться, если бы диверсанты дошли до железнодорожной магистрали, связывающей фронт с тылом.

Летом этого же года в районе Ельца работники госбезопасности выловили группу шпионов, имеющих радиостанцию. Радист и его напарник согласились участвовать в радиоигре с их разведцентром. Вместе с разведотделом фронта нам удалось дезинформировать противника, отвлечь его внимание от группы наших войск, готовившихся к крупной операции.

Орловская область в период оккупации явилась ареной массового партизанского и подпольного движения. Наиболее мощные партизанские силы сосредоточились в районах, ныне составляющих Брянскую область. Более сотни партизанских отрядов, насчитывающих в своих рядах свыше шестидесяти тысяч человек, вели борьбу с гитлеровскими оккупантами, вносили ощутимый вклад в дело разгрома врага.

Далеко за пределами нашей Родины известна боевая деятельность Сещинского подполья. Это им посвящен волнующий кинофильм «Вызываю огонь на себя». Мужественной борьбой, героическими подвигами прославились подпольщики-людиновцы под руководством сына потомственного рабочего Алексея Шумовцева, ставшего Героем Советского Союза.

Конечно, столь мощное партизанское и подпольное движение развивалось и крепло не стихийно. Его возглавляла областная партийная организация, его поддерживали и воодушевляли весь советский народ и правительство. Тысячи коммунистов и комсомольцев составляли цементирующую силу партизанских отрядов, являлись их боевым и надежным авангардом.

Большой вклад в организацию партизанской борьбы и подполья внесли чекисты. Под руководством обкома партии, с помощью райкомов они формировали партизанские отряды и создавали силы народного сопротивления. Для осуществления этой ответственной работы

в составе управления Народного комиссариата внутренних дел по Орловской области был специально создан четвертый отдел, укомплектованный опытными чекистами. Отдел выполнил свою задачу. К моменту оккупации на территории области было сформировано 72 боевых партизанских отряда и 91 группа.

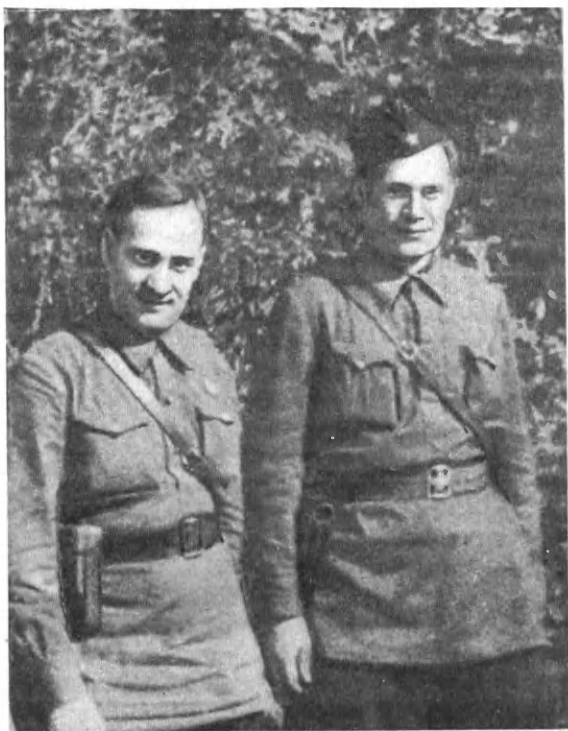
Сформировав и вооружив отряды, чекисты нередко становились их командирами и комиссарами. Партизанские отряды, а позднее бригады возглавляли чекисты В. И. Золотухин, П. М. Мартынов и Н. М. Сентюрин. Способными командирами отрядов оказались чекисты С. Т. Денисов и А. А. Месропов. Хорошо проявили себя в качестве комиссаров отрядов Д. А. Баздеркин и Ф. П. Каменев. Более трехсот чекистов различных подразделений органов госбезопасности находились с заданиями во вражеском тылу.

Высокие организаторские способности и воинское искусство показал в борьбе с фашистами чекист Дмитрий Васильевич Емлютин, командовавший Южной группой партизанских отрядов и бригад, насчитывавшей около тридцати тысяч бойцов и командиров. Партизанская армия, руководимая Д. В. Емлютиным и комиссаром А. Д. Бондаренко, очистила от оккупантов большую территорию и организовала в тылу врага партизанский край, площадь которого составляла около пятнадцати тысяч квадратных километров.

В партизанском крае проживало более двухсот тысяч человек, под защитой партизан находились сотни сел и деревень, в которых работали партийные и советские органы, колхозы и предприятия, учились в школах дети. Малая земля жила единым дыханием со всей страной. Партизанский край был отвоеван в тяжелых боях. В битвах за Малую землю партизаны истребили более тридцати тысяч фашистских оккупантов.

Как же могло случиться, что за спиной у врага существовала целая партизанская республика? Возможно ли такое в условиях столь беспощадной войны? Возможно! Если народ знает, за что он воюет и за кем идет. А советские люди шли за партией Ленина — испытанным в суровых боях авангардом рабоче-крестьянского государства.

В самые тяжелые для Отечества минуты коммунисты были с народом, не теряли присутствия духа, показывали примеры мужества и самопожертвования. Они

К.Ф.Фирсанов (слева) и командир Брянского городского партизанского отряда Герой Советского Союза М.И.Дуна. Август 1942 г., г. Елец.

находились на самых трудных участках партизанской и подпольной борьбы, несли правдивое слово партии народу и поднимали его на священную борьбу. К лету 1943 года в тылу врага работали три окружных, два городских и несколько районных подпольных комитетов партии.

Одним из беззаветно преданных и мужественных бойцов ленинской гвардии был чекист Герой Советского Союза Дмитрий Васильевич Емлютин. Война застала этого бесстрашного и волевого человека в Сураже, где он работал начальником межрайонного отдела НКГБ. Дмитрий Васильевич сразу же с головой окунулся в работу по созданию партизанских отрядов и подпольных групп.

А в начале октября 1941 года он уже находился в тылу немцев. Дмитрий Васильевич был назначен начальником оперативно-чекистской группы. Ему поручили возглавить руководство партизанскими отрядами нескольких районов Навля-Трубчевского куста. Группе предстояло связаться с отрядами, объединить разрозненные силы партизан в единый кулак, создать подпольную систему, наконец, поднять боевой дух людей. И все это в условиях оккупационного режима, в атмосфере фашистского террора и насилия.

Чекист справился с такой задачей. Руководимые им партизанские отряды в боях и походах окрепли, совершили беспримерные подвиги. В конце февраля 1942 года в селе Глинном состоялось совещание секретарей подпольных райкомов партии, чекистов и руководителей партизанских отрядов. На совещании присутствовало 58 человек. Совещание проведено по указанию обкома партии и УНКВД, а его организатором явился Дмитрий Васильевич Емлютин.

Совещание сыграло важную роль в развитии партизанского движения. Именно на нем было решено объединить группу отрядов под единым командованием.

Позже, когда партизанская борьба развернулась с небывалым размахом, по постановлению Орловского обкома партии Д. В. Емлютин 23 апреля 1942 года был назначен командиром объединенной группы партизанских отрядов южного массива Брянских лесов. Здесь во всей полноте проявились его высокие качества организатора, воспитателя и товарища.

Его боялись и ненавидели враги. Они обещали за голову чекиста крупное вознаграждение. Его любили партизаны. Его знали в лицо сотни крестьян в различных районах. К чекисту с уважением относились даже те, кого он карал именем советского закона и у кого, казалось бы, не было особых причин для благодарности.

Однажды вдвоем с проводником чекист пробирался по немецким тылам в глухое село.

Возле одной деревеньки путников неожиданно остановил прохожий:

— Дмитрий Васильевич, здравствуйте!

— Гражданин, вы, наверное, ошиблись.

— Что вы! На всю жизнь запомнил. Вы же начальник НКВД Емлютин.

Дело принимало серьезный оборот. Что за человек?

Случайная встреча или провокация? Партизан поблизости нет, кругом немцы. Проводник опустил было руку в карман, но Емлютин взглядом предупредил его намерение.

— Где мы встречались?

— Судили за кое-какие грехи. Эвакуировать не стали, отпустили до особого распоряжения под расписку. Живу тут у тещи. В деревню не ходите. Немцев сегодня полно понаехало. Переждать надо ночь, а там, на зорьке, я вас выведу. Давайте в мою хату.

— Веди.

Ночь Емлютин скоротал в доме «крестника», а на рассвете тот задами да огородами вывел чекиста на глухую дорогу. Прощаясь, крестьянин спросил у Дмитрия Васильевича совета, как дальше жить, что делать.

— Бей фашистов. Теперь, брат, у нас одно дело.

С тем и расстались. Долго еще Дмитрий Васильевич шел молча в темноте, размышляя об этой встрече, о странных превратностях человеческой судьбы. Он много рисковал, этот смелый и в общем-то осторожный человек. Дело, которому теперь он отдал себя целиком, было необычным, невероятно трудным. Потому и рисковал, попадал в переделки и не однажды глядел в глаза смерти.

Как-то зимой Емлютин возвращался в штаб после утомительной поездки по отрядам. Сани еле тащились по занесенной дороге. Лошадь выдохлась, да и ездоки умаялись.

— Придется передохнуть, — сказал Дмитрий Васильевич, когда впереди показались избы хутора Каменовка. — Завернем в крайний дом.

Во дворе встретилась хозяйка с заплаканными глазами. Женщина взглянула на подъехавшую подводу с вооруженными людьми и еще пуще залилась слезами.

— Что случилось? Кто-нибудь обидел?

— Партизаны, родимый, грабят. Подчистую все вымели. Вон они пьянствуют.

Емлютин с двумя командирами кинулся в избу. За столом сидела пьяная, орущая компания. Человек пятнадцать во главе с лейтенантом. Все вооружены, в армейской форме.

— Что за люди?

— Из окружения, — отозвался пьяный голос.

— Из каких частей и почему безобразничаєте?

— А ты кто такой? — поднялся лейтенант.

Дмитрий Васильевич отрекомендовался и стал урезонивать гуляк.

— Молчать! — подскочил к нему лейтенант. — Попался, большевик!

Ни Емлютин, ни его товарищи не успели даже сообразить, что произошло, как оказались связанными. Бандиты! Как глупо попались. Теперь партизаны ясно видели, что наткнулись на банду мародеров, выдававших себя за партизан.

Чекиста и партизанских командиров раздели, разули и повели по снегу к оврагу. В спину упираются дула пистолетов. Главарь банды спешит расправиться с опасными большевиками...

Дмитрия Васильевича и его спутников спасла случайность. На хутор заглянула партизанская разведывательная группа, она-то и предотвратила убийство. Часть бандитов разведчики перестреляли, а «лейтенанта» и еще нескольких подонков взяли живыми. Все они оказались провокаторами и предателями, из которых немцы создали лжепартизанский отряд.

Все, кто знал Емлютина, кто жил и работал с чекистом, видели в этом человеке воплощение лучших качеств коммуниста, патриота. Он многое знал и умел, его прямота, простота и необыкновенная выдержка подкупали окружающих. К нему всегда тянулись люди.

Конечно, таких преданных людей, верных ленинцев немало работало в немецком тылу. Именно они поднимали на борьбу массы, возглавляли ее, личным примером, воодушевляли товарищей на подвиги.

В партизанских отрядах, среди подпольщиков, в чекистских группах, было много молодых патриотов, комсомольцев, которые под руководством опытных партийных работников учились мужеству борьбы, воспитывали в себе лучшие качества бойцов, росли смелыми сынами и дочерьми родной земли.

В партизанском крае среди разведчиков громкую славу и бессмертие обрела комсомолка Валя Сафронова. До войны Валя работала в сберкассе. Малоразговорчивая наблюдательная девушка была зачислена в одно из партизанских формирований и в первые же месяцы войны оказалась с отрядом за линией фронта. Всю

необходимую подготовку разведчица прошла под наблюдением опытных чекистов.

По заданиям чекистов Валя несколько раз проникала в оккупированный Брянск для связи с подпольщиками. В мороз, в слякоть, при любых условиях комсомолка точно выполняла поручения. Девушкой заинтересовалась фашистская разведка. Начальник русской тайной полиции Брянска Жуковский и начальник отдела штаба по борьбе с партизанами капитан фон Крюгер поставили на ноги всех сотрудников, но разведчица оставалась неуловимой.

В марте 1942 года в отряде вышла из строя радиостанция. Разведданные накапливались, а передать их не было возможности. Что делать? Выбор пал на разведчиков. Валя добровольно вызвалась перейти линию фронта.

На передовой Сафронова попала в перестрелку и была тяжело ранена. С этого момента здоровье разведчицы сильно пошатнулось. Комсомолка рвалась к партизанам, но болезнь вновь и вновь бросала ее на госпитальную койку. Последний раз она не выдержала и сбежала из госпиталя.

Разведчица почти добралась до отряда, но в одной из деревенок попала ночью в облаву. Валентина, уходя, долго отстреливалась, но была окружена и героически погибла в неравной схватке. Посмертно Валентине Ивановне Сафроновой присвоили звание Героя Советского Союза.

Наше управление по решению обкома партии организовало специальную школу пожарников. Все, кто не был посвящен в подробности этого дела, считали, что в школе готовятся кадры местной противовоздушной обороны, специалисты по тушению зажигательных бомб. В действительности же школа готовила инструкторов подрывного дела, специалистов-подрывников, разведчиков, связных и радисток для партизанских отрядов.

Начальником школы был секретарь Орловского горкома партии И. Н. Ларичев, заведующим учебной частью являлся чекист Г. М. Брянцев. Чекисты комплектовали школу курсантами, преподавали спецдисциплины. В школу отбирались передовые рабочие, служащие и колхозники, коммунисты и комсомольцы, самые надежные люди.

Первый выпуск школы состоялся 15 августа 1941 го-

да. Ее филиал на первых порах находился в окрестностях Брянска, а затем, когда Орел и Брянск оказались занятыми врагом, школа перебазировалась в город Задонск. За время своего существования школа подготовила 2339 специалистов различного профиля.

Общеизвестно, что вывод из строя важнейших коммуникаций врага очень эффективно сказывается не только на его экономическом потенциале, но и на моральном состоянии. Танковый или пехотный полк, скажем, на полях сражений представляет грозную силу. Но этот же полк, следующий к фронту, может быть уничтожен небольшой группой подрывников-минеров. Поэтому «рельсовой войне» мы придавали особое значение.

За два года борьбы партизаны и подпольщики Орловщины пустили под откос 841 эшелон с живой силой и военными грузами противника. Массовое разрушение железнодорожных магистралей одновременно на больших участках не прекращалось ни на день и ни на час. Только за одну ночь 8 апреля 1942 года на разрушение железнодорожного полотна вышло сто разведывательно-диверсионных групп.

На двадцатикилометровой участке дороги было осуществлено семьдесят взрывов. Врагу был нанесен огромный ущерб.

Многие выпускники «школы пожарников» стали подлинными мастерами подрывного дела. Партизанский минер Алексей Иванович Ижукин пустил под откос одиннадцать эшелонов, подорвал девять железнодорожных мостов. Именно он технически подготовил и осуществил взрыв на крупном Навлинском железнодорожном мосту. За проведение этих и других операций минеру было присвоено звание Героя Советского Союза.

Навечно осталось в памяти народной имя партизана Александра Измайлова из отряда имени Виноградова. Однажды он вышел на минирование железнодорожного полотна, но установить мину не успел. Прямо на него шел эшелон с танками. И, чтобы не пропустить эшелон к фронту, Александр бросился с миной и толовыми шашками под паровоз.

Некоторые боевые операции партизан, характерные особой дерзостью и значительностью, не забываются и сегодня не только нами, партизанами, чекистами,

и нашими друзьями, но даже недругами и врагами. Об одной из таких операций по уничтожению Синего моста через Десну в районе Выгоничи мне хочется рассказать поподробнее.

...Далеко слышны в ночи шаги часовых. Цок, цок, цок! Положив руки на автомат, немцы медленно расхаживают по пролетам моста. Подмораживает, с севера тянет легкий ветерок. Издалека донесся гул поезда. Вырвавшись из-за поворота, паровоз коротко дудукнул, осветил прожектором стальные сплетения ферм, змейки рельсов и загрохотал над рекой. На фоне звездного мартовского неба проплыли хищные силуэты танков и пушек. На восток!

Из прибрежной тьмы гитлеровский состав проводили десятки настороженных глаз. Наконец перестук колес смолк, и над холодной Десной в тишине опять мерно зацокали кованые подошвы охраны.

— Пора! — раздалась приглушенная команда под насыпью. Призрачные тени скользнули к мосту, слились с ажурными конструкциями и, словно привидения, пропали во мгле.

Одна из ударных групп быстро сняла часовых, охраняющих мост, а вторая группа окружила казарму гарнизона и открыла по ней огонь. Фашисты выбегали на улицу, но тут же падали сраженные. Сто сорок немецких солдат и офицеров отвоевались.

Считанные минуты истекли. Темные фигуры людей одна за другой скатывались с насыпи и исчезали в ночи. На мосту остались заложенные восемьсот килограммов взрывчатки.

— Огонь! — подал еще одну команду все тот же приглушенный голос.

Яркая вспышка на мгновение осветила берега Десны. Вслед за ней раздался оглушительный взрыв. Черные арки моста будто встали на дыбы, и все потонуло в грохоте и дыму. Трехсотметрового моста как и не существовало.

Гитлеровское командование было взбешено, узнав об очередной диверсии орловских партизан. Недобитый генерал Герман Теске в своих мемуарах вспоминает об этом дерзком налете на стратегической важности мост и удивляется, как могло случиться, что этот усиленно охраняемый объект в самом центре расположения

немецких войск оказался взорванным партизанами в ночь на 8 марта 1943 года.

Военные стратеги фашистской армии этому мосту придавали особо важное значение. Через него проходила железнодорожная магистраль Брянск—Гомель, по которой непрерывным потоком шли поезда с вооружением и живой силой для войск группы «Центр». Линия давала возможность маневрировать войсками и вести подготовку новых операций. Понятно, что мост немцы берегли как зеницу ока.

Советское командование и руководители партизанского движения, естественно, тоже очень интересовались мостом. Наконец было принято решение о его уничтожении. В район реки Десны скрытно перебросили более полутора тысяч партизан. Возглавил операцию Герой Советского Союза Михаил Павлович Ромашин.

Операция была всесторонне продумана и тщательно подготовлена. Самые ответственные и сложные моменты диверсии были отрепетированы в условиях, близких к боевой обстановке. Группа подрывников была подобрана из тех, кто прошел специальный курс обучения в той же самой «школе пожарников». Вся операция по взрыву моста и уничтожению охранного гарнизона заняла полчаса.

Нетрудно себе представить, чего стоил этот взрыв гитлеровцам. Крупнейшая армейская группа «Центр» на месяц осталась без важнейшей транспортной коммуникации.

Боевые действия партизан, подпольщиков и разведчиков в тылу врага на территории Орловской области с каждым днем наносили ощутимый урон фашистам, парализовали переброску войск и вооружения к фронту, сковывали инициативу оккупационных властей в установлении «нового порядка» на захваченной земле. Силы народных мстителей росли, их сопротивление врагу стало настолько значительным, что гитлеровское командование начало всерьез считаться с партизанской армией.

Борьба в партизанском крае принимала невиданный размах. Партизаны контролировали огромные территории, восстанавливали советские органы, держали в страхе полицию и отвлекали на себя значительные силы противника. Малая земля сражалась, Малая земля была частью великой Родины, она жестоко отплачивала врагу за принесенные ей бедствия.

Гитлеровское командование даже в самые ответственные моменты боевых действий вынуждено было снимать с фронта дивизии и бросать их против партизан. В феврале 1942 года, в период наступления Брянского и Западного фронтов, командующий немецкими армиями группы «Центр» бросил четыре дивизии на подавление орловско-брянских партизанских отрядов. Маловато! Через некоторое время Клюге запросил у Гитлера еще три дивизии. Крепкий орешек попался!

Ни танки, ни авиация, ни карательные экспедиции врага не могли заглушить силу народного гнева. Сожженные села мстили, развалины стреляли, смерть поджидала убийц за каждым углом.

На арену борьбы вышли подпольщики. В начале ноября 1941 года в самом центре Орла грохнул колоссальной мощности взрыв. В окнах ближних домов выбило стекла, зарево пожара осветило ночной город. От крупнейшего ресторана и гостиницы «Коммуналь» остались одни развалины. Под ними нашли могилу полтора десятка немецких офицеров. Пирушка кончилась панихидой!

— Перевернуть весь город! — металось взбешенное гестапо. — Найти передатчик, уничтожить большевистское подполье!

Фашистские ищейки сбились с ног. Они действительно перевернули все вверх дном, устроили массовые облавы и обыски. А передатчик стучал как ни в чем не бывало: точка-тире-точка-тире...

Через несколько дней на воздух взлетело еще одно многоэтажное здание на улице Комсомольской. Подпольщики подорвали военный штаб. Гестапо метало громы и молнии, а чья-то смелая рука регулярно посылала в эфир бесстрастные тире и точки, отдававшие эхом взрывов и выстрелов.

Так и не догадались гестаповцы заглянуть в подвал по соседству со штабом военной связи. В нем ютились бывший слесарь завода Петр Пальчиков и его «племянница» Зина Степанова.

Ну кто мог предположить, что эти тихие и незаметные люди, живущие в самом логове врага, были искусными конспираторами и грозными подпольщиками, наводившими страх на оккупантов! Разумеется, Петр и Зина работали не вдвоем. Для сбора данных, ведения разведки нужна организация. Петру помогали жена

Прасковья, брат Михаил и много других патриотов. Подполье просуществовало до самого освобождения Орла. И все эти годы в назначенный час радистка аккуратно выходила на связь с Москвой.

С приходом в Орел фашистов в селе Протасове, что рядом с областным центром, появился сапожник. Открыл «дело», зарекомендовал себя благонадежным человеком. Так с помощью чекистов орловский рабочий Александр Михайлович Барinov переквалифицировался в сапожника.

Новоявленный кустарь вошел в доверие к старосте, был почитителен к новым властям, а сам тайно сколачивал группу подпольщиков. Скоро подпольщики заявили о себе крупными диверсиями и боевыми делами.

В Орле работала сильная группа комсомольского подполья. Широко известна героическая деятельность военных врачей и всего медицинского персонала так называемой русской больницы. Это был самый настоящий подпольный госпиталь для советских воинов, раненных на полях сражений и лечившихся в больнице нелегально. Только в день освобождения города врачи передали советскому командованию более двухсот спасенных солдат и офицеров.

Партизанам, чекистам и подпольщикам приходилось бороться в невероятно тяжелых условиях вражеского тыла. Враг был силен и жесток. Он умел воевать и знал свое черное дело. Немцы привлекли на службу огромную армию отщепенцев из русских эмигрантов, уцелевших белогвардейцев, предателей. Вся эта свора лакеев маскировалась под советских людей, усердно служила хозяевам. С ними у партизан разговор тоже был короткий.

Летом 1942 года разведка органов государственной безопасности донесла, что в Брянск прибыл высокопоставленный чиновник из штаба так называемой Русской освободительной армии. Назначен руководителем строительства оборонительных укреплений.

Чиновник оказался бывшим полковником Красной Армии. Изменник! В тыл немцев понеслась радиошифровка о том, чтобы предателем занялся чекист Суровягин.

Василий Иванович раскинул сети, установил за чиновником наблюдение и через несколько дней был в курсе всех дел фашистского прислужника. Попутно выясни-

лось, что он безуспешно ухаживает за одной привлекательной женщиной. Чем не момент! Чекисты познакомились с женщиной и спустя некоторое время дали ей понять, что ее поклонник кое-кого интересуется. Не может ли она помочь?

Нина поняла намек чекистов, однако поначалу слышать ни о чем не хотела. Опасно! Но после уговоров и убеждений наконец осознала всю серьезность своей новой миссии.

— Хорошо, давайте попробуем!

Теперь Нина не избегает встреч с ухажером, она благосклонно относится к некоторым его вольностям и наконец даже соглашается на заманчивое свидание где-нибудь в укромном местечке.

Свидание состоялось. На одной из глухих тропинок чекисты в два счета связали ухажера. Партизанская тачанка мигом доставила его в лес, а затем предателя на самолете отправили в Москву.

Борьба с фашизмом показала невиданный героизм советских людей, вскрыла новые качества человека, воспитанного социалистическим обществом, партией коммунистов. Несчастья и лишения еще теснее сплотили народы, показали нерушимые связи братства и неоценимые преимущества рабоче-крестьянского государства перед лицом врагов свободы. Советский человек знал, что его спасение в борьбе, и потому не задумываясь брался за оружие.

Тайная война, развернувшаяся в немецком тылу, была трудным испытанием для чекистов. И они это испытание с честью выдержали. Гитлеровская разведка настойчиво пыталась заслат в партизанские отряды и подпольные группы своих агентов, в планы которых входило убийство командиров, секретарей подпольных райкомов партии, дезорганизация партизанских рядов и многие другие диверсионные задания.

Чекисты противопоставляли действиям фашистской разведки свои методы работы, свои контрдействия и успешно обезвреживали вражескую агентуру. Четыреста пятьдесят немецких лазутчиков и шпионов были обезврежены чекистами области во вражеском тылу. Советские разведчики сумели не только отразить натиск фашистской агентуры, но и проникнуть в разведывательные и карательные органы врага, раскрыть многие его замыслы, наконец, распропагандировать

многих из тех, кто служил у противника. При содействии и под влиянием чекистов к партизанам перешло более четырех тысяч бывших полицейских и власовцев. Целые гарнизоны, случалось, отказывались служить фашистам и в полном составе прибывали к партизанам.

В мае 1943 года гитлеровское командование подготовило наступление на Орловско-Курской дуге. Но тылы, тылы... Немцы не могли не считаться с огромной армией партизан, готовых в любой момент нанести удар в спину. Берлин приказал: уничтожить «лесных бандитов», очистить тылы от партизан.

В помощь трем немецким дивизиям и венгерскому армейскому корпусу в партизанский край были стянуты 4-я танковая, 7-я, 292-я и 113-я пехотные дивизии, 47-й и 57-й отдельные охранные полки. Около пятидесяти тысяч солдат! По замыслам фашистских генералов партизанскую армию намечалось прижать к Десне и полностью разгромить.

Потянулись тревожные дни. Областной комитет партии, штаб партизанского движения, управление НКВД беспокоились за судьбу народных мстителей, внимательно следили за развитием событий. Для руководства и координации действий партизан в немецкий тыл была заброшена группа опытных офицеров и чекистов во главе с заместителем начальника Орловского штаба партизанского движения А. П. Горшковым.

Кольцо окружения сжималось. Командиры мучительно искали выход. Что предпринять? Оборона или прорыв? На совещании командиров, комиссаров, секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов партизанского края пришли к единому мнению: только прорыв.

...Рассвет. Тихая июньская ночь расставалась с сонными дубравами. Теплынь, посходили с ума соловьи. Слушать бы, радоваться бы, любить бы! Но лица хмуры, напряжены. Людской поток, размеренный и грозный, течет под прикрытием зелени. И кажется, нет ему конца.

Многотысячная лавина партизан сосредоточивалась на исходных позициях. Казалось, невозможно такую силу провести бесшумно и незаметно, но она ничем не выдала себя. Она собралась для решительного удара и только ждала заветной минуты.

Вперед ушли пластуны. Сотни сильных и смелых

парней огибают расположение фашистов, крадутся к часовым. И вот уже где-то слышатся вопли врага, заговорили пулеметы, заухала партизанская артиллерия. Лавина хлынула за первым ручейком. Это рванулись силы прорыва — бригады «За Родину» и «Власть Советов».

— Ура-а-а!

Огонь, хрип, топот. Все завертелось и перемешалось. Но инициатива на стороне партизан, фашисты опрокинуты. Удар был настолько неожиданным, что гитлеровцы побросали пушки, дымящиеся кухни, мундиры и — кто куда. Кольцо прорвано!

Партизаны выскользнули из опасной петли в образовавшийся коридор и ударили противника с тыла. Жестоким это был бой. Три с лишним тысячи убитых фашистов, еще больше раненых. Большие потери понесли и партизаны.

Но армия была спасена, партизанское движение разрасталось, крепло. Снова и снова над привольными дубравами, партизанского края гремели выстрелы, вздымались веера взрывов, и никогда не смолкала полюбившаяся всем песня «Шумел сурово Брянский лес». Песня о счастье, о родной земле, на которой бушевал пожар войны, о бесстрашных народных мстителях — партизанах.

ДЗЕРЖИНЦЫ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

Рано утром в расположение батареи, которой я командовал, приехал генерал Киселев, наш комдив. Мне не раз приходилось встречаться с ним, но таким, как сегодня, видел его впервые. Крупная, всегда подтянутая фигура заметно сутулилась, под глазами круги, лицо осунулось. Вторую неделю наша дивизия вела тяжелые бои за Северный Кавказ.

Генерал обошел позицию. Наша батарея — это два взвода автоматчиков, четыре танка Т-60, столько же «сорокапятков» и два пулемета. Впереди, в полукилометре, затаился Гизель, сильно укрепленный опорный пункт частей СС. Артиллерийские обстрелы следовали один за другим.

Гитлеровцы вначале рассчитывали подавить огнем батарею, создав коридор для выхода к нашим частям в тыл, к Орджоникидзе. От города открывался прямой путь на Грозный, на Военно-Грузинскую дорогу. А там, в горах, находилась их отборная дивизия «Эдельвейс».

Но мы держались.

— Слушай, Кузнецов, — заговорил генерал, — хозяйство твое невелико, но надо выстоять. Немец бросит на вас танки, пехоту — все бросит. Помочь сейчас ничем не могу. Понимаешь? Словом, соберите коммунистов, комсомольцев, разъясните обстановку. — Он остановился в раздумье и твердо добавил: — Верю, выстоите. Не напрасно дивизия носит имя Феликса Дзержинского, верю в вас...

На позиции было тихо. Артиллеристы спокойно хлопотали у орудий. Я невольно подумал: «Привыкают люди и к войне». Сколько боев позади — Мценск, Ясная Поляна, Тула, Москва.

— Тишина-то какая, — осторожно ставя ящик снаря-

И.Л.Кузнецов.
Фото 1951 г.

дов, произнес рядом боец Поздеев. — Аж в ушах звенит.

— Затишье-то знаешь к чему бывает? — многозначительно сказал Андриющенко, старательно протиравший лафет «сорокапятки».

Старшина Андриющенко был призван в Красную Армию еще до войны. Попал в войска НКВД, на фронте с первого дня и давно отвык от домашнего уюта. Но всякий раз, когда Поздеев оказывался рядом, старшина почему-то вспоминал родную Украину, маленькую хату на краю села, родных. Спокойный, уравновешенный Поздеев располагал к таким беседам.

— Затишье, понятно, бывает разное, — не стал возражать Поздеев. — Помню, возвращался я с гражданской к себе на Волгу, подхожу к дому, а меня встречает такая же глухота. Травинка не шелохнется. От голода почти вся деревня вымерла. — Его голос дрогнул. — И мои тоже... Но жизнь есть жизнь. — Он отряхнул запачканный ватник, закурил и, пыхнув дымом, добавил: — А вот когда моя Анастасия собиралась подарить мне сына, я целый день не находил себе места, вокруг дома ходил. А потом Андриюшка как закричит, меня подстегнуло словно... Сейчас сынок под Ленинградом. Воюет...

Я шел от орудия к орудью, перебрасывался фразой-другой с бойцами, и с каждой минутой ощущение

тревоги рассеивалось. Люди были уверены в себе, спокойны. Выстоят.

Погода портилась. Небо затянуло тучами. Накрапывал мелкий ноябрьский дождь. Это неплохо. «Мессеры» не налетят.

Гитлеровцы открыли огонь ровно в полдень. Из тяжелых минометов. Под ногами заходила земля. Взрывы вскидывали вверх редкие деревья, осколки косили кустарник.

Потом поползли танки, за ними — пехота.

Мы молчали. Все уже заняли свои места. Артиллерийские расчеты выбрали себе цель. Пехота врага — под прицелом пулеметов и автоматчиков, занявших позиции чуть впереди.

Рядом тяжело ухнул взрыв: вражеские танки начали пристрелку. Но батарея молчит. Танки все ближе. Ближе.

— Огонь!

Головная машина со свастикой закрутилась на месте, задымила.

На батарее бушует смерч. Замолкло одно орудие: смертельно ранен наводчик Саша Аненков. К орудию бросился секретарь комсомольского бюро батареи Николай Сергеев.

И вновь расчет вступает в бой. Но время упущено. Прямо на него несется стальная машина. Успеют ли? Машина со свастикой на борту уже у наших окопов.

Кто-то метнул связку гранат. Танк крутнулся на одной гусенице. Поздеев выстрелил из пушки в хищный изгиб креста. Загорелась еще одна вражеская машина.

Танки не выдержали и повернули. Пехота тоже откатилась под нашим огнем.

И снова тихо.

— Комбат! Комбат! — окликают меня.

Я стою у разбитого орудия, оглушенный боем. В виски глухо ударяет кровь.

— Отошли, товарищ старший лейтенант, можно перекурить. — Поздеев протягивает мне кисет и устало улыбается.

Но некогда радоваться успеху. Опять атака. Опять ползут на нашу позицию фашистские танки.

— Огонь!

Орудия стреляют в упор. Загорелся вражеский танк. Другой решил обойти его. Расчет Андрищенко

заставил вздрогнуть машину. Из другого орудия ее окончательно «прописали» на месте.

Под прикрытием танков на батарею рвалась фашистская пехота. Осмелели.

— Картечью — огонь!

Гитлеровцы упорно лезли вперед. В окопах завязалась рукопашная. У пушек остались лишь наводчики, остальные бросились товарищам на помощь. Все, кто мог держать в руках винтовку, были уже в окопах. А фашисты все лезли и лезли, не считаясь с потерями.

— Коммунисты, комсомольцы, дзержинцы, за мной! — крикнул парторг батареи Артюха.

Он выскочил из окопа и, размахивая пистолетом, бросился вперед. Батарейцы кинулись за ним.

— Ура! — Над окопами пронесся боевой клич. — За Родину! За Родину!

Мы отбили атаку. Потом еще несколько. Батарея поредела. Погиб Поздеев.

Но и у немцев силы, очевидно, иссякли. Вечером атаки стали реже. Но прекратились они только под утро.

— Слушай, Кузнецов, — позвонил мне комдив, — передай всему составу батареи большое спасибо. Я знал, что не дрогнете. Буду ходатайствовать перед командованием о награждении твоих дзержинцев. Подготовь список, никого не забудь.

— Не забудем, товарищ генерал! Не можем забыть...

Начинался новый ратный день. До перелома войны оставались считанные месяцы. До победы — три трудных года.

М. ГРИШИН

НЕ ПОДКАЧАЙ, «МАКСИМ»!

Наверно, у каждого, кто прошел войну, в память навечно врезались события, дни, когда жизнь твоя и товарищей висела на волоске. Для меня особенно памятен один эпизод на Северо-Западном фронте.

Стоял октябрь 1942 года. Полк, в который я был направлен как сотрудник контрразведки, находился под городом Демянском Новгородской области и вместе с другими частями держал в окружении большую группировку немцев. Держать-то мы их держали, но и самим приходилось нелегко. Распутица, кругом болота, леса, с боеприпасами и продовольствием зачастую было туго. Вся надежда на «воздушных извозчиков». Прилетит ночью тихоходный «У-2», вертится в потемках над позициями. Иной весельчак выключит мотор и кричит сверху: «Леший вас тут, что ли, попрятал? Покажите хоть, куда сухари сбросить».

Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало вырваться из окружения. Об этом мы знали не только из данных разведки и показаний пленных. Почти каждый день немцы предпринимали атаки. И однажды они прорвали оборону на участке соседнего полка.

Командный пункт полка находился неподалеку от переднего края. Впереди, метрах в пятистах, кустарник, а дальше ровная, как стол, большая поляна. В этот кустарник и просочились фашисты. А оттуда — в атаку на КП.

Я пришел туда в разгар боя. Слышу, окликает меня комиссар полка Бобков:

— Старший лейтенант! Давай скорее сюда!

Подбегаю, он мне говорит:

— Пулемет знаешь? — и показывает на «максим».

— Конечно, товарищ комиссар.

— Ложись за него.

М.А.Гришин.
Фото 1945 г.

В это время на позиции разорвалось несколько снарядов. Защитников КП осталось совсем мало. А немцы идут. «Максим» наш бьет очередями, но... мимо. Бегут фашисты во весь рост, палят из автоматов.

Подполз я к пулемету. Лег за первого номера, пытаюсь наспех понять, в чем причина. На ощупь проверил механизм наводки и добрым словом вспомнил старшину, который учил нас, молодых пограничников, закрыв глаза, разбирать и собирать пулемет. Пограничная застава у нас, надо сказать, была особая. На ней когда-то писатель Николай Островский служил. Ну и мы, понятно, этим страшно гордились.

Словом, поправил я прицел, дал очередь, другую, третью. Вижу, не промахнулся. Цепь фашистская поредела сразу, враги откатились.

— Давай ленту! — кричу напарнику.

Только вставили новую ленту — из кустарника снова повалили немцы. Одна цепь, другая. Подкрепление к ним, наверно, подошло. А нас всего ничего. Был взвод охраны, да и от того осталось меньше половины. Вся надежда на пулемет. Вцепился я в ручки и, как живому, шепчу:

— Не подкачай, «максим», не подкачай!

Не подвел нас «максим». Лезут фрицы недуром, едва успеваем ле. ги менять. Атакам уж и счет потеря-

ли. Откатятся гады в кустарник и снова лезут. Как саранча, по трупам, под пули.

Прошло не знаю сколько времени, начали бить по нас из пушки. Снаряды все ближе. Чувствуется: направляет кто-то огонь.

Пригляделся в бинокль: корректировщик на дереве сидит. «Ах ты, сволочь» — думаю. Навел «максима» и по дереву. Упал корректировщик, и огонь прекратился.

Жарким выдался тот октябрьский день. С горсткой бойцов и «максимом» отстояли мы тогда командный пункт — небольшой клочок нашей родной земли... Уже в госпитале, после ранения, мне вручили за этот бой орден Красного Знамени.

ДРУЗЬЯ МОИ, ПАРТИЗАНЫ

В конце мая 1942 года мы прощались с Москвой. Наш путь лежал во вражеский тыл. Было грустно и немного тревожно. У многих в столице оставались семьи, впереди ожидала трудная и опасная работа.

Над линией фронта нас обнаружили фашистские истребители, по сторонам от самолета засверкали трассирующие пули. Я невольно посмотрел на товарищей. Они были напряжены, крепко сжимали в руках оружие, но страха, казалось, не испытывали. Надежные, верные помощники: Иван Бабахин, Василий Левшун, Григорий Николайчук, радисты Андриевский и Горбунцов...

Вдруг самолет накренился и нас вжало в сиденья. С земли ударили ярко-голубые, режущие глаза лучи прожекторов, полыхнули разрывы зенитных снарядов. Спасло мастерство пилотов. Но, скрываясь в темноте и плотных облаках, летчики несколько уклонились от заданного курса. В Пинских болотах мы оказались только глубокой ночью. Утопили парашюты. Увязая в тине, с трудом выбрались на небольшой, относительно сухой кусочек земли.

Потревоженное болото чавкало, дышало смрадом. Над топкими просторами стояла туманная дымка, одолевали комары. Они забивались в уши и нос, залепляли лицо. Соблюдая осторожность, по очереди разделись, выжали одежду и, как смогли, привели себя в порядок.

Первый рассвет во вражеском тылу мы встречали на неприметном болотном островке. Тишину нарушил испуганный крик журавля. Потом в неверном свете раннего утра мы заметили человека. Легко перескакивая с кочки на кочку, нагибаясь к самой воде, он, казалось, принимался к нашим следам. Мы притихли, приготовили оружие. Когда неизвестный ступил на островок, его задержали. Перед нами стоял крупный

широкогрудый мужчина с армейской сумкой через плечо. На потном бородатом лице — испуг. Незнакомый сбивчиво стал объяснять, что он местный знахарь, в этом болоте собирает лечебные травы. В сумке его оказались две пачки махорки, кусок сливочного масла и краюха ароматного хлеба.

Слишком роскошный по тому времени завтрак «знахаря» насторожил меня. Окончательно наш «гость» был разоблачен после того, как в его засаженном картузе мы обнаружили пропуск немецкой комендатуры местечка Хойники и удостоверение полицейского.

Полицай рассказал, что в Хойниках засекли появление нашего самолета. Во все районы немцы тут же направили разведчиков. Одним из них был этот полицейский. Предателя пришлось ликвидировать.

Уточнив свои координаты, мы отправили в центр первую радиограмму. В ответ получили указание следовать по заданному маршруту на Украину.

Далекий и нелегкий путь лежал через леса, болота. По возможности мы заходили в села, ликвидировали мелкие группы фашистов, карали предателей, рассказывали людям о Красной Армии, о Москве, о патриотических делах по ту сторону фронта. На беседу обычно приходили все от мала до велика. Волнующее слово правды вселяло в людей надежду на скорое избавление от фашистского ига. Не забывали мы и о разведке. Ежедневно по радиации передавали в центр информацию.

Двухсоткилометровый рейд на Украину подходил к концу. Мы форсировали реку Припять и вышли в Чернобыльский район Киевской области. Центр передал приказ подготовить базу для приемки другой десантной оперативной группы разведчиков. Через несколько дней мы доложили, что база готова и располагается в лесу, в районе железнодорожной станции Толстый Лес, между Овручем и Черниговом.

Несколько дней прошло в ожидании. Потом радист Горбунцов принес радиограмму: «Встречайте». В назначенный час ночью на базе загорелись сигнальные костры. Мы приняли несколько десантных групп разведчиков. С одной из первых прилетел командир опергруппы Дмитрий Николаевич Медведев.

Эта встреча мне запомнилась особо. Представьте себе партизанский лагерь, приглушенные голоса, дозоры, напряженность обстановки, постоянную готов-

ность людей вступить в бой и... непринужденно, беззаботно шагающего человека. Я знал, что это не бравада. С Медведевым меня связывала многолетняя работа в ЧК на Украине еще в двадцатые годы. Дмитрий Николаевич активно боролся с врагами Советской власти на Екатеринославщине (ныне Днепропетровская область), участвовал в ликвидации белогвардейских банд, вскрывал и обезвреживал агентуру иностранных разведок.

— Дмитрий Николаевич! — закричал я, забыв о всякой осторожности.

Медведев не сразу узнал меня, хотя и был предупрежден, что принимать его опергруппу в тылу врага будет его бывший сослуживец Кочетков. С отросшей бородой, в форме железнодорожника я мало походил на того молодого человека, с которым он обычно встречался на оперативных совещаниях.

Нам было о чем поговорить в ту ночь. Лагерь спал, неслышно ходили вокруг часовые, а мы сидели в палатке, вспоминали прошлое, обсуждали наши задачи. Медведев рассказывал о своих рейдах в тылу врага на Брянщине. У него в этом отношении был уже немалый опыт.

Узнал я и причину появления его опергруппы на нашей базе. Для разведывательно-боевых действий ей отводился район Ровенской области, где гитлеровское командование и оккупационные власти создали свой военный и административный центр Украины. Первая группа разведчиков вскоре после приземления в тылу врага была обнаружена и вся погибла. Вторая, выброшенная вслед за первой, не дала даже знать о приземлении.

В этой обстановке центр решил, что рисковать дальше нельзя, сначала нужно подготовить базу.

Вскоре в районе станции Толстый Лес собралась основная часть оперативной группы «Победители», которой командовал Медведев. Однажды в беседе Дмитрий Николаевич предложил мне объединить наши две самостоятельные группы в разведывательный отряд. Я не возражал. Задача у нас была одна — разведка. О своем решении мы сообщили в Москву. С нашим предложением центр согласился. Так из двух опергрупп образовался отряд под командованием Д. Н. Медведева.

Переброска разведчиков по воздуху на нашу базу

заняла несколько дней. Гитлеровцы, естественно, засекли появление советских самолетов, и наши разведчики все чаще и чаще приносили сведения о нервозности в окрестных немецких гарнизонах. Нам не было расчета вступать сразу в бой, и мы приняли все меры предосторожности, чтобы не раскрыть базу. После того как прибыли последние группы и отряд по приказу центра направился в западные области Украины, нам пришлось принять боевое крещение.

Рано утром в тумане группа наших разведчиков во главе с чекистом Костей Постанововым и Анатолием Капчинским, известным рекордсменом по конькобежному спорту, столкнулась с фашистским карательным отрядом. Громким эхом донеслись пулеметно-автоматные очереди и взрывы гранат.

— В ружье! — спокойно и властно командовал Медведев.

Направив на помощь разведчикам группу партизан под командованием комиссара отряда чекиста Сергея Трофимовича Стехова, Дмитрий Николаевич распорядился об охране радиоимущества, приказал врачу Цесарскому подготовиться к приему раненых. Через несколько минут связные доложили, что гитлеровцы пытаются обойти стоянку партизан на левом фланге. Медведев повернулся ко мне.

— Виктор Васильевич! Бери группу и прикрой левый фланг. Учти, у них там действуют «кукушки». — Пристально посмотрел мне в глаза и спросил: — Волнуешься?

— Волнуюсь, — признался я.

— А ты спокойнее, — по-отечески просто сказал Медведев. — Веди бойцов. — И, обращаясь к партизанам, закончил: — Вперед, товарищи! Смерть фашистским оккупантам!

Партизаны бросились в атаку. Гитлеровцы в этом бою были разгромлены и уничтожены. Но и мы понесли тяжелую потерю. Погиб наш общий любимец Анатолий Капчинский, разрывной пулей был тяжело ранен чекист Костя Постановов. Несколько бойцов получили легкие ранения.

Такой был наш первый бой. Главной задачей, поставленной перед нашим отрядом, оставалась разведка — трудная и опасная работа, успех которой зависел от каждого разведчика и всего отряда в целом. И тут

Встреча партизан отряда «Победители».
На снимке – В.Г.Семенов, В.Н.Довгер, В.В.Кочетков
Н.В.Струтинский Сентябрь 1982 г.

нельзя умолчать об искусстве руководства разведывательными, боевыми и пропагандистскими действиями отряда его командира Дмитрия Николаевича Медведева и комиссара Сергея Трофимовича Стехова. В самой трудной обстановке они не теряли присутствия духа. Находили выход из сложнейшей ситуации, словом ободряли бойцов. Благодаря им отряд успешно справлялся со своими задачами, поддерживал тесную связь с местным населением.

Организацией разведывательной работы и самой разведкой в Ровенской области занимались чекисты Николай Кузнецов, Федор Пашун, Владимир Фролов, Александр Лукин и другие. Чекистам-разведчикам, их добровольным помощникам удалось проникнуть во многие оккупационные фашистские организации. Они добыли немало важных сведений, ежедневно и еже часно рискуя жизнью.

Обо всем этом ярко и правдиво рассказано Дмитрием Николаевичем Медведевым в его замечательных произведениях «Это было под Ровно» и «Сильные

духом». Написанные кровью сердца, эти книги воскрешают тяжелые для нашей Родины дни, повествуют о поистине легендарных подвигах советских людей, вызывая у молодого поколения гордость за своих отцов и матерей, стремление быть достойными наследниками боевой славы.

Но далеко не всегда нам, чекистам, приходилось заниматься только разведывательной работой. Нередко приходилось вступать в открытую схватку с врагом. Наш небольшой десантный отряд изо дня в день рос за счет местного населения и бежавших из плена солдат и офицеров Советской Армии.

Нельзя забывать, что жители западных областей Украины находились в годы войны под двойным гнетом. Фашистские оккупанты вешали и расстреливали людей по малейшему подозрению в связи с советскими партизанами, сжигали целые деревни. Не отставали в зверствах от гитлеровцев и украинские националисты всех мастей: бёндеровцы, бульбовцы, мельниковцы и другое бандитское отребье.

Не всякий человек в такой обстановке решался помогать народным мстителям. Но угрозы не сломили людей. Они не склонили головы перед врагом, а с оружием в руках в партизанских отрядах отстаивали свободу и независимость Советской Родины. Сильные духом находились всюду. И никакие зверства врагов не смогли сломить патриотов.

В наш партизанский лагерь на Ровенщине вблизи села Рудня-Бобровская тянулись обездоленные люди из сел и хуторов. Одной из первых пришла семья Струтинских: Владимир Степанович и Марфа Ильинична, их сыновья — Николай, Георгий, Ростислав, Владимир и малолетние Катя и Вася. Взрослые были вооружены трофейным оружием, имели на боевом счету несколько стычек с фашистами. Патриоты Родины, они мужественно и самоотверженно боролись с ненавистным врагом.

Смелыми воинами зарекомендовали себя хлопцы из села Ясные Горки. Их было трое, неразлучных друзей: Семен Еленец, Иван Лойчиц и Поликарп Вознюк. Все активисты Клесовской районной комсомольской организации. Накануне войны с фашистами они разоблачили агента немецкой разведки, притаившегося на заводе недалеко от поселка Виры.

Уехать на восток с советскими войсками при отступ-

лении ребятам не удалось. Они припрятали радиоприемник и с приходом оккупантов стали слушать и распространять в селе сводки Совинформбюро. На более активные действия пока не решались. Не было оружия. Но нужно же достать его! Поликарп Вознюк смастерил из дерева пугач, очень похожий на пистолет, и окрасил его в черный цвет.

С этим «оружием» хлопцы явились к гитлеровским лесникам.

— Руки вверх! — скомандовал Вознюк, держа пугач в руках.

Лесники перетрусили и отдали винтовки с патронами. Удача окрылила хлопцев. Они решили казнить фашистского ставленника Геца. Ночью ворвались в его квартиру, но хозяина не оказалось дома. Ребята забрали в доме еще три винтовки и много патронов. Вскоре к смельчакам примкнул их давнишний приятель Василий Чмель. Так была создана на хуторах патриотическая группа.

Когда я с группой разведчиков однажды пришел в село Ясная Горка, Вознюк явился с товарищами и без оговорок заявил:

— Мы до вас. Зброя — ось вона!

Хлопцы показали винтовки.

В числе первых связала свою судьбу с нашим партизанским отрядом семья Довгер из поселка Виры. Глава семейства Константин Ефимович, его дочь Валя принимали активное участие в разведке, Евдокия Андреевна вязала партизанам теплые варежки и носки. Меньшие, Зина и Лиля, помогали партизанам, чем только могли.

В селе Селище Сарненского района я как-то зашел в хату Никончуков. Встретили меня в этой крестьянской семье приветливо. Старик Федор Устинович был тяжело болен и не вставал с кровати. Его жена Ольга Петровна — инвалид. Она сказала:

— Возьмите с собой наших сынов. Нехай бьют врагов, защищают Родину.

Передо мной стояли рослые братья Семен и Иван. В селянских свитках, валенках. Мать положила им в торбочку печеной картошки, кусок черного хлеба. На прощанье всплакнула, перекрестила хлопцев.

Парни оказались сметливыми, бесстрашными бойцами. Вскоре и сама Ольга Петровна перебралась в партизанский лагерь — националисты грозились убить ее.

— Буду белье партизанам стирать, — заявила она. Никончуков очень беспокоила судьба больного Федора Устиновича. Националисты не раз звали к себе семью Никончуков, но патриоты не пошли в их «курень». Ольга Петровна надеялась, что бандиты не решатся глумиться над беспомощным человеком. Но случилось обратное. Националисты ворвались ночью в хату, зарубили старика, разграбили усадьбу.

Многие жители городов и сел Ровенщины в тяжелую годину стали народными мстителями. Большинство лесников, которых гитлеровцы вооружили для борьбы с партизанами, стали нашими верными боевыми помощниками.

Находясь в разведке, я зашел однажды в сторожку лесника Сало. Это был надежный товарищ. Обремененный большой семьей, он с риском для жизни собирал для нас разведывательные данные.

В селе Поляны, — сказал лесник, — фашисты организовали государственное имение. Поставили управляющего. Весь скот у селян отобрали. Издеваются над людьми. Проучили бы вы фашистского управителя.

Со мной было восемь бойцов. Шли мы в дальнюю разведку. Но не могли оставить в беде наших советских людей. Бесшумно сняв сторожевую охрану, ворвались в фольварк. Управляющий, оказавший сопротивление, был убит. Его особняк горел. Сбили замки с загонов, распахнули ворота. Лошади, коровы, свиньи метнулись со двора. Крестьяне тут же стали разбирать свою живность, сельский инвентарь, зерно, продукты питания. Склад с горючим мы взорвали.

Шло время, росла известность отряда, и местное население все чаще обращалось за помощью к партизанам.

Однажды нам стало известно, что на станцию Будки-Сновидовичи прибыл эшелон с фашистскими карателями. Разведчики доложили также, что жители окрестных сел просят защитить их от разбоя и угона на каторжные работы в Германию.

Узнав об этом, Медведев вызвал меня и начальника штаба отряда чекиста Федора Пашуна. Командир предложил нам отобрать пятьдесят бойцов с автоматами и ручными пулеметами и ночью разгромить карателей. В обсуждении плана операции, как всегда, участвовал, комиссар отряда Сергей Трофимович Стехов.

На операцию мы шли с большим душевным подъемом. Каждому из нас не терпелось вступить в схватку с оккупантами. На юге страны, как мы знали по сводкам Совинформбюро, Красная Армия ведет тяжелые оборонительные бои. Фашисты стремились за Дон. Им уже виделась Волга.

День выдался солнечный, светлый. Редкие облачка, словно большие комки ваты, висели над лесными просторами.

— Голубая краска вылилась в небо, — жестикулируя, восторженно восклицал Антонио Бланко, шофер из Мадрида. — На родине у нас теперь отчень шарко. О Мадрид! Ты помнишь его, Антонио? — обращался он к юркому Фрейре, своему соотечественнику.

В нашем отряде была небольшая группа испанских патриотов, которые добровольно вступили в партизанские отряды и с первых дней храбро сражались с фашистами.

В боевой группе, шагавшей на задание в Будки-Сновидовичи, хлопцы подобрались один к одному. Молодые, решительные. Врач отряда Альберт Цесарский, москвичи Тимофей Нечипорук, Иван Бабахин и Василий Левшун, Володя Ступин — наш партизанский художник и поэт. Он красочно оформлял отрядную газету «Мы победим», в свободное время писал этюды. В отряд Володя пришел с третьего курса Московского архитектурно-строительного института.

По-моряцки враскачку, твердо ступал Степан Петренко, работавший до войны осмотрщиком вагонов на станции Москва-Окружная. Рядом его земляк Григорий Николайчук. Они неразлучны в разведке, хорошо знают украинский язык, нравы и обычаи полесских селян. Впереди всех, словно на крыльях, Валя Семенов. Он рад, наверное, больше других: боевое дело предстоит, его первое боевое дело.

Головной дозор время от времени подает сигнал. Радостно и безмятежно напевает лесная птица: «Впереди все спокойно». Идти летом по дремучему лесу — одно наслаждение. Мы упиваемся смолистым воздухом, солнцем на прогалинах, тишиной.

— Это не болота, — радуется Тимофей Нечипорук. Он снял фуражку, черный чуб его свисает на лоб. В озорных глазах задорные искорки.

Откуда-то сверху подала голос кукушка.

— Слушай, кто это ку-ку? — удивленно спрашивал Бланко. В черных глазах его детское восхищение. Он вертит головой, пытается увидеть замолкнувшую вдруг птицу.

— Ровно смерть наворожила, — буркнул малоразговорчивый Иван Бабахин.

— О, смерть — нет, — улыбается Антонио Бланко. — Жизнь — хорошо.

Лесная тишина очаровала партизан. Где-то гремят пушки, льется кровь, а тут духмяный аромат лесных трав и хвои, птичьих голоса, глухой шелест листвы и стеблей пересохших трав.

Солнце склонилось к зубчатой стенке вековых сосен. Лучи его, словно позолоченные мечи, пронизали поредевший лес. Вскоре за деревьями блеснул прогал. Мы сбавили шаг, остановились. Послышался короткий свисток паровоза. Молодцы разведчики! Вывели группу точно к Будкам-Сновидовичам.

Со станции донеслись звуки духового оркестра, голоса. Партизаны цепью расположились на опушке. Вперед снова устремились разведчики. Высокая трава скрывала их, лишь от неловкого движения иногда вздрагивали кустики.

Станция была рядом. Замаскировавшись, я наблюдал в бинокль. Ближе к лесу, на крайнем пути, стояли вагоны. Штабной с часовым был в середине. На зеленой лужайке, отделявшей лес от железнодорожных путей, танцевали солдаты. У кустов стояли две бочки пива, рядом — кучка солдат с пивными кружками. Кто-то пиликал на губной гармошке.

В сумерках вернулись разведчики и рассказали нам с Пашуном о расположении постов и лучших подходах к составу. Вскоре жизнь на станции постепенно стала замирать. Умолк оркестр. Влезли в вагоны последние солдаты. Лишь какой-то захмелевший фриц тонким голосом выводил тягучую песенку о фрау Анне, но вскоре и он затих. Мы с Федором Пашуном разбили группу на штурмовые пятерки, распределили между ними участки.

Дождались полной темноты. Изготовились. Поползли. Двое подкрались к часовому, маячившему у фонарного столба. Остались считанные метры. Федор Пашун пытается рассмотреть, все ли заняли намеченные рубежи.

И вдруг у самых ног задремавшего фашистского часового звонким голосом залаяла собачонка. Немец испуганно дернулся и выстрелил. Медлить было нельзя, и Пашун крикнул:

— Огонь!

Стрельба, грохот. Крики. Суматоха. Что-то загорелось — и кровавые блики заплескали вокруг.

Первым подскочил к штабному вагону Антонио Бланко. Швырнул в окно гранату. Бухнул взрыв. Гитлеровцы не ожидали нападения. В нижнем белье они выбрасывались из вагонов и металась на путях, попадая под губительный огонь партизан.

Наконец некоторые неприятельские солдаты опомнились. Прячась за колесами вагонов, фашисты стали отстреливаться. Ранило пуль в щеку Антонио Фрейре. Врач Цесарский и фельдшер Анатолий Негубин быстро перевязали испанца.

Бой с фашистскими карателями закончился на рассвете. В свете горящих вагонов виднелся разбитый состав, разрушенное полотно железной дороги. Дымились пепелища. Подразделение гитлеровцев было полностью разгромлено. Отряду досталось много оружия, продовольствия, хозяйственного инвентаря.

Но наша победа была омрачена: погиб Антонио Бланко. Это была вторая смерть в отряде. Сначала Анатолий, а теперь вот Бланко. Похоронили мы боевого товарища в глухом лесу на светлой полянке. Могилу обложили зеленым дерном. Поклялись отомстить врагу. В суровом молчании тронулись цепочкой в лагерь. Каждый из нас горько переживал тяжелую утрату.

Сейчас могилу Антонио Бланко украшает гранитный монумент. Пионеры местной школы любовно ухаживают за ней.

Находясь далеко от своих, в постоянном окружении врагов, мы с жадностью ловили каждое сообщение Москвы. Успехи на фронте и в тылу окрыляли, звали на новые подвиги, вселяли уверенность в людей, находившихся в оккупированной зоне.

Однажды летом 1943 года наша группа разведчиков, направляясь на выполнение боевого задания, как всегда, заглянула в гостеприимный домик семьи Довгер в поселке Виры. Здесь мы всегда находили приют, отдых, получали самую точную информацию об оперативной обстановке. Валя Довгер, в совершенстве владевшая

немецким языком, вместе с замечательным советским разведчиком Николаем Кузнецовым под видом его невесты успешно действовала в городе Ровно.

Рассказывая нам о зверствах фашистов в округе, глава семьи Константин Ефимович, работавший лесником в бывшем Клесовском районе, сообщил, что утром в поселок прибудет карательный отряд. Старосте уже приказано подготовить списки населения для угона в Германию.

— Хорошо бы не допустить этого, — сказал в заключение Довгер.

«Да, неплохо, — размышлял я. — Но нас, разведчиков, здесь только восемнадцать... А немцев? Конечно, во много раз больше. Но зато на нашей стороне внезапность атаки, мужество и героизм бойцов. Да и не вправе мы оставить людей этому воронью на растерзание».

Константин Ефимович, казалось, и не ждал другого ответа. Попыхивая сигаркой, познакомил нас с обстановкой на этом участке железной дороги. С главной магистрали в поселок Виры пролежала железнодорожная ветка.

Взорвать небольшой мостик у нас было чем. Уходя в разведку, опергруппы всегда брали с собой две-три четырехкилограммовые мины. С нами был один из лучших минеров отряда испанец Гросс. Он и Поликарп Вознюк положили под мост мину ударного действия, а мы тем временем выбрали место для засады. Оно, правда, было не совсем удачным. Позади нас открытая поляна с редким кустарником. Но лучшего места не оказалось.

Вскоре начало светать. На горизонте показался дымок паровоза, потом донесся перестук колес. Наши наблюдатели подали условный сигнал: «Приготовиться!».

Раздался пронзительный гудок. Мимо партизан побежали вагоны. В раскрытых дверях стояли и сидели фашистские солдаты. Пели, пикикали на губных гармошках.

В этот момент дрогнула земля. Тугой волной приклонило траву, затрепетали тонкие кусты. Паровоз, словно налетев на стенку, дернулся, повалился под крутой откос. Вагоны с треском и грохотом лезли друг на друга. Из хвостовых вагонов посыпались гитлеровцы, паля из автоматов.

Партизаны Андрей Величко, Василий Левшун и Поликарп Вознюк, выскочив на открытое место, расстреливали фашистов на выбор. Ваня Лойниц, Тимофей Нечипорук, как и было им приказано, автоматным огнем уничтожали немецких овчарок и их проводников. Остальные косили карателей с фланга.

Операция заняла несколько минут. Оставшиеся в живых фашисты бежали. Мы отошли в лес, горячо обсуждая результаты боя. Потерь у нас не было.

— Говорил я вам, Виктор Васильевич, давайте ляжем ближе, бить фашистов было б ловчее, — распалившись, почти гневно выговаривает Вознюк, — гранаты ведь остались. Сколько гадов можно было бы еще уничтожить.

Возбужденный, взъерошенный, он живет еще боем, и я не могу не любоваться им. Отчаянный он, партизан Поликарп Вознюк. В разведке рука его постоянно на пистолете или сжимает гранату. Лихая удаль в бою, дерзкий, порой бесшабашный поступок — в этом он весь. Бывало, влетит на коне в незнакомое село с гиком и свистом, проскачет по улице с криком: «Да здравствует Советская власть! Хай живе ридна Украина! Смерть фашистам!». Чуб — по ветру, рука с пистолетом — на отлете. Буря! А если впереди враг — гранату ему под ноги, выстрел в упор — и в лес.

Как-то командование отряда послало Поликарпа в Ровно высмотреть расположение немецких частей и узнать настроение населения. Вместо разведки он, встретив фашистского офицера, убил его двумя выстрелами. И спокойно завернул за угол, а там автомашина с двумя гестаповцами. Вознюк метнул в них гранату, а сам на забор, на крышу — и ходу! Успел заметить, как автомашину взрывом разворотило, а от фашистов осталось мокрое место.

Строгий нагоняй в лагере Медведева Поликарп принимал с усмешкой, в душе он гордился успехом.

Удивительно везло этому человеку. Однажды, в начале зимы, по первопутку мчался он из разведки по полю в санках. Вот и околица. И вдруг взрыв, Вознюка кинуло далеко в сугроб. Оказывается, лихой разведчик наскочил на мину. Окровавленный, он поднялся из снега, смело вошел в деревню с гранатой в руке. Полицаи побоялись задержать его. Поликарп отделался легким ранением да замечанием от меня. А назавтра снова в разведку.

Но в тылу врага отчаянность — не самая положительная черта бойца. Потому Вознюка, как правило, не брали на операции, где требовались выдержка, скрытность и самообладание. Поликарп не обижался, ему хватало работы.

Я понимал его душевное состояние, не возражал и не призывал к порядку.

Как бы то ни было, операция удалась. Немецкие каратели так и не добрались до рабочего поселка Виры.

Вспоминаю, как наш командир относился к таким схваткам. Вернешься, бывало, в лагерь, доложишь Дмитрию Николаевичу о полученных разведывательных данных, о бое с карателями. Он покачает головой и строго скажет: «То-то, я смотрю, вы задержались. Опять ввязались в драку. Помните, задание у вас другое — разведка». Но тут же вызовет радиста и продиктует ему радиограмму в центр об очередной партизанской операции.

Случалось и так, что Дмитрий Николаевич, исходя из сложившейся обстановки, ставил перед нами задачу завязать бой и уничтожить фашистов.

Возвратившись однажды из разведки, я доложил Медведеву, что немцы перебрасывают по железной дороге тяжелую артиллерию, танки. Одновременно передал информацию от наших добровольных помощников в местечке Клесово — инженера карьероуправления Вячеслава Лысаковского и лесничего Довгера. Они сообщили, что недалеко от поселка Виры немцы приготовили большую партию сосновой и дубовой рудничной стойки для отправки в Донбасс и Кривой Рог.

— Взорвать! — приказал Медведев.

После короткого отдыха наша опергруппа в количестве 15 человек, вооруженная автоматами, гранатами и ручным пулеметом Дегтярева, снова отправилась к лесному складу. С собой мы прихватили пароконную подводку, на нее по дороге погрузили четыре 20-литровые бутылки скипидара, взятые из кустарной смолокурни.

Сложенную в штабеля рудостойку запалили со всех сторон. Облитый скипидаром склад моментально вспыхнул. Над Сарненскими лесами навис полумрак, дым застилал небо. Фашисты в Донбассе и Кривом Роге так и не дождались леса из Ровенщины.

Доброй традицией в нашем отряде стало боевыми подарками встречать праздники. 25-ю годовщину Октября мы решили отметить партизанским салютом. В разные стороны Ровенщины ушли группы подрывников и народных мстителей.

Я повел партизан в знакомый Сарненский район. Здесь, на окраине Виры, у гитлеровцев работала ремонтно-механическая мастерская, в которой восставали тягачи, танкетки, автомашины. В поселке действовали электростанция и паровозное депо.

Впереди шли разведчики-партизаны из окрестных сел: Иван Лойчиц, Семен Еленец, Поликарп Вознюк и Виктор Боярчук. Последний пришел в отряд из Клесова. Националисты пытались завербовать Виктора в свою националистическую банду, а когда он наотрез отказался, они донесли на него немцам. Виктора забрали для отправки в Германию. В Сарнах он бежал и попал к нам. Вон идут Николай Гнедюк и Вася Голубь. В отряде они появились вместе с Николаем Ивановичем Кузнецовым, впоследствии легендарным разведчиком, Героем Советского Союза. Гнедюк и Голубь — помощники паровозного машиниста, оба уроженцы Ковеля. Смелые ребята. Они негромко переговариваются с испанцем Гроссом.

По пути в селах мы распространяли листовки ССЛН-формбюро, поздравляли наших советских людей с наступающим праздником Великого Октября. Погода стояла морозная. Под ногами похрустывал первый снежок. Дышалось свободно. Но переход не из легких — шестьдесят километров! Часов в десять вечера миновали опушку дремучего леса. За голыми деревьями мигнул одинокий огонек. Залаяла собака.

В поселке постучали в крайний домик, в котором жил Константин Ефимович Довгер. Он знал о предстоящей операции и ждал нас. Бесшумно скрылись во дворе утомленные дальним переходом партизаны. Мы с Опалько, нашим партизаном, местным жителем, и Гроссом зашли в дом. Закурили. Константин Ефимович закашлялся.

— Что это вы курите? — спросил он.

— «Лесную быль», — смеясь, ответил я.

Довгер угостил нас отменным самосадом, рассказал о расположении немецкой ремонтной базы и подходах к ней.

— Антон Макарович не хуже меня здесь все

знает, — сказал Довгер, кивнув в сторону Опалько.

Жена Довгера Евдокия Андреевна сидела в стороне у лампы и вязала теплые варежки. Предназначались они для партизан. Отвлекаясь от вязания, она изредка, с тревогой поглядывала на ящики с минами, а потом тихонько спросила:

— Подрывать?

— Да, — ответил Гросс.

— Виктор Васильевич! Нельзя ли заложить ящики подальше от нас? — обратилась она ко мне.

Партизаны громко рассмеялись, а хозяйка смущенно улыбнулась:

— Уж очень стекла дрожат. Боюсь, домик развалится.

Вскоре вернулись разведчики, и мы здесь же, в домике Довгера, уточнили план операции. Со мною в паровозное депо пошли Гнедюк, Дорожкин, Голубь, Нечипорук, Кузьмин. Другие группы направились к мосту, в мастерские, к электростанции.

Константин Ефимович Довгер посоветовал прихватить для верности начальника депо, прислуживавшего фашистам. В темноте мы осторожно приблизились к дому гитлеровского прихвостня. Он долго не хотел открывать и выспрашивал: кто да зачем.

— Разломаем дверь — плохо будет! — пригрозил Андрей Величко.

Начальник депо струсил и открыл дверь. Забрав его с собой, группа поспешила на задание. Перепуганный предатель покорно следовал за нами. По его распоряжению сторожа открыли ворота депо, мастерских. Сторожевую охрану электростанции мы сняли.

Внутри депо, мастерских пахло мазутом, металлом. Партизаны обошли полутемные помещения. Щупленький Вася Голубь и рослый Николай Гнедюк хозяйски осмотрели верстаки.

— Вот это подарок будет Ривасу! — не удержался от восклицания Николай, открывая инструментальный ящик.

Испанец Ривас Концехо-Хохус у нас в отряде занимался ремонтом оружия. Руки у него были, что называется, золотые. Партизану Андрею Величко он переделал винтовку в десятизарядный автомат, комиссару Стехову из обыкновенного маузера смастерил многозарядный пистолет-автомат. Фашисты терпели немало

неприятностей от «сюрпризов» Риваса! Гранаты, начиненные гвоздями, мины, смонтированные из трофейных гранат, авиационный пулемет, переделанный в станковый, — все это было сделано руками Риваса и верно служило партизанам в боях.

В депо и мастерских мы отобрали сверла, напильники, молотки, зубила и другие инструменты. Нагрузили ими подводу и отправили в лагерь.

На яме в депо стояли три паровоза, четвертый — на поворотном круге. Рядом темнели железнодорожные платформы с моторами и пломбированные вагоны.

— Для отправки в Германию приготовили, — пояснил начальник депо.

Для всех объектов мин у нас не хватало. Что же делать?

— Вагоны с паровозами загоним на мост, — предложил Николай Гнедюк и принялся разжигать топку локомотива.

Поликарп Вознюк заставил сторожей и начальника депо таскать уголь к исправному паровозу. Мы тем временем заминировали поворотный круг, электростанцию, здание депо, два других локомотива. Разведчики облили мазутом и керосином станки, уголь, машины, ящики, оконные рамы, двери. До назначенного срока остались считанные минуты.

— С гудком прикажете выезжать, Виктор Васильевич? — спросил Николай Гнедюк, выглядывая из будки паровоза. Лицо его светилось озорной улыбкой. Он вел себя так, точно собрался в обычный рейс.

И я в тон ему ответил:

— Давай по всем правилам технической эксплуатации, Коля.

Партизаны соединили вагоны, платформы. Гнедюк дал гудок отправления. На стыках застучали колеса, поезд набрал скорость и исчез в темноте. Состав с грохотом двигался под уклон.

До назначенного времени остаются секунды. Подаю сигнал. Чиркнули зажигалки, зашипел бикфордов шнур. Едва отбежали — прогремел взрыв. Взлетел на воздух поворотный круг. Запылали здания, рухнула электростанция. Огнем охватило шикарный шестиместный «хорьх». Его прислал в ремонт гебитскомиссар.

А с моста все еще ничего не слышно. «Что же медлит Гросс, которому было поручено минирование

объекта?» — тревожились мы. И тут дрогнула земля, поднялся столб пламени и черного дыма.

Позднее мы узнали причину задержки. Когда до моста оставалось каких-то триста метров, Гнедюк, а за ним Голубь прыгнули под откос и скатились в придорожную канаву. И тут заметили, что состав неожиданно замедлил ход. Впереди оказался подъем.

«Дотянет ли?» — волновались партизаны. Они услышали взрывы на станции, увидели красное зарево над паровозным депо. А поезд медленно полз вперед. Но вот он наконец зашел на мост...

Яркий отблеск пожара освещал нам обратный путь. Партизаны оживленно переговаривались, делились впечатлениями. В боковом переулке поселка мы неожиданно заметили Валю Довгер.

— Вы забыли, Виктор Васильевич, поставить сюда наблюдателя, — объяснила она, — а вдруг бы немцы. Вот я и решила побыть здесь, чтобы предупредить в случае опасности.

Валентина стояла на снегу в туфельках, без варежек. Насквозь продрогшая.

— Я очень спешила, — оправдывалась она.

Мы не знали, как отблагодарить девушку. Она для нас в эту минуту была символом постоянной поддержки и связи с народом.

Добровольная, зачастую самоотверженная помощь населения партизанам была характерной для Ровенщины. Припоминается такой случай. Из глубокого леса, переваливаясь на толстых корнях, выехала пароконная фурманка. Возчик, плотный крестьянин в деревенской одежде, с рыжими длинными усами, опасно поглядывал по сторонам. На телеге глухо стучали бидоны с молоком.

— Стой! — скомандовали мы, увидев его неожиданно на опушке.

Возчик остановил лошадей и безбоязненно пошел навстречу партизанам. Я узнал его. Это был Николай Кравчук, староста села Ясная Горка. Он помогал партизанам, распространял листовки, всячески мешал фашистам в осуществлении их замыслов.

— Скорее, Виктор Васильевич, — проговорил он, пожимая нам руки. — Под Клесовом меня полицаи ждут.

Мы загнали подводу поглубже в лес, сняли бидоны,

которые могли пригодиться для партизанской кухни.

— Вяжите покрепче! Ты, Макар Михайлович, — обратился Кравчук к Хращевскому, — по-сусидски хряпни меня по скуле!

Возница сам помогал затягивать узлы, потом расцарапал себе щеку о грубую кору дуба. Подводу со старостой партизаны вывели на дорогу в Клесово и нахлестали лошадей. Связанный Кравчук с кляпом во рту извивался на телеге, делая испуганные глаза. Мы не могли удержаться от улыбки.

Партизаны, подпольщики, все местное население твердо верили в победу нашего народа, Красной Армии над гитлеровскими захватчиками.

Эту веру в сердца партизан и жителей города и сел Ровенщины вселяли подпольные партийные органы, подпольный обком партии во главе с его секретарем и командиром партизанских соединений на Ровенщине Василием Андреевичем Бегмой. Он не раз бывал в нашем отряде, давал указания и полезные советы в борьбе с фашистскими оккупантами.

Партизаны с честью выполняли свой долг перед Родиной. Их славные боевые дела вошли золотой страницей в героическую летопись Великой Отечественной войны.

Многие из них не встретили День Победы. Но их отвага, мужество, верность священному долгу не померкнули в веках и не забудутся благодарными потомками.

В. ПОЗДНЯКОВ

ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА

В степных приволжских просторах раскинулось небольшое мордовское село Шилан. Село, каких немало в этих краях.

Здесь 24 июля 1912 года в семье крестьянина-бедняка Гурьяна Трофимовича Булкина родился долгожданный мальчик Ваня, пятый рот в семье. Хотя и не сложна крестьянская работа, а много труда требует. Усталый, с ломотой в костях приходит домой Гурьян Трофимович, а взглянет на сына, и станет светлее на душе: «Подрастет, помощником будет, — думает Гурьян Трофимович. — Велика ли от девок польза, разве что по дому, по хозяйству, и то ненадолго. Замуж повыходят — о родителях некогда думать будет».

Однако по праздникам, иногда и в будни, баловал Гурьян Трофимович своих девок: то сласти какие из лавки принесет, то на сарафан или платье выкроит. В короткие часы отдыха поиграть, повозиться с детьми отец любил...

А время шло и шло своим чередом. Наступил семнадцатый год, разные слухи ползли вокруг. Говорили, будто большевики такую силу набрали, что даже царя скинули, новую жизнь строить обещают. Непривычно было слушать такие слова, а грамотеев, чтобы разъяснить что к чему, на селе не было. Слышал Гурьян Трофимович, что приезжал в село ученый человек из Самары, хорошо с сельчанами говорил, будто большевики за мужицкую правду борются и землю крестьянам-беднякам навечно отдать сулятся. По нраву были такие речи Гурьяну Трофимовичу, они зарождали в душе надежду на лучшую жизнь.

И еще одну мечту лелеял отец — сына Ивана в люди вывести. Третий год учится Ваня Булкин в сельской

начальной школе, радуется родителей успехами в учебе, растет не по годам мечтательным, задумчивым, тянется к знаниям.

Осенью двадцать четвертого года Ваня упросил отца и мать отпустить его в соседнее селение Красный Городок, где была в то время семилетняя школа-интернат для детей бедняков. Скрепя сердце уступила Александра Васильевна просьбам сына, собрала в дорогу немудреные пожитки. С того дня и начал Ваня Булкин самостоятельную трудовую жизнь ученика. Первые успехи, первые неудачи, первые жизненные навыки.

А жизнь вокруг бурлила, страна строилась. Из книг, по рассказам учителей и очевидцев четырнадцатилетний мальчик узнает о славных подвигах старших братьев и отцов, жадно глотает книги революционных лет. Именно в эти годы закладываются основные черты его характера: целеустремленность, настойчивость в достижении цели, умение подчинить себя решению поставленной задачи.

1928 год. Молодой Булкин окончил учебу, он полон энергии, жаждет активной деятельности. К этому времени относятся его первые литературные опыты. Детская мечтательность, соединенная с приобретенными знаниями, с жаждой самоутверждения, вылилась в потребность что-то сказать людям, излить в стихах свои мечты и стремления.

Страсть к поэзии, вспыхнувшая в юношеские годы, не угасла в нем до последнего дня жизни. Впоследствии, повинаясь ей, он создает прекрасные фронтовые стихи, будоражившие бойцов своей искренностью и патриотичностью чувств.

Вскоре Иван Булкин переезжает с родителями в Самару, поступает на завод имени Масленникова учеником слесаря и начинает трудовую жизнь. Энергичный, общительный, он быстро сходится с рабочими, вливается в крепко спаянный заводской коллектив.

Молодой Булкин с головой уходит в работу, затаив дыхание он слушает рассказы старых рабочих о замечательных большевиках-ленинцах Куйбышеве и Швернике, работавших до революции на заводе. Комсомольская организация принимает в свои ряды 16-летнего паренька. В торжественной обстановке секретарь заводского комитета ВЛКСМ вручает Ивану комсомольский билет. Юноша взволнованно обещает оправдать доверие това-

рищей, отдать все свои силы строительству новой жизни, а если надо, и защитить с оружием в руках завоевания Октября.

Комсомольские поручения следуют одно за другим: Булкин организует молодежь цеха на коммунистический субботник, налаживает учебу молодых рабочих в кружках Осоавиахима, активно участвует в художественной самодеятельности, в литературном кружке.

В заводской многотиражке под лаконичным названием «Пять в четыре» появляются первые стихи молодого поэта. В них отражена жизнь цеха, завода, страны, все, чем жила и к чему стремилась молодежь тех лет. Стихи Булкина предвоенных лет говорят о его незаурядном поэтическом таланте. Их печатают в областной молодежной газете, в литературном альманахе, а сам поэт — частый гость редакций, литературных вечеров.

Сохранилась юношеская фотография Ивана Булкина с его стихотворной надписью:

В действительности я тоже
такой же. Поверьте на слово.
Но только немного строже.
Но только немного суровей.

По воспоминаниям родных и товарищей Булкина, он был чуть ниже среднего роста, стройный, очень подвижный. Энергия и задор молодости так и струились из него. Ровесники тянулись к нему, покоряемые его обаянием, начитанностью, душевностью.

В бурном, полном событиями тридцатом году Булкин поступает учиться в заводской механический техникум и через три года с отличием заканчивает его. Как квалифицированного рабочего, специалиста по холодной обработке металла резанием его назначают в тот же третий цех бригадиром. Снова напряженная работа, комсомол, поэзия. В ноябре 1934 года Иван Булкин призывается на действительную службу и до 1936 года служит на командирской должности в одной из военно-воздушных частей Приволжского военного округа.

Вернувшись из армии, Булкин приходит на родной завод, становится любимцем и вожакom заводской молодежи. Работа, учеба, служба в армии, общественная деятельность — все для него было главным, перво-степенным. В любое злo он вкладывает всю свою

И.Г.Булкин.
Фото 1940 г.

энергию, весь пыл молодого, горячего сердца. Товарищи по работе удивляются:

— Где ты, Иван, находишь время? Как успеваешь все делать?

Булкин улыбался и пожимал плечами:

— А я не думаю о времени...

Потомственный рабочий, старый большевик Чегалев Василий Васильевич однажды сказал Булкину:

— Правильно живешь, Иван! Не размениваешься. В партию бы тебе. Такие, как ты, нам нужны!

В ноябре 1937 года решением пленума Куйбышевского ГК ВЛКСМ Иван Булкин отзывается с завода на руководящую комсомольскую работу и до 1939 года возглавляет отдел учащейся молодежи горкома комсомола. И здесь Булкин проявил завидные организаторские способности, умение увлечь молодежь словом и делом, направить ее энергию на решение злободневных вопросов. Стране нужны были квалифицированные кадры рабочих и специалистов, партия призывала молодежь выполнять завет Ленина: «Учиться, учиться, учиться».

Но все ошутимее давала знать о себе рабочая закваска, все чаще тосковали руки по металлу. В 1939 году пленум ГК ВЛКСМ удовлетворяет личную просьбу Булкина об освобождении от обязанности заведомом и он возвращается на завод.

В апреле этого же года комсомолец Булкин становится коммунистом. Друзья и товарищи по работе, знавшие Булкина в те годы (Алексеев, Чегалев, Буров, Еремин), вспоминают о нем как о человеке большой внутренней чистоты, обладавшем ясным умом и твердой волей, принципиальном и честном товарище, никогда не кривившем душой. Никто ни разу не слышал от него слов «не могу» или «трудно», зато каждый знал: слово Ивана — твердое слово. Вера в людей, сознание своего высокого общественного долга, идейная убежденность, преданность делу народа и партии — вот отличительные черты Булкина-коммуниста.

...Куйбышевцы помнят раннюю, бурную весну 1941 года. Природа стряхивала с себя зимнее оцепенение, наливаясь живительными соками, готовилась вступить в пышную пору расцвета. Благодатному теплу радовались растения, животные, люди...

Серьезная перемена наступила и в жизни Ивана Гурьяновича Булкина: он женился. Молодоженов тепло поздравили родные, друзья, товарищи по работе. Открывалась новая страница в его жизни. Все ладилось у Ивана Гурьяновича, все получалось, и часто вечерами рука сама тянулась к бумаге, выводила проникновенные строчки. В стихах Булкина предвоенного времени звучат мотивы, навеянные впечатлениями детства, волжской природой, кипением созидательных будней.

И вот наступило то роковое июньское воскресенье, разом перечеркнувшее мирную жизнь нашей страны. Началась гигантская, невиданная в истории битва не на жизнь, а на смерть с самым страшным врагом человечества — фашизмом.

Непривычно хмурые, по-деловому собранные, шли на завод вчерашние балагуры и весельчаки, товарищи Ивана по работе, по комсомолу, по партии. Каждый задавал себе один и тот же вопрос: «Как там?».

Уже несколько раз Булкин вместе с группой молодых рабочих ходил в партийный комитет завода и требовал, умолял отпустить их на фронт. Отказ следовал в такой форме, что обижаться на секретаря не приходилось. Булкин понимал, что именно сейчас, когда страна перестраивалась на военный лад, в тылу, на заводах и фабриках, особенно дороги специалисты, квалифицированные рабочие, помогающие наладить выпуск военной продукции для фронта.

И все же, несмотря на «бронь», Булкин сумел добиться отправки в действующую армию. В середине июля он был зачислен по спецнабору на трехмесячные курсы по подготовке контрразведчиков в Москве, успешно окончил их и в октябре 1941 года был направлен на Южный, а затем Закавказский фронт на должность оперуполномоченного особого отдела СМЕРШ 1177-го стрелкового полка 347-й дивизии. Так началась еще одна страница в биографии Ивана Булкина, связанная с его чекистской деятельностью.

О трудной, кропотливой и напряженной работе чекистов не принято много писать и говорить. Проходят годы, порой десятилетия, все дальше отодвигаются события, постепенно уходят из жизни люди, пока, наконец, не появляется возможность хотя бы частично рассказать о героических делах разведчиков в те памятные грозные дни.

С головой окунулся Иван Булкин в работу полковой контрразведки, взялся за нее с присущими ему страстью и энергией. Бывали минуты, когда он остро чувствовал недостаток чекистского опыта, да и специальных знаний порой не хватало, но выручала страстная идейная убежденность, природная сметливость, чутье коммуниста по отношению к классовому врагу.

Наряду с работой по выявлению и ликвидации вражеских разведчиков и агентов, обильно засылавшихся гитлеровскими разведцентрами в расположение наших войск, Булкин проводил большую работу по укреплению боевого и морального духа личного состава полка. Он стал грозой паникеров, трусов и дезертиров.

За этими фактами — тяжелый повседневный труд, бессонные ночи, нечеловеческое напряжение ума и физических сил. В редкие минуты отдыха Булкин был в гуще бойцов, подбадривал их шуткой, занятой байкой, заряжал оптимизмом. Редко кому удавалось заметить грустинку в его серых глазах. Воспоминания о доме, о дочурке Людочке, родившейся без него, фотографию которой он носил у сердца, рядом с партбилетом, тревожили и волновали Ивана.

В августе 1942 года полк, в котором служил Булкин, попал в окружение в районе города Сальска. Командование полка приняло решение прорвать

вражеское кольцо. Были выделены ударные группы, в одну из которых попал Булкин. Едва был дан сигнал и группы прорыва устремились вперед, как фашисты открыли губительный огонь. Цепи бойцов редели, атака захлебывалась. В этот момент Булкин увидел, как медленно осел на землю комполка. «Неужели убит?» — пронеслось у него в голове. Он выскочил из укрытия:

— За мной, ребята! За Родину!

Увлекаемые его примером, бойцы бросились вперед. Гитлеровцы отступили, оставив на участке боя десятки трупов солдат. В этом бою Булкин вынес под огнем врага тяжело раненного командира полка.

Мужество и героизм проявил И. Булкин 3 января 1943 года при прорыве нашими войсками обороны фашистов в районе Моздока. На участке, где сражался полк, внезапно появилось около 30 танков, которые пытались отрезать полк от других частей дивизии. Под сильным огнем танков Булкин поднял несколько противотанковых расчетов и бросился в контратаку. Ошеломленные мужеством советских солдат, фашисты отступили, потеряв несколько танков.

Все описанное — лишь отдельные эпизоды из фронтовой жизни коммуниста-чекиста Ивана Гурьяновича Булкина. А ведь бои шли ежедневно. К началу 1943 года стало ясно, что звезда фашистского блицкрига закатилась. На многих участках гигантского фронта немецко-фашистские войска перешли к обороне, пытаясь приостановить наступление советских войск.

В январе 1943 года части Закавказского фронта вышли на подступы к Ставрополю, сильно укрепленному немцами, и начали его штурм. 20 января штурмующие встретили особенно упорное сопротивление и вынуждены были залечь. Командир полка М. В. Львов отдал приказ: во избежание потерь сформировать небольшие группы автоматчиков и бронебойщиков, просочиться в город и нанести удар с тыла. Одну из таких групп из 25 смелых и отчаянных бойцов вызвался возглавить Иван Булкин.

В ночь с 20 на 21 января 1943 года отряд Булкина проник в пылающий Ставрополь как раз с той стороны, откуда меньше всего ожидал враг. Уже на окраинных улицах завязались короткие, но ожесточенные стычки с небольшими группами немцев. Пораженные внезап-

ным появлением русских автоматчиков, гитлеровцы стали отступать к центру города. На улицах поднялась автоматная стрельба, шум и паника. Жители города, а также партизаны, увидев своих, начали присоединяться к отряду Булкина. Выросший до 300 человек, он все дальше продвигался в глубь города.

На одной из улиц, ведущей к вокзалу, куда стекались гитлеровцы, загрохотало несколько фашистских танков, пытавшихся прикрыть отступление своей пехоты. Уничтожив гранатами 2 танка, бойцы Булкина заставили остальных отступить, захватив при этом десятки автомашин, боеприпасы, склады с горючим. В этой стычке Булкин был дважды ранен. Лишь потеря крови и слабость заставили его согласиться на перевязку, которую сделали товарищи, отведя его в соседний двор. Но едва закончилась перевязка и он почувствовал себя лучше, как снова направился туда, где шел бой. Не помогла попытка товарищей удержать его. Выбегая со двора, Булкин увидел автомашину, полную удиравших немецких автоматчиков.

— Ага, гады, драпаете! — радостно крикнул Булкин и длинной автоматной очередью полоснул по борту автомашины.

Грузовик резко затормозил, вильнул, из него горохом посыпались уцелевшие гитлеровцы, открыли огонь по смельчаку. Еще две пули впились ему в плечо и ногу. Присев на колено, он продолжал почти в упор расстреливать фашистов. А из-за угла выскочили еще две машины с немцами. С другого конца на звуки стрельбы спешила группа советских автоматчиков. Отстреливаясь, немцы снова бросились к машинам, понимая, что сейчас их спасение в бегстве.

В этот момент Булкин рухнул на каменную мостовую, сраженный пятой пулей. Подбежавшие автоматчики бережно подняли командира и занесли его во двор дома, из которого он только что выбежал. Булкин был без сознания и через несколько минут скончался.

В нагрудном кармане гимнастерки, рядом с партбилетом, лежало несколько исписанных карандашом листков. Это были стихи для дивизионной газеты «Знамя Родины». Иван написал их накануне, но так и не успел сдать в редакцию. Читавшие их однополчане рассказывали, что они доходили до сердца, напол-

няли его ненавистью к врагу, вселяли уверенность в победе.

На заре 21 января 1943 года в Ставрополь вошли части 347-й стрелковой дивизии. В этот же день с воинскими почестями был похоронен первый герой освободитель Ставрополя Иван Гурьянович Булкин. Значение подвига Булкина и его отряда в освобождении города очень велико. Рейд отважных автоматчиков предотвратил расправу озверевших от неудач гитлеровцев над населением, сорвал приказ фашистского командования об уничтожении всех крупных зданий и сооружений города, дал возможность нашим частям в одну ночь и с наименьшими потерями овладеть Ставрополем, на оборону которого гитлеровское командование возлагало большие надежды.

Подвиг Булкина был высоко оценен командованием фронта: он был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Имя нашего земляка И. Булкина носит одна из центральных улиц Ставрополя, оно присвоено также пионерской дружине ставропольской средней школы № 5. О жизни Булкина, о его боевом подвиге собраны богатые материалы в Ставропольском краевом музее, написаны книги, статьи, стихи, воспоминания очевидцев. С их страниц встает образ героя патриота, от первого и до последнего мгновения исполнившего свой долг перед Родиной.

ПОДВИГ МИХАИЛА КРЫГИНА

Жизнь человека измеряется не числом прожитых лет, а тем, что он сделал и как прошел свой путь. Потому, наверно, путь человека, пусть очень короткий, но яркий как молния, долго светит людям.

Такой путь прошел Михаил Крыгин. Жизнь его была коротка и небогата событиями. Но тот, кто мысленно пройдет по этапам ее, увидит человека удивительной цельности: верного сына комсомола и партии, солдата и чекиста. Человека, который идет туда, где он нужен, щедро отдает себя людям, не отступает ни перед какими трудностями.

В 17 лет Михаил лишился отца, и заботы о большой семье легли на его еще не окрепшие плечи. Не просто было — ведь почти мальчишка! — стать и единственным кормильцем, и наставником младших в осиротевшем доме. Но Михаил не согнулся под тяжестью этих трудностей, не потерял вкуса к жизни. Тогдашние его сверстники и сегодня вспоминают Мишку Крыгина как одного из самых неугомонных активистов кабановской комсомолки.

Летом 1939 года односельчане проводили его на военную службу — в Тихоокеанский флот. Недолго прослужив рядовым, Михаил поступил и затем окончил школу младших командиров. До 43-го года заместитель политрука Крыгин вел политическую работу среди моряков. Одно время он возглавлял комсомольскую организацию подразделения, был заместителем командира батареи по политчасти.

Уча других, учись сам — это стало одним из главных правил молодого политработника. Товарищи удивлялись умению Михаила каждую свободную минуту отдавать самообразованию, его способности урвать для этого

М.П. Крыгин.
Фото 1945 г.

недостающее время у сна, у нечестных во флотской службе развлечений. Это была не только страсть жадного до знаний человека — это была и жестокая необходимость. Уже в первые дни самостоятельной работы Михаил со всей очевидностью понял, что багаж маловат: знаний, полученных в Кабановской школе — не в обиду тогдашним ее учителям будь сказано, — явно не хватало, хотя он учился примерно. Вот почему с одинаковым упорством Михаил овладевал военными дисциплинами, политическими знаниями (политработник обязан быть во всеоружии) и восполнял пробелы в общем образовании.

Это упорство проявлялось буквально во всем. Капитан 1-го ранга Митин вспоминает, как в 1945 году, случайно заглянув в комнату, где проходили занятия по изучению китайского языка, Михаил присел на минутку, любопытства ради, и... с этой минуты не пропускал ни одного занятия. Товарищи, правда, недоумевали: «Зачем?». Крыгин в ответ хитровато улыбался: «Пригодится». Он собирался жить долго.

...Но все это было в 45-м. А до него был июнь 41-го. Потом битва под Москвой, Сталинградом. С первых дней войны Михаил рвался на фронт. Не отпустили. Подчинился: дисциплина есть дисциплина! Но в 43-м, когда его перевели в контрразведку флота, снова начал

бомбардировать начальство рапортами. И снова получал стереотипные ответы: «Сейчас вы нужны здесь. Придет время — пошлем на фронт». И он подчинялся. Ждал, напряженно вслушиваясь в сводки Совинформбюро. И старательно вникал в специфику совершенно новой для него профессии — профессии чекиста. И отправлял по команде очередной рапорт.

Время, о котором говорило начальство, пришло в августе 45-го, когда для большинства солдат война уже кончилась. Пришло с уведомлением о том, что просьба Михаила удовлетворена: его посылают на передовую.

В это время в Маньчжурии под мощными ударами советских войск начала отступать Квантунская армия — оплот японского милитаризма. Тихоокеанский флот получил задание перерезать пути отхода противника в Японию, захватив несколько портов и военно-морских баз. Нашим войскам надо было овладеть портом Сейсин. Окруженный 180 дотами и дзотами, соединенными подземными ходами, он был крепким орешком. Гарнизон — более четырех тысяч солдат.

Командование Тихоокеанского флота решило брать Сейсин с моря.

В полдень 13 августа 8 торпедных катеров, укрывшись за дымовой завесой, ворвались в гавань Сейсина и высадили первую группу десантников — разведывательный отряд. Среди десантников был лейтенант Михаил Крыгин. Горстка отважных — их было 181 человек — стремительно атаковала порт. И вооруженный до зубов четырехтысячный гарнизон не выдержал этого дерзкого штурма: наши десантники овладели портом.

Только через два часа противник опомнился. Видя, что порт захвачен маленьким отрядом, японцы яростно кинулись в атаку. Десантники, не прекращая боя, стали отходить к берегу. Крыгин поручил им взять с собой захваченные в порту важные документы, а сам остался прикрывать отход отряда. Рядом оказалась небольшая группа оторвавшихся от основных сил десанта. Крыгин, как единственный офицер, принял командование на себя.

Это был первый бой лейтенанта Крыгина. Первый и последний. Он стал экзаменом для молодого чекиста, экзаменом на политическую и воинскую зрелость, испытанием его мужества и верности Родине, партии, народу.

Бюст Героя Советского Союза М.П.Крыгина на его родине, в с. Кабановка Кинель-Черкасского района.

Двенадцать раз лейтенант поднимал свой маленький отряд в атаку. И двенадцать раз толпы японцев, беспорядочно отстреливаясь, в ужасе забивались в свои бетонированные норы, откуда, опомнившись, обрушивали шквальный огонь на горстку смельчаков.

Силы были слишком неравными. Группа таяла на глазах. И наступил момент, когда японцам ответил только автомат Крыгина. Он остался один. Почти оглохший от непрекращающегося который час грохота боя, уже не однажды раненный, теряющий силы.

Но он был жив. В руках у него был автомат. А рядом лежали убитые товарищи, у которых можно было взять запасные диски... И он менял диски и стрелял. Сначала перебегая, а потом уже с трудом переползая — чтобы враг не понял, что стреляет один человек, — с места на место, стрелял из автомата, потом из карабина, снова из автомата... Неравный бой продолжался. Сколько их было против него? Сотня? Две?

Он все больше слабел и все медленней менял позиции. Кончились диски. Отбросив бесполезный автомат, Крыгин непослушной рукой достал пистолет. Уже не обращая внимания на огонь врага, он до последнего вздоха продолжал стрелять, заставляя японцев зарываться в землю.

И долго еще после того, как умолк пистолет Михаила Крыгина, японцы не решались приблизиться к этому страшному для них месту. Потом медленно, с опаской окружили высоту, где лежали смельчаки, — самураи боялись их даже мертвых. Наконец, видимо, сообразив, что уже давно сражались с одним-единственным человеком — офицером, они в ярости набросились на него. Схватив бездыханное тело за ноги, японцы поволокли его в укрытие и там в бессильной злобе исполосовали ножами, искололи штыками.

А тем временем отошедшие к берегу продолжали сопротивляться. Продержавшись до рассвета, они соединились с подоспевшим на помощь первым эшелонным десанта и прочно закрепились на берегу. А 16 августа в порту высадились главные силы десанта.

Обезображенное тело Михаила Крыгина было обнаружено бойцами в японской траншее и с почестями похоронено. А через месяц ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Память о герое чекисте жива. В далекой Корейской

Народно-Демократической Республике в городе Чхончжин (бывший Сейсин) над могилой, где похоронены лейтенант Крыгин и его товарищи, воздвигнут величественный обелиск с красной звездой, венчающей его вершину. Имя Михаила Крыгина носит одна из улиц Владивостока. На родине Михаила, в селе Кабановка Кинель-Черкасского района, его именем названы улица, на которой он жил, школа и сельский клуб. А в центре села установлен бюст героя.

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

Два года в тылу врага

Партизаны залегли в кустах вблизи полотна железной дороги. Нужно было задержать автодрезину и уничтожить ехавших на ней следователей гестапо. Накануне группа партизан исполнила приговор партизанского суда, вынесенный бургомистру Речицы Герхарду, известному издевательствами над мирным населением и жестокостью. Этому немцу из числа местных жителей «за преданность фюреру и усердие» фашисты преподнесли в подарок добротный особняк. На новоселье Герхард пригласил местную знать: шефа гестапо, военного коменданта, начальника полиции и других себе подобных фашистских пособников, занявших руководящие посты в городе. Связка гранат взорвалась во время благодарственной речи бургомистра, партизаны дали несколько очередей из автоматов по гостям и благополучно вернулись на базу.

Начальника разведки партизанского отряда имени Ворошилова Хумарьяна беспокоила судьба причастных к взрыву подпольщиков. Свой человек, связанный с немецкой жандармерией, прислал записку, что для расследования происшествия из Калинковичей на автодрезине выезжают гестаповцы и что ожидаются они к утру. Нужно было оттянуть время, чтобы разобраться, кто из подпольщиков «засвечен», уничтожить малейшие улики, принять другие необходимые меры.

Диверсионная группа, направленная для уничтожения дрезины, добралась до железной дороги, не потревожив немецкие гарнизоны. Возглавил группу сам Хумарьян.

Партизаны чутко прислушивались к ночной тишине. Вот послышался постепенно нарастающий шум приближающегося поезда.

— Товарищ майор, подложим? — предложил шепотом минер.

— Лежать! Спокойно!

— Георгий Сергеевич, уйдет ведь! Грузженный, идет на фронт. Слышите, как пыхтит на подъеме? Техника! — не унимался партизан.

— Не спеши, дорогой. У нас задача другая.

Поезд проскочил. Третий раз появился патруль, а потом снова все стихло.

Вдали протяжно завыл гудок, похожий на автомобильный.

«Это дрезина», — решил Хумарьян и скомандовал: — Бегом к рельсам. Подложить.

Негромкий перестук колес на стыках рельсов, и из-за поворота появилась дрезина. Включила фары.

«Неужели заметили наших? — подумал майор. — Нет, все нормально, скорости не сбавляет. Подходит. Взрыв!»

Партизаны дали очередь из автоматов по слетевшей под откос дрезине и стали отходить. Когда кто-то из уцелевших немцев начал стрелять, группа была уже в лесу. В поселках и хуторах, разбросанных в этих местах и казавшихся такими мирными, когда партизаны шли на задание, все ожило: немецкие гарнизоны и полиция были подняты по тревоге. Залаляли собаки, вот-вот выйдут на след. Спасло непроходимое болото, по которому умело провел группу партизанский проводник...

Чекист Георгий Хумарьян, имевший семнадцатилетний опыт оперативной работы в органах госбезопасности, в первые дни войны был включен в состав отряда, сформированного в Белоруссии для работы в тылу врага. Березинский район, куда был направлен отряд, 8 июля был оккупирован немцами. Отряд, прибывший в район буквально накануне захвата его немцами, не успел создать базу и укрепиться, установить связь с местным населением и поэтому не был в состоянии развернуть серьезную борьбу с врагом. Командир отряда, руководствуясь указаниями центра, распорядился разбиться на группы по три-четыре человека и пробиваться обратно к своим. У Хумарьяна было специальное задание по созданию подполья. И хотя для осуществления его не было даже самого необходимого — ни пригодных для предъявления немцам докумен-

тов, ни версии, за кого он себя должен выдавать и чем объяснить свое пребывание в этих местах, форма одежды и та оставалась прежняя, командирская, снял лишь малиновые петлицы со «шпалами», — он решил остаться в занятом немцами районе.

По проселкам тянулись беженцы — жители приграничных районов. Многие шли и ехали к родственникам на восток, но были и такие, которые сами точно не знали, куда и зачем они идут. Хумарьян примкнул к одной из таких групп. На отдыхе в деревне Забродье разговорился с женщиной, возившейся со своими четверьмя уставшими детьми. Шли они из Бреста, пробирались к своим родным в Речицу — именно туда, куда нужно было Хумарьяну. Бессонной ночью, лежа на соломе, Хумарьян обдумал детали своего дальнейшего поведения. Особую надежду он возлагал теперь на эту утомленную, но, судя по всему, мужественную и энергичную женщину с ребятами — Сковородину Неонилу. Было бы хорошо выдать себя за ее родственника — двоюродного брата мужа Григория Николаева, который, по рассказам Неонилы, перед самой войной собирался приехать в отпуск в Брест, но не успел. Григория в Речице не знали даже родственники Неонилы, и это было очень кстати. Итак, задумана такая легенда: Георгий, теперь Григорий, был в гостях у брата, теперь сопровождает жену брата с детьми к ее родственникам. Рассчитывал вернуться потом к месту работы в Баку, не успел, поэтому думает задержаться в Речице.

Утром Сковородина внимательно выслушала Хумарьяна и согласилась помочь ему.

В одном из сел удалось купить поношенную простенькую одежду и переодеться. В пути Георгий помогал Неониле обихаживать детей, они к нему привязались, называли «дядя Гриша».

Задуманное пригодилось еще на подходе к Речице. Немецкий разъезд задержал беженцев. Тех, кто казался подозрительным, уводили в лес «на проверку», и вернулись оттуда не все.

Вызвали и Хумарьяна. С ним пошли ставшие неразлучными двое малолетних «племянников». Неонила сунула в руку Георгия оказавшийся у нее профсоюзный билет мужа. Рассказ о сопровождении снохи с детьми, кажется, не вызвал особых сомнений у нем-

цев. По-видимому, убеждали и льнувшие к нему дети.

- Кем работаешь? — спросил немец переводчик.
- Железнодорожник я, в Баку, грузовой диспетчер.
- Коммунист? Комиссар?
- Нет...

Фашисты вернулись к Сквородиной и стали допрашивать ее. Неонила подтвердила рассказ Хумарьяна.

В Речице вначале все складывалось, как задумано. Но нельзя было бесконечно сидеть дома, нужно было легализоваться, получить какой-то документ, работать. Хумарьян, на всякий случай попрощавшись с Неонилкой и детьми, пошел в комендатуру. Держали его там два дня, приходили допрашивать Сквородину, взяли подписку о подтверждении показаний и только тогда его отпустили, выдав паспорт со свастики.

Теперь надо было устраиваться на работу, причем такую, которая бы давала возможность общаться с жителями города и иметь свободное время. Лесозавод, где временно работал Хумарьян, был далеко от города. В январе 1942 года удалось поступить в городской театр сторожем и контролером. К этому времени Хумарьян присмотрел помощников и стал их привлекать к выполнению отдельных заданий. Удалось установить связь с партизанским отрядом имени Ворошилова, который к этому времени развернул активную деятельность. Разведчики отряда Андрей Батура и Федор Вишняк забирали у Хумарьяна информацию о вражеских войсках и намерениях карателей. Одни сведения использовались на месте, другие, наиболее ценные, передавались по радиации в центр. Взамен Хумарьян получал принятые отрядом по радио сводки Совинформбюро и изготовленные партизанами листовки, обеспечивал их распространение в городе.

Несмотря на жесточайшие преследования, советские люди на оккупированной врагами территории, рискуя жизнью, делились новостями о Большой земле, помогали, чем могли, партизанам. Из беззаветно преданных Родине патриотов сформировалось подполье.

В подполье особо отличились артисты Александр Зубрицкий, прибывший из Белостока, и Петр Никулин из Пинска. Стал смелым и энергичным подпольщиком Виктор Ануфриев. С их помощью появились свои люди во многих учреждениях города. Расчет Хумарьяна на

Г.С.Хумарьян.
Фото 1943 г.

использование в подполье артистов оправдался. Они вели свободный образ жизни, общались со многими, в том числе с чинами полиции и жандармерии, не вызывая ни у кого подозрений, и, как им было рекомендовано, ловили каждое нечаянно оброненное слово о делах и планах немцев.

Вот что рассказывал Георгий Сергеевич об одной из привлеченных им к подпольной деятельности артисток:

«Очень ценную помощь оказывала Зинаида Кулей. Ее удачно внедрили в среду немецких офицеров жандармерии и комендатуры — она знала немецкий язык. Зинаида стала пользоваться у немцев доверием, и при ней они не стеснялись болтать о делах. По ее сигналам партизаны предупреждались заранее о предстоящих действиях фашистских карателей. Наиболее серьезным было ее сообщение о подготовке карательной операции крупными силами в июне 1943 года в районе деревни Гарновки. Партизаны, заблаговременно подготовившись к встрече, дали карателям бой, в результате которого фашисты отступили с большими потерями.

Кулей удалось выяснить координаты новой базы авиабомб и артснарядов, созданной немцами в обстановке строгой секретности в лесу вблизи Волчьей горы. Ее данные подтверждались другим подпольщиком — учителем. По этим ориентирам 7 ноября 1943 года

советская авиация устроила «праздничный фейерверк», и база была полностью уничтожена».

В апреле 1942 года ожидалось прибытие в театр Речицы немецкой труппы — готовились к спектаклю для немецких офицеров и чиновников. Подпольщики тоже готовились. По согласованию с партизанским отрядом они задумали устроить во время представления взрыв в театре. Все было рассчитано, подготовлены исполнители, определены места закладки мин, однако не оказалось достаточного количества взрывчатки.

Диверсия не удалась, но подготовка к ней не осталась незамеченной немцами, появилась опасность провала подполья. Хумарьян дал указание некоторым подпольщикам, причастным к подготовке диверсии, уйти по одному в лес к партизанам. При этом он тщательно обдумал объяснение причин исчезновения того или другого участника. Сам ушел в партизанский отряд только в конце мая. В городе остался Зубрицкий. «Я человек заметный, мое исчезновение может насторожить немцев. Уйду последним», — сказал он, но выбраться не успел — был схвачен. Этот отважный коммунист никого не выдал и погиб в застенке.

Подполье в Речице продолжало действовать, и информация поступала регулярно, теперь уже к Хумарьяну, ставшему начальником разведки партизанского отряда. Неонила и ее сестра Мария продолжали собирать разведывательные данные.

С особой теплотой рассказывал Г. С. Хумарьян о Неониле, первой своей помощнице в тылу врага:

«Сковородина мной неоднократно направлялась в дальнюю разведку в другие города: Гомель, Лоев, Хойники и всегда возвращалась с ценными данными. После выполнения одного задания Неонила и Мария были арестованы жандармерией и допрошены. Марию освободили тут же, а Неонилу держали несколько дней, избивали, но не добились ничего, отпустили под подписку с условием ежедневно регистрироваться в жандармерии. По-видимому, рассчитывали установить за ней слежку и поймать с поличным. Мы вывели семью Неонилы в лес. Сковородина и в отряде продолжала действовать как разведчица. Теперь она выезжала в города, где ее не знали».

В ноябре 1942 года партизанские отряды объединились, появилось соединение гомельских партизан под

командованием генерал-майора Коржа, получившего потом звание Героя Советского Союза. Расширились возможности партизан, росло их влияние на жителей области. Одновременно возросла и опасность проникновения в отряды провокаторов, засылаемых фашистами под различными, нередко хорошо продуманными и отработанными предложениями. Нужно было выявлять и немецких пособников, действовавших тайно в ближайших населенных пунктах.

Опытного чекиста Георгия Хумарьяна назначили начальником особого отдела партизанского соединения. Забот было немало. Хумарьяна часто видели то в одном отряде, то в другом. Или в селах, находившихся в зоне действия партизан, хотя для этого приходилось пробираться по территории, занятой врагом.

В конце ноября 1943 года наступающая Советская Армия дошла до местности, где базировались гомельские партизанские отряды. Партизаны, способствовавшие до этого продвижению войск, вышли из лесу и присоединились к Советской Армии. Георгия Сергеевича вернули в органы госбезопасности на железнодорожном транспорте теперь уже освобожденного от окружения Ленинграда.

Несколько высоких государственных наград украшали грудь полковника Хумарьяна. Среди них ордена Красного Знамени, Отечественной войны II степени и медаль «Партизану Отечественной войны» I степени — за работу в тылу врага.

В архиве вместе с другими документами, по строго официальным строкам которых прослеживается нелегкий жизненный путь чекиста, особо бережно хранится документ, датированный 1943 годом. На изрядно потертой бумаге — пропуск, разрешающий Хумарьяну Георгию Сергеевичу беспрепятственное посещение всех партизанских отрядов Гомельского соединения с условием «предъявления пароля».

С Георгием Сергеевичем я познакомился давно, по работе в Куйбышеве — в 50-х годах он был на руководящей должности в органах госбезопасности на Куйбышевской железной дороге.

И мало кто знал тогда, что этот скромный, сдержанный, такой обычный, казалось бы, человек два года Великой Отечественной воевал с врагом... в тылу врага.

В интернациональном партизанском отряде в Чехословакии русского лейтенанта Зубрилова многие считали чудаком. Подумать только: отряд почти ежедневно совершает боевые вылазки, укрывается на склонах Высоких Татр в непроходимых лесах, не всегда достаточно провианта, а он ...занимается коллекционированием старых будильников. Еще куда ни шло, если бы собирал какие-либо особенные, старинные, как говорится, уникальные. Нет, берет самые обыкновенные, какие встречаются почти в каждом доме. Берет и поломанные, давно выброшенные на чердак, без циферблата и стрелок. Возьмет испорченный механизм, положит на свою большую рабочую ладонь и начинает быстро разбирать там шестеренки, снимать с них ржавчину и грязь. А был такой случай. Кто-то притащил старинные красивые часы с боем из барского дома. Все сбегались смотреть, а он не взял.

— Не интересуюсь.

В отряде редко кого называли полной фамилией или именем, в ходу были прозвища. Быстро забывалось прилипшее к Зубрилову в первое время «Зубр» — не только как производное от фамилии, а больше, пожалуй из-за его крепкой коренастой фигуры и кажущейся неповоротливости. И закрепилось новое: «Годинар» или «Годинарж», как произносят некоторые, — «часовой мастер», значит.

После ремонта Зубрилов часы никому не показывал.

— Спрятал до окончания войны, — отшучивался он.

Немногим в отряде было известно, что он приспособливает эти часовые механизмы к минам замедленного действия, а ставшие ненужными корпуса и звоночки незаметно закапывает в укромном месте.

Маленькие, по четыреста-пятьсот граммов мины с часовым механизмом из отряда передавали чешским патриотам, и те незаметно их прикрепляли к легковым автомашинам чинов вермахта, перед тем как им отправиться куда-либо. Взрывы происходили в пути.

Прибегали и к более дерзким методам. К примеру, намеченный к уничтожению офицер СС никуда не выезжал, и пришлось искать другое решение. Взрывное устройство с механизмом, рассчитанным на 20 минут, ухитрились положить в гардеробной ресторана в карман

Ф.Ф.Зубрилов.
Фото 1941 г.

шинели этого офицера, пока он заканчивал последний в своей жизни обед.

Еще об одной диверсионной операции Федор Федорович рассказывал так.

«В городе Мияве находился завод, где немцы изготавливали мины и снаряды. Командование приняло решение устроить там взрыв. Дело поручили нашей группе. Завод строго охранялся, и проникнуть туда кому-либо из наших, а тем более пронести взрывчатку, не было никакой возможности. Чешский патриот, работавший в бухгалтерии главного цеха, соглашался помочь, но пронести мину он тоже не мог.

Встал вопрос: как доставить взрывчатку в цех? Решили использовать почту. Изготовили посылку, по виду служебную, немецкую, якобы отправленную каким-то германским статистическим управлением, в ящик набили различные немецкие бланки отчетности, а внутрь я заложил взрывное устройство, сделал простое приспособление для ввода мины в действие. Как и предполагалось, посылку получил известный нам бухгалтер, патриот, а вечером, после ухода рабочих, он ее положил под один из важных узлов главного конвейера. Взрыв произошел ночью и оказался удачным. Немцам до конца войны не удалось запустить этот конвейер».

В Чехословакию Федор Федорович Зубрилов был

заброшен по указанию советского командования в 1944 году в составе небольшой группы опытных партизан. Было их тогда одиннадцать человек. Еще на Большой земле определили, что Зубрилов будет инструктором-взрывником. Интернациональный партизанский отряд располагался в лесах в районе Зволин, близ Братиславы. Ни леса родной Куйбышевской области, ни те, в которых бродил юношей в Алтайском крае, и даже знаменитые лесные массивы Белоруссии, где Зубрилов до этого партизанил, несравнимы с лесами Словакии. Сплошные зеленые кроны деревьев, густо облепивших склоны гор, издали красивы и манят к себе путника. Но достаточно приблизиться, как лес встает сплошной стеной, теряя при этом обычную для наших лесов привлекательность. На поверхности земли, куда не могут пробиться лучи солнца, не видно ни травинки. Полузасохшие нижние без листьев ветки деревьев, цепко переплетаясь друг с другом, не дают пройти. Если все же сможешь сделать несколько шагов вглубь, то даже в ясный день попадешь в сумерки. Скрываться в таком лесу партизанам было удобно, но он же таил и всякие неожиданности, в том числе возможность незаметного продвижения карателей. Опасаясь этого, партизанская разведка и охранение отряда зорко следили за перемещениями немцев.

Как-то, получив сообщение о том, что немецкая автомашина направляется в сторону гор, командование отряда послало группу Зубрилова в подкрепление охране. Группа залегла вблизи лесной дороги. Вскоре партизаны заметили легковую автомашину. Вот она остановилась, из нее вышел молоденький капитан и, прогуливаясь, неторопливо зашагал по дороге.

— Берем,— шепотом дал команду Зубрилов.

Задержанный оказался начальником штаба карательного батальона. На допросе капитан несколько удивил своим не совсем обычным поведением: был откровенен и правдив, на все вопросы отвечал охотно, ответы были продуманными. В то же время не заискивал перед партизанами и признаков высокомерия и чванливости не подавал. Рассказал, что в батальоне он человек новый и случайный, попал туда из-за высокого положения родителей. Трезво оценивал обреченность гитлеровской армии. Отвечая на вопрос о задержанных карателями партизанах, рассказал об аресте русской радистки,

сломавшей ногу во время приземления. Сообщил, что спас ее от смерти и спрятал у лесника.

— Молодая, жалко ее стало, — сказал он просто.

При проверке этот факт подтвердился. Прозванный партизанами за свою молодость и некоторую детскую наивность «Киндо» (от немецкого слова «кинд» — ребенок), капитан оказался полезным для отряда человеком и использовался при проведении дерзких операций. Он стал убежденным антифашистом.

— Основной моей задачей в Чехословакии, — говорит Федор Федорович, — было обучение партизан минному делу. Во время практических занятий я взорвал два эшелона с живой силой и вооружением. Позднее стали ходить на подобные операции мои ученики.

«Готовил и руководил всеми диверсионными операциями, проведенными группой на территории Чехословакии», — читаем о Зубрилове в официальном документе.

Специалистом по минам Федор Федорович стал в партизанском отряде Д. Н. Медведева. Там на счету Зубрилова было девять эшелонов противника, взорванные мосты и ряд других боевых операций. В 1943 году группа, командиром которой был Зубрилов, совершила внезапный дерзкий налет на танковую часть немцев, расположенную под Дерагино, и фактически разгромила ее.

В другой раз под носом у немцев была уничтожена животноводческая ферма вместе со скотом, который на другой день оккупанты должны были отправить в Германию. Когда для специальных операций отряду понадобилась немецкая форменная одежда, в том числе офицеров СС, по указанию командования группа Зубрилова устраивала на дорогах засады и задерживала немецких офицеров, чтобы завладеть их обмундированием. В поисках нужных образцов одежды приходилось не один раз выходить на дороги и ждать появления немцев.

Подразделение Зубрилова неоднократно прикрывало активные действия партизанских разведчиков, а после выполнения ими задания обеспечивало отход к лагерю.

Если задуматься над вопросом, что же помогало Зубрилову успешно выполнять на протяжении трех лет столь сложные задания, где он приобрел необходимые

для этого качества, то ответить можно только так: вся его довоенная жизнь. Отец — участник гражданской войны, принимавший участие в боях против банд, орудовавших в Поволжье, воспитал Федора на славных традициях Красной Армии. Он привил сыну любовь к труду, к технике. Очень пригодилось потом Федору в партизанском отряде умение водить автомашину. Он окончил успешно автошколу, несколько лет работал шофером сначала в зерносовхозе, а потом на действительной службе в армии. Зубрилов получил политическую подготовку и окреп идейно на посту помощника начальника политотдела Топчихинского зерносовхоза Алтайского края по комсомольской работе. Боевую подготовку получил в Златоустовском пехотном училище.

«Отлично стреляет, отлично знает материальную часть оружия, отличный лыжник, образцовый курсант», — записано в характеристике, составленной в училище. Закончив учебу, стал лейтенантом перед самой войной — 15 июня 1941 года. Был зачислен в особый отдел Киевского особого военного округа. Его прикрепили к дорожно-эксплуатационному полку.

Полк оказался в районе военных действий. Через несколько дней боев под натиском противника начал отступление, вместе с некоторыми другими частями оказался в окружении. Боеприпасы были на исходе. Поступило указание пробиваться к своим небольшими группами.

С одной из групп отходил на восток Зубрилов. В одном из боев осколок снаряда угодил в щиток его пулемета, щиток ударил Зубрилова по голове. Он потерял сознание. Когда очнулся, поблизости не оказалось ни своих, ни врага.

Зубрилов еле поднялся и побрел на восток, к линии фронта. Вскоре встретил других красноармейцев, продолжили путь впятером. Нападали на небольшие группы немцев, забирали у них оружие, боеприпасы, пополняли заодно запасы продовольствия. Однако вскоре им пришлось отказаться от случайных диверсионных актов. И вот почему. Как-то, после того как группа Зубрилова уничтожила автомашину с карателями, немцы подтянули новые силы, начали искать виновных в соседствующих селах, зверствовали, уничтожили две деревни.

— Слишком дорогая цена за горстку карателей, — решили в группе. Активнее стали искать связи с партизанами. Им повезло: вскоре столкнулись с партизанской разведкой. Не сразу поверили в отряде рассказу Зубрилова и его товарищей, проверяли, не раз допрашивали. Такие меры предосторожности были оправданы: немецкая разведка под видом выходящих из окружения засылала в партизанские отряды изменников и предателей.

Долгожданный День Победы застал Зубрилова в Чехословакии. Деятельность интернационального партизанского отряда, оказавшего существенную помощь нашим войскам и восставшему против оккупантов чешскому народу, была высоко оценена советским командованием. За боевые действия в Чехословакии и в отряде Д. Н. Медведева Зубрилов награжден орденом Красной Звезды, медалями «Партизану Великой Отечественной войны» I и II степеней, другими медалями.

Чешские друзья помнят и ныне об интернациональном отряде, его бойцах и командирах. Не забывают они и своего «годинара», продолжают писать ему теплые письма. Вот одно из них.

«Уважаемый товарищ Федор Федорович Зубрилов!

Когда мы праздновали годовщину нашего города Врбове, мы вспоминали Вас и дали высокую оценку Вашей боевой деятельности в области Пуста Вес — Прашник — Врбове и Вашему вкладу в победу над фашизмом.

Слава Советскому Союзу, его героическому народу, славной Советской Армии!

Да здравствует нерушимая дружба народов Советского Союза и Чехословакии!

Горком компартии г. Врбове, Антон Славик.

Горком народного фронта Г. Врбове, Ян Боор.

Городской совет г. Врбове, Лудовик Криго».

Товарищ Зубрилова по партизанскому отряду, а теперь чешский писатель Людвиг Глосс прислал ему свою книгу «Братислава—Москва» с теплой надписью.

После войны Федор Федорович вернулся в родной ему Чапаевский район. Опытные механики и шоферы требовались везде. Ему предлагали работу в Чапаевске, но бывшего хлебороба тянуло к земле. Поступил на работу в МТС, затем перешел в совхоз. Для сельского

хозяйства это были трудные годы. Зубрилов работал увлеченно, помогал восстанавливать донельзя изношенные автомашины и тракторы, пахал, убирал и возил хлеб. Не было жилья, жил с семьей в полевом вагончике. Труд Зубрилова отмечали премиями, многократно поощряли.

Выросли сыновья. Один закончил военно-политическое училище, он полковник Советской Армии, двое других последовали примеру отца, работают механизаторами в этом же совхозе.

В школьном музее на станции Звезда помещен портрет Федора Зубрилова: бойца и партизана, чекиста и передового сельского механизатора.

В отряде Копёнкина

В 1967 году пришел запрос из Киева: не проживает ли в Куйбышеве инженер-строитель Осадчий М. К., бывший партизан. Наш ответ был утвердительным. Михаил Клементьевич проживал тогда на Безымянке по Южному проезду, был уже на пенсии по возрасту.

Вскоре по представлению комитета госбезопасности Украины Осадчего наградили орденом за боевые действия в составе партизанского отряда имени Буденного.

Описанные здесь события относятся к сентябрю 1941 — февралю 1942 года.

Осадчему и еще пятерым партизанам командир приказал провести разведку в селе, которое виднелось впереди. Нужно было выяснить, сможет ли отряд пройти мимо села, не ввязываясь в бой, сколько там немцев и какие имеются возможности для пополнения скудных запасов продовольствия.

В отличие от других, созданных в более поздний период войны, этот небольшой отряд — около 60 человек — не имел своей более или менее постоянной базы и непрерывно был в движении. Изредка удавалось задержаться в каком-либо селе, если там не было немцев, отдохнуть, привести себя и вооружение в порядок.

М.Н.Осадчий.
1945 г.

Оперируя в Миргородских лесах на Полтавщине и Змиёвских лесах на Харьковщине, отряд внезапно нападал на немецкие гарнизоны, нанося им значительный урон, а потом так же неожиданно уходил в лес. В некоторых случаях для проведения крупных операций объединялись с другими подобными же отрядами и после боя, пополнив за счет немцев свои боеприпасы, вновь разукрупнялись. В освобожденных селах устраивали суд над предателями и изменниками.

Пройдя опушкой леса ближе к селу, Осадчий начал изучать обстановку. Дома располагались в низине, и улицы хорошо просматривались. Вот от большого дома на площади отошла грузовая машина с тентом над кузовом и выехала из села. По улицам пробегали редкие прохожие. Во дворе крайней избы, прижавшейся к лесу, копошилась старуха. В этом дворе и поблизости от него других людей не было видно.

Два партизана переоделись. Один из них, прилично владеющий немецким языком, надел трофейную немецкую офицерскую форму, другой натянул одежду солдата. Осадчий положил в свой карман желтую нарукавную повязку полиция. Когда стемнело, подошли к крайней избе, где под вечер была замечена одинокая старуха. Окно избы чуть светилось. Заглянули — старуха одна. Услышав осторожный стук, она вышла. Оглядела Осадчего и, видимо, догадалась, кто перед ней.

— Нет, в селе немцев не должно быть, на ночь уезжают в район: боятся ночевать у нас. Кто остается здесь? Полицаи. Эти хуже немцев. Чистые звери. Где они? Да вот там, в большом доме, где яркий свет. Человек десять их будет.

Охраны возле ярко освещенного просторного дома не оказалось. Партизан в форме офицера, за ним «солдат» в роли денщика и Осадчий с повязкой полицаев вошли внутрь. Сельские полицаи явно не ожидали визита «начальства» в неурочное время, покуривали, развались на лавках. Остро пахло самогоном. При виде «офицера» вскочили. Тот прямо с порога начал ругаться. «Денщик» перевел: почему нет охраны снаружи, почему бездельничают, не патрулируют по улицам? Один из полицаев, видимо, старший, попытался объяснить: дескать, кругом спокойно, о партизанах ничего не слышно, они едва ли сюда сунутся... «Офицер» не слушал, начал проверять у всех винтовки. Вынимал патроны, вытаскивал затворы, заглядывал в стволы.

— Грязно, вычистить! — приказал кратко, а затворы оставил на столе. Протянул руку к старшему полицею, тот торопливо отстегнул свой пистолет. В дом вошли двое партизан, остававшиеся до этого на улице, и встали у двери. Все винтовки у полицаев лежали без затворов, другого оружия у них не было замечено.

Можно начинать. «Офицер» приказал:

— Связать, увести!

Зашедшие партизаны наставили на полицаев автоматы, все действовали не спеша, без суеты. Можно было подумать, что офицер сажает полицаев под арест за провинность в дисциплинарном порядке.

Осадчий вынул из кармана приготовленную веревку, связал руки одному полицею, другому. Винтовки полицаев повесили им на шею, затворы и пистолет забрали себе. В кладовке обнаружили запас консервов. Растерявшихся полицаев повели, и они только в лесу догадались, что попали к партизанам. Командир отряда Копёнкин и начальник штаба Подкорытов учинили им подробный допрос, выяснили обстановку в районе.

Рано утром отряд двинулся дальше, в новый район боевых действий.

Через несколько дней партизанская разведка донесла о подготавливаемой немцами карательной операции.

Ожидалось, что большой отряд карателей отправится из Миргорода в село Малая Обуховка, оттуда они начнут прочесывание леса. Партизанам можно было заблаговременно уйти, как не раз приходилось делать, но оставались бы тогда немцам на растерзание мирные жители села, оказавшие гостеприимство партизанам. Командир отряда Копёнкин решил перехватить карателей на дороге и разгромить их. Маленькому отряду такая задача была не под силу, поэтому, разослали связников в другие отряды.

В назначенный день до рассвета все партизаны и боевые средства заняли определенные для них места.

Малая Обуховка расположена за небольшим холмом и, чтобы проехать в село, нужно подняться на этот холм, а потом километра полтора спускаться. Партизаны расположились на спуске по обеим сторонам дороги. Осадчий оказался на раскинувшемся вдоль дороги старом кладбище. Холмики и кустарники надежно укрыли пулеметы и автоматчиков. Цепочка партизан с другой стороны спряталась в овражках и канавах. На изгибе дороги при въезде в село установили отбитый у немцев миномет с задачей ударить по голове колонны врага. Получилась своеобразная подкова, замыкающаяся у села.

Время в ожидании тянулось медленно. Осадчий осторожно выглянул из-за куста — на дороге пустынно. Тишина. Ничто не выдает наличия трехсот партизан. Как бывает в минуты ожидания, начало закрадываться сомнение: не изменили ли каратели своих намерений? Или вышли в лес с другой стороны? А если кто-то предал, предупредил немцев?

Осадчему вспомнилась первая встреча с предателями. Это было при выполнении первого задания в отряде. То село тоже называлось Обуховкой; только Большой Обуховкой. Осадчего подозвал Копёнкин. Подошли еще трое партизан. Группе поручили незаметно проникнуть в село и бесшумно, не потревожив полицаев и немцев, вывести оттуда местного агронома и его дочь, оказавшихся предателями. Было известно, что по их доносу немцы повесили восемь активистов. Осадчий подумал тогда о том, почему молодая женщина, которую после задержания допрашивали в лесу, так люто ненавидела и Красную Армию, и партизан, все советское. Почему она, получившая образование в

советской школе, прилично обеспеченная, так резко отличалась от встречавшихся на пути отряда сотен и тысяч других женщин, рисковавших жизнью ради помощи партизанам?

Тогда в лесу Осадчий постиг, что враги бывают не только в немецкой форме, они могут быть и среди своих, хотя не смог бы еще объяснить причину такого позорного явления.

Прошло несколько томительных часов. Вот появились на холме шесть всадников. Встали. Внимательно осмотрели местность.

— Разведка, — прошептал сосед Осадчего. Два всадника повернули назад и скрылись за холмом. Вскоре оттуда показалась колонна. «Не меньше пятисот, может, и больше», — прикинул Осадчий. В середине колонны оказалось несколько груженных подвод. Уже слышны поскрипывание колес и топот тяжелых сапог. Партизаны еще плотнее прижались к земле, задержали дыхание. «Уйдут, почему медлим?» — подумал каждый.

В это время заговорил миномет: в колонне взорвалась одна мина, другая. Это было сигналом. Разом заработали пулеметы, автоматы. Отдельных немцев, пытавшихся укрыться, настигали меткие винтовочные выстрелы. За двадцать минут колонны не стало. С трофейным оружием и боеприпасами на уцелевших подводах отряды заспешили в лес. Нужно было уйти подальше от этого места и как можно скорее.

Михаилу Осадчему, успешно выполнившему ряд заданий, Копёнкин начал давать еще более сложные поручения. Однажды возникла необходимость побывать в селе Зиленьки. Но было известно, что туда недавно прибыла группа немцев. Нужно было выяснить, сколько их, где разместились, какое у них вооружение.

Проводником определили партизана из местных, но заходить ему в село запретили: опознают. Осадчий, посоветовавшись с проводником, предварительно определил, в какие избы следует заходить за информацией.

Поздняя ночь. Михаил постучался в крайнюю избу. Маловероятно, чтобы там остановились немцы, — слишком убогая. Долго не откликались, а потом женщина, открывшая дверь, узнав, зачем пришли поздние посетители, захлопнула ее и уже из сеней прошептала:

— У меня дети... Я ничего не знаю, ничего не скажу...

То же самое повторилось у другой избы, у третьей. Не помогли ни уговоры, ни угрозы. Начало светать, нужно было торопиться, а они ничего не узнали. Осадчий отдал автомат товарищам, оставил себе две гранаты и пошел по селу один. Другие партизаны спрятались на опушке леса и следили за ним, готовые прийти на помощь. Вот из избы вышел старик, встал у плетня. Осадчий подошел и тихо окликнул. На этот раз повезло. Старик подробно рассказал все, что знал о немцах. Осадчий присоединился к своим, и они скрылись в лесу.

В следующую ночь напали на село тремя группами. Семь партизан, в числе которых были Осадчий и вчерашний проводник, должны были незаметно подойти к школе, где расположились основные силы немцев, снять часовых, забросать здание гранатами и не мешкая отойти. После этого другие группы открывают кинжальный огонь. Так все и произошло. Гарнизон уничтожили, взяли много патронов и два пулемета.

Удачные операции и неуловимость отряда давались нелегко. Партизаны всегда находились в движении, отдыхали редко. Постоянное напряжение выматывало людей. В начале 1942 года отряд получил указание выйти на Большую землю. С боями начали пробиваться к линии фронта.

После одного трудного перехода отряд отдыхал в заброшенном летнем бригадном доме в поле. Намеревались без остановки пройти открытый участок и укрыться в лесу, но не хватило сил, пришлось задержаться. Сначала обрадовались начавшейся поземке: заметет следы на снегу, но стало нестерпимо холодно. Плащ-палатками залатали дыры в стенах. Командир разрешил израсходовать часть неприкосновенного запаса продуктов.

Не прошло и двух часов, как боевое охранение задержало мужчину и девушку. Задержанный пояснил, что он с дочерью приехал за соломой. Они из села, которое в четырех километрах. Немцев там нет. На вопрос, можно ли запастись продуктами, ответил положительно, согласился привезти картошки и хлеба. Ради получения продовольствия командир решил рискнуть.

— Поедешь один, — сказал Копёнкин, — а дочь пока побудет здесь. Обманешь — считай, что дочери у тебя нет.

Мужчина поехал. Отряд насторожился. Усилили охранение, выставили дальние скрытые посты. Примерно через четыре часа раздались три винтовочных выстрела — условный сигнал опасности. Копёнкин скомандовал подъем и приказал отходить к лесу. Пока снимали посты, прибежал стрелявший дозорный и сообщил, что со стороны села движется большая группа немцев. Ясно — предал мужик, привел врага, не пожалел свою дочь. Та смотрела на партизан зверем исподлобья, молчала. Потом попыталась сбежать... Когда немцы открыли огонь, партизаны были уже около леса. Разыгравшаяся пурга ухудшила видимость, и это помогло оторваться от преследователей.

Три недели пробивался отряд к своим. Серьезных боев партизаны не навязывали, но стычки с немцами все же были. За счет немцев пополняли боеприпасы и продовольствие.

Однажды в предрассветной мгле партизаны увидели двух всадников. Остановились, направили к ним разведку. О радость! Свои! Вышли! Это было 28 января 1942 года в районе Алексеевки.

Незадолго перед этим в перестрелке автоматной пулей ранило Осадчего в ногу. Рана была, можно сказать, пустяковой, опираясь на палку, он шел и не отставал от других. Однако наступать на ногу полностью не мог и из-за этого отморозил не двигавшийся при ходьбе большой палец. Началась гангрена.

2 февраля отряд прибыл в Луганск. Подвели итоги. За полгода боев этот небольшой отряд уничтожил до пяти тысяч вражеских солдат и офицеров, до тысячи полицейских и других предателей. Взорвано много мостов. Помогли перейти через линию фронта к своим трем тысячам красноармейцев, отрезанным во время боев от своих частей. Потери были и у партизан.

За успешные действия отряда его командиру Копёнкину Ивану Иосиповичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Осадчий оказался в госпитале и пролежал там более четырех месяцев. Отряд же после отдыха и пополнения был вновь отправлен в тыл врага. В день принятия присяги новым пополнением из отряда приезжали в госпиталь и повезли Осадчего на торжества.

После выписки из госпиталя Осадчего включили в состав небольшой группы для заброски в тыл. Поруча-

лось разыскать и связаться с отрядом Копёнкина, от которого долго не было сообщений. Однако на аэродроме Луганска летчики отказались взять на борт группу.

— Вы не обучены прыжкам, не могу рисковать, — заявил майор, командовавший здесь.

Никакие уговоры не помогли. Пришлось тут же начать занятия по парашютному делу. В это время у Осадчего открылась рана. Пока решали эти вопросы, пришло сообщение об окружении и гибели отряда Копёнкина. Надобность в посылке группы отпала.

На сборном пункте Осадчему предложили вернуться на предвоенную работу — инженером по строительству военных аэродромов.

После войны Михаил Климентьевич работал на строительстве Куйбышевского и Новокуйбышевского нефтеперерабатывающих заводов.

Я был исполнителем ответа на запрос из Киева об Осадчем, несколько раз беседовал с ним, читал его записи. В своих воспоминаниях он писал:

«Я навсегда запомнил слова партизанской клятвы: «Если надо будет отдать в борьбе с врагами за Родину жизнь — я ее отдам... Клянусь быть всегда дисциплинированным, честным и чутким товарищем».

Таким Михаил Клементьевич оставался всю жизнь. В 1972 году его не стало.

«СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ» В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Майским вечером 1942 года в дежурной комнате управления НКВД Куйбышевской области раздался телефонный звонок. Звонила женщина, назвавшаяся Марией Петровной. Взволнованным голосом она просила кого-нибудь из чекистов встретиться с ней.

А уже через час перед младшим лейтенантом госбезопасности Михаилом Ивановичем Ивановым сидела в наспех накинутом на голову белом платке немолодая женщина. Представилась она уже Клавдией Васильевной. Заметив недоуменный взгляд чекиста, женщина упредила вопрос:

— Сами знаете, время-то какое, война. Стены и то уши имеют. А Марию Петровну — это я придумала для телефонного разговора. Вы уж извините, пожалуйста.

Михаил Иванович внимательно посмотрел на пришедшую: усталое, с мелкими морщинками вокруг глаз лицо, натруженные руки. Подумал про себя: «Такая зря не придет, видимо, есть серьезные причины».

Свой рассказ Клавдия Васильевна начала с того, что родом она из села. До войны переехала в Куйбышев да так и осталась городской жительницей. Родители были верующими людьми и с детских лет приучили ее верить в бога. До войны церковь навещала редко, только по большим престольным праздникам, а вот сейчас зачастила.

— Горя-то сколько война принесла. Вот и тянет помолиться. Два сына у меня на фронте. От младшего вот уже с полгода нет никаких вестей. Не приведи господи, не случилось бы что с ним, — вытерла она кончиком платка навернувшиеся слезы. — Немного помолчав, как бы собравшись с мыслями, Клавдия Васильевна продолжала: — А пришла я к вам, чтобы

поделиться опасениями. Предчувствие у меня плохое. Вчера в Покровской церкви встретилась со своими деревенскими из Нового Буяна и Старой Бинарадки. Приезжали на причастие и детей крестить. Говорят, верующие там разделились, стали враждовать меж собой. Одни признают действующую православную церковь, ездят молиться в Куйбышев. Другие — из монахов и зажиточных — выступают против, не признают официальную церковь. Мол, Покровская церковь в Куйбышеве не истинная, служат в ней продавшиеся коммунистам антихристы, и кто в нее будет ходить, того постигнет божья кара. А еще говорят наши, что будто где-то в лесу, недалеко от Нового Буяна, есть в пещере подпольная церковь. Сказывают, что за главного в ней монах Иван Кузнецов. Место это держат в строгой тайне, и посещают церковь только те, кто получил личное благословение самого Кузнецова.

Этот рассказ заинтересовал чекиста. Известно было, что Кузнецов в тридцатых годах привлекался к ответственности за антисоветскую деятельность, вскоре был освобожден. На виду жить не стал, перешел на нелегальное положение, и след его затерялся.

Во время второй встречи с чекистами Клавдия Васильевна, узнав, что Иванов собирается в район, робко попросила:

— Возьмите и меня с собой. Мне-то ведь как землячке и богомольной женщине сподручнее будет, а вас и близко к пещере не подпустят. — И, помолчав, добавила: — Люди они нехорошие, озлобленные, на все могут пойти, как бы чего плохого не случилось.

Михаил Иванович понимал, что один он ничего не сделает. Нужны верные помощники именно из таких людей, как эта женщина. Оперативных работников в районе — раз-два и обчелся. Многие ушли на фронт, переехали в город. Внимание чекистов с началом войны было в основном сосредоточено на обеспечении безопасности важных объектов промышленности. Долгим был разговор с Клавдией Васильевной в этот вечер. Ей были даны необходимые советы, рекомендации. Определено время и место встреч с Михаилом Ивановичем. Вскоре вслед за Ивановым в район выехала и она.

Клавдия Васильевна рассказывала потом, как встретили ее местные монахини Матрена Савинова, Васса Моткова, Лукерья Елашова. Присматривались, приняи-

вались, изучали, но приглашать в тайную молельню не собирались.

Месяц шел за месяцем, день за днем. Клавдия Васильевна стала нервничать, переживать. Приходила усталой, разбитой. Как-то она поделилась одолевавшими сомнениями:

— А может, я не тот человек, не подхожу для этого дела?

Михаил Иванович успокаивал ее, подсказывал, что надо делать, с кем встретиться, как себя вести при этом. Только в начале ноября 1942 года ей удалось войти в доверие к братии Кузнецова.

Как-то поздно вечером, забежав навестить Матрену Савинову, она застала у нее бойкую женщину лет сорока, по имени Татьяна, с острым изучающим взглядом.

— На ловца и зверь бежит, — сказала Матрена. — Что же ты, раба божья Клавдия, живешь одиноко, как отрезанный ломоть, не пора ли примыкать к стаду Христову? — Потом обратилась к Татьяне: — Завтра приводи ее в нашу обитель помолиться, пусть посмотрит, разуму наберется.

— Вышли мы, — рассказывает Клавдия Васильевна, — к полудню. Был небольшой ноябрьский морозец. Земля кое-где прикрылась чистым снежком, местами проглядывались кочки. Шли долго, лесными оврагами, непролазной чащей, в направлении соседнего с Новым Буяном села Еремкино.

Ноябрьский день короток. Не заметили, как начало клониться к закату солнце. Татьяна шагала осторожно, оглядываясь и прислушиваясь к каждому шороху. Когда стали подходить к месту расположения «святой обители», начало темнеть.

Потом то тут, то там замаячили тени людей. Скорее всего это была охрана.

— Мой приход, — продолжает Клавдия Васильевна, — был, видимо, неожиданным и некоторых удивил, хотя многие и знали меня как односельчанку. Всмотривались настороженно, интересовались, как попала, с какими намерениями пришла. Однако было достаточно кивка головы Татьяны — мол, наша, проверена — и взгляды рабов божьих потеплели.

Вскоре откуда-то из-под земли, как привидение, появился человек. Бывший кулак Савинов и, как потом выяснилось, ближайший сподвижник «святейшего» Ивана

Кузнецова. Он подал знак рукой, и все вокруг, словно муравьи, с разных сторон потянулись к люку. Опережая, подталкивая друг друга, стали спускаться в подземелье.

Пещера оказалась довольно просторной. В двух ее комнатах, предназначенных для моления, могло вместиться до семидесяти человек. Заползавших в тайник братьев и сестер по вере встречал сам хозяин подземных владений Иван Кузнецов. Осеняя каждого крестным знаменем, он высовывал из подрясника руку и протягивал ее для поцелуя.

Часов в семь вечера «святой отец» облачился в парадное одеяние. Савинов отзвенел в колокольца, и началось богослужение, которое продолжалось до трех часов ночи. После четырехчасового перерыва служба возобновилась и так с перерывами продолжалась до 6 ноября. Четверо суток пещерная паства старательно клала земные поклоны, не выползая наверх.

«Служба как служба, — думала Клавдия Васильевна, — читают псалмы, молятся за всевышнего и его двенадцать апостолов, дымят кадильными лампадами». Но когда дело доходило до проповедей, все как-то преображалось. Спины молящихся распрямлялись, лица становились жестокими. Казалось, что вся эта богомольная братия, проповедовавшая любовь к ближнему, готова вот-вот ринуться в бой. Против кого?

— Против супостатов-коммунистов, — науськивал Кузнецов. — Наша страна, — пророчествовал он, — страдает потому, что в ней царствуют коммунисты-безбожники. От их безбожия стонут не только люди, но даже природа: деревья стали сохнуть, животные и птицы мрут. Терпению божьему пришел конец, — заключал наставник. — Пришло время, когда безбожие должно исчезнуть. Спереди Гитлер, сзади союзники наносят коммунистам смертельный удар. Америка и Англия заявили супостатам, что они откроют второй фронт только тогда, когда откроются закрытые, разграбленные и поруганные храмы.

В перерывах между злопыхательскими пророчествами ближайшие сподвижники Кузнецова — Иван Савинов, Василий Шарапов и вездесущие монахини — наперебой старались донести каждое слово духовного наставника до сознания людей. «Просвещали» не только «истинно православных», но и неверующих. Ходили по селам и проводили беседы антисоветского характера.

Странно толковали «истинно православные» евангельские заповеди «не убий» и «о добродетели». Если речь шла о немецко-фашистских полчищах, грабивших и убивавших ни в чем не повинных людей, в том числе детей и стариков, то это считалось вполне праведным делом. А вот служба в Красной Армии, защита своей Родины, своего народа с оружием в руках называлась сатанинским супостатством, неугодным господу богу делом.

Живя по таким «святым канонам», Кузнецов, Савинов и Шарапов не только сами отсиживались в подземной обители, уклоняясь от службы в Красной Армии, но и подстрекали к этому других богомольцев, прятали их в обжитых норах.

Они даже занимались фабрикацией фиктивных документов, дававших возможность уклониться от воинской службы. Верным помощником Кузнецова и Савинова в этом деле оказалась племянница Савинова Елена Ивановна Савинова, работавшая в то время медицинской сестрой в Куйбышеве. С ее легкой руки были состряпаны и выданы «истинным богомольцам» несколько десятков справок и заключений о слабом состоянии их здоровья. И все это в самое трудное время для нашей страны, когда каждый человек, в тылу или на фронте, был на счету, был крайне необходим для обеспечения победы над фашизмом.

Враждебная деятельность Кузнецова не ограничивалась территорией района. Он установил преступные связи со сторонниками «истинно православных христиан» в Куйбышеве, Уфе, Мелекессе, Кинеле и в других городах. К нему приезжали за советами и наставлениями по организации враждебной деятельности отщепенцы всех мастей.

Уже к концу ноября 1942 года чекисты установили, что враждебная деятельность Кузнецова и руководимой им группы имеет организационно направленный, резко выраженный антисоветский характер. Было принято решение об аресте Кузнецова и активных участников его группы.

21 ноября 1942 года поздно вечером Савинов в последний раз отзвонил в подземные колокола. «Святая» троица, перекрестив логово, выбралась на поверхность и, озираясь, двинулась гуськом на зимнюю квартиру в Новый Буян.

В эту же ночь дом Матрены Савиновой оцепили чекисты. В операции участвовали работники органов безопасности Михаил Иванович Иванов, Андрей Петрович Тимофеев, следователь Петр Моисеевич Тартаковский и оперативный наряд милиции.

В доме было тихо. Но чекисты знали, что эта тишина обманчива: шевельни осиное гнездо — и оно мгновенно зажужжит, закопошится. Чекисты разместились так, чтобы все выходы из дома и надворных построек хорошо просматривались. Предусмотрительность оказалась не напрасной. С первым стуком в дверь в доме заматались ночлежники. Одни кинулись в сарай, другие полезли в подвал. Кто попрытче — успел взобраться на чердак. Но куда денешься! Тут и всевышний не поможет.

— Сдаемся, — подняв руки, вылез первым из сарая пыльный и грязный Кузнецов. — Только смилуйтесь, не стреляйте.

За ним вылезли Савинов и Шарапов. А потом робко, словно тени, в своем черном одеянии предстали перед чекистами монахиня Матрена Савинова и «непорочные девы» Лукерья Елашова, Матрена Тычанова и Васса Моткова.

Рано утром вместе с арестованными и понятыми, как в таких случаях полагается, чекисты побывали и в Новобуянском лесу, в подземном убежище этой преступной шайки.

Петр Моисеевич Тартаковский, ныне пенсионер, вспоминая новобуянских пещерников, рассказывает:

— Когда мы подошли к месту расположения пещеры, ничего подозрительного не обнаружили. Лес как лес, земля прикрыта опавшими листьями и несколько запорошена снегом. А когда стали присматриваться внимательнее, то под полусгнившими пнями и валежником обнаружили замаскированные отдушины в землю. В стороне, прикрытая сухими листьями и ветками, металлическая решетка. Приподняли ее, показался лаз с лесенкой. Коридор, семь комнат. Стены, полы, потолок обшиты досками, хорошо покрашены.

Две комнаты были предназначены для моления, в других было жилье, хранилище продовольствия, воды и одежды.

При обыске в пещере было обнаружено большое количество икон, колоколов, крестов, лампад, свечей.

Восемьдесят церковных книг. Десять килограммов воска, множество вещей: одеяла, простыни, шапки, фуфайки, сапоги, носки, портянки и даже лапти. Заготовлены были чайники, топоры, корыта. Более сотни наименований предметов значилось в описи, произведенной чекистами.

«Праведники», как оказалось, постами себя не изнуряли, продуктов наготовили впрок. Два мешка сухарей, кадка капусты, двадцать пудов картофеля, пшено, мука, масло, церковное вино. Было и кое-что покрепче: полтора литра водки, двадцать два литра денатурированного спирта.

По делу Кузнецова было арестовано и привлечено к уголовной ответственности восемь человек. Кузнецову тогда было сорок шесть лет. Самый расцвет сил. Жить бы да трудиться, а он избрал другой путь. Не было ему еще и тридцати, как принял монашество. В 1930 году за антисоветскую агитацию и подстрекательство крестьян к выступлению против политики партии и правительства в области коллективизации Кузнецов был арестован, но потом освобожден под обязательство, что впредь подобное не повторит. Однако этому акту гуманности Кузнецов не внял и, перейдя на нелегальное положение, в 1932 году приступил к строительству подземного убежища.

Верный слуга и помощник Кузнецова — Савинов Иван Прокопьевич, 55 лет, жил в селе Новый Буян. В 1930 году был раскулачен и переехал в Куйбышев. Сначала промышлял на тройке вороных, работал сторожем, а затем решил пойти в услужение к Кузнецову.

Третьим сообщником «святого отца» был Василий Федорович Шарапов, 45 лет, так же, как и Савинов, в 1930 году бежавший из родного села в город в поисках легкой жизни. В 1940 году вернулся в Новый Буян и переселился в подземелье, на даровой хлеб богомольцев.

Другие арестованные — М. И. Тычанова, М. П. Савинова, В. Ф. Моткова, Л. А. Елашова и Е. И. Савинова — были из зажиточных семей, с ранних лет посвятили себя служению господу богу.

Из их показаний было видно, что ненависть к Советской власти внедрялась в их головы духовными наставниками годами и делалось все это под невинным,

на первый взгляд, предлогом: защиты от поругания веры господней. У сектантов были и другие причины ненавидеть Советскую власть. Савинов, скажем, поносил руководителей партии и Советского правительства за то, что его в 1930 году раскулачили и забрали все имущество. Естественно, он с превеликой радостью ждал, когда Советская власть погибнет, надеясь восстановить свое хозяйство и былую власть. Вот что воодушевляло затаившихся врагов.

Но сколько веревочке ни виться, а конец приходит. Замышляемое преступление против безопасности нашего государства было вовремя пресечено. В этом немалая заслуга чекистов Куйбышевского управления НКВД М. И. Иванова, А. П. Тимофеева, П. М. Тартаковского, Клавдии Васильевны и других товарищей, помогавших чекистам.

Суровое было тогда время, и законы были суровыми. Война шла не на жизнь, а на смерть. И все же сказался гуманный характер Советского правительства. Хотя Кузнецов за совершенное преступление подлежал самому строгому наказанию, вплоть до применения высшей меры, ему был определен срок в десять лет лишения свободы. На такой же срок были осуждены Савинов и Шарапов. Остальные участники дела приговорены к пяти годам лишения свободы каждый.

На этом, казалось бы, и должна закончиться история преступной шайки сектантов, скрывавшихся под личиной богослужителей. Но она вновь напомнила о себе через много лет, в 1961 году.

Давно отгремело эхо второй мировой войны, восстановлены и отстроены города, заводы, фабрики. Давно заросло бурьяном и то место в Новобуянском лесу, где когда-то была пещера. Не много осталось в живых и тех, кто когда-то посещал тайную обитель. Но одного из них, долго скрывавшегося от правосудия, судьба наконец снова свела с чекистами.

Иван Терентьевич Цепков в 1942 году был нередким гостем в «святой обители» Кузнецова, разделял его взгляды, слал проклятия безбожникам-коммунистам и усердно молил всевышнего покарать Советы. Так же, как Кузнецов, когда началась война, он улизнул от мобилизации в Красную Армию, начал бегать, петлять, заматавая следы. Сумел улизнуть Цепков и от возмездия, когда Кузнецов и его сообщники держали ответ перед

законом за содеянное. «Раб божий» Иван Цепков пробегал ни много ни мало двадцать лет. Для истории это, конечно, срок небольшой, но для жизни одного человека не многовато ли? Где только он не бывал! Из Новобуянских лесов шарахнулся в Бугульму, затем переселился в Кинель, сделал заход в Ульяновскую область, в село Черемшан, потом подался на север, на станцию Инта. Да разве можно перечесть исхоженные им дороги за эти два десятка лет... Прятался Цепков на сеновалах, в сараях, банях. Оброс, запаршивел. Но связей с «истинными» не терял: ведь надо есть, пить, одеваться.

Народ наш не злопамятен. Родина давно простила тех, кто по каким-то причинам уклонился от мобилизации в Красную Армию, стал дезертиром. Им была предоставлена возможность исправить ошибки честным трудом и безупречным поведением. Но всего этого Цепков не знал да и знать не мог. От людей он шарахался как черт от ладана. Газеты читать и слушать радио нельзя, ведь он «истинно православный».

Все его знакомые уже считали, что Иван Терентьевич отбыл в мир иной. Даже супруга Агафья Дмитриевна записала его имя в поминанье и часто молилась за усопшего. Но у чекистов Иван Терентьевич числился в списках разыскиваемых беглецов.

След его то появлялся, то снова терялся. Стало известно, что с возвращением Кузнецова из заключения Цепков навещал его в городе Бугульме, держал совет, как собрать затерявшихся после ареста «истинно православных», возродить секту. Но вдруг будто черная кошка пробежала между духовными братьями. Иван Терентьевич попал в немилость к Кузнецову, и тот предал его анафеме, отлучил от «истинно православных», от самого всевышнего.

Весной 1959 года Кузнецов даже распространил среди паствы письмо, в котором говорилось: «По продолжительном мною исследовании-испытании гордого фарисея-книжника Ивана Терентьевича пришел к следующему заключению: законник Иван Терентьевич болен — болен страшным неизлечимым духовным недугом, одержим — одержим адской болезнью, гордынею, гордостью-злобою и прелестью сатанинской...

...Прошу я вас всех и умоляю горькими многими

слезами: не слушайте, не слушайте и не слушайте смертоносного вредного учения, но прочь-прочь бегите от него, не общайтесь с ним и не молитесь вместе с таковым...»

Итак, Иван Цепков, несмотря на долгое и безупречное служение «истинно православным», ради которых он положил на алтарь господний лучшие годы своей жизни, был проклят. Но он не хотел сдаваться, не испробовав все средства для достижения цели. Разыскивал недовольных Кузнецовым членов секты, группировал их вокруг себя, готовясь по всем правилам междоусобной стратегии и тактики к борьбе за пастырскую власть.

Весной 1961 года в управление комитета госбезопасности по Куйбышевской области сообщили, что на огородах возле железнодорожного моста через реку Самару стал появляться подозрительный старичок. Старик как старик, вскапывает землю, сажает овощи. Но уж больно неестественно ведет себя этот старичок. Прячет лицо от прохожих, избегает разговоров, старается уйти, когда на соседних участках появляются люди. По описанию примет чекисты пришли к заключению, что это не кто иной, как Цепков.

В один из солнечных весенних дней 1961 года автор этих строк пришел в совхоз «Волгарь». Чтобы не вызывать любопытных взглядов, пришлось прихватить с собой лопату, старенькое ведро, надеть потрепанный малахай и кирзовые сапоги.

Пошел мимо копошившегося на огородном участке старичка. На приветствие и пожелание успеха в труде тот что-то буркнул в ответ, но головы не повернул. Смотрел только вниз, и, казалось, все внимание старика было приковано к лопате.

Мы располагали фотографией Цепкова. Правда, она была старенькая, пожелтевшая и потертая. На ней Цепков был молодым, безусым и безбородым парнем. Что осталось от того, прежнего облика Цепкова! Пожалуй, лишь глаза, нос да еще фамилия.

Вскапывая землю, я поглядывал украдкой в сторону Цепкова. Он или не он? Может быть, подойти, представиться? А вдруг ошибка? Зря человеку нанесешь травму, незаслуженно обидишь.

Я избрал самый безобидный и банальный вариант. Подошел к соседу и попросил прикурить. А когда

Цепков разогнулся, поднял голову, я вдруг выразил удивление и радостно воскликнул:

— Ба-а, да никак Иван Терентьевич? Здравствуйте! Сколько лет, сколько зим!

Старичок вздрогнул, лопата выпала из рук. На какой-то миг им овладело оцепенение. Опомившись, шарахнулся в сторону. Потом остановился, затравленно посмотрел по сторонам: куда побежишь-то, кругом поле, догонят.

Подняв руки, хотя ему никто такой команды не подавал, Цепков проговорил:

— Как ты появился, душа моя сразу почувствовала, что не иначе как сатана за мной пришел. Ну что же, арестовывайте, сажайте, стреляйте! Бог вам этого не простит!

Старик весь ссутулился и в изнеможении опустился на землю.

Долгим был разговор с Цепковым. Выяснилось, что родился он в глубоко религиозной семье в селе Баринновка Утевского района. В детстве много читал книг священного писания. Жил по евангельским заповедям, а они были плохими советчиками. Когда возникли раздоры и неполадки в среде церковников, Цепков днями и ночами штудировал Библию. Пытался разобраться, ко же прав, к какому берегу причалить. Да так по-настоящему и не разобрался.

Заметив, что в священных книгах часто повторяются слова Иисуса Христа «истинно говорю вам», и узнав о существовании секты «истинно православных христиан», Цепков посчитал их подлинными защитниками веры и остался с ними.

Бросил дом, бежал с земли, где трудились его дед, отец и он сам. Хотел поступить на завод, учиться на курсах, приобрести специальность — опять «истинные» помешали. «Школа коммунистов — порождение сатаны. Заводы, машины, индустриализация страны — все тоже не угодно господу богу». Оставалось дозволенное: быть кучером, сторожем, набивать в будке набойки на сапоги. Началась война, надо было с оружием в руках защищать Родину. Но, получив повестку из военкомата, Цепков порвал ее вместе с военным билетом, паспортом и пустился в бег.

Рассказал Цепков и о том, как поссорился с Кузнецовым. Правда, сначала долго краснел, ерзал на стуле,

смотрел в пол, но все же раскрылся. Еще в 1941 году при посещении «святой обители» в Новом Буяне Кузнецов спойл его денатуратом и стал подозрительно к нему ласкаться...

О многом еще поведал в тот день Цепков. Странно было смотреть на этого человека, потерянного, жалкого, вконец искалеченного религией.

— Идите, — сказали мы Цепкову, — а через пару дней зайдите, побеседуем еще. Только предварительно позвоните, чтобы пропуск выписали.

— А куда идти?

— Домой!

Старик не поверил. Решил, что шутят над ним. Когда же сомнение прошло, весь как-то ожил. Перекрестив себя, нас и все углы комнаты, кинулся было к двери. Затем вдруг остановился и переспросил:

— Вы сказали позвонить, а во что?

— По телефону, не в колокол же...

Оказалось, что Иван, «божий человек», даже не подозревал о существовании телефона, и нам немало потребовалось времени, чтобы научить его пользоваться аппаратом.

Ему выдали паспорт, прописали в Куйбышеве, восстановив законное гражданство. Но возникли другие затруднения. Когда Цепкова вызволили из подполья, ему уже было 66 лет. Возраст пенсионный, а трудового стажа нет. Работать стар. Выходит, надо на прокорм определяться к супруге Агафье Дмитриевне. А ей самой уже 65 лет.

Привлекать Цепкова к уголовной ответственности за содеянное им перед государством преступление не имело смысла. И не только потому, что учитывались давность совершенного преступления и отсутствие социальной опасности Цепкова. Было принято во внимание и то, что Цепков, ослепленный религиозным фанатизмом, сам себя страшно покарал, украл у себя лучшие годы жизни.

Так закончилась эта полная драматизма история «святой обители» под замлей и жалкой кучки людей, обманутых и запуганных врагами народа, предавших в трудную минуту Отечество и все самое святое, что дает человеку право называться человеком.

ПОКОЙ ИМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

В. МОЛЬКО

СВОЕЙ СУДЬБЫ СТРОИТЕЛЬ

В рассказе о полковнике госбезопасности Николае Яковлевиче Евдокимове читатель не найдет многосложных дел и криминальных историй из профессиональной практики чекиста. Куда более интересной показалась мне сама личность и жизнь этого человека. Внешне как будто неяркая, лишенная острых, захватывающих поворотов и осложнений, она привлекла своим внутренним драматизмом преодоления трудностей и завидной целеустремленностью.

1

Николай Яковлевич родился в 1926 году в деревне Знаменская Орловской области. И так уж получилось, что с самыми первыми учителями-наставниками ему повезло несказанно. Отец, мать и дедушка с бабушкой по отцовской линии еще до школы научили Николая

устойчиво держаться единственно верного и надежного в жизни курса — неустанного труда и честности.

Отец Николая Яковлевича был человеком трудолюбивым и мастеровитым. Молчаливый, не улыбка и бережливый, ловко владевший топором и рубанком, понимавший толк в садоводстве и, конечно, прирожденный землепашец, он молча осуждал лодырей и пьяниц, никогда не задевал, не обижал людей работающих и всегда приходил на помощь нуждавшимся в ней.

Мать — из беднейшей батрацкой семьи (седьмая дочь!), даже на свадьбе не имела нового платья. Довольно грамотная в деревне по тем временам, воинствующая безбожница, труженица, как муж. Честная: «Чужого и грамма не возьми!». Гордая: «Подачек нам не надо!». И еще — боевая, смелая, отчаянная: во время оккупации не задумываясьхватила немецкого солдата по морде, когда тот взял последнего куренка. Чудом спаслась.

Дед тоже был мастером на все руки: плотник, пчеловод, землепашец, трудившийся от зари до зари. В страдную пору задорно приказывал внуку: «Давай работать!». Но в отличие от сына весельчак, остро слов — душа деревенского общества. В свободный или праздничный час выходил на крыльцо и требовательно зазывал односельчан: «Давай ко мне!». А уж разделить радость по поводу рождения первого внука Коленьки пригласил едва ли не всю деревню. Честный, как и все Евдокимовы, справедливый и совестливый, он остро и бурно переживал даже самые малые нелады колхозной нови и был истово предан артельному труду на земле до конца дней своих. Потому и прозвали его «Колхозный дед». Поэтому и хоронили с возможными почестями и искренней печалью и несли на руках до самого кладбища.

Бабушка — бдительная и справедливая хранительница семейного очага, настоящий, как бы теперь сказали, лидер большой семьи. Мудрая, рачительная хозяйка, она пристально всматривалась в жизнь, видела глубоко и далеко. Прекрасная рассказчица, она к тому же была щедро наделена чувством юмора. Между прочим, когда деда тянуло к рюмке, в шутку говорила ему: «Дурак ты старый! Власть-то надо было еще в пятом году брать, когда монополки громили. Вот и запас бы ты себе водки на всю жизнь!». А внуку постоянно внушала: «Коля, не

обижай людей!». Видя и радуясь тому, что он растет смирным и даже застенчивым, она была твердо убеждена, что ничего решительного и смелого в жизни ему не суждено совершить. Потому-то так изумлялась, когда он приезжал из десантной армии на короткие побывки: «Не пойму, как ты можешь людьми командовать? Ведь смирный, а начальник да еще с парашютом прыгаешь!».

Подрастая, входя в жизнь, Николай Евдокимов получал бесценные и наглядные уроки доброты, трудолюбия и душевной щедрости. То были уроки на всю жизнь. Его воспитывали и семейные чтения, и задушевные песни. И, конечно, усидчивость в школе и дома за учебниками и каждодневный посильный ребячий труд по дому, во дворе и в поле. И еще, на удивление старших, стойко, по-взрослому перенесенный страшный голод тридцать третьего года.

Отметим и такой факт: первенец и любимый внук до пятого класса ходил в лаптях. (Отец: «Рано еще тратить деньги на ботинки».) А когда решено было купить первые в жизни ботинки и костюм, пришлось зарезать свинью. Одежду постоянно носил самую что ни на есть скромную, только необходимую. Вероятно, можно было и чуть получше одеваться, хотя и жили бедновато, но не было в семье к тому стремления. И много лет спустя, уже получая приличную зарплату и, казалось, имея возможность купить лишний костюм, Николай Яковлевич никогда не делал этого. Даже несмотря на нескрываемое удивление и дружеские намеки сослуживцев, что, мол, не мешало бы улучшить внешний вид приличными костюмами, рубашками и галстуками, он не придавал этому никакого значения.

— Он никогда не старался лепить себя внешне, как это ревностно делают другие, а постоянно созидал себя внутренне, — сказал как-то один его товарищ, небезучастный свидетель прямо-таки стремительного движения Евдокимова по партийной линии.

Как же, какими путями-дорогами пришел любознательный и трудолюбивый деревенский мальчишка к этой своей главной жизненной линии, до конца открывшей его призвание и талант?

Николай Евдокимов очень рано пристрастился к книгам и газетам. С шестого класса он регулярно начал читать «Правду». В школе он выделялся не просто верными, но эмоционально окрашенными ответами по

устным, особенно по любимым своим предметам — истории и географии. Очевидно, потому ему и поручили приветствовать колхозников от имени пионеров в день первых выборов в Верховный Совет СССР. И это его самое первое публичное выступление в 1937 году (сколько их будет потом, не сосчитать) оказалось настолько удачным, что за Николаем надолго закрепили уважительное — «оратор».

Мать очень гордилась успехом сына и до самой смерти, когда уже партийная, пропагандистская работа стала его профессией, с волнением вспоминала то первое его выступление. И юному оратору оно навсегда врезалось в память. И осознанием важности и торжественности момента, и огромным волнением, и радостью, что тебя так уважительно и внимательно слушают взрослые, и, наконец, праздничным подарком — кулечком простеньких конфет-подушечек. Отец тоже радовался за сына, но делал это, как всегда, про себя, молчаливо. А вслух серьезно отрубил: «Не к слову, а к делу приучайся, сынок!».

И он приучался, да и жизнь приучала. Первые полноценные трудовые дни начал зарабатывать, закончив шестой класс: распевая песни, возил бочку с водой на полевые станы...

С 1939 года наступила для семьи особенно тяжелая полоса. Отец, раненный и обмороженный на финской войне, уже не мог работать в полную силу. До новин хлеба часто не хватало. А в Борском районе Куйбышевской области, в поселке Коммуна, где жила сестра отца, добрейшей души человек, с мужем, бывшим матросом линкора «Марат», хлеба было вдоволь. И вот, после разведки, в которую съездил дед, пришло решение отправить Николая к тете и дяде.

Сказочным видением мелькнула декабрьская Москва 1940 года, где даже в метро, заходясь от страха и восторга, удалось прокатиться. И вот уже новые испытания: семилетка была в селе Заплавном, далеко от дома, и Николая определили там на квартиру.

— Глянул в окно, — вспоминает Николай Яковлевич, — когда тетя уезжала, хоть волком вой. Хотел сорваться и следом за ней, догнать! Пересилил себя, сжался в кулак, подумал: обо мне такая забота... Дома, в Знаменской, холщовая сумка, а тут настоящий портфель, там крупа да картошка, а тут мясо да хлеба вкуснейше-

го сколько хочешь! Впрочем, долго переживать было некогда: в новой школе и требования были повыше, и книг в библиотеке побольше.

2

Рассказывая о предвоенном времени, Николай Яковлевич заметно волнуется и, едва сдерживая нахлынувшие чувства, живо, в лицах, с характерными интонациями рисует тех, с кем тогда свела судьба. Особенно сильное впечатление произвел на него дядя, и на «колхозной суше» ни на минуту не забывавший свое балтийское прошлое. Грамотный, общительный, физически сильный и темперамента неукротимого, выпив, он кричал: «Деньги — голуби, прилетят и улетят! Морякам все нипочем!».

С вервым же известием о нападении фашистской Германии он начал проситься на фронт и сразу организовал в селе ополчение, к строевым занятиям которого допускал и племянника с деревянной винтовкой. Командуя, сам же лихо пел:

Эй, комроты,
Даешь пулеметы!
Даешь батарей,
Чтоб было веселей!

Вскоре добился своего — отправился на фронт, да еще в морскую пехоту. Воевал храбро, отчаянно и погиб в 1944 году в Норвегии. Вместе с орденом Отечественной войны пришло жене и краткое описание последних минут героя моряка: «Ножом зарезал семь немцев и был заколот раненый». Но об этом Николай узнал, когда уже сам хлебнул фронтового лиха.

Обаятельная личность дяди, спокойная уверенность тети и всех сельчан при известии о войне укрепили тогда Николая в решении продолжать учебу только после победы над врагом. Очень скорой, как тогда казалось. А пока не поدرس для армии и фронта — за работу. Трудился по-мужски, без скидки на юный возраст, заменяя тех, кто ушел и уходил защищать Родину, — дядю, отца, других.

И пошла череда трудных рабочих дней. Косовица на лобогрейке на редкость урожайных хлебов в ту первую военную жатву — работа такая, что не только «лоб грела», а выматывала до седьмого пота, до изнеможе-

ния. Вспашка зяби с рассвета и до полуночи, когда даже погонщики не выдерживали. Тяжелейшие рейсы с хлебом в Борское, в январскую метель и стужу, когда быки, пройдя всю ночь, то вставали, обессилев, то сбились с пути. Весенняя пахота 1942 года и памятный день, когда, оказавшись главным уже на сеялке, выполнил свою норму раньше всех. Была и вовсе надрывная работа в Соболевском лесничестве на заготовке ценной древесины для авиации, к тому же осложнившаяся жесточайшей простудой. Был еще и многодневный, многотрудный конный переход в Куйбышев, где до весны предстояло возить из-за Волги дрова для так нуждающегося в них города. И была по возвращении, весной, опасная переправа через реку Самару, когда только добрая и сильная лошадка Малек спасла от гибели, отчаянными рывками вынеся сани из проваливавшегося льда.

Окружающие с одобрением замечали быстрое мужание юноши, не только не сомневавшегося в том, что «враг будет разбит, победа будет за нами», но воодушевлявшего своим делом, своей верой и оптимизмом тех, кто трудился рядом.

С первых дней войны вначале даже никем и не назначенный Николай Евдокимов становится политинформатором и пропагандистом, естественно, не пропуская ни одного номера своей любимой «Правды» и районной газеты. Причем его знания военно-политической обстановки были столь основательны, что даже парторг колхоза, вконец замотанный полевыми работами и людскими горестями и печальми, иногда спрашивал: «Какие там вести и события, Николай?». А женщины-колхозницы и подавно то и дело требовали: «Коля, рассказывай, что там на войне? Скоро ли конец?».

А событий и вестей было много разных: то грозных, трагических, полных невосполнимых утрат и большой крови, то необычайно волнующих.

И все они, переживаемые народно, были неразрывно слиты с тем, что касалось лично Николая Евдокимова, проходили через его сердце. В августе 1941 года он вступает в комсомол и в октябре вместе с секретарем колхозной организации едет на районную конференцию, где его в числе других премируют отрезом на костюм за ударный труд. Потом был всеобуч и были другие премии за отличную работу. Это особенно радо-

вало отца-сапера, приехавшего на поправку после ранения под Ленинградом и блокадного недоедания. Отец едва узнал сына — так он вырос и возмужал за три года разлуки. А вскоре наступила и вечная разлука: подлечившись и пройдя перекомиссию, отец Николая вновь уходит на фронт и попадает в район кровопролитной Курской дуги... Его прощальные слова звучали для сына приказом: «Ну, сынок, в случае чего не бросай мать, помогай ей!».

О матери и сестрах, находившихся по ту сторону фронта, никаких известий не было. Это и надрывало сердце, и испытывало на прочность. Так лихая година ускорила и без того раннюю зрелость Николая Евдокимова. И спустя годы (особенно в минуты трудные) Николай Яковлевич не раз мысленно возвращался в то время, когда горела и крепла его юная душа. И хотя он редко рассказывает о своем трудовом колхозном фронте, пронизанном горечью чужих похоронок и острой болью личных потерь, тот фронт всегда живет в его сознании светло и неугасимо. Даже служба в армии и фронт, уже настоящий, смертоубийственный, куда он успел, когда война начала уже откатываться с родной земли, не затмили тот, по признанию самого Николая Яковлевича, наиболее значимый период его жизни. Он закончился призывом в армию, на который Николай Евдокимов откликнулся с давно выношенной готовностью. Во всяком случае, когда октябрьской ночью 1943 года новобранцы ждали поезд на Куйбышев на маленьком борском вокзале, Николай Евдокимов не выглядел оробевшим или приунывшим.

3

Ох и трудно, тяжело складывалась и давалась военная служба, особенно на первых порах! Не говоря уже о суровых, а то и вынужденно жестоких условиях военного времени, было и обидное до слез невезение, подчас неожиданно и непреодолимо возникавшее на пути. С невезений и началось. Еще до принятия присяги Николай направили в Иркутскую школу младших авиаспециалистов. А там медицинская комиссия его забраковала, обнаружив остаточные явления плеврита. (Между прочим, несколько месяцев спустя то ли от этих явлений не осталось и следа, то ли их просто не обнаружили,

Начальник УНГБ генерал-майор В.С.Гүзин вручает наказ моло-
дому сотруднику. Май 1982 г.

но уже другая комиссия дала Николаю Евдокимову добро аж в десантные войска!) А пока — очередное невезение: по дороге из Иркутска в Куйбышев украли деньги и документы. Еле добрался — на одной селедке, без сухарей. Зачислили на курсы радиотелеграфистов, и все вроде пошло хорошо: строевая, огневая, тактические занятия и работа на ключе. Безотказный, исполнительный, Николай Евдокимов учился и готовился к фронту основательно, как к серьезной и ответственной работе. Но тут вдруг морозище лютый, а портянки за ночь не высушивались, негде было их сушить в землянках-казармах. Обморозил ногу. Перетерпел, не сказал. (Нога эта и до сих пор иногда побаливает). Только направили в учебную роту сержантов — заболел. Да так сильно, что отправили в госпиталь.

— В учебную роту, — вспоминает Николай Яковлевич, — вернулся худущий, длинный, страшно смотреть.

Узнал, из деревни девчата приехали, не пошел, застеснялся. Проезжаю иногда на машине мимо того места, где наши землянки-казармы стояли, даже не верится, что все это тут происходило со мной — семнадцатилетним. Ничего, перетерпел, преодолел, как и многие... Младшим сержантом прибыл под Оршу, в 99-ю гвардейскую, Свирскую ордена Кутузова II степени воздушно-десантную дивизию. Так начались мои фронтовые, боевые будни, которые закончились 9 мая 1945 года таким праздником, такой невообразимой радостью, что и рассказать невозможно!.. Впервые в жизни танцевал да еще с девушкой-чешкой, выкамаривал и выкаблучивал что-то сверхъестественное... Нет, словами не передать, что тогда с нами творилось, какое это было торжество победы, мира и жизни!.. После такой крови, таких потерь и всего пережитого...

Перетерпел, преодолел, пережил... Эти тяжкие глаголы с детства сопровождали Николая Яковлевича Евдокимова, будто навсегда сроднились с ним. А на войне их значение, их смысл обострились до той последней крайности, когда еще мгновение — и можно было и не пережить. И в момент самого первого прыжка с парашютом. И во время дневных и ночных поисков обрывов проводов телефонной связи, грозивших даже худшим, чем смерть, — пленом. И в уличных боях, где смертельная опасность за каждым незнакомым углом, домом, окном. И в тот вечерний час, когда, доверившись карте и ориентирам, въехали в деревню, где оказались немцы, встретившие огнем трассирующих пуль. Да мало ли было таких критических минут и мгновений, пока дошел до нашей границы и двинулся дальше с ожесточенными боями, оборонами, окружениями и штурмами: по Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии.

— Нет, о смерти как-то не думалось, — твердо произносит Николай Яковлевич. — Мы молодые, отчаянные, бесшабашные были...

В армии, на фронте и особенно после окончания войны Николай Яковлевич продолжал приобщение к партийной работе. В 1947 году, будучи старшиной и комсоргом школы младшего состава связи, он избирается делегатом на окружную партийную конференцию. (Евдокимов: «В перерыве купил книг, еле довез».) В этом же году становится кандидатом, в следу-

ющем — членом партии, а вскоре — и секретарем партбюро школы.

Каптерка старшины постепенно превращается в филиал библиотеки, в которой были и учебники для подготовки в восьмой класс. А служба и партийная работа забирают все время, с утра до вечера. Трудно, но хорошо на душе! Потому что солдаты и сержанты называют его тепло и уважительно — «наш старшина». Потому что командование высоко ценит его труд и армейская газета пишет о нем: «Старшина Евдокимов постоянно воспитывает у подчиненных чувство войскового товарищества и дружбы, внушает им твердую веру в силу этой дружбы. Подчиненные любят и уважают его за простоту и вежливость, за требовательность к себе и во всем следуют его примеру. Коммунист Евдокимов большое внимание уделяет политическому воспитанию воинов. Его беседы солдаты и сержанты слушают с увлечением и интересом. О безупречной и добросовестной службе старшины Евдокимова убедительно говорят 23 благодарности и именные часы...»

Но самой большой наградой был отпуск к матери. Как ехал тогда, в 1948 году, с Дальнего Востока, как добирался до родной Орловщины, об этом можно целую приключенческую повесть написать. Последние двадцать пять километров шел пешком по непролазной грязи. А увидел свой дом и ахнул: состарился, прохудился под ветрами войны, пожух. У матери топить нечем, и кругом нищета ужасающая. Во всей деревне всего две лошади, пахать готовятся на себе. Выложил солдатский гостинец матери, сестрам, а больше чем помочь? Через трое суток простился:

— Не плачь, мама, как демобилизуют, приеду, помогу!

Через год снова награда — отпуск за первое место школы в боевой и политической подготовке. Теперь деньги, скопленные за прыжки им, инструктором парашютной подготовки, уже не на книги, а матери на корову пошли. С собой вещи, одежду привез. Помог по хозяйству, прочитал в школе лекцию о международном положении — и обратно...

И вот в октябре 1950 года последняя награда в добавление к боевым, фронтовым — волнующие проводы из армии на вокзале, куда вся школа, нарушая распорядок дня, явилась строевым шагом. С громовыми криками:

— Нашему старшине, ура!

С ответом, который Николай Евдокимов произнес, едва справившись с комком в горле:

— Служите отлично, старшина вас не подведет!

До самого отправления поезда начальник школы и другие офицеры продолжали отговаривать Евдокимова:

— Напрасно уезжаешь!

— Надумаешь, возвращайся сразу, по службе пойдешь быстро!

— Давай по политической части или в школу контрразведки!

— Что, коров решил пасти?

Отвечал:

— Куда мне дальше в армии со своей семилеткой? Поеду строить Куйбышевскую ГЭС. Буду заканчивать десятилетку, а там посмотрю, что и как...

Кто-то сказал:

— Быть тебе секретарем райкома!

Тогда в это всерьез не верили, но говорили, видно, неспроста...

— Ура старшине, ура! — неслоь вслед медленно набравшему ход поезду.

Все, уехал!.. Разве тут сдержишь слезу?.. Долго еще стоял Николай Евдокимов в тамбуре, не закрывая двери, прощально махая рукой. С неумным волнением и чувством сыновней благодарности расставался он с армией. С собой увозил добрую память о многих товарищах-друзьях, отличные характеристики, грамоты, благодарности, именные часы, два мешка книг, положенный солдатский паек и скарб...

4

Еще до демобилизации Николай Евдокимов договорился с матерью и сестрами: они продают дом, он помогает им перебраться в Борский район, к тетке, в колхоз имени Клары Цеткин, а сам устраивается на строительство ГЭС или в Куйбышеве и поступает в вечернюю школу. Но и тут вдруг возникли очередные препятствия. Николай встал на партийный и военный учет, и начались нервотрепные паспортные хлопоты с многократными путешествиями за семнадцать километров в Борское районное отделение милиции. Раз «деревенский» — паспорта тебе не положено! Не дают и все — был тогда

такой порядок. А без паспорта разве можно в город ехать!..

И хотя расстраивался, огорчался очень, а порой даже в легкую панику впадал, без дела не сидел. Одновременно с покупкой и устройством дома, самостоятельной подготовкой для поступления в восьмой класс организовал в колхозе кружок по изучению истории партии. Да так увлекся и увлек слушателей, что этот его кружок уже вскоре превратился в едва ли не самый отрядный огонек общественной жизни тогда еще не повеселевшей, еще не окрепшей послевоенной деревни. Устроившись завхозом школы, Николай Евдокимов, пересилив неловкость и смущение, садится за парту восьмого класса, ученики которого были моложе его чуть ли не на десять лет. А к концу весны выдали ему наконец паспорт, открыв дорогу в город.

Словно на крыльях прилетел он в июле 1951 года в Куйбышев, да тут же пришлось их в замешательстве и растерянности опустить: на некоторых заводах, где были общежития и, по слухам, платили больше ученикам токарей и слесарей, хотя документы и брали, но принимать не торопились, говорили: «Ждите!». А ждать-то и негде, да и жить не на что было! О том, чтобы снять угол, и речи не могло быть — денег таких не имелось. Поночевал с неделю в крошечной комнатухе на Хлебной площади у знакомой старухи, почувствовал — стесняет. Поблагодарил, сказал, что получил общежитие, а сам начал устраиваться по ночам на «плацкартные места» — на лавках в зале ожидания железнодорожного вокзала или в скверах на площади Куйбышева. Между прочим, благодаря давней привычке писать на книгах время и место покупки сохранилась точная дата одной такой ночевки: «Книга приобретена на вокзале за 10 руб. Куйбышев, 22 августа 1951 г.»

Что же делать, когда в кармане последние десять рублей и над головой нет крыши? Вернуться в деревню? Махнуть на все рукой? Почти потеряв надежду, Николай Евдокимов продолжал искать место и нашел-таки! На толерубероидном заводе, куда уже было согласился поступить и без общежития, какая-то добрая и, видно, проникательная душа посоветовала пойти на 9-й подшипниковый завод. Там, оказывается, хотя и слабенько, но все-таки светилась перспектива на общежитие и, главное, вечерняя школа рядом.

Крепкая и благодарная память Николая Яковлевича Евдокимова навсегда закрепила тот вечерний час и, конечно, имя, отчество, фамилию и весь облик настоящего ангела-спасителя, кадровика. Он позвонил кому-то:

— У меня тут солдат, парень здоровый, готовый кузнец.

И сразу же оформил в помощники штамповщика на большие ковочные машины. А жить пока в красном уголке цеха. Николай возликовал: «Ну, наша взяла! Ура кадровику, спасибо ему огромное!..»

Зная жизнь Николая Евдокимова до этого дня, его упорный характер, цельность натуры, душевный склад и очевидное признание пропагандиста-агитатора, нетрудно представить, как он работал в грохочущем жарком цехе «в срок и без разгиба». Как учился и держал порядок в своем классе в вечерней школе. (Учительница немецкого: «Геноссе Евдокимов, к доске!..»). И он, строевым, в огромных кирзовых сапогах, гремя медалями, шел отвечать — четко, по-солдатски). Как, давно осознав губительность бездушной, пустой схоластики и декларативности в живом деле человековедения и жизнестроительства, выполнял первые партийные поручения — политинформатора, партгруппорга, заместителя и секретаря партбюро цеха. Как был секретарем партбюро, а потом, заканчивая десятый класс, членом парткома завода. С января 1954 года Николай Яковлевич становится уже освобожденным заместителем секретаря парткома завода. Вскоре окончательно определяется его партийная линия вместо намечавшейся производственной. В 1957 году Евдокимова избирают секретарем райкома партии (вот и пришло время обернуться былью пожеланию, высказанному во время проводов из армии), а в 1962 году его утверждают заведующим отделом пропаганды и агитации горкома КПСС.

Слушая самых разных людей, близко соприкасавшихся с Николаем Яковлевичем в те годы, эмоционально воспринимая их единодушные оценки, высказанные к тому же с живой, сердечной готовностью, без затруднительного поиска добрых и даже восторженных слов, без осторожного взвешивания эпитетов и определений, я невольно подумал: не напрасно ли Евдокимов оставил партийную работу. Но нет, вновь и вновь размышляя о

его жизни с ее удивительно целенаправленным движением без отклонений и остановок, перечитывая многочисленные записи рассказов и воспоминаний о нем его товарищей, я находил множество подтверждений неслучайности прихода Евдокимова в то подразделение органов госбезопасности, которое призвано вести борьбу с идеологическими диверсиями наших врагов, развернувших в последние десятилетия невиданную по своим масштабам и изощренности психологическую войну против идеалов социализма и коммунизма. Произошло это в 1967 году...

5

Николай Яковлевич Евдокимов естественно и органично вошел в чекистский коллектив еще и потому, что совершенно не стеснялся учиться у своих подчиненных — рядовых, опытных сотрудников руководимого им подразделения. Не говоря уже о старших офицерах-чекистах, за плечами которых были десятилетия службы. А самым непосредственным учителем Евдокимова на первых порах стал его заместитель Владимир Иванович Тихонов — тоже боевой фронтовик и тоже десантник, призванный в органы госбезопасности еще в год окончания войны.

Как и товарищи Николая Яковлевича по партийной работе, рассказывая о быстром становлении чекиста Евдокимова, полковник Тихонов тоже не скупился на добрые, искренние слова и яркие подробности:

— Не стану говорить, как он полностью отдался новой, неизвестной для него деятельности, как погрузился в изучение специальной литературы, всевозможных материалов, документов и следственных дел: постоянно углублять и совершенствовать свои знания для Николая Яковлевича такая же потребность, как дышать. Но бумагами и инструкциями он не ограничивался. Чтобы быстрее освоить специфику чекистской работы в условиях постоянно обостряющейся идеологической и политической битвы двух миров, он сразу же обратился к нашей многосложной практике, познавая и усваивая все ее порой даже самые неприметные и незначительные детали. И с первых же дней, когда ему докладывали дела, он открывал их обсуждение таким вопросом: «А как бы вы поступили, ведь вы лучше меня знаете

этот предмет?». Со временем вторая половина этого традиционного вопроса, естественно, отпала сама собой. Но первая, как и то, что свои мнения и предложения начиная с младших по званию и положению высказывали все присутствующие, осталась незабываемым законом коллективной мысли, практических выводов и действий. Осмысливая и обобщая высказанное своими товарищами и ближайшими помощниками, привлекая при этом свое острое партийное чутье и знание жизни, Николай Яковлевич часто вносил существенные коррективы, и мы принимали оптимальные решения, ускорявшие разработку и завершение того или иного дела. При этом он всегда брал вину на себя, если ошибку допускал его сотрудник.

Чуть задумавшись, чтобы не упустить что-то важное, полковник Тихонов продолжал:

— Удивительным образом аккумулируя и усиливая энергию и работоспособность каждого из нас, Николай Яковлевич постоянно подавал пример скромности, самоограничения в быту и безграничной и обязательно творческой самоотдачи в работе. С ним трудно только тем, у кого потухшие глаза и равнодушное сердце. Остальным легко и необычайно интересно. А какой силы воли человек! Не каждый бы смог так стойко перенести несколько тяжелейших операций и остаться в строю... О Николае Яковлевиче и его работе можно говорить много. Скажу коротко: нам здорово повезло. И нашему подразделению, которым он, считаю, успешно руководил шесть лет, и всему нашему управлению.

Не подумайте, что я преувеличиваю достоинства Николая Яковлевича — у нас это не принято. Спросите любого сотрудника, и каждый вам скажет: в политической и специальной учебе, в организации музея, в проведении торжественных вечеров и волнующих ритуалов посвящения в чекисты и вручения удостоверений — во всей профессиональной, общественной и духовной жизни и атмосфере коллектива управления есть частица души этого внешне неприметного, но, несомненно, незаурядного человека, имеющего прежде всего авторитет личности, а не должности.

Да, полковник Тихонов, безусловно, прав, так говоря о Николае Яковлевиче. Но справедливости ради отметим, что и Евдокимову тоже сильно повезло. И не толь-

ко с чекистским коллективом управления и его руководством. Те относительные легкость и быстрота, с которым он вошел в новое дело, во многом были предопределены тем, что чекистская профессия почти полностью вбирала опыт партийной работы и уж, конечно, полностью опиралась на него. Причем партийный подход Евдокимова, его чекистская мудрость и широта взгляда на жизнь сказываются прежде всего в постоянном и углубленном анализе и обобщении отдельных негативных фактов и явлений, с тем чтобы не допустить их перерастания в негативные процессы. Особенно среди молодежи, которую активно атакует вражеская пропаганда. При этом Николай Яковлевич и его коллеги стремятся всячески расширить масштаб и действенность профилактических мер, привлекая радио, телевидение, печать — все средства массовой информации, включая многотиражки фабрик, заводов, предприятий и учебных заведений. Не сенсационные сообщения, а каждодневная воспитательная пропагандистская работа чекистов при участии партийных, советских, комсомольских организаций и всей общественности — таков принцип, которого Евдокимов придерживается строго и сам делает очень много для его торжества. А выполняя свои прямые чекистские обязанности, он не раз силой своего убеждения и слова развенчивал идейно вредные заблуждения отдельных граждан, чьи письменные и устные раскаяния полны и обычной человеческой благодарности за спасенную судьбу и искреннего уважения и удивления. Потому что некоторые из них не ожидали встретить в стенах управления КГБ сотрудников, людей, подобных Евдокимову и его товарищам.

Но и став настоящим чекистом и уже будучи заместителем начальника управления КГБ, Николай Яковлевич не перестал быть пропагандистом и агитатором. (За что, кстати, занесен в книгу Почета ГК КПСС.) Его часто можно видеть на трибуне выступающим с лекциями и докладами, похожими на размышления вслух. И всегда в них наряду с острыми актуальными вопросами борьбы против идеологической диверсии врагов, постоянным утверждением духовной и нравственной силы и могучести советского народа есть воинствующее неприятие спекуляции словом, превращения его в пустой, а потому вредный звук. Труженик с малых лет, он, конечно, знает силу слова. Но только такого,

которое обеспечено жизненностью наших идеалов.

— Мы иногда забываем, что убеждения — это не только мысли, но и чувства, — говорил он в одном из своих выступлений. — Чтобы доходить до ума и сердца человека, надо все это делать без стандартных, штампованных, набивших оскомину фраз, без трескотни, без того, что принято называть формализмом в идейно-воспитательной работе.

А выступая перед своим коллективом с размышлениями о рациональном использовании досуга, Николай Яковлевич горячо ратовал за системное и целенаправленное самообразование.

— Главный путь самообразования, — говорил он, — это чтение, чтение и еще раз чтение. Чтение не под нажимом или контролем, а как первейшая духовная потребность, как пища для голодного. Причем чтение должно быть продуктивным и осмысленным, вызывающим по ассоциации собственные размышления, выводы, дающие пищу, нагрузку аппарату мышления. Я не хочу навязывать своих вкусов, методов чтения, тем не менее порекомендовал бы в качестве обязательного чтения документальную и художественно-документальную литературу: дневники, записки, письма, мемуары, воспоминания, статистические сборники, публицистику, книги серий «Жизнь замечательных людей», «Пламенные революционеры». На каком основании? Как мне представляется, если говорить коротко и общо, то именно через такую литературу можно не только наиболее точно, объективно и зримо представить эпоху, жизнь предшествующих поколений, но и извлечь полезные уроки для себя...

Заканчивая, остается только сказать, что Николаю Яковлевичу Евдокимову было досрочно присвоено воинское звание «полковник», что случается очень редко. Этим высоким воинским званием, а также знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» и государственными наградами отмечено не только его личное участие в успешном решении ряда очень сложных дел, но и то, что под его руководством ярко раскрылись способности многих сотрудников. Он вдохновил и окрылил их примером собственной судьбы, постоянным жизнетворчеством, активной и созидательной работой мысли и души.

НАЙТИ ВРАГА

Бывают моменты, когда даже самая запутанная история, сложное дело вдруг в одно мгновение приобретают необыкновенную стройность и ясность. Вот сейчас оно наступит, это мгновение, и отпадут все сомнения, уйдут прочь подозрения, в разорванную цепочку доказательств встанет недостающее звено, и истина наконец восторжествует. Именно такое состояние переживал капитан Озеров, сидя в кабине машины и внимательно осматривая подходы к зданию конторы совхоза.

До встречи оставались минуты. Не недели, не месяцы кропотливого и, казалось, безвыходного поиска, а считанные минуты. Сдерживая невольное волнение, Озеров скорее уж подсознательно оценивал обстановку, искоса наблюдая за соседкой. Их запыленный «газик» стоял в ряду других машин у конторы совхоза. Мимо шли и шли люди, озабоченные своими уборочными делами, громко переговариваясь о хлебе, погоде, горючем, недостающих запасных частях. Сейчас среди них пройдет человек, встреча с которым разрешит все сомнения или заставит снова продолжать долгий и многотрудный розыск.

Елена Михайловна рядом как оцепенела. Закусила губы, не сводит с улицы глаз, пальцы, вцепившиеся до боли в дверную ручку, побелели. Теперь многое зависит от нее. Только бы выдержала, не закричала.

Молоденькая девушка с косичками, секретарша директора, вышла из конторы и побежала к складам. Через минуту она скажет Николаеву, что его вызывают в бухгалтерию: какая-то путаница в накладных на зерно. Пойдет Николаев мимо машины. И тогда...

Год назад в управление госбезопасности Куйбышевской области поступили розыскные материалы. Короткая, лаконичная справка гласила:

«Колесов Сергей Алексеевич, 1918 года рождения, уроженец села Заволжское Куйбышевской области, бывший старший лейтенант Советской Армии. В августе 1942 года перешел на сторону противника, вскоре был назначен немцами начальником Горячеводского отделения полиции, а в октябре 1942 года за особые заслуги перед немецким командованием был выдвинут на должность начальника 3-го (политического) отдела полиции безопасности города Пятигорска. Принимал личное участие в арестах и массовых расстрелах советских людей. При отступлении немецких войск бежал с ними на запад...»

Короткая справка ставила перед чекистами тысячи вопросов и одну задачу: найти врага, не дать палачу остаться безнаказанным. Как, где, под какой фамилией искать Колесова? Надо было думать, работать. Словом, группе наших товарищей, среди которых был Озеров, предстояло нелегкое дело.

Запросы в республики и области страны результата не дали. Ответ приходил стереотипный: «...не проживает, не значится». Не дали ничего проверка архивов Министерства обороны Союза ССР, справки из бюро потерь Советской Армии и других организаций и учреждений. Из документов только явствовало, что старший лейтенант Колесов С. А., офицер связи штаба 56-й армии, пропал без вести на фронте Великой Отечественной войны.

Осталась еще одна нить, которая могла привести к преступнику. На родине Колесова, в селе Заволжском, проживали его престарелая мать и родной брат, а в городе Куйбышеве — сестра Мария. Но все они считали и уверяли, что Сергей погиб во время войны, ибо домой не вернулся, известий о нем нет, а есть официальное сообщение райвоенкомата, что Колесов пропал без вести на фронте в августе 1942 года. То же самое утверждали и старожилы Заволжского, в памяти которых вся родословная каждого из односельчан.

Каким безвыходным ни казалось положение, чекисты не прекращали работу. Вновь и вновь изучали, анализировали собранные сведения, все с большей настойчивостью продолжали поиски.

Настораживало поведение родственников — как-то неестественно и даже испуганно они вели себя в разговорах о Колесове. Словно знали о его преступлении.

И уж очень настойчиво пытались убедить в его гибели.

Но догадки, предположения еще не улики. И вот первое обнадеживающее сообщение. Жительница Заволжского, сверстница Колесова, в беседе с оперативным работником рассказала, что после войны встретила Колесова в Куйбышеве. Пыталась заговорить с ним, но тот сделал вид, что не знает ее, и поспешно удалился. Тогда это показалось странным и подозрительным. Со временем случай забылся, а сейчас, восстанавливая в памяти все детали встречи, она твердо убеждена, что это был Колесов. Женщина подробно описала внешность, приметы встреченного человека. Они совпадали с теми, что имелись в документах оперативников.

Итак, Колесов жив. Он не затерялся на Западе. Не укрылся, как суслик в норе. Он даже появлялся в Куйбышеве. И, вероятно, виделся с родственниками. Обсуждая эту версию, чекисты наметили круг лиц, с которыми предстояло встретиться, стремились предугадать действия преступника. Как ни осложнился поиск, он приобретал теперь известную конкретность.

Снова встречи и беседы с десятками людей. Зачастую впустую. Иногда казалось, что тонкая нить розыска готова оборваться, заводит в тупик. И опять надо было искать, дотошно копаться в событиях давних лет.

Соседи Марии Колесовой вспоминали, что вскоре после войны к ней заезжал мужчина в военной форме. Мария называла его братом, вначале обрадовалась его приезду, а потом сникла, украдкой плакала. Брат же, переночевав, наутро ушел и больше не появлялся.

Другая весть пришла из села Заволжского. Оказалось, что старший брат Колесова иногда получает письма из Павлодарской области от некоей Москалевой Софьи. Любопытным девчатам с почты старший Колесов объяснял, что Москалева — жена друга, с которым он прошел всю войну.

Это сообщение оперативным работникам показалось сначала незначительным. Мало ли друзей у человека, особенно когда ему больше пятидесяти. Но запрос в Казахстан послали. И ответа ждали с нетерпением. Коллеги сообщили, что Москалева Софья Васильевна, 42 лет, живет и работает в совхозе имени Некрасова Павлодарской области. Года два-три назад вышла замуж, но брака не зарегистрировала. Муж — по паспорту Николаев Сергей Васильевич, 1917 года рождения, уроже-

нец села Семь Колодезей Крымской области, на фронте не был, все время жил и работал на Дальнем Востоке...

Несоответствие между тем, что говорил Колесов-старший, и сообщением коллег наводило на мысль, что Николаев не тот, за кого себя выдает. На это предположение «работали» факты: после войны Николаев нигде не задерживался более одного-другого года. За семнадцать лет он побывал на Камчатке, на Сахалине, в Комсомольске-на-Амуре, в Кемеровской, Читинской и других областях. Последние два года продержался в Казахстане. Казалось, какой-то страх гнал летуна с одного места на другое, заставлял рыскать по стране. До 43 лет Николаев не имел семьи, а женившись на Москалевой, брак с ней не зарегистрировал.

Очень хотелось верить, что это именно тот человек, которого разыскивают. Но где факты? Вновь послали запрос в Павлодарское управление КГБ: необходима фотография Николаева. Снимок коллеги прислали быстро. На фото — лицо мужчины 45—46 лет. С угрюмым взглядом, тяжелыми складками на лбу.

И снова сомнения: Колесов уходил в армию молодым парнем, а на снимке — повидавший жизнь мужчина. Может быть, это совсем разные люди? Кто даст окончательный ответ?

Земляки Колесова тоже сомневались: «Как будто похож...», «Может быть, и он», «Вот если бы увидеть воочию...». Воочию, к сожалению, чекисты представить его не могли. Нужны веские неопровержимые доказательства, что налицо преступник. Их пока нет, а оскорблять подозрением невинного человека недопустимо.

Кто же опознает Колесова? Земляк? Но уже одно появление его в совхозе вызовет у беглеца подозрение, и он наверняка опять скроется. Решили попросить принять участие в опознании кого-нибудь из жителей Пятигорска. Преступник, участвовавший в массовых убийствах, не мог знать всех в лицо. Зато начальника отдела полиции безопасности многие запомнили на всю жизнь.

Выбор пал на учительницу Елену Михайловну Карельскую. Уже в Куйбышеве она поведала страшные подробности трагедии своей семьи. Глубокой осенью 1942 года полицией безопасности Пятигорска были согнаны в глубокий ров несколько сот жителей города — женщины, дети, старики. Расстрелом руководил Колесов. На глазах Елены Михайловны он в упор застре-

лил ее семилетнего Мишу и пятилетнюю Лорочку. Полицейская пуля свалила и ее, почти обезумевшую от ужаса, потерявшую память...

Озеров знал, что такое терять родных, близких. Он видел смерть в бою, терял товарищей, друзей. Знал об Освенциме и Бухенвальде, нечеловеческих пытках, надругательствах над ни в чем не повинными людьми. Но то, что рассказала эта женщина, заставляло все переживать вместе с ней. Как она ночью пришла в себя и, теряя последние силы, ползком выбралась из рва, как ползла в грязи, истекая кровью, как обессиленная свалилась у порога домика на окраине Пятигорска. Незнакомые люди подобрали и выходили ее. В ту страшную ночь голова молодой женщины стала белой.

Мужчина в кирзовых сапогах, помятом пиджаке, с картонной папкой в руках с озабоченным видом подошел к конторе. Сразу побледневшая Карельская зажала рот рукой и не сводила с него глаз.

— Он! Убийца! Колесов!

Она не могла говорить от волнения. Озеров ругнул себя за непредусмотрительность — пришлось послать водителя в контору за стаканом воды.

— Елена Михайловна, помните, — успокаивал ее Озеров, — мы не можем с вами ошибиться. Он сейчас пойдет из конторы. Убедитесь еще раз: Колесов это или нет.

Дрожа всем телом, она прижалась в угол и молчала. Через полчаса Николаев вновь появился на крыльце конторы. Вид у него был удовлетворенный. Очевидно, путаницу с квитанциями допустили работники хлебоприемного пункта. Карельская буквально впилась взглядом в самодовольно ухмыляющееся лицо. Губы ее задрожали, она готова была разрыдаться и только выговаривала:

— Он! Он!

Колесов уходил. Сутулый и невозмутимый, с длинными, как у орангутанга, руками. Карельская заплакала:

— Почему вы его отпускаете? Ведь это же убийца! Палач!

Озеров успокаивал ее. И главным утешением было обещание: преступник не уйдет от ответа.

Через несколько дней, дав возможность Карельской отдохнуть от пережитых волнений, прийти в себя, оперативники проводили ее в Пятигорск. На правах знако-

мого Озеров попросил ее никому ничего не рассказывать о поездке и встрече с Колесовым. Дело предстояло довести до конца.

Колесова арестовали. Следствие вскрыло всю картину его кровавых злодеяний, полностью изобличило преступника.

...Тяжелое для нашего народа лето 1942 года. В кровопролитных боях советские войска сдерживают натиск гитлеровских полчищ. Под угрозой Сталинград и Кавказ. Неподалеку от станции Суворовская, что в Ставропольском крае, заняла оборону артиллерийская батарея. Командование ею только что принял Колесов. До этого он был на штабной работе и, как вспоминали бойцы, пороху по-настоящему еще не нюхал.

Новый комбат повел себя довольно странно. В трудные минуты боя у него появляются недомогание, головные боли. Он отсиживается в блиндаже или окопе, вызывая сочувственные и иронические усмешки бойцов: «Необстрелянный, обвыкнет», «Да чего там, медвежья хворость у комбата, трусит». Но никто из них не мог подумать, что командир способен на предательство. А между тем Колесов чуть ли не с первого фронтового дня вынашивал мысль о добровольной сдаче в плен. Трусость разъедала его душу, как ржавчина железо. Лишь бы выжить, любой ценой сохранить жизнь — вот все, что его заботило, заставляло искать подходящий случай.

И случай представился. 8 августа на рассвете бойцы батареи захватили в плен двух немецких офицеров. Немцев взяли сонными. Чувствуя себя хозяевами в степи, они оставили в машине одежду, оружие, расположились на ночлег под открытым небом. В одном белье захватили их в то утро сержант Гордиенко и рядовой Гейтуллин.

В руки артиллеристов, как оказалось, попали важные птицы — заместитель начальника карательного органа СД-12 майор Пфайфер и его переводчик лейтенант Шак. Немцы ехали в Пятигорск, где должна была действовать их карательная команда, и никак не предполагали, что окажутся в расположении советской батареи. Держались они испуганно и, конечно, не питали никаких иллюзий в отношении своей судьбы. Фронт, может быть, уже за спиной артиллеристов, и им недосуг будет возиться с карателями. Каково же было их удивление,

когда на допросе Колесов стал интересоваться: а как отнесется немецкое командование к человеку, который перейдет на их сторону? Не расстреляют, не отправят в концлагерь? Понять настроение потенциального предателя было нетрудно, и пленные офицеры в один голос принялись уверять, что такого человека не только не расстреляют, но и будут ценить, создадут ему привилегированные условия.

Сделка состоялась. Колесов, до этого безучастно относившийся к делам батареи, вдруг развил бурную деятельность. Он приказал посадить офицеров в кузов старенькой полуторки и заявил, что едет в командирскую разведку. На местности сориентируется в запутанной обстановке и выяснит, где свои, где немцы. С ним отправятся несколько бойцов.

За руль полуторки сел комсорг батареи сержант Илья Гордиенко, человек отчаянной храбрости, любилец всех бойцов. Это о нем на следствии скажет бывший комиссар батареи Григорий Кириллович Полещук: «...Гордиенко был моим ближайшим помощником в работе с личным составом. Не считаясь с опасностью, не щадя жизни, он шел на любое задание, не терялся в самые тяжелые минуты. Гордиенко, пожалуй, был самым смелым на батарее. Его любили все бойцы...»

Разве знал тогда комиссар, что эта поездка для Ильи Гордиенко последняя. За ближайшим же холмом Колесов высадил бойца. Через пятьсот-шестьсот метров — второго, затем — третьего и наконец — последнего.

— Вы будете «маяками», чтобы на обратном пути нам не сбиться с курса, — заявил он им.

Обратного пути у Колесова уже не было. Неподалеку от станции, около одного из хуторов, Колесов приказал остановить машину. Когда ничего не подозревавший Илья Гордиенко открыл дверцу и встал на подножку, Колесов, воровато озираясь, выстрелил ему в затылок.

Ценой жизни соратников Колесов решил выкупить свою. Кинувшись в кузов, он развязал майора и переводчика и торопливо стал показывать вдаль. Там, по шоссе, ползла колонна немецких автомашин. Как ни спешил предатель, а доказательство своего перехода к фашистам оставил. Труп комсорга был брошен в кузов.

Гитлеровцы с распростертыми объятиями встретили предателя. В Пятигорске Пфайфер лично представил его начальнику гауптштурмфюреру Винцу, и тот милостиво предложил ему службу у себя. Колесова приняли в СД-12, а затем дали пост в карательных органах.

Не поддаются описанию зверства, которые чинили фашисты и их прихвостни на оккупированной земле. Неисчислимы беды и страдания, которые они принесли советским людям. Кровь стынет в жилах, когда читаешь и слушаешь рассказы о массовых убийствах и злодеяниях, изощренных пытках, надругательствах.

В сентябре того же сорок второго года каратели из СД-12 под предлогом переселения в другую местность собрали в Пятигорске около 300 евреев. За несколько дней этих людей, среди которых были в основном дети, женщины и старики, палачи умертвили в машинах-душегубках и сбросили в ров. Особое усердие в массовом варварском убийстве проявил начальник 3-го отдела СД-12 Колесов. Он лично арестовал и доставил на пункт сбора более 40 человек. Сам заталкивал в душегубки плачущих женщин и детей, закрывал двери.

На суде, припертый неопровержимыми уликами, он вынужден был сознаться в совершенных злодеяниях, и, злобно выдавливая слова, говорил:

— Да, арестовывал... Да, своими руками заталкивал людей в душегубки... Да, убивал... Да, за усердие в этой операции получил от немцев трехкомнатную квартиру, хромовое пальто, костюм, золотые часы, ковер — все принадлежащее кому-то из убитых...

На счету предателя и убийцы много кровавых дел. Услужливый фашистский пес Колесов днем и ночью рыскал по Пятигорску, прилегающим поселкам в поисках коммунистов, партийных и советских работников, наших разведчиков, заброшенных в немецкий тыл. Более трехсот патриотов, заподозренных в антифашистской деятельности, было арестовано полицией под руководством и при участии Колесова. Все они погибли в застенках СД.

Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа, рассмотрев дело по обвинению Колесова С. А. в расправах над советскими гражданами, приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу. Предатель и убийца получил по заслугам.

БУХГАЛТЕР ЭЛЬМА

Осень 1952 года. Вильяндиский район Эстонской ССР. В лесной глуши района — леспромхоз. Леспромхоз как леспромхоз. Работали в нем в основном местные жители — эстонцы. Но были среди них и русские, и финны, и украинцы. Здесь, в рабочем поселке, они в большинстве своем и жили. Кругом лесная тишина, изредка нарушаемая криками оставшихся на зимовку птиц да в ветреную погоду скрипом сухих, отживших свой век деревьев.

Вокруг леспромхоза, как и по всей республике того времени, были разбросаны по опушкам и лесным полянам, вблизи речек и озер хутора. Чаще всего одиночные, односемейные. Весною и осенью они были вообще отрезаны от всего мира.

Но, несмотря на изолированность, ветхость строений и не дюже богатый домашний крестьянский скarb, в домах поддерживался должный порядок, чистота и уют. Все было прибрано, все находилось как бы на месте, на том самом месте, на котором положено, должно лежать именно этому предмету.

Поселок же леспромхозовцев и сами их дома отличались какой-то особой благоустроенностью. Чувствовалось, что сюда пришла новая жизнь — со школой, магазином, медпунктом, клубом, где крутится еженедельно кино и выступает коллектив самодеятельности.

Жители этих мест, особенно хуторяне, каждый по-своему воспринимали незнакомых людей. Одни с явной недоброжелательностью, другие с любопытством и интересом. Старики на незнакомых пришельцев смотрели пристально, изучающе. Молодые же парни — с настороженностью, а девушки — со светящимися искорками в глазах и смешливым женским любопытством. Все сдержанно и в пределах допустимого этикета учтиво.

Работала в этом леспромхозе и жила в поселке

молодая белокурая женщина по имени Эльма. Она была статной и, можно сказать, красивой, с вьющимися длинными, распущенными по плечам волосами, с озоровато-злыми огоньками в серо-голубых глазах. Все было при ней.

Но работников госбезопасности Пярнуского управления, начальником которого я в то время волею судьбы был, интересовали не эти ее личные качества.

На территории района, как и всей республики, в те далекие годы еще обитали так называемые «лесные братья» — остатки буржуазно-националистических банд, подполья, оставленного спецслужбами фашистской Германии при отступлении ее войск с территории Прибалтийских республик.

Остатки этих банд, бродя по лесам, занимались грабежом местных жителей. Нередко нападали на магазины, маслозаводы, сберкассы и просто на кассы учреждений, колхозов, кооперативов. Случались убийства активистов, особенно в сельской местности.

Они препятствовали организации колхозов, угрожали колхозникам карой — убийством, рядились под маску освободителей от «большевистского ига». Поэтому борьба с бандитским подпольем носила политический характер. Его деятельность подогревалась антисоветской, антирусской пропагандой и направлялась спецслужбами западных стран, особенно США и Англии.

Нами было установлено, что эта тихая и спокойная Эльма поддерживает связь с главарем небольшой, в три человека, бандитской группы. Кличка его «Арно». На счету группы и ее главаря значилось много разных преступлений, связанных с разбоем и покушениями не только на активистов, но и на лояльных к новой власти жителей.

Арно характеризовался как до дерзости смелый и вместе с тем крайне осторожный бандит — нелегал. В силу этих качеств он длительное время был неуловим, хотя в республике принимались всевозможные меры к обезвреживанию его группы.

Данные о связи Арно с Эльмой обнадеживали. Возникла реальная возможность разработать соответствующие оперативные мероприятия, осуществление которых, если он не пойдет на законную легализацию, должны привести к его поимке, а при вооруженном сопротивлении — к уничтожению.

В разработанных на основе полученных данных мероприятиях не последняя роль отводилась Эльме. Предварительная проверка показала, что Эльма характеризуется положительно. Общительна. Участвует в общественной жизни коллектива. Но в характеристике значились и такие штрихи, как скрытность и недоступность к проникновению в ее внутреннюю жизнь.

Это, конечно, не могло не насторожить нас. Но как бы там ни было, было принято решение проверку и изучение Эльмы продолжать, установить за нею более тщательное наблюдение и с большой осторожностью и под надежной охраной встретиться с нею оперативно-му работнику. Работник должен быть опытным, волевым, внешне и внутренне собранным, влиятельным; относительно молодым человеком.

Такой работник был подобран. К сожалению, за давностью времени фамилию его не помню. Он производил всегда хорошее впечатление своей вдумчивостью, немногословностью и непоколебимостью в достижении цели. Ему был присущ и веселый юмор. Но, главное, был всегда готов на любое задание.

Ему было поручено сугубо негласно встретиться и познакомиться с Эльмой, представиться офицером Пярнуской милиции и при разговоре о том о сем попросить рассказать о своем житье-бытье и что нового в их лесных краях.

Направляемый на встречу с Эльмой офицер действительно был подполковником Пярнуского управления милиции, которое в то время входило как составная оперативная единица в УМГБ и подчинялась начальнику УМГБ через заместителя по милиции.

Работник милиции был подобран не случайно, а сознательно. Это оправдывалось тем, чтобы, как думалось, не спугнуть Эльму одним словом — МГБ.

Итак, намеченная встреча состоялась. С первых же слов знакомства Эльма поняла, что от нее хотят. И не только без какого-либо принуждения, что вообще не допускалось, но даже без попыток активного убеждения, совершенно спокойно, как будто все уже хорошо заранее обдумано, сказала:

— Я так и знала, что моя связь с Арно рано или поздно станет достоянием органов безопасности. Сама собиралась прийти в органы и все рассказать. Но как-то все боялась, и не властей, а этих «лесных братьев».

И Эльма, не волнуясь, убедительно, как будто она готовилась к этой встрече и этому разговору, божась, заверила работника, что все, что она поведает сейчас о своей связи с бандитом Арно, будет сущей правдой, всей правдой. Она заявила, что ее связь с Арно является случайной связью, порожденной страхом, которая впоследствии в какой-то степени переросла в привязанность. Она пыталась в глазах работника обелить своего друга и убедить, что он не пропащий человек и она готова все сделать, чтобы помочь легализовать его, даже с понесением им заслуженного наказания. Она упрашивала, убеждала, что ему многое следует простить, как совершенное необдуманно, по заблуждению.

Вместе с тем категорично заявила, что никого из друзей Арно лично не знает, никогда не только не встречалась с ними, но и никогда ничего о них не слышала.

Поскольку Эльма высказала желание помочь легализоваться Арно, а это значит — помочь осуществить с ним встречу оперативного работника в соответствующее время и удобном месте, было принято решение воспользоваться этим ее предложением. Оно полностью отвечало замыслам и являлось, казалось, лучшим исходом решения поставленной задачи, поскольку остальные члены его группы после устранения Арно не могли уже представлять большой опасности и их легко можно обезвредить. Было установлено, что они не были устойчивыми «братьями» и их легко можно выволить из банды. Пока они держались на жестком авторитете главаря Арно.

Все развивалось как бы в соответствии с задуманным планом. Подполковник, вернувшись со встречи с Эльмой, был окрылен успехом. Доложил итоги встречи начальнику подразделения и вместе с заместителем начальника управления полковником Б. Назаровым пришел ко мне на доклад и совет. Их предложение сводилось к тому, чтобы немедленно использовать открывшуюся возможность и встретиться с Арно на квартире Эльмы в позднюю осеннюю ночь.

Откровенно говоря, идея, на первый взгляд, была заманчивой и сулила бескровное решение задачи. Тем не менее я не решился санкционировать столь поспешную встречу работников с отъявленным, дерзким бандитом, от которого можно было ожидать всякого. Один

только факт быстрого признания Эльмой своей связи с Арно, ее готовность оказать помощь в легализации задушевного и сердечного друга не мог не насторожить. Он как бы свидетельствовал о договоренности между бандитом Арно и его пособницей Эльмой.

Опыт и интуиция подсказали, что без дополнительной проверки Эльмы и особенно Арно, без попыток разгадать возможный с их стороны коварный замысел встречу проводить нельзя. Ее надо временно, если можно, отложить и организовать еще раз в оставшееся до встречи время тщательную проверку, с тем чтобы не допустить в результате поспешности тяжелых последствий для работников, которые выйдут на переговоры. То есть предупредить возможный преступный, заранее запланированный сговор.

Последующий ход событий подтвердил предположения. Незадолго до встречи с Арно был получен заявительский сигнал от одного местного жителя, знавшего Арно, который изрядно надоел ему своими поборами, вымогательством и своей дерзостью. Заявитель сообщил, что знаком с Арно и совсем недавно встречался с ним. В пьяном виде, сугубо доверительно он поведал ему, что скоро у него должна состояться встреча с эмгешником, выступающим под видом работника милиции. Но он, мол, знает, кто занимается «лесными братьями», и поэтому этот эмгешник не уйдет от него живым. На вопрос заявителя, где эта встреча состоится, ответил односложно: «На одной квартире».

Сигнал заявителя был не только заслуживающим внимания, но и исключительно своевременным. Он менял всю картину. Надо было принимать немедленные меры к обезвреживанию преступника и его пособницы Эльмы.

Заявитель сообщил дальше, что после того как Арно рассказал, где будет учинена расправа с работником милиции, он спросил Арно:

— А что станет с хозяевами квартиры? Ты же их подведешь, и им за соучастие в убийстве, тем более должностного лица, не уйти от ответственности.

Арно сказал:

— Не бойтесь, там же только одна молодая хозяйка. После всей этой канители она вместе со мною уйдет в подполье, а потом и за пределы Эстонии. Документы уже готовы.

К тому же времени пришли и дополнительные проверочные материалы на Эльму. По этим, точно установленным данным, она вовсе не Эльма. Было установлено, что в леспромхозе на территории другой области Эстонии два года назад работала бухгалтером-кассиром эта так называемая Эльма и, прихватив сто пятьдесят тысяч рублей наличными, скрылась. Милицией объявлен розыск. Сличение фотографий, находившихся в розыском деле, и фотографий из личного дела Эльмы, представленных кадровиком леспромхоза, даже без экспертизы показывало их идентичность. Не вызывала сомнения схожесть лица на фотографиях с натурой, то есть с Эльмой. Все говорило за то, что бухгалтер-кассир, похитивший из государственной казны деньги из леспромхоза Тартуской области, и бухгалтер леспромхоза, находившегося на территории Пярнуской области, одно и то же лицо.

Таким образом, картина стала совершенно иной, но ясной. Мы имели дело не только со слепой пособницей бандитов, но и с уголовной преступницей, сознательно идущей на очередное преступление.

Было принято решение к назначенному времени перекрыть по возможности все подходы к поселку, к дому и квартире, где жила эта преступница.

В квартире также была сделана засада. Эльма была взята под строгую охрану, чтобы исключить с ее стороны подачу сигнала бандитам и не дать ей таким образом сорвать операцию по поимке бандитов, в частности Арно.

Ровно в назначенный час главарь банды Арно под бдительной охраной своих сообщников зашел в дом и в квартире Эльмы был обезоружен. Охрана его, почуяв неладное, стремилась спастись бегством, открыла беспорядочную стрельбу из автоматов. Но было уже поздно. В перестрелке один бандит был убит, двое других были задержаны невредимыми. Они поняли, что сопротивление бесполезно, и сдались.

И главарь банды Арно и его пособница, уголовная преступница Эльма, были задержаны невредимыми. Все они после проведения тщательного расследования и подтверждения всех фактов их преступной деятельности были преданы суду военного трибунала, который своим решением и воздал им должное по всей строгости закона того времени.

ПЕРВОЕ ДЕЛО ЛЕЙТЕНАНТА ЧИЖОВА

Как ни спешил Геннадий, он все же не удержался от соблазна заглянуть в цех, где совсем недавно работал.

Вахтер тетя Настя повертела в руках удостоверение сотрудника НКВД, улыбнулась:

— Проходи, Гена, проходи. Давненько тебя не видно!..

Шагая по территории завода, Геннадий испытывал приятное волнение от предстоящей встречи с давними товарищами и некоторую растерянность. Шутка сказать: всего два месяца прошло с того памятного разговора в райкоме партии — и вот он, Генка Чижов, секретарь комсомольской организации цеха, выполняющего военные заказы, идет сюда как представитель власти.

Впереди замаячила кряжистая фигура, и Геннадий замедлил шаг: он узнал Михаила Гавриловича. Встреча с ним сейчас не входила в планы Геннадия. Дело в том, что Гаврилыч, или дядя Миша, как по-свойски называли его ребята, были из породы ворчунов. Работник, каких мало, этот въедливый старик замечал любое упущение в деле — и тогда беда! Не было собрания, где бы он не выступал с критикой. Причем даже о незначительных неполадках говорил с таким жаром, что всем становилось не по себе. А уж если что крупное...

Геннадий хотел проскочить незамеченным, но опоздал: старик узнал его.

— На ловца и зверь бежит, — сказал Гаврилыч. — Пойдем-ка, парень, в сторонку, поговорить надо...

«Ну, пошел-поехал, — подумал Геннадий, увлекаемый за груды каких-то ящиков. — Развезет на полчаса жалобы на мастера, на неполадки...»

— Понимаешь, дело какое, — говорил между тем Гаврилыч, — не нравится мне один мужичок. Личность тебе незнакомая, в цехе у нас недавно...

Из рассказа старика Геннадий узнал, что станочник Байда, фронтовик, в разговоре с ним, Гаврилычем, ругал наше командование, хвалил немецкие порядки. «Ну и вообще он какой-то скользкий, подозрительный», — закончил Гаврилыч.

Записав в блокноте «Байда» и солидно пообещав: «Разберемся, Гаврилыч!», Геннадий пошел в цех.

А вечером, докладывая начальнику отделения о сделанном за день, он наткнулся на эту запись и вкратце передал рассказ старого рабочего. Изложил как что-то несущественное, чему вряд ли стоит придавать значение.

Но начальство смотрело иначе:

— Не спешите, Чижов, делать выводы. Вполне возможно, что Байда такой же ворчун, как и ваш Гаврилыч. Однако расхваливать гитлеровцев сейчас, когда фашисты разгромлены под Москвой и известно об их зверствах, согласитесь, это...

Утром Геннадий снова был на заводе.

Приняв к исполнению указание начальника о проверке сигнала, Геннадий не то чтобы не согласился с ним — об этом не могло быть и речи, — но и не очень спешил начинать. Ему казалось, что ничего эта проверка не даст. Ну, окажется, что Байда чем-то или кем-то обижен, не все правильно понимает. Ну, вызвать его в управление, разъяснить, пристыдить. А дальше?..

Геннадий ждал настоящего дела. Такого, чтоб... И они были, настоящие дела, ими занимались его товарищи по новой работе. Ночью пролетел неизвестный самолет — возможно, сброшены парашютисты... Есть сообщение о выпускниках немецкой разведшколы, которых знакомили с особенностями области, — значит, готовили для работы у нас... Подозрительно ведет себя дипломат одной «дружественной» страны... Да мало ли их, серьезных дел? Но все — у кого-то. Ему же за два месяца работы в органах безопасности довелось познакомиться лишь с некоторыми служебными бумагами. Присутствие на разборе конкретных дел и участие в аресте группы преступников — не в счет. А теперь вот еще занимайся никому не нужной проверкой какого-то Байды...

Отдел кадров дал не много: возраст, происхождение, образование... До войны жил на Западной Украине. Оттуда призван в армию. На завод направлен из коман-

Клятва молодого чениста. Май 1983 г.

ды выздоравливающих. Лечился после ранения — по данным военкомата — в госпиталях Одессы и Сочи.

Еще меньше дали беседы с начальником цеха и мастером. Их ответы свелись к одному: образованием не блещет, но работник дельный. И голова на месте и руки умелые.

Геннадий решил поговорить кое с кем из рабочих. И то, что он узнал, насторожило его. Оказалось, Байда встречался не только с Гаврилычем. Беседовал он и с другими. Причем всегда один на один, и обязательно — за кружкой пива. Сам не пил, только угощал... А ведь человек-то необщительный. Одинок, живет в общежитии, появляется там только на ночь. Но бывало — и это тоже насторожило Чижова — не приходил домой и ночью...

Вот почему, начав почти неохотно, теперь Геннадий с нетерпением ждал ответов на запросы о Байде.

Первый же ответ заставил Чижова внутренне подобаться. В нем отмечалось, что Байда, доставленный в Одессу из полевого госпиталя, в разговорах с ранеными ругал наше командование, восхвалял мощь немецкой военной машины. В розовом свете рисовал он и жизнь оставшихся «под немцем» русских и украинцев. К сожалению, срочная эвакуация госпиталя не позволила заняться Байдой основательно.

Еще более взволновал Геннадия ответ на второй запрос — из Сочи. В госпитале — те же пораженческие разговоры. И вот она, новая деталь: «По имеющимся данным, Байда имел кратковременную встречу с иностранным дипломатом. Характер встречи не выяснен. В связи с переводом Байды в команду выздоравливающих для последующей отправки на фронт дальнейшее наблюдение за ним пришлось прекратить...»

«Никому не нужная проверка» вроде бы оборачивалась тем настоящим делом, которого так ждал Геннадий. Почти с радостью думал он об этом, идя к начальнику отдела с докладом.

— Ишь ты! С дипломатами знакомство водим, — хмыкнул начальник. И, помолчав, сказал: — Необходимо выяснить, чем он занят после работы. Где бывает, когда не ночует в общежитии, с кем встречается. Помочь людьми не могу — все заняты. Так что наблюдение веди сам... Ну, езжай на завод: самое время знакомиться с «подопечным»!..

На заводе Михаил Гаврилович, издали показывая Байду, не преминул удовлетворенно проворчать:

— Я же говорил — скользкий тип! Темный...

Первые наблюдения дали мало. Байда возвращался с завода в общежитие, ужинал, долго курил на лавочке у крыльца, затем уходил спать. Раз прямо с работы ушел на вокзал. Потолкался среди пассажиров — по виду эвакуированных, — постоял на перекидном мосту. Потом спустился, по путям дошел до воинской платформы. Здесь его остановил стрелок охраны. Байда сказал ему, что пришел проводить брата на фронт. Это Геннадий узнал у стрелка после ухода Байды.

В другой раз Чижову пришлось, пройдя за «подопечным» до общежития, затем шагать на улицу Ленскую. Здесь Байда, воровато оглянувшись; зашел в маленький, неприметный домик, где и оставался до утра.

Узнать, кто живет в домике, не составляло труда. Сложнее было объяснить интерес Байды к воинскому эшелону. И с какой стороны ни подступался Геннадий, объяснение напрашивалось одно: сбор данных о направляющихся на передовую подразделениях и боевой технике...

Выслушав очередной доклад Геннадия, начальник отделения велел показать собранные материалы заместителю начальника следственного отдела Тимофею Ивановичу Жеромскому, который за небольшой срок пребывания в управлении распутал несколько сложных уголовных дел и с мнением которого считались не только оперативные работники, но и начальники подразделений более высокого звания, чем он.

— Любопытная штука, — сказал Тимофей Иванович, внимательно прочитав документы, — Байда, человек по натуре необщительный, угощает своих... скажем, товарищей пивом, заводит беседы... Обратите внимание, Геннадий, беседует только с теми, кто чем-то недоволен. Он разделяет их недовольство нашими порядками, хвалит наших врагов... Агитация? Возможно, хотя... несколько странная. Тут есть еще закавыка... Заметили? Все его собеседники работают в самых важных закрытых цехах, куда сам Байда не имеет доступа. Случайное совпадение? Не похоже...

Тимофей Иванович помолчал, затем, закрывая папку с материалами, сказал:

— Вы представили материалы для привлечения Бай-

ды к ответственности за пораженческую агитацию... Рановато. Похоже, это не только агитация, даже не столько агитация... Скорее, попытка обработать людей с весьма определенными целями. Выяснить, каковы эти цели, — наша задача.

Жеромский снова умолк и закончил, неожиданно перейдя на «ты».

— Учти, Гена, Байда жил в панской Польше и мог попасть под влияние тамошних националистов, а они злейшие наши враги. Советская власть ему в новинку, он, поди, и разобраться в ней не успел, как пришли фашисты. Долго ли им завербовать такого? А тут и случай подходящий представился. Вспомни-ка! — Он слегка прихлопнул папку ладонью. — Из части сообщают, что Байда пропал без вести десятого июля, а в госпитале он появился двадцать пятого. Где был пятнадцать дней? Нет, тут надо еще поработать...

И снова потянулись дни наблюдений. Они были какими-то бесконечно длинными и однообразными и приносили так мало нового, что Геннадий подчас, с пристрастием проверяя каждый свой шаг, спрашивал себя: да полно, так ли уж серьезно дело этого Байды? Вот уже почти два месяца — и вроде бы ни на шаг не продвинулись.

Особенно расстроился Геннадий после того, как ничего не дал обыск в общежитии. И поэтому был страшно удивлен, когда, выслушав сообщение об этом, Жеромский вдруг сказал, что фактов собрано достаточно и Байду решено задержать:

В тот день, когда Байду доставили в управление, Тимофей Иванович пригласил Чижова к себе в кабинет.

— Садись и слушай, — сказал он, поглядывая на часы. — Сейчас начну первый допрос. Все примечай и мотай на ус: каждый оперативник должен уметь вести следствие...

Ввели Байду. Увидев Чижова, он чуть заметно улыбнулся, потом перевел взгляд на Жеромского и спокойно сел на табурет.

К удивлению Геннадия, Тимофей Иванович повел беседу без эффектных вопросов и тонких ловушек. Он подробно записывал рассказ Байды о том, как в июне 1941 года его призвали в Красную Армию и через две недели он — боец пулеметного батальона — оказался на фронте в родных краях, в Западной Украине.

В середине июля ранен в левую руку и бедро, попал в госпиталь. Потом уже из команды выздоравливающих направлен в Куйбышев, на завод...

Затем Жеромский начал спокойно задавать вопросы и так же спокойно записывать ответы Байды.

— Назовите дату, когда вы были ранены и какие ранения получили?

— Я уже говорил — десятого июля, ранен в левую руку и бедро.

— Когда поступили в госпиталь?

— В полевой — сразу, а оттуда меня отправили в госпиталь в Одессу.

— Назовите точную дату поступления в полевой госпиталь.

— Ну, в тот же день, как ранили...

— Следовательно, десятого июля тысяча девятьсот сорок первого года?

Потом Жеромский уточнял, близ каких населенных пунктов Байда был ранен, в каком селе располагался полевой госпиталь, на какой улице находился госпиталь в Одессе, как выглядело здание, где он помещался. Тимофей Иванович несколько лет прожил в Одессе, считал ее родным городом, помнил не только улицы, но и многие здания. Перед войной по делам службы объездил Западную Украину и Молдавию. Уточняющие вопросы были нужны для того, чтобы установить личность задержанного, не чужие ли у него документы? Здесь все сходилась. Скрывал лишь точную дату поступления в полевой госпиталь.

Байда явно лгал. Но Жеромский слушал не перебивая. И лишь после того как увели арестованного, Тимофей Иванович улыбнулся в ответ на недоуменный взгляд Геннадия:

— Спешить не будем, пусть поболтает!..

Поединок между следователем и арестованным начался на втором допросе, когда Жеромский показал Байде справку из полевого госпиталя. Здесь черным по белому значилось: поступил в госпиталь 25 июля. Затем Жеромский зачитал сообщение из части об исчезновении Байды 10 июля. Была предъявлена и выписка из истории болезни. В ней отмечалось, что к моменту поступления в госпиталь рана на левой руке была примерно двухнедельной давности, хорошо затянулась, осколочное же ранение бедра — свежее.

Байда стоял на своем: обе раны получил 10 июля и в тот же день был доставлен в госпиталь. Но Геннадий уже понял, что это не упорство убежденного в своей правоте, а скорее упрямство человека, избалованного во лжи и отстаивающего свою версию по инерции. Было ясно, что дальше упираться бессмысленно и что арестованный сам знает это, а значит — скоро раскроется.

И действительно, на следующем допросе он заговорил. Жеромский оказался прав: Байда был у немцев. Сначала он заявил, что, будучи раненным в руку и бедро, не мог двигаться. Санитары его не заметили, и он пролежал в окопе, истекая кровью, до прихода немцев. Но, увидев в руках Жеромского уже знакомую выписку из истории болезни, признался, что во время боя после ранения в руку спрятался в самом глубоком окопе. Когда подошли немцы, пошел за ними. Рука к этому времени была перевязана, чувствовал он себя нормально.

Спокойно, словно о чем-то будничном, Байда рассказал, как его допрашивали два немецких офицера. И как он добровольно сообщил все, что знал о расположении наших частей, их вооружении, командном составе.

На вопрос Жеромского, подвергался ли он пыткам и издевательствам, арестованный ответил: нет, не подвергался. Допрос проходил спокойно. Его даже угостили рюмкой рома и хорошей закуской...

Видимо, все так и было. Байда на этот раз не лгал, говорил уверенно, без натянутых пауз, но и без неестественно красочных деталей. Жеромский, откинувшись на спинку стула, спросил:

— Чем объясните такое отношение врагов к вам?

— Не знаю, — Байда пожал плечами. — Меня спросили, как я отношусь к Советской власти. Я ответил: безразлично. Мне она не сделала ничего — ни хорошего, ни плохого. Мне, мол, все равно, какой власти служить. Жили и под русским царем, и под австро-венгерским монархом. Потом были немцы и паны польские, были и Советы — какая разница?

Геннадий коротко взглянул на Жеромского: вот ведь, и в этом был прав! А Байда продолжал:

— Ну, понятно, спросили: не коммунист ли? Я достал из-под гимнастерки крест нательный, перекрестился.

Это немцам, видно, понравилось — предложили сесть...

Здесь арестованный скомкал рассказ, как-то невнятно заметив, что больше его не трогали, а 25 июля он бежал из временного лагеря. На уточняющие вопросы следователя Байда отвечал по-разному. Несколько обиженно, но с готовностью сказал, что и не пытался скрывать свое пребывание в плену: при поступлении на завод в отделе кадров говорил, но на это не обратили внимания. Зато неохотно говорил о знакомых по заводу. Насторожился, услышав вопрос, где он бывает вечерами.

После допроса Жеромский сказал Геннадию:

— Странно, очень уж старательно умалчивает о доме на Ленской... А ведь хозяйка его — женщина темная, в помощники явно не годится. Что бы это значило?..

Ответить на это неожиданно помог сам Байда — и в тот же день.

Вечером Геннадия вызвали к дежурному по тюрьме — как ему передали — по срочному делу.

Дежурный представил ему надзирателя Яшкина, после ранения и лечения присланного сюда военкоматом для продолжения службы. Вчерашний фронтовик, Яшкин был более чем строг в обращении с дезертирами. Зато сочувствовал фронтовикам, провинившимся в чем-то другом. Не зная, за что арестован Байда, надзиратель делал небольшие поблажки и ему — из уважения к гимнастерке и следам недавних ранений. И вот...

— Расскажите, Яшкин, товарищу, в чем дело, — предложил дежурный.

А дело было в том, что, возвращаясь с допроса, Байда задержался у дверей камеры и шепнул Яшкину:

— Будь ласка, выручи фронтовика! Снеси письмо по адресу... Получишь три тысячи...

От неожиданности Яшкин не сразу понял что к чему. А поняв, совсем уже было собрался ответить попросту, по-мужички, но увидел в конце коридора дежурного по тюрьме — а разговоры с арестованными категорически запрещались — и втолкнул Байду в камеру. Тот успел напоследок шепнуть:

— Себе возьмешь пять тысяч...

— Мне — взятку... поганец! Купить хотел... Я-то жалел его — раненый ведь, — рассказывал Яшкин Геннадию, дрожа от возмущения.

Наутро Геннадий сообщил об этом Тимофею Ивано-

вичу. Тот немедленно вызвал Яшкина. Не сразу понял честный солдат, что от него требуется. А требовалось немного: при повторной просьбе Байды согласиться передать записку. Но денег не брать.

Когда в следующее дежурство Яшкин вел Байду на допрос, тот снова зашептал:

— Ну, возьмешь?

— Боязно...

— Так ведь никто не узнает!

— А совесть?

— Зато пять тысяч...

— Ты, слышь, о них и не заикайся. Если и сделаю, так просто чтобы уважить бывшего фронтовика, понял? — сердито сказал Яшкин. — Жене твоей, что ли, отдать?

— Ну да...

— Шут с тобой, давай, только скорей.

Байда вложил в руку Яшкина хлебный шарик и дважды повторил адрес: улица Ленская...

В шарике оказалась записка: «Зоя, на подволоке, в золе, под дырявой лейкой, возьми деньги. 5 т. отдай подателю, остальные спрячь подальше. Бумаги сожги. Иван».

— Та-ак, — сказал Жеромский, прочитав записку. — Появились деньги; и, судя по всему, сумма немалая. Да еще бумаги, которые почему-то надо сжечь...

При обыске в доме на Ленской обнаружили крупную сумму денег в новеньких купюрах и маленькую записную книжку. В ней были какие-то цифры, отдельные буквы и слоги, напоминавшие сокращения. И слова, похоже, составленные из бессмысленно расположенных букв. Код оказался примитивным, к концу второго дня эксперт представил Жеромскому расшифровку. Цифры стали данными о прохождении поездов с военной техникой, буквы и сокращения — сведениями о цехах завода и выпускаемой ими продукции, а бессмысленные слова — написанными наоборот фамилиями начальников цехов. На отдельной страничке одними согласными были записаны фамилии работников завода, которых Байда пытался «обработать». Перед некоторыми стоял знак вопроса, две были зачеркнуты.

— Ну-с, картина проясняется, — сказал Жеромский и затребовал Байду на допрос. — Мы на верном пути.

Теперь дело пошло быстрее. И хотя Байда поначалу

отказывался от знакомства с хозяйкой дома на Ленской и «не узнавал» записную книжку, очень скоро ему пришлось прекратить игру. Слишком очевидно изобличали его результаты графической экспертизы и точные данные о посещениях дома на Ленской, представленные Чижовым. Байда задумался. Жеромский кивнул конвоиру, чтобы тот отвел арестованного в камеру.

Следующий день стал тем самым днем, которого давно ждали Чижов и Жеромский. Байда заговорил. И на этот раз без уверток.

Да, 10 июля он, был ранен в руку и добровольно сдался в плен. Да, допрашивали его корректно, тем более что он охотно отвечал. Да, были и рюмка рома и хорошая закуска — плата за отречение от Советской власти...

А потом последовало предложение о сотрудничестве. Байда согласился, что и подтвердил тут же распиской.

Несколько дней его обучали простейшим приемам ведения разведки. «Марусину» — под такой кличкой он должен был работать — предлагалось вести агитацию среди красноармейцев: восхвалять мощь немецкой армии, немецкую культуру, осторожно призывать к массовой сдаче в плен без боя. Второй задачей была военная разведка.

В ночь на 25 июля, снабдив двумя булками и пачкой русских папирос, Байду вывели к линии фронта у маленькой деревни. Провожатый — немецкий солдат — дал ему две зеленые ракеты. Их Байда должен был выпустить через несколько дней, возвращаясь с добытыми сведениями.

Вероятно, так бы и случилось, не начни наша артиллерия той ночью обстрел немецких позиций. Одна из мин разорвалась в нескольких шагах от Байды. Осколком его ранило в бедро. Немец сделал перевязку русскими бинтами из индивидуальных пакетов, которые для этой цели собирались у убитых красноармейцев, и велел идти в деревню. Там, по его словам, располагался полевой госпиталь русских.

Байде обработали рану и через несколько дней отправили его в одесский госпиталь. А вскоре вместе с эвакуированным госпиталем он оказался в Сочи.

Из-за ранения вернуться к немцам он не мог. Но о задании не забыл: начал осторожно расписывать сосе-

дям по палате райскую жизнь у немцев. Условия в госпитале были хорошие. Байда быстро поправлялся, гулял по паркам бывшего санатория, где теперь разместили раненых. Однажды в аллее он увидел элегантно одетого человека и чуть не вскрикнул: это был знакомый ему по прежним временам чин полиции воеводства, на территории которого располагалось село Байды.

Человек, сев на краешек скамьи, на которой сидел Байда, тихо сказал:

— Слушай внимательно, Марусин: тебе приказано ехать в Куйбышев и устраиваться на один из крупных заводов. Все изучай и запоминай. Там я тебя найду. Если не встретимся через полгода, переходи линию фронта. Все...

Человек поднялся и неторопливо пошел по аллее.

Вторая встреча произошла в Куйбышеве. У Байды было мало сведений (фронтовые данные уже устарели), поэтому «гость» проинструктировал его, чем интересоваться, передал большую сумму денег и ушел. Больше он не появлялся, хотя теперь у Байды было что рассказать.

Как выяснили работники управления, этот бывший чин полиции был интересовавшим их сотрудником отдела генштаба одной «дружественной» страны. Но к этому времени он выехал в Иран...

Следствие закончилось, можно было докладывать начальнику управления.

Вечером, собираясь домой, Геннадий спросил:

— Что теперь с ним будет, Тимофей Иванович?

— Что ж, дело передадим в трибунал, а он решит, — ответил Жеромский. — Конечно, Байда не Сидней Рейли, но шпион есть шпион. И напакостил бы он порядком, не будь нас, не будь надзирателя Яшкина и многих других, кто помогал нам. Не будь, наконец, того, кто первым обратил на него внимание, как его, Михаил Гаврилыч, что ли?.. Знакомец твой по заводу... Ты, кстати, хоть поблагодарил его?

— Нет еще, — ответил Геннадий и, чувствуя, что краснеет, вспомнил, как не придавал значения сообщению Гаврилыча. Поборов смущение, закончил: — Завтра утром еду на завод...

ДВА БИЛЕТА НА «ЖИЗЕЛЬ»

1

Театральный подъезд был ярко освещен. До начала спектакля оставалось еще полчаса, и люди не спешили. Татьяна не любила опаздывать. Гораздо приятнее не торопясь раздеться, придирчиво осмотреть себя в зеркало, поправить прическу. И, чего уж тут скрывать, ей приятно было ловить на себе в том же зеркале взгляды мужчин. Стройная, молодая, с маленькой головкой, украшенной тяжелым жгутом золотистых кос, она невольно привлекала к себе внимание.

Места были отличные. Четвертый ряд. И у самого прохода. Таня с матерью побродили по фойе, после второго звонка вошли в партер.

— Таня, не забудь программу, — сказала Надежда Михайловна и оставила дочь одну, устремившись к окликнувшей ее знакомой.

Но билетерша, стоявшая у дверей, развела виновато руками:

— Только что кончились.

Однако огорчение быстро прошло. Рядом с Таней оказался внимательный и предупредительный мужчина. Когда они уселись, он протянул программу, улыбнулся и сказал, четко и старательно выговаривая слова:

— Пожалуйста, посмотрите. Я уже прочел.

Таня благодарно кивнула и вместе с матерью склонилась над длинным узким листком плотной глянцевой бумаги.

Зазвучала музыка. Раздвинулся занавес. Балерина, танцевавшая партию Жизели, сразу приковала к себе внимание Тани своей грациозностью, хрупкостью, нежностью. Они не были знакомы. Но каждый раз, встречая на улице эту тоненькую, с глазами-озерами и опущенными длинными ресни-

цами девушку, Таня здоровалась с ней. Услышав приветствие, она поднимала голову и, застенчиво улыбнувшись, отвечала певучим и тихим голосом:

— Здравствуйте!

Фамилия танцовщика, исполнявшего роль Альберта, тоже не сходила с афиш. Совсем молодой и не так давно появившийся в городе, он был уже заслуженным. Газеты писали про него, что он образец балетного кавалера, его поддержки точны и изящны, что он воплощение галантности, благородства и грации.

И сегодня артист необычайно хорош. Уже первое появление Альберта, который торопливо пробирался к дому Жизели, закутанный в плащ, несло с собой ощущение едва уловимой волнующей тайны.

Как ни увлечена была Таня спектаклем, а все-таки не могла не заметить взглядов, которые искоса бросал на нее сосед. Они не были назойливыми и не раздражали. Скорее наоборот — робко-почтительные.

Таня была уже замужем, и счастливо. Но через год после свадьбы муж попал в автомобильную катастрофу. С тех пор Таня редко кого из мужчин удостоивала вниманием. А над объяснениями в любви, в которых не было недостатка, откровенно смеялась. Но вера в то, что еще придет к ней ее настоящая любовь, не гасла.

Таня тоже поглядывала на соседа. Его лицо привлекало. Про такие лица говорят: волевое, энергичное. Серые внимательные глаза, прямой, с еле приметной горбинкой нос, крупный, твердый, красиво очерченный рот, глубоко раздвоенный широкий подбородок и аккуратный пробор. Отлично сшитый костюм, галстук.

Во время антракта сосед сказал, обращаясь сразу и к Надежде Михайловне и к Тане:

— Представьте себе, я никак не ожидал, что в Куйбышеве такой превосходный балет. Кстати, я в Большом театре видел в роли Альберта Кирилла Сергеева.

— Сергеев? — у Тани заблестели глаза. — Сколько раз была в Москве и ни разу не удалось попасть на «Жизель».

Мужчина рассмеялся.

— Это несложно. Будете в Москве, позвоните. И попадете на любой спектакль, в любой театр.

Он попросил у Тани записную книжку, записал но-

мер телефона и незаметно для Надежды Михайловны вернул книжку.

Потом, извинившись, представился:

— Макс Питнер.

Надежда Михайловна и Таня называли себя.

— Если вы не возражаете, мы слегка прогуляемся по театру. Я не успел его посмотреть.

Прогуливаясь по фойе, он буквально засыпал женщин именами крупнейших столичных и ленинградских артистов, с которыми если не был знаком лично, то игру их смотрел и знал очень хорошо. Оказывается, он почти свой человек и в Малом, и на Таганке, и на Малой Бронной, и в театре сатиры.

Второе действие они смотрели уже как добрые знакомые, при наиболее удачных па и поддержках встречались взглядами. Печальная история, рассказанная языком балета, казалось, размягчила и растрогала всех троих. Предупредительно подав в раздевалке пальто сначала матери, потом дочери, попросив разрешения проводить их, Питнер долго шел молча.

«Какой интересный человек, — думала о нем Таня. — К искусству близок. Хорошо воспитан. Совсем не назойлив. Другой сейчас бы болтал без передышки, чтобы понравиться. А он молчит. Значит, переживает балет. Интересно, кто он по специальности?»

Задумавшись, Таня не расслышала, что сказал Питнер. Надежда Михайловна даже сделала замечание:

— Таня, по-моему, это не очень вежливо.

— Что, мамочка?

— Товарищ Питнер спрашивает, не могли бы мы ему показать город. Он впервые в Куйбышеве.

— Конечно, можно. Завтра же воскресенье.

Таня вернулась домой в приподнятом настроении. Но когда во время позднего ужина заговорили о новом знакомом, мать заметила, что Питнер, судя по произношению, иностранец.

— Я думаю, что он из Прибалтики, — ответила задумчиво Таня. — А тебе он не понравился?

— Мне не понравилось, что он тайком дал тебе свой телефон. Вырви и выкинь этот листок.

— Нет, мама, так нельзя. Ты слишком подозрительная, и мне кажется, он понял, что ты отнеслась к нему с недоверием.

— Между тем, Татьяна Павловна, я прирожденный турист. Люблю новые города, новые реки, новых друзей. Кстати, когда я ехал сюда, посмотрел кое-какую литературу о Самаре. У вас здесь, оказывается, жил молодой Ленин. Удивительно!

В разговор вмешался шофер такси:

— Почему удивительно? Нам кажется, много и быть не могло. Если бы он не у нас жил, то мы, пожалуй, и обиделись бы.

И странное дело, Таня с удивлением заметила, как растерялся от этой колкости Питнер, как беззвучно пошевелил губами и смолк.

Только через несколько минут он обрел равновесие и привычный независимый и слегка снисходительный тон.

— Когда-то, до революции, Самару называли русским Чикаго. Ну а сейчас она не потеряла эту славу?

— Ну что вы, Макс. Девятый город страны по населению. И по промышленности не многим уступает.

— Что вы говорите? А я думал, для вашего города гораздо характернее культура. Опера, драма, строящийся Дворец спорта, пединститут, набережная.

— Да мы ведь еще не были в новых районах. А они выросли в ходе войны и после. Но и в старых кое-что есть. Я вам показывала завод «Автотрактородеталь», станкостроительный. Их ведь знают в десятках стран.

Легкая гололедица покрывала шоссе. И, когда въехали в один из крупных заводских районов города и Таня стала говорить о том, что здесь совсем еще недавно был пустырь и росли дикие яблони, Макс попросил водителя быть осторожнее и сбавить скорость.

— Гололед не тетка.

Таня рассмеялась. Остряк, однако, этот москвич. Умеет переиначивать пословицы.

Туристский маршрут их оказался короче, чем она предполагала.

— Тут есть где-нибудь поблизости ресторан? — спросил Питнер.

Таня покачала головой:

— Я редко бываю в этом районе, не знаю.

Таксист знал все. Подвез к ресторану.

— Здесь неплохо кормят и довольно уютно.

Питнер протянул водителю десятку — немного больше того, что значилось на счетчике, — и сделал рукой жест, означающий, что сдачи не надо. Шофер аккуратно отсчитал сдачу и вернул ее щедрому пассажиру:

— Чаевых не берем.

Питнер смешался:

— Я думал, у вас семья...

— У всех семья, дети, так что из этого? — нахмурился шофер. — Если я вам предложу пятерку так, за здорово живешь, что вы мне скажете? — и, не дожидаясь ответа, уехал.

Таня не очень понимала, почему надо было обедать здесь, в ресторане на окраине? Почему не в центре города?

В этот еще далеко не поздний час ресторан нельзя было назвать перенаселенным. В глубине зала стояли и совсем пустые столики. Но Макс, оглядевшись, направился к столику, за которым сидели два молодых человека.

— Мы вам не помешаем?

Один из двух — высокий рыжий парень — радушно улыбнулся:

— Пожалуйста. Очень рады.

Второй, с узким кавказским лицом, с черными смолистыми кудрями, все время спускавшимися на глаза, покучнее сдвинул к центру стола посуду и сделал широкий жест:

— За столом у нас никто не лишний.

Таню несколько удивило поведение спутника. Ведь можно было занять и отдельный столик. Вон их сколько. Но тут же оправдала Питнера: «Ну что же, просто очень общительный человек. А остаться со мной наедине, наверно, стесняется. Да и мне в присутствии людей с ним легче».

Так думала, а все-таки в душе испытывала не осознанную до конца досаду и боялась себе признаться, что Питнер все больше и больше интересуется ею.

Ребята пили водку. Питнер заказал коньяк и небрежно махнул официантке:

— Где наша не прогуляла. Несите пару бутылок.

Молодые люди захохотали.

— Вы, наверное, артист? — сказал рыжий.

Питнер на минуту задумался. Потом расплылся:

— Почему вы решили?

— Да я в каком-то спектакле похожую шутку слышал: «Что с воза упало, то не вырубишь топором».

Официантка принесла коньяк, соленых грибов, заливное с хреном, лимон, нарезанный прозрачными ломтиками. Ребята уже опорожнили свои рюмки, и Питнер, ни слова не говоря, наполнил их коньяком. Молодые люди запротестовали:

— Зачем вы? Мы сами можем.

Рыжий полез во внутренний карман пиджака, а его друг пояснил:

— У нас сегодня праздник. Колька такую штуку придумал! И в газете про него напечатали, и премию большую получил.

Колька вынул из кармана несколько десятирублевых. Но Питнер заставил положить их обратно.

— Прекрасно! Мы поздравляем вас, Коля, и выпьем за ваши успехи! А пока вы будете пить за наши.

Против такого варианта ребята не возражали. К ним снова вернулось отличное расположение духа, и после рюмочки коньяку они уже смотрели на своих новых знакомых как на старых добрых друзей.

— Нет, ты покажи, Колька, газету товарищу. Пусть посмотрит, на что способен рабочий класс! — вдруг стал настаивать черноволосый.

Коля нерешительно, но с явной готовностью посмотрел на Таню. Вообще, как только она и Питнер сели за столик, рыжий юноша то и дело поднимал на нее глаза. Однако ответил Питнер:

— Конечно, конечно, покажите. Всегда приятно узнать про новых передовиков.

Коля вынул из внутреннего кармана газету, развернул ее. По названию Таня узнала многотиражку большого завода, с которым у ее лаборатории были тесные связи.

— Вот видите, наш Колька тут вместе с инженерами на равных, — всю рекламу своего друга черноволосый, назвавший себя Арутюном.

В самом деле, на групповой фотографии вместе с четверьмя людьми в галстуках и, по всей вероятности, в выходных костюмах был снят взъерошенный, одетый в свитер с широким и высоким воротником Колька. В подписи говорилось, что творческая группа 4-го цеха в составе инженера-конструктора, инженера-механика,

инженера-сварщика и слесаря-сборщика изобрела и испытала уникальную установку по закалке деталей токами сверхвысокой частоты. Время на эту закалку сокращалось теперь почти в пять раз. Этим слесарем и был Коля.

Там было написано что-то еще, но Макс, потянув газету к себе, не дал Тане ее дочитать.

— Поздравляю, поздравляю, Коля! — почему-то скороговоркой зачастил Питнер. — Молодцы, ребята! Высоко держите марку рабочего класса!

Макс не забывал и Таню. Щелкнул ножом по бутылке коньяку, потом по большой черной болгарского сухого вина. Тане не хотелось пить. Коньяк она не любила и согласилась на «Шипку». Питнер наполнил бокал до краев и провозгласил тост за нее. Ребята смотрели на Таню чуть ли не с обожанием и несли какие-то милые глупости, желая счастья в самых его разнообразных проявлениях, вплоть до того, что совсем осмелевший Арутюн отколол:

— Пусть у вас будет много таких же красивых детей, как вы сами.

Она от души рассмеялась и тут же ойкнула: на новом праздничном платье расплылось винное пятно. Пришлось поспешить в туалетную комнату, чтобы смыть его холодной водой.

Когда вернулась, мужчины провозглашали очередной тост. Газеты на столе не было. Разговор шел о директоре завода. Рыжий превозносил его до небес. Арутюн, наоборот, относился к нему скептически и приводил примеры, которые низвергали руководителя громадного коллектива с неба на землю.

Остаток вечера Макс был очень любезен и предупредителен. Всерьез обеспокоился тем, что платье могло быть испорчено, и предложил Тане сразу купить новое. Она отказалась.

— Что вы, Макс, разве можно так швыряться деньгами!.. И потом... это же пустяки. В конце концов есть химчистка, выведут.

Но все равно он был удручен происшествием. Вернулись в центр. Хотели попасть в театр. Шел «Ричард III». Но опоздали. Попали в кино на последний сеанс. Фильм был скучный. Таня только изредка смотрела на экран. Макс держал ее руки в своих больших и теплых ладонях и время от времени тяжело вздыхал.

— Что с вами, Макс? — спросила она его шепотом.

Он молчал, потом ответил, сжав ее пальцы:

— Мне так не хочется покидать ваш город, Таня. А завтра кончается командировка. Знали бы вы, как я одинок!

— Я провожу вас?

— Не нужно. — Он поцеловал ее руки. — Лучше я вас встречу в Москве. Мне вам так много надо сказать, Таня. Но я знаю, этого не говорят на второй день знакомства. Я буду вас ждать. Обещайте найти меня в Москве.

Таня обещала.

3

И исполнила свое обещание. Ей очень хотелось встретиться с Максом. Он заинтересовал, увлек ее. В мечтах Таня шла дальше простого знакомства и случайных встреч. Ей казалось, что Макс мог бы быть ее другом и мужем. Внимательный, заботливый, красивый. Театр — часть его жизни. Хоть разговор и не заходил о его профессии, но ясно, что он близок к искусству. Возможно, режиссер или работник Министерства культуры.

Потом спохватилась и ругала себя: «Ох и дура же ты, Татьяна. Только встретила человека — и готово: влюбилась. Замуж собралась. Глупость сплошная. Лучше о работе думай».

Но работа, ее научная работа, и привела ее в Москву.

Была пятница. Пока она устроилась в гостинице и переоделась с дороги, наступил полдень. Не было смысла ехать на два-три часа в центральную лабораторию. Впереди два выходных. Можно сходить в театр, побывать в магазинах. Она так и не решила: звонить Максу или нет?

Позвонила в субботу, когда узнала из театральной афиши, что в Москве гастролирует знаменитый польский «Голубой джаз», но достать билет оказалось невозможно.

Питнер пришел в восторг от ее звонка и тут же приехал. Что таить, Таня тоже была рада его видеть. Недавние сомнения отступали. Ей было просто приятно с ним. Он сразу достал билеты на «Голубой джаз» и

вообще окружил таким вниманием и заботой, что у нее не было времени для размышлений.

Концерт ей понравился. Во время антракта, когда они стояли в буфете, она растроганно и благодарно улыбнулась Питнеру:

— Теперь я верю, Макс, вы действительно волшебник. Ведь у нас спрашивали билеты за добрый километр. Кто же вы в самом деле? Где работаете?

Он поднял бокал с шампанским.

— Давайте выпьем на «ты». А уж потом я вам открою тайну, хотя ее нет.

И Питнер сказал, что работает в комитете по культурным связям с границей.

Тане было хорошо и весело в этот вечер. И во второй и третий тоже. Правда, больше ни в один театр они не попали. Все как-то получалось, что они не успевали к началу, хотя, как уверял Макс, у него даже билеты были в кармане. Чаше они уезжали за город. Макс у нравилось на ходу менять маршрут, пересаживаться с автобуса на такси или троллейбус.

— Нет ничего скучнее запланированных поездок, — шутил он. — Надо быть там, куда позовет сердце сейчас, сию минуту.

Она не возражала. Дни проходили как-то бездумно, словно во сне. Она не могла сосредоточиться даже на работе, рассеянно выслушивала своего научного руководителя, а в мыслях была далеко от всего этого.

На последние дни командировки у нее оставалось поручение от руководителя лаборатории. Нужно было сходить в министерство и оформить документы на необходимое ее куйбышевским коллегам оборудование. Но человек, который должен был подписать ее бумаги, заболел. И будет на работе, как сказала секретарша, только через неделю.

Таня не знала: радоваться ей или огорчаться. Хотелось и в Москве побыть, с Максом, и тревожило какое-то смутное сомнение: что же у них за отношения? Дружеские? Или просто глупый флирт?

Она позвонила ему из автомата.

— Макс, у меня неприятности.

В трубке молчание. Показалось, отчуждение.

— Алло, ты слышишь, Макс?

Чуть ли не заикаясь, он спросил:

— Что за неприятности? Какого рода?

— Заболел человек, который должен подписать наряд на оборудование.

Макс повеселел:

— Ба! И это ты считаешь неприятности? Вот уж правда: у семи нянек дитя без слез. Приезжай сейчас же ко мне.

— Куда я должна приехать?

— В «Интурист».

— В гостиницу?

— Ну да. Поднимайся на четвертый этаж, я встречу тебя.

Она не могла понять, почему он приглашает в гостиницу. Но мало ли почему? Человеку, который работает в комитете по культурным связям и имеет постоянно дело с представителями зарубежного искусства, полагается для приемов, бесед, встреч иметь гостиничный номер.

— Ну вот, будь как дома! — впервые заключив ее в объятия, сказал Питнер. — Раздевайся. Может, примешь ванну?

Она испуганно затрясла головой.

Макс усадил ее на диван, поставил на низенький журнальный столик вазу с апельсинами и раскрытую коробку конфет.

— Теперь буду бездельничать и ждать, когда появится этот начальник, — пыталась она отмахнуться от недавнего огорчения.

— Ну и хорошо. Неужели это оборудование так смертельно необходимо?

— В том и дело. Серию опытов, которые мы сейчас проводим, без него нельзя закончить.

Она увлеклась и довольно подробно стала раскрывать суть научных экспериментов, порученных ей и ее группе. Потом спохватилась:

— Да что я тебе голову забиваю разной ученой мурой? Тут и своя-то голова иногда кругом идет.

— Нет, мне все интересно, Танечка. Все, что тебя волнует. А потом, я тоже чуть инженером не стал. Пожалуй, даже зря политехнический на последнем курсе бросил...

Зазвонил телефон. Но Макс не торопился снять трубку. Почему-то вдруг спросил Таню, какой она язык изучала в институте. Даже потом самой себе она не

могла ответить, почему соврала, что заставило ее сделать это.

— Немецкий.

Немецкий она совсем не знала. Учила английский.

В глазах Макса мелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Жаль. Сегодня меня будут осаждать англичане. Мог бы познакомить. Есть интересные люди. — Он снял с рычага трубку.

Разговаривал он с кем-то по-английски. Говорил о пустяках. А потом стал называть цифры, достал записную книжку и что-то записал.

Разговор заметно поднял настроение Макса. Он стал насвистывать какой-то игривый мотивчик. Потом сбегал в буфет, принес бутылку вина, кофе, бутерброды.

— Давай позавтракаем, Танечка, и пойдем в магазин. Я хочу сделать тебе презент. — Он достал из портфеля дорожный несессер и, извинившись, удалился в ванную комнату.

Неприятное беспокойство охватило Таню. Какой-то странный разговор Макса по телефону, его вопрос, какой язык она изучала. Что все это значит?

Когда Макс вышел из ванной, она приводила в порядок прическу.

4

Дежурный офицер управления Комитета государственной безопасности подал Тане стакан воды.

— Пожалуйста, успокойтесь. Возьмите себя в руки. Иначе вы ничего не сумеете рассказать.

А она и в самом деле ничего не могла рассказать толком. Перескакивая с пятого на десятое, повторялась, цеплялась за мелочи, хотя понимала, что надо сначала изложить главное, суть. Подробности понадобятся, очевидно, потом.

Старший лейтенант дружески улыбнулся:

— Давайте сделаем так. Вы сейчас очень устали, напряжены. Взволнованы. В конце концов, час-другой в этом деле не так уж много значит. Отдохните, а потом изложите все. Берите ключи от четвертой комнаты. Там есть диван.

Старший лейтенант проводил ее взглядом, дождал-

ся, когда захлопнется за поздней посетительницей дверь комнаты, потом набрал номер телефона.

— Товарищ полковник, пришла Костылева Татьяна Павловна, сотрудница отраслевой лаборатории. Имеет заявление по поводу действий австрийца Макса Питнера. Помните, зимой приезжал по культурным связям? Женщина очень волнуется. Просит принять немедленно.

Дежурный услышал чирканье спички о коробок. Полковник, должно быть, закуривал, потом сказал:

— Что же, немедленно так немедленно. Высылайте машину.

Таня вошла в кабинет полковника, покусывая губы. Виновато улыбнулась:

— Вы извините, пожалуйста. Я вас в самую полночь всполошила. Наверно, лучше было подождать до утра.

Навстречу ей поднялся плотный невысокий человек с седыми висками.

— Здравствуйте, Татьяна Павловна. Очень хорошо, что вы пришли сразу, не колеблясь. Василий Георгиевич, — обратился полковник к дежурному, — не могли бы вы нам по стаканчику чаю организовать?

— Будет сделано, товарищ полковник.

Она старалась изложить все подробно и последовательно. Иногда сбивалась. Полковник не перебивал ее. С какого момента она начала встречную игру? Пожалуй, с телефонного разговора Питнера в гостинице. С этой минуты главной заботой было не выдать себя, не подать вида, что она в чем-то заподозрила Макса. И не от страха за себя, хотя и очень боялась, что внимательный и чуткий «друг» может расправиться с ней.

Как ей хотелось убежать тогда из ювелирного магазина, сорвать с шеи это дорогое кольцо. Она понимала: он покупал ее. Но нашла в себе силы улыбаться, тут же, в магазине, коснуться губами щеки Макса. Вот оно, переливаясь драгоценными камнями, лежит сейчас на столе перед чекистом и распространяет сияние, словно перо сказочной жар-птицы.

Командировка ее затянулась. Тот работник, от которого зависела подпись нужных бумаг, оказался из тех, кто подолгу согласовывает и утрясает. Заведующий лабораторией нервничал. Прислал несколько телеграмм. Требовал, возмущался, грозил выговором.

Питнер успокаивал:

— Выговор на воротах не виснет.

Теперь она поняла. Это не юмор. Это плохое знание русских пословиц. Встречались они почти каждый день. Но о театрах он больше не заикался — предпочитал прогулки за городом и рестораны. День ото дня был нежнее, внимательнее.

Наконец сделал предложение.

— Я свободен. С женой разошелся пять лет назад. Знаю и чувствую: ты единственная, с которой буду счастлив.

Потом добавил, что есть несколько чисто формальных препятствий, но он их за полгода легко устранил. Таня не стала допытываться, какие это формальности. Рассчитывала: раскроет сам. И не ошиблась. Только сделал он это в последний день перед ее отъездом в Куйбышев.

Сидели в Измайловском парке. В густой липовой аллее. Гуляющих в этот час было мало. Никто не мешал разговору. Макс вздыхал, то и дело подносил руку Тани к губам, старательно и искусно изображал глубокое внутреннее страдание от предстоящей разлуки. Наконец заговорил:

— Я благодарен тебе, Таня, за то, что ты не отказала мне и обещала подумать. Я за эти полгода улажу все свои дела и все формальности, чтобы не было никаких препятствий. Но у меня есть к тебе умоляющее предложение: совершить со мной свадебное путешествие до свадьбы. Нет, нет, ничего такого не будет, — поднял он успокаивающе ладонь, — мы поедем, если хочешь, просто как друзья. Но путешествие необходимо для того, чтобы обеспечить нам будущее.

— Это очень серьезно, Макс, и я должна подумать, — задумчиво ответила Таня.

К этому разговору Питнер возвращался все время до отъезда.

...— Татьяна Павловна, а вашей лабораторией он интересовался? — спросил полковник.

— Спрашивал очень осторожно. Я сначала напугалась: если начну выдумывать, он может понять и заподозрить, что раскусила его. А тут вдруг вспомнила, что в одном из научных журналов директор института уже писал про нашу работу. Ну, в общем, писал то, что можно знать всем. Статья была большая, читала я ее внимательно. Запомнила. Ну и выдавала я ее понемножку, как только заходила речь о нашей работе.

— Он поверил вам?

— Думаю, что да. Я это почувствовала при прощании.

Окончательное объяснение состоялось в сквере, неподалеку от вокзала. Не выпуская из рук Таниной ладони, Питнер заверил, что настоящий смысл жизни он понял только встретив Таню, просил не отвергать и, все обдумав, принять его предложение... совершить путешествие.

— Хочешь знать, почему? — спросил он.

Она согласно кивнула.

— Я гражданин другого государства. И даже не социалистического. Но очень хочу быть советским человеком. И очень хочу на тебе жениться.

Удивление ее было вполне естественным. Таня даже отодвинулась от Питнера. Но он обхватил ее за плечи.

— Ты должна меня выслушать. Иначе я умру от отчаяния. Мой отец — австриец. Мать — русская. Ее вывезли в нашу страну немцы в начале той войны. Отец женился на ней. Он давно умер. И мы с матерью хотим вернуться в Россию. Для этого все готово. Но у меня невыполненный договор с одним венским издательством. Я обещал путевой репортаж от Москвы до Новосибирска. Аванс уже прожит, а сроки сдачи кончаются. С меня требуют его назад. Это большие деньги. А если закончу и сдам, у нас их будет много, хватит на несколько лет. Но ты должна мне помочь.

— Чем?

— Свадебным путешествием. Если я обращусь по официальным каналам, мне могут не разрешить. Я аккредитован как журналист. Мы поедем с тобой как муж и жена. И никто не придерется. Я буду наблюдать, разговаривать, записывать, советоваться с тобой — все будет отлично. Мы издадим великолепную книгу о Советском Союзе, где будет одна правда. А это уже политический багаж, который пригодится мне для того, чтобы стать гражданином СССР, хотя я имею кое-какие заслуги и сейчас, работая по развитию культурных связей.

— Не знаю, Макс, я просто огорошена. Все это так сложно. Я же на работе. Меня никто не отпустит.

Она понимала: нельзя быстро соглашаться. Но кто знает, что произойдет, если она откажется...

...Заново переживая все, Таня заплакала.

Полковник поднялся из-за стола, положил руку на вздрагивающие плечи молодой женщины.

— Не надо, не надо плакать.

— Я, наверное, вела себя с ним как настоящая дура... — глотая слезы, сказала Таня. — Ведь все, что я о лаборатории разболтала, он теперь за границу передал...

Таня вытерла глаза.

— Я сказала, что привыкла советоваться с мамой. Что ничего не делаю без ее согласия. Тогда он стал умолять меня не открывать матери ничего до того времени, как поженимся, говорил, что мать может не понять всех тонкостей положения и погубить наше счастье. Кончилось все тем, что я обещала сама принять решение и сообщить ему. Или телеграммой или открыткой.

Полковник подошел к окну, отдернул тяжелую штору и распахнул окно. В комнату дохнуло рассветной свежестью. Он помолчал, потом вернулся к столу.

— На сегодня все, Татьяна Павловна. Вам надо отдохнуть.

Он проводил ее до двери и еще долго оставался в кабинете, раздумывая о Максе Питнере, об этой молодой красивой женщине, на которую вдруг свалилась беда. Жила она, как и тысячи других, училась, работала, любила. И, конечно уж, не подозревала, что враг может оказаться вот так рядом, в личине друга, любимого человека. Такое ей не могло, пожалуй, даже присниться. А случилось именно так. И теперь ей придется собирать все силы и мужество, чтобы доказать, что она с честью несет звание гражданина своей Родины. Сумеет ли она до конца довести добровольно взятую на себя роль? Это не всегда просто даже в кино, где нужно перевоплотиться только на час. В борьбе ставкой иногда становится собственная жизнь.

Проводники мягкого вагона относились к этим двум пассажирам со скрытым недоброжелательством: эгоисты. Поезд забит, мест не хватает. А они вдвоем в купе на четверых. Бешеные деньги, что ли?

Вскоре весь вагон знал, что в пятом едут молодожены. Кто-то осуждал, кто-то добродушно посмеивался:

— Что же, всем влюбленным свойствен эгоизм. Во время медового месяца они игнорируют человечество. Простим их.

Питнер вел себя настоящим рыцарем. Молодоженами они были только для окружающих. По утрам Питнер приносил чай, заботился о горячем завтраке. Был предельно предупредителен и вежлив.

Днем он просиживал у окна. Смотрел зорко и неотрывно. По временам раз за разом быстро наводил фотоаппарат и фотографировал то, что ему нравилось.

Порой он подзывал Таню к окну, громко восторгаясь:

— Посмотри, какая прелестная роща!

Она чувствовала фальшь и под нежной улыбкой прятала желание залепить ему по физиономии.

А Питнер, приходя в восторг от красивых рощ и затейливо украшенных резьбой изб, фотографировал мосты, заводы, изредка попадавшиеся аэродромы.

Всего несколько дней поездки. Какой-то миг в жизни, о котором и рассказать-то, пожалуй, потом ей будет нечего. Сидела в уютном купе мягкого вагона, смотрела в окно, улыбалась спутнику, «мужу». И все. Если не считать постоянного, не отпускающего ее даже во сне нервного напряжения.

«Нам очень важно, — вспоминала она наказ полковника, — чтобы это путешествие вы провели с ним от начала до конца. Главное — знать, где отснятая пленка».

За пленки можно быть спокойной. Питнер хранит их в чемодане. На остановках, выходя из вагона, не берет с собой даже фотоаппарата. Несколько катушек положил Тане в сумку. Не преминул при этом пошутить:

— Это самые лучшие кадры, они откроют нам счастливую жизнь.

Она согласно кивала головой и позволяла себе немного капризничать:

— Я устала от этого мелькания в окне, Макс, от стука колес.

— Еще недолго, дорогая. Обратно мы сможем вернуться на самолете. И в Москве поженимся.

5

Из Сибири Таня возвращалась уже без Питнера. Его взяли на одной из станций, когда путешествие их подошло к концу.

ВОЗМЕЗДИЕ

Трудно сказать, доходил ли звон колоколов из мест, где похоронены жертвы минувшей войны, до Степана Сахно, но с некоторых пор он совершенно потерял покой. Жил в Куйбышеве, работал на заводе, имел семью. Отвечая на расспросы близких, жаловался на недомогание, общую слабость. Обращался к врачам — те недоумевали: видимых болезней нет. Никто не знал, что болезнь его — тщательно скрываемый страх перед неотвратимым наказанием за преступления, совершенные в прошлом, довольно далеко.

...Полицаи 118-го шуцвахтбатальона выехали утром из села Плещеницы по направлению Минска. Немецкий гауптман Вёлке и несколько пулеметчиков ехали на легковой машине в середине, а впереди и сзади прикрывали их грузовики с полицейскими. У деревни Большая Губа им встретились колхозники, работавшие по указанию немцев на вырубке и очистке леса вдоль шоссе. Машины притормозили.

— Там есть партизаны? — спросили немцы, показывая вперед.

— Нет, не видели, — ответил кто-то из работающих.

Это было правдой. Совсем недавно, всего час или два назад, колхозники проходили по шоссе на работу и никого не встретили.

Полицаи отправились дальше, но вскоре их колонна была внезапно обстреляна из пулемета. Не рискуя вступать в открытый бой, полицаи повернули назад. Снова остановились у работающих, но на этот раз направили на них пулеметы и приказали пойти с ними. Ни в чем не повинные люди начали собираться, однако кое-кто, не ожидая для себя ничего хорошего от этого приказа, попытался укрыться в лесу. Каратели открыли огонь. Стреляли разрывными пулями не только по убе-

гающим, но и по тем, кто и не помышлял укрыться, сидел или лежал на земле на виду у карателей. За несколько минут они убили 26 человек, многих ранили. Не удовлетворившись этим, запросили подкрепление. Помощь незамедлительно прибыла из Плещениц и из другого батальона СС, расположенного в противоположной стороне, в Логойске. Началась проческа леса. Первую же деревню, попавшуюся на пути, окружили. Выставили пулеметы, пошли по домам выводить жителей.

Из крайней избы выгнали девочку-подростка и немощную старуху — ее с трудом подняли с постели. Двигались они медленно. Сахно торопил их, подталкивая прикладом винтовки:

— Ну, красавица в лохмотьях, быстрее пошевеливайся...

Девочка на секунду обернулась и посмотрела на Сахно. Сколько ненависти, нет, пожалуй, презрения было в ее взгляде! Потом снова обняла свою бабушку, с явным усилием поддерживая ее, и спокойно зашагала на другой конец улицы к большому сараю. Больше она не оглядывалась и не обращала внимания на окрики Сахно и его удары.

Из всех домов привели стариков, детей и женщин. Взрослых мужчин в деревне не оказалось. Сахно привел еще две семьи. Всех, почти двести человек, загнали в сарай, дверь закрыли. Полицай и эсэсовцы выстроились полукругом в нескольких шагах от сарая. Немецкие офицеры встали чуть поодаль. Офицер выкрикнул команду: сарай подожгли со всех сторон.

Некоторые попытались вырваться из огня, но тут же попадали под пули. В проеме появилась женщина с прижатым к груди ребенком. Защищая сынишку, подставила огню свою спину. Вот пламя уже охватило ее, начало подбираться к ребенку. Тогда в отчаянии она решилась на последнее: поставила сына на ноги и легонько подтолкнула в сторону от сарая. Мальчик сделал несколько неуверенных шагов неокрепшими еще ножками. Мать надеялась: полицай не станут стрелять по мальчику и он останется жив.

Сахно щелкнул затвором, загнал патрон, прицелился. Почти одновременно раздались рядом еще два-три выстрела и истошный крик матери. Мальчик упал.

Обхватив своих детей, рвались из пламени другие

женщины, но успевали сделать лишь два-три шага. Немцы и полицаи усилили стрельбу по сараю...

Нет числа зверствам, в которых принимал участие 118-й батальон, где служил Степан Сахно.

6 января 1943 года его «воины» сожгли 58 домов и школу в деревне Чмелевечи. Сахно лично поджег несколько домов. Всех жителей, в том числе детей, согнали на площадь и долго держали полураздетыми на морозе.

19 января провели карательную операцию в деревне Селище, где убили 7 человек.

18 февраля в деревне Котели убили четырех человек и сожгли 10 домов. В тот же день в деревне Заречье убили 12 мирных жителей и сожгли 30 домов.

5 апреля в деревне Рацсохи убили 8 человек, пытавшихся скрыться от карателей.

В июле—августе гитлеровцы провели новую карательную операцию под названием «Герман». Группенфюрер СС Фон Готтберг в своем приказе о плане операции заранее объявил ее участникам благодарность: в «успехе» он не сомневался. О начале кровавых действий возвестило фашистское радио: «Сегодня начинается «день икс».

Отмечен он был, как и прежние дни, массовыми расстрелами мирных жителей. Сохраняли лишь некоторых физически сильных и здоровых, которых угоняли в фашистское рабство. Населенные пункты сжигали.

Зверства фашистов и их приспешников не остались забытыми. Правда, долго оставались неизвестными исполнители этих кровавых дел. Чекисты поставили задачу разыскать их.

Началом многомесячного расследования злодеяний фашистов и их пособников, уничтоживших целые деревни и их ни в чем не повинных мирных жителей, явилось следствие по одному конкретному факту, начатое Управлением КГБ БССР по Гродненской области. Майору Колмакову, сотруднику Куйбышевского управления КГБ, поручили исполнить запрос этого управления о преступлении одного из полицаяв 118-го полицейского батальона, о котором было известно, что он убил несколько человек с целью ограбления. Нужно было допросить об этом Сахно как возможного свидетеля и показать ему фотокарточку подозреваемого на опознание.

На допросе Сахно нервничал, уходил от прямых вопросов, поминутно ссылаясь на плохую память и на то, что события эти были очень давно. Такое поведение допрашиваемого насторожило Колмакова и он, не ограничиваясь официальным допросом, еще не раз беседовал с ним, уточнял каждую мелочь. Сотрудник на ряде примеров убедился, что жалобы Сахно на плохую память не соответствуют действительности.

Сахно продолжал тщательно скрывать, настаивая на отсутствии памяти, не только названия населенных пунктов и фамилии сослуживцев, но и место своего зачисления в Советскую Армию. Колмаков проверил и узнал, что Сахно призван полевым военкоматом, расположенным там, где перед наступлением советских войск зверствовал какой-то немецкий полицейский батальон. Итак, след 118-го батальона найден!

Кропотливая работа по исследованию преступных дел немецкого батальона, по уточнению его списочного состава, выявлению конкретной преступной деятельности каждого, установлению местонахождения уцелевших карателей планомерно проводилась гомельскими сотрудниками. Колмакову же нужно было поработать с Сахно, попытаться оказать на него психологическое воздействие с целью получения правдивых сведений, что могло значительно ускорить расследование. Рассчитывали, что «оживление» в памяти обстановки тех лет, показ мест совершения преступлений могут побудить его правдиво высказаться о фактах прошлого.

К нему продолжали обращаться как к свидетелю, всячески подчеркивая это и высказывая надежду, что он окажет необходимую помощь в установлении истины. Сахно начал охотно сообщать о своих сослуживцах, восстанавливать в памяти некоторые события, уверяя в своей искренности и постоянно подчеркивая свою непричастность к преступлениям.

Колмаков понимал, что имеет дело с умным, опытным, очень осторожным и хитрым противником, тщательно обдумывающим и контролирующим свои сообщения и навязывающим сотруднику свою игру под видом простоты и откровенности, чтобы скрыть преступления и уйти от ответственности. Человек наблюдательный и внимательный, он пытался вывести: что же известно в органах госбезопасности о конкретной деятельности полицаяв, кто из них обнаружен. В первое

время он давал показания только о тех, местонахождение которых, по его мнению, невозможно было установить, или о тех, кого нет в живых.

Сотрудники решили переиграть Сахно. В одной из бесед Колмаков, как бы сожалея, упомянул, что не удастся разыскать полицаев Кнапа и Лозинского, которые могли бы кое-что рассказать. На самом же деле эти бывшие полицейские были найдены, допрошены как свидетели, но никаких показаний о карателях, в том числе о Сахно, не дали. «Мысли вслух» Колмакова Сахно оставил без внимания, как бы даже не слушал его. Однако во время одного из допросов, когда следователь проявил интерес к Лозинскому и Кнапу, Сахно начал давать развернутые показания о преступлениях Кнапа и Лозинского — первые сведения о причастности их к преступлениям, получившие потом полное подтверждение. Кнап, в свою очередь, прочитав показания Сахно, дал подробные показания, изобличающие Сахно и Лозинского. Подтвердил свои показания и на очных ставках с ними.

Позднее Сахно начал сообщать подробности уничтожения батальоном одной деревни, названия которой якобы не помнил. Когда Сахно ушел, гомельский следователь воскликнул: «Это же близ Хатыни...» По отдельным деталям подробного рассказа он понял, о какой деревне идет речь. Все, что было рассказано, мог знать только участник или очевидец.

На другой же день утром Колмаков повез Сахно в район Хатыни, за сотни километров от тех мест, где якобы действовал батальон. Ехали молча. Постояли на пепелище. Колмаков негромко произнес: «Это было здесь». Он успел заметить, что Сахно весь съежился еще при въезде в то место, где была деревня, а при словах «Это было здесь» вскинул глаза на бугорок — там в день преступления стояли каратели с автоматами и пулеметами.

Много дней водил Сахно сотрудника по селам Белоруссии, где якобы был их батальон. Он старался увести следствие на ложный путь, затянуть, затруднить установление истины. Потом Колмаков и гомельские товарищи повели его сами в другие районы по местам, где жгли и стреляли по команде эсэсовцев они, полицаи. После каждого пепелища или оставшегося какого-либо, может быть, незначительного следа злодеяний

Сахно все больше мрачнел, оказавшись не в состоянии управлять полностью своим поведением и чувствами.

Более трех месяцев ходили и ездили по Белоруссии. Много месяцев продолжался словесный поединок между Сахно и работниками госбезопасности. Длительное общение с ним позволило Колмакову выявить слабые стороны его психического настроя, вовремя и умело использовать это в интересах установления истины. Здесь пригодилось умение Колмакова в своих пространных беседах дать понять допрашиваемому, что органам известны тот или иной факт преступления и лица, совершившие их, но при этом ничего не раскрывать.

Постоянное пребывание Колмакова около Сахно имело значение не только в смысле воздействия на него, но и по другим причинам. Нужно было оберегать этого человека от случайностей и как субъекта обвинения и как важного свидетеля. Не исключалась возможность уничтожения его сообщниками, способными на все.

Война застала Степана Сахно, которому тогда шел восемнадцатый год, в родной деревне под Киевом. Через некоторое время его вызвали в райвоенкомат и вместе с другими, не подлежавшими еще призыву в армию, направили в тыл страны. По пути колонну бомбили немцы, и, воспользовавшись этим, Степан возвратился домой. Через несколько месяцев его вновь пригласили в райцентр, но на этот раз вызов исходил от немцев, и Сахно больше домой не убежал. Большинство сверстников — земляков Степана — были направлены на работы в Германию, а он оказался зачисленным в гитлеровский полицейский батальон в Киеве. Прошел там курс обучения, принял присягу на верность фюреру, надел фашистскую форму и начал службу. Нес он ее аккуратно, за ним уже числилось несколько человек, задержанных во время ночного патрулирования по Киеву.

«Настоящая работа» началась осенью 1942 года, когда Сахно оказался в другом, 118-м полицейском батальоне, который направили потом в Белоруссию. Уничтоженные деревни, сожженные старики и дети, стрельба по безвинным жителям — все это было там, в Белоруссии.

Некоторые убегали из полицейского батальона в леса, к партизанам. Сахно не изменил фашистам, не

уходил из полиции, и до поры до времени эта служба его вполне устраивала. За «примерное» поведение немцы ему давали отпуска, и он не единожды приезжал в свою родную деревню и щеголял там в форме немецкого вице-капрала. Не из-за созвучности фамилий, а за разнузданный нрав и жестокость сослуживцы дали ему кличку «Махно».

В июле 1944 года с приближением фронта рота, где служил Сахно, стала отступать на запад в сторону города Лиды, однако ночью перед ними появились советские танки и все из роты разбежались кто куда. Сахно с небольшой группой полицаев спрятался в лесу. Надо было спастись. Утром они зашли в ближайший хутор, и там под дулами винтовок жители «добровольно» снабдили их крестьянской одеждой. В другом хуторе они дождались прихода частей Советской Армии.

Вчерашний brave полицейский смирно стоял перед советскими офицерами.

— Возьмите меня на фронт. Мои ровесники уже второй год воюют, а я вот под немцами был, в неволе фашистской землю копал...

И ни слова о службе в полиции.

В спешке наступления некогда было заниматься тщательной проверкой. Рассказ Сахно казался правдивым, искренним, и ему поверили.

Передо мной фотокарточка Сахно тех лет. Симпатичный деревенский парень. Красивые густые дугообразные брови. Ясные глаза кажутся непорочными, смотрят на мир чуть удивленно. И трудно поверить, глядя в эти чистые глаза, что на совести этого молодого парня сотни невинных жертв.

Вместе с теми, кто действительно был в этих местах в оккупации и рвался в бой, Сахно был записан в часть, идущую с боями на Гродно...

После войны, опасаясь разоблачения, Сахно не остался в родной деревне — подался в Куйбышев, устроился на работу, считал, что замел все следы. Забеспокоился лишь тогда, когда началась тщательная проверка. Цепляясь за старую придуманную легенду о своей жизни, он продолжал врать. Даже уезжая на допросы, заверял жену, что он только свидетель. «Старайся все вспомнить, говори только правду, помоги нашим органам разоблачить врагов», — настаивала она при прощании. Она еще не знала правды о нем. Не догады-

валась о причинах изменившегося поведения мужа, все относилась за счет алкоголя, которым Сахно начал увлекаться. «Я жил в футляре, всего боялся», — признался он потом.

Одно время после долгих раздумий его начали интересовать другие страны, но узнал, что военных преступников преследуют везде, почти во всех странах мира, и по международным соглашениям их положено выдавать. Тогда интерес Сахно к заграничной жизни пропал.

О том, что в карательных операциях фашистов в Белоруссии принимали участие полицейские подразделения, было известно сравнительно давно, однако не было материалов о 118-м батальоне, о конкретных лицах этой части, личном преступлении каждого в отдельности. Тот же Сахно несколько лет назад хотя и рассказал о своей службе в полиции, но категорически утверждал, что деятельность батальона сводилась к охране железной дороги и других объектов.

По показаниям некоторых других бывших полицейских получалось, что батальон хотя и направлялся на поиски партизан, но ни разу их не находил и всякий раз возвращался без результатов. По их словам выходило, что по приказам немцев они сжигали только те деревни, из которых жители ушли в леса или были эвакуированы. Они не называли сослуживцев по батальону, «не помнили» фамилий своих командиров. Некоторые из служивших в батальоне сразу после войны были осуждены, но обвинялись лишь в пособнической деятельности и были амнистированы. Свидетелей из числа пострадавших не было — все были уничтожены карателями. Солдаты полиции этого батальона набирались из других мест, поэтому оставшиеся в живых местные жители их не знали и не могли назвать.

Ничего не дала проверка подозреваемых и по их родным селам. Там в лучшем случае знали о том, что тот или другой служил в полиции, при немцах приезжал в отпуск, и ничего не могли сообщить об их конкретных преступлениях.

Для изобличения группы бывших карателей оперативным сотрудникам органов госбезопасности и следователям пришлось длительное время серьезно и кропотливо собирать материалы. Оказали существенную помощь данные, добытые из немецких архивов.

Важные показания о преступных делах некоторых лиц из полицейского батальона дал один из немецких свидетелей. Однако ни одной фамилии он не помнил, номера батальона не знал вообще. Бывший физкультурник, он запомнил лишь спортивные звания карателей. Командира батальона он назвал чемпионом по боксу. Этот был известен — гауптман Вёлке. Другого карателя свидетель именовал центром нападения в футбольной команде батальона. Колмаков решил поговорить с Сахно, надеясь узнать у него о футболисте. Это было в Гродно еще до ареста подозреваемых, и разговор шел за ужином в кафе. Заговорили о футболе. Сахно оказался знатоком этого популярного вида спорта, знал все футбольные новости, начал спорить о достоинствах того или другого игрока высшей лиги.

— Играл раньше сам или просто болельщик? — неожиданно спросил сотрудник.

— Играл. Был центром нападения. В батальоне.

Так стал известен еще один каратель, считавшийся свидетелем. Но этого еще было мало.

Как-то Сахно, вызванный Колмаковым, увидел у него на столе объемистые тома. Он не мог оторвать от них взгляда, но на расстоянии ничего не мог разглядеть. Пытался приблизиться, но ему не разрешили. Сотрудник заметил это, но молча продолжал работу.

Сахно не выдержал:

— Можете не говорить, кто свидетель, какие есть материалы. Скажите только: по этим делам, — он показал на тома, — мои руки в крови? Поймите мое состояние...

Потом он стал жаловаться: старается вовсю помочь следствию, а ему все нет веры. Он помогает даже в ущерб своему здоровью — ослаб настолько, что у него вот сейчас полные ботинки воды.

— О «детекторе лжи» слышали? — спросил Колмаков. — Основной принцип его действия — измерение потоотделения. Если испытываемый говорит неправду — оно резко повышается. Говорите правду — ноги будут сухими.

Другой раз, когда Сахно снова пытался уйти от правдивых показаний, Колмаков сказал:

— У вас сейчас мокрые ноги. Это к добру не приведет, можете безвозвратно погубить здоровье.

Сахно задумался. Потом сказал:

— Памятников погибшим понаставили, кто-то должен отвечать. — Это было после поездки на Хатынь. — Все, буду говорить правду.

В тот вечер он начал давать следователю развернутые показания.

Признание шло медленно. Рассказывая об участии батальона в карательных операциях, Сахно себе всюду отводил роль свидетеля событий.

О расстреле жителей, загнанных в сарай и подожженных, сначала рассказывал так:

— Выстроились мы перед сараем. Некоторые стреляли по горящему сараю, я не стал, вышел из строя и отошел в сторону.

— Попробовал бы он отойти! — сказал потом другой подозреваемый, Локуста, командовавший в тот день взводом. — Мы смотрели за ними в оба, да и немцы строго следили. Не могло такого быть, чтобы отошел!

Изобличенный собранными документами и на очных ставках, Сахно одним из первых разговорился. Его показания, так же как и другие, еще и еще раз перепроверялись, сопоставлялись, уточнялись. Необходимо было сделать это и потому, что иные преступники в надежде на снисхождение за откровенность начинают показывать необъективно, оговаривать других.

Пять карателей, привлеченных к ответственности, в числе которых был Степан Сахно, полностью разоблачены. Судебная коллегия по уголовным делам областного суда в Гродно, области, где были совершены злодеяния, рассмотрела дело по обвинению их в измене Родине. Четверо обвиняемых приговорены к расстрелу. Суд принял во внимание, что показания Сахно способствовали полному раскрытию обстоятельств преступлений и изобличению обвиняемых, и нашел возможность сохранить ему жизнь, осудив на длительный срок лишения свободы.

«ТУРИСТКА»

Однажды летом, когда день клонился к вечеру, в отдел КГБ города Жигулевска пришла женщина. Пожилая, но выглядела она для своих лет хорошо, среднего роста, с голубыми, когда-то веселыми, но уже поблекшими с возрастом глазами. Одета скромно, как все пожилые люди, но чисто, опрятно. Весь ее облик свидетельствовал о том, что она прошла нелегкую жизнь и закалилась в труде. Было заметно, что она взволнована, но высказаться не спешила, как бы демонстрировала свою выдержку. Работникам отдела казалось, что эта незнакомая посетительница в тот момент про себя говорила: «Вот смотрите, я сама к вам, чекистам, пришла и не с личной просьбой, а помочь вам разобраться в тех фактах отклонения от нормального поведения личности, которые, возможно, вас заинтересуют».

Молодой работник вежливо предложил ей сесть. Она поблагодарила и села, но продолжала молчать, как бы собиралась с мыслями. По первым нескольким фразам работник про себя отметил, что у посетительницы при разговоре чуть-чуть замечен, хотя она и говорит по-русски хорошо, акцент, схожий с выговором отдельных русских слов людьми из Прибалтийских республик. Подумал: «Кто она по национальности?». Однако сразу об этом не спросил, оставив занимавший его вопрос на потом, и приступил к делу.

— Прежде всего, — сказал чекист, — давайте познакомимся.

И назвал свою фамилию и имя.

Посетительница также назвала свою фамилию, имя и отчество и сообщила свой адрес, по которому она проживает. Подчеркнула, что она пенсионерка.

— Ну что же, Марта Романовна, — продолжал работник КГБ, — прошу рассказать, что вас привело к нам.

Какие у вас есть вопросы, которые требуют вмешательства органов КГБ? Не стесняйтесь, говорите. Я вас слушаю и готов помочь, если в этом есть надобность.

Марта Романовна окинула внимательным взглядом молодого чекиста и вроде бы с обидой сказала:

— Я к вам, молодой человек, пришла не по личным делам, не горесть свою излить на свою жизнь. Живу я, как и все советские люди, вполне хорошо. Извините меня, старую, возможно, я ошибаюсь из-за своей возрастной, можно уже сказать, из-за своей старческой мнительности, но дело это, как я думаю, касается вашей службы и может быть серьезным, очень серьезным. Но это вы сами разбирайтесь с начальством и оценивайте, как это требуется по закону.

Оперативный работник не подал виду, что он ждет рассказа о том, что ее привело сюда. Как бы поняв, что от нее ждут, Марта Романовна заговорила:

— Вы знаете, я только недавно с парохода. Ездила в Саратов, к своим родственникам. Масса впечатлений! Вы никогда не плавали по Волге? — И, не дожидаясь ответа, порекомендовала: — Обязательно при первой возможности прокатитесь по Волге. Это чудесно! Убеждена, что сожалеть не будете. Вы не представляете, какое это зрелище, какая красота волжской природы! Как красиво выглядит сама оваянная былинной славой наша Волга!

Работник вежливо поблагодарил Марту Романовну за советы, но, упреждая очередное отклонение от темы предстоящего разговора, спросил:

— А что же с вами произошло, приключилось в пути, среди этой волжской красоты?

И Марта Романовна начала рассказывать, что и как было:

— В Саратове я приобрела билет на пароход, следовавший из Ростова-на-Дону на север, кажется, до Горького. Пароход оказался экскурсионным. На нем находились не только советские граждане, но и иностранцы из разных стран, были среди них и немцы из Западной Германии...

— Сами понимаете, — продолжала посетительница, — сидеть в каюте и скучно и душно. Тянет на палубу, на воздух. Да интересно и на людей посмотреть, особенно на иностранцев. Посмотреть, какие они, эти иностранцы. Вот я день-деньской стояла и сидела на палу-

бе, чаще всего с книгой в руках. В разговор редко вступала.

— Однако, — развивала свою мысль Марта Романовна, — то ли моя внешность, то ли постоянное мое одиночество, то ли интерес к книге, которую я читала, а возможно, мой акцент, но, словом, что-то привлекло внимание одной молодой особы. Она поняла, что я не русская, заговорила со мной на хорошем русском языке, заинтересовалась книгой, которую я читала, и вообще спрашивала, кто я и откуда, где живу и где живут родственники и т. д.

Короче говоря, было много вопросов. Она теперь, уже бесспорно, уловила мой акцент, спросила: «Вы русская?». Я ответила, что нет. Тогда она, в порядке уточнения, задала вопрос: «Кто же вы? Ведь в вашей стране сотни национальностей и народностей. Можно и ошибиться». Я ответила, не скрывая и не преследуя никакой цели, что я местная, волжская немка, ездила к своим родственникам в Саратов и вот возвращаюсь в свой, теперь уже родной Жигулевск. В ответ незнакомка заявила: «Я сразу определила по произношению, что вы немка».

Так состоялось знакомство Марты Романовны с гражданкой ФРГ, некоей Маргарет Леман. Она представилась ей настоящим именем и отчеством, как это у нас принято. Марта Романовна считала, что произошло обыкновенное знакомство двух женщин, пожилой и молодой, жительниц разных стран — СССР и ФРГ, где различные политические и экономические системы, различные уклады жизни, различен, как сейчас говорят, и образ жизни. Ни то ни другое не могло быть препятствием к знакомству.

Маргарет Леман по внешнему виду была молодой женщиной, неброской внешности, но привлекательной и обаятельной, с оттенком застенчивости. Одета была просто, можно сказать, даже скромно. Она сторонилась молодежных компаний, но охотно знакомилась с людьми, вызвавшими интерес. Так в поле ее зрения оказалась Марта Романовна. Она не только интересовалась ее жизнью и жизнью других людей, особенно соплеменников-немцев, но и охотно рассказывала без каких-либо понуждений со стороны Марты Романовны о своем житье-бытье в Западной Германии.

Рассказала не только о прелестях западногерман-

ского «рая», но и о его отрицательных сторонах, которые усложняют жизнь простых людей... Все это выглядело правдоподобно, и на первый взгляд у советской собеседницы создалось убеждение в искренности Маргарет. О себе она сообщила, что работает служащей одной фирмы во Франкфурте-на-Майне. В сравнении с другими обеспечена хорошо. Тут же подчеркнула, что ее покоряет здесь, в России, простота обращения людей между собою, чего нет у них в Федеративной Республике, да и в других странах Запада.

— Так, казалось бы, в задушевных беседах с Маргарет, — рассказывала Марта Романовна, — я незаметно доехала до конечной остановки, где мне предстояло распрощаться со своей знакомой из ФРГ. Однако от бесед осталось кое-что такое, что заставляло задуматься, усомниться в задушевности, искренности. Это в конце концов и привело меня к вам, молодой человек.

Продолжая свой рассказ, Марта Романовна сообщила о том выводе, к которому она пришла, анализируя концовку беседы с заграничной знакомой.

— Я поняла, что она, конечно, не Леман, не Маргарет, как представилась. И вот почему. Она долго и подробно в начале нашего знакомства расспрашивала о Волге, волжских городах, их населении, экономическом росте, промышленности, учебных заведениях. Интересовалась и притоками Волги — Окой, Камой и другими реками Волжского бассейна, природой этих районов и тамошними городами, которые выросли на берегах этих рек. Со вздохом, как бы ненароком, воскликнула: «Хорошо было бы посмотреть все эти чудесные места. Они наверно не уступают по красоте просторам Волги, а может быть, и краше! Наверно там и города другие, с присущими только им особенностями. Я имею в виду новые города. Вот бы прокатиться по этим рекам и посмотреть тамошние города. Это было бы чудесно! — И вроде бы между прочим, а на самом деле умышленно, в порядке зондирования, заключила отвлеченно: — Наверное, эти места закрыты для постороннего, тем более иностранного человека? А жаль! — И тут же, на одном дыхании, спросила: — А вы в таком-то городе, — назвала город и реку, на берегу которой стоит этот небольшой старинный город, — были? Что это за город? Чем он славен? Есть ли там промышленность, новостройки?». Вопросы

сыпались, как из рога изобилия. Особенно один вопрос насторожил меня, — сказала Марта Романовна. — Это когда она спросила: «Могу ли я при наличии времени посетить этот город?»

Из дальнейшей беседы с фрау Маргарет Марте Романовне стало ясно, что интересуется ее знакомую, кто она, эта на первый взгляд скромная и добропорядочная заграничная туристка. Все это не могло не насторожить Марту Романовну. Поэтому она и поспешила прийти в отдел КГБ, чтобы все рассказать на свежую память.

Марта Романовна перевела дух, еще раз глубоко вздохнула и замолчала. Оперативный работник ни разу не прервал ее рассказа, внимательно слушал и делал какие-то пометки для себя в лежащем перед ним на столе блокноте. А посетительница, тем временем, совершенно спокойно продолжала свой рассказ и начала выкладывать все новые и новые факты интереса так называемой туристки из ФРГ к неизвестному ей городу.

— Она, эта Леман, — сказала Марта Романовна, — высказала весьма доверительную просьбу, узнав, что я никогда в названном городе не была и не знаю, что это за город, посетить его и собрать возможные данные о нем, численности населения, точном местонахождении, какие заводы имеются, их название и профиль, хотя бы примерное количество рабочих и служащих на каждом. Кроме того, ей было интересно узнать их ведомственную принадлежность и какую продукцию они выпускают, а также профиль новостроек.

Интересующие ее сведения Маргарет просила Марту Романовну собрать ко времени, когда она придет в Москву по служебным делам, где им можно будет встретиться как старым знакомым. Обещала снова на следующий год встретиться на волжских просторах. Готова была дать вызов, как бы от родственников, на приезд на родину общих предков.

Марта Романовна закончила свое повествование без негодования в адрес этой купленной специальными службами, ничем не приметной на первый взгляд попутчицы.

Она с гордостью заявила, что никогда не собиралась изменять Родине, что она у нее одна — Советский Союз.

Деятельность Маргарет Леман была нейтрализована. Въезд в нашу страну ей был закрыт.

«ЯСТРЕБ» УЛЕТАЕТ ВОСВОЯСИ

Это рассказ не о чекистах. Тут нет прямых встреч чекистов с противником, так сказать, лицом к лицу. Есть незаметная на первый взгляд помощь чекистов советским строителям, монтажникам и эксплуатационникам ТоАЗа — Тольяттинского азотного завода, объекта, важного для воплощения Продовольственной программы.

Но сначала — о «ястребе». «Ястреб» был самый обыкновенный, можно сказать, стандартный. Не из тех, правда, что гнездятся на верхушках деревьев, а из других, что обитают на Капитолийском холме. Обладал он, соответственно, и всем «ястребиным» набором — от брызг о «советской военной угрозе» и призывов к разворачиванию гонки вооружений до прямых действий, наносящих ущерб Советскому Союзу. Зовут этого «ястреба» Вальтер Кобергер, 1921 года рождения, гражданин США. «Прилетел» он в СССР в 1979 году как директор проекта по контракту Техмашимпорта и американской фирмы «Кемикл Констракшн Корпорейшн», в обиходе — «Кемико».

К прибытию Кобергера американская сторона уже показала свое истинное лицо в сооружении ТоАЗа. Советским представителям пришлось к тому времени развязать не один американский узелок. Что только не громоздилось на путях нормального сотрудничества в деле рождения нового предприятия, строившегося на взаимовыгодных условиях! Раскапывая эти баррикады, можно было бы напороться на обломки самой «Кемико», потерпевшей банкротство в мае 1976 года. На обрывки американских указаний об «экономии» при выполнении проектных работ для Советов, ввиду чего техническая документация шла недостаточно подробная, с затяжками в сроках передачи. Фундамент «ястребиных» надежд на срыв контракта советской стороной

был завален ссылками на плохую погоду, на забастовки на смежных фирмах и в морских портах США, на приостановки работ над проектом ввиду «финансовых затруднений». Чтобы замаскировать свои действия, американская сторона с самого же начала работы над проектом запретила своим исполнителям под страхом увольнения всякое общение с советскими специалистами.

В таких откровенно тяжелых условиях рождался ТоАЗ. Цель «ястребов» была понятна: втянуть Советский Союз в обреченное на провал строительство, затянуть на годы ввод в строй ТоАЗа и аммиакопровода Тольятти—Одесса, вызвать необоснованные, в том числе и валютные, расходы, нарушить долгосрочные планы по развитию нашего сельского хозяйства.

Речь шла уже не о взаимоотношениях фирмы «Кемико» с дирекцией строящегося предприятия. Были затронуты интересы Советской страны, и работники народного хозяйства вправе были рассчитывать на помощь органов госбезопасности. Чекисты вынуждены были осваивать новый участок работы — сферу экономики, проблемы строительства, монтажа и ввода в эксплуатацию оборудования нового завода.

Дела на ТоАЗе шли далеко не так, как хотелось бы «ястребам». Провокационным действиям противопоставлялась твердая позиция. Истерикам — спокойствие. Прямым попыткам срывов — требования по соблюдению контракта. Тем более что далеко не все иностранные специалисты разделяли позицию своего руководства. Работать значит работать, и многим из них были непонятны скрытые пружины недружелюбия, маскировавшегося демагогическими рассуждениями администрации Картера о «пользе разрядки», о «необходимости сотрудничества». Одернуть «непонятливых», внести свою персональную «лепту» в торможение работ — вот зачем прибыл «ястреб». В. Кобергер в Тольятти.

Его «клекот» стал слышен сразу. Личная разработка ряда технических решений, направленных в итоге на замедление строительства, и выдача их за точку зрения фирмы. Запрет сотрудникам «Кемико» подписывать или визировать ведомости, акты, вообще любые документы, исходящие от советских специалистов. Увольнение неугодных работников, лояльно настроенных к СССР и добросовестно исполняющих условия контракта.

Все чаще и чаще заявлял Кобергер очередному подчиненному:

— Вы слишком хорошо относитесь к русским. С сегодняшнего дня вы здесь больше не работаете.

На освобождающиеся места нанимали других специалистов — безработных инженеров из США, Англии, Канады, Дании, не знающих проекта и не имеющих представления о крупнотоннажных установках по производству аммиака.

Зато кое-кто из них являлся специалистом в совершенно другой области. Рубаху-парня разыгрывал, к примеру, молодой инженер Джон Мелина, не упускавший случая познакомиться с советскими ровесниками для того, чтобы исподволь, раз за разом, изучать собеседника, выискивать его сильные и слабые стороны, стремясь из разрозненных фактов строить общую картину политических настроений советских людей. Давно тянется американская разведка к сбору данных о советской молодежи: от отношения к буржуазной идеологии в различных ее видах и до глубины общественных поручений комсомольцев. Разумеется, пытался Мелина найти себе «податливый материал» и не скупился при этом ни на мелкие подачки, ни на щедрую выпивку, навязывая своим новым знакомым разгульные оргии как достойный подражания образчик западного образа жизни. Нет, не нашел Джон Мелина «родственных душ» среди молодых тольяттинцев. И по независящим от него причинам пришлось этому «мистеру» досрочно отбыть за пределы нашего государства.

Однако порой попадались на красивые приманки и те, кого не назовешь иначе как «отщепенцы». Пошел на поводу у иностранца прикормленный регулярными «сувенирами», одурманенный восхвалениями его «личности», стал на грань преступления бывший начальник одного из производств ТоАЗа Л. Стереомангитофон для личной машины, обещанный из-за рубежа, заслонил для Л. все, и в его безответственной болтовне за частыми «рюмочками» проскакивало немало сведений, интересующих его иностранного «приятеля». Приходилось вмешиваться, укорачивая крылья закордонным «ястребам», предостерегая от окончательного падения способных оступиться...

Нет, не нравились такие повороты «ястребам». И в поведении Кобергера при контактах с советскими пред-

ставителями все более явными становились крючкотворство, преднамеренное нежелание заниматься делом, бомбардировка демагогическими письмами, раздувание мелких вопросов. Одно из таких писем заслуживает воспроизведения полностью:

«Тольятти, СССР.

16 июля 1979 года.

ФЛ-1641

Г-ну Кутепову Г. Д.,

директору ТоАЗа

Уважаемый г-н Кутепов!

Касательно: контракт № 46—08/42738—422.

Проект «Кемико» 2008—7.

Ссылка: Дом, водопроводные линии.

Две или три недели назад я сообщил, что забились места слива в моей туалетной комнате. Слив происходит медленно из унитаза, раковины и ванны. Похоже на то, что в процессе уборки квартиры тряпка попала в унитаз, но не прошла по сливу. Без сомнения, ерш или плунжер быстро могут очистить сливную линию.

Водопроводчики осматривали нашу туалетную комнату и решили, что необходим новый унитаз. Я позволю себе не согласиться с экспертами. Если они не могут довести до удовлетворительного состояния водопроводные линии, пожалуйста, пусть оставят мне ерш или плунжер, и я попытаюсь пробить пробку.

Я не могу переехать в другую квартиру, как это было предложено, из-за забитого слива. Мы выполнили много работы в квартире, в частности: покрыли ванну пленкой, повесили крючки на балконе для одежды и крючки для занавески в ванной.

Я буду очень благодарен, если Вы лично поможете мне в ближайшее время в том, чтобы моя квартира была годна для жилья.

С уважением

В. Р. Кобергер,

директор проекта.

Копия: вице-президенту фирмы К. Г. Карр-Брауну, в Нью-Йорк, США».

Вот так. На полном серьезе, со ссылками на номер контракта и с копией в Нью-Йорк решал Кобергер проблемы засоренного унитаза, отнюдь не проявляя такого же рвения в работе по контракту. Да и до того ли было, чтобы помогать «этим русским» в делах боль-

Вручение Управлению КГБ по Куйбышевской области памятного Красного знамени Куйбышевского обкома КПСС и облисполкома. Денябрь 1982 г.

шой химии? И душа не лежала, и попросту было некогда. Не только бытовые и семейные дела отвлекали Кобергера. Не всегда спешил он после работы в дом для иностранных специалистов на Новозаводскую в объятия жены. Заглядывал временно скидывавший оперение «ястреб» в другой дом, к некоей Вере, с которой забывал о ненависти к «Советам». Забывал до тех пор, пока его местная подруга не объявила о том, что ждет ребенка.

Реакция «ястреба» была, мягко говоря, неджентельменской. Утратив здравый смысл, он умудрился расценить случившееся ни более ни менее как «происки дирекции ТоАЗа». Однако «подруга» попалась упрямая и своего, в частности обеспечения будущего ребенка, добивалась настойчиво. Вплоть до обращения с письмом в посольство США...

...Из очередного отпуска с выездом в Америку «ястреб» не вернулся. Вице-президент фирмы Карр-

Браун, вынужденный ранее вникать в проблемы сантехники в квартире Кобергера, издал циркулярное распоряжение, отменяющее все данные Кобергером указания и обязывающее иностранных специалистов улучшить отношение к монтажным работам.

Однако ход работ на площадке тормозился по-прежнему: были за океаном силы повесомее вице-президента фирмы. И вновь садились чекисты за сопоставление и анализ самых различных данных. Вникали в экономические и производственные проблемы. Четко определяли круг вопросов, по которым требовалась заблаговременная информация, обоснованный совет. Таким было это противоборство: защита экономических интересов СССР, пресечение заокеанских попыток нанести ощутимый материальный урон нашему народному хозяйству.

Поэтому неожиданный телекс из США, пришедший на «Кемико» в Тольятти 3 марта 1980 года и предписывавший прервать все работы в одностороннем порядке ввиду реализации «санкций», не мог повлиять на дальнейшую судьбу ТоАЗа. Работы с успехом продолжались и без американской стороны.

Многие сотрудники фирмы, покидая наш молодой город, осуждали «команду сверху»: действия администрации «Кемико», инспирированные правительственными кругами США, не представлялись разумными. Заместитель руководителя технической делегации «Кемико» Джон Мак откровенно заявил:

— Меня возмущает то, что политики в Америке вмешиваются в работу инженеров. Хочу надеяться, что все случившееся является временным, преходящим явлением.

Так думали и те специалисты «Кемико», которые выражали готовность, невзирая на распоряжение руководства, остаться на ТоАЗе и довести дело до конца: «Мы доработаем. А «ястребы»... «Ястребы» пусть улетают восвояси».

Никогда еще не помогали нашим недругам надуманные «санкции» и угрозы. Не помогли они и в этот раз. Не помогут и впредь. Тольяттинский азотный уверенно набирает силу...

ПОЕДИНКИ БЕЗ ВЫСТРЕЛОВ

1

Картины детства и юности... На всю жизнь сохранил Виктор Васильевич Строков их волнующую первозданность. И через годы они продолжают излучать трепетные токи, питая настоящее то радостными, то чуть грустными, но всегда светлыми чувствами. Это не просто воспоминания, которым нужны усилия памяти, а вечное продолжение родного истока. И веселая сверкающая речка Иргиз, и хлебный запах соломы, жарко трещавшей в огромной белой русской печи, и азартная ребячья охота на сусликов, отливаемых водой (себе удовольствие неопишемое и колхозу помощь большая), и первые слова на классной доске: мама, дом, Родина...

Потом был переезд в город, в красный кирпичный дом у завода. И была уже городская школа. С обаятельной и очень увлеченной своим предметом (может быть, отсюда и обаяние) историчкой. Она, словно чародей, внушила многим ученикам, в том числе и Виктору Строкову, любовь к истории. С директором школы, который воспитывал учащихся в настоящем спартанском духе. Особенно на заготовках дров во время войны.

О войне Виктор узнал в деревне, где проводил лето у родных. Кто-то прибежал в луга и крикнул задыхающимся голосом: «Война!». День, такой ослепительно-солнечный, разом померк, навсегда отделив беззаботное детство от тяжелых испытаний, ускоривших зрелость и возмужание.

Отец и братья воевали, а Виктору не пришлось. И годами чуть не вышел, да и со зрением было не все в порядке. Но его фронт был впереди, фронт, о котором он никогда не думал, не мечтал и бойцом которого он никак себя не представлял.

В плановом институте, куда он поступил в 1946 году,

было много студентов-фронтовиков. Они были не только старше годами. Их опалила и закалила война. Многие перенесли ранения, имели боевые награды. Они создавали в институте особую атмосферу бескомпромиссности и прямоты отношений. Виктор жадно впитывал и перенимал их мужественный жизненный опыт, их сдержанность. Он стремился быть внутренне равным с этими загорелыми, обветренными ребятами и девчатами, еще носившими пилотки, фуражки, гимнастерки, ремни военного образца. Так чувства справедливости и ответственности, воспитанные в большой трудовой семье отцом-юристом и в школе, обогащались и укреплялись в нем естественно и незыблемо.

Виктора сначала выбрали членом бюро, а потом и секретарем комсомольской организации факультета, что было, учитывая состав студентов, выражением особого доверия. Вскоре он стал кандидатом, а потом и членом партии. С годами любовь к истории и уже в институте появившийся интерес к политэкономии превратились в твердое намерение посвятить себя научной работе.

Поначалу все складывалось, как думалось и мечталось. Виктора Строкова оставили заведующим кабинетом кафедры марксизма-ленинизма. Вскоре он начинает преподавать, становится ассистентом кафедры. Впереди — аспирантура, работа над кандидатской диссертацией. Вот уже сданы экзамены по философии, английскому языку, и вдруг... предложение перейти на службу в органы государственной безопасности. Предварительно, конечно, основательно поучившись. Линия жизни делала такой резкий и, главное, такой неожиданный поворот, что сразу не поверилось в реальность и серьезность случившегося.

Ломать так желанно складывающуюся судьбу не хотелось. И призванию, избранной специальности тоже не хотелось изменять. Но вообще отказаться от предложения молодой коммунист не имел права. Это был партийный набор, и предложение равнялось приказу. Правда, в глубине души он был убежден: не примут, не возьмут. По зрению. Ведь его даже в армию не призвали, ограничив военную подготовку лагерным сбором, а тут... гоняться за шпионами и диверсантами, вступать с ними в жестокие схватки, то и дело пуская в ход оружие. У него было самое приблизительное,

кинодетективное, что ли, представление о работе чекистов.

Разве он мог тогда предположить, что ему пригодятся не только любимая история, политэкономия, философия, но и знание литературы, верное восприятие и понимание произведений музыки, живописи, театра, кино.

Ему предстояло стать чекистом идеологического фронта, где суровую и опасную романтику погонь и выстрелов заменяет иная, не менее захватывающая романтика аналитических исследований и разоблачений диверсий, часто направленных в самые глубокие и тончайшие сферы духовной жизни и сознания.

2

Известно, с какой скрупулезной тщательностью изучают в США и других империалистических государствах нашу страну. Экономика и промышленность, планы и стройки, наука и техника, культура, международные связи и отношения, туризм как явление и туристы как объект пристального внимания, общественная, политическая жизнь и настроения, эстетические споры, суждения отдельных людей или групп о произведениях искусства, художественные течения, стили, пристрастия в различных видах творческой деятельности, характер эмоционального и рационального восприятия событий в стране и в мире, отношение к моде и вещам и т. д. и т. п. — все идет под сильнейший микроскоп, наведенный с определенной целью и под определенным углом.

Все, что можно извлечь из личных контактов, наблюдений, печати, литературы, радио, статистических данных и, наконец, добыть через разведывательные каналы, перерабатывается в тончайшие яды антикоммунизма. Их отрицательное влияние и воздействие на психику и волю и, как следствие, на сознание и убеждения, сказываются постепенно.

Следы идеологически вредного проникновения порой настолько незаметны, что иногда даже и не кажутся рассчитанной диверсией. Скорее всего, они представляются дружеским соучастием, пониманием и поддержкой естественных стремлений людей, особенно молодежи, к самосознанию, самоутверждению и творческому самовыражению. Незаметное, иногда доброе,

позитивное в своем существе явление может деформироваться и обрести содержание и черты, нужные зарубежным суфлерам...

Кому, например, неизвестно, что музыка может возвышать, окрылять человека, делать его сильным или слабым. Соединившись же со словом, она напрямую воздействует на умонастроение и сознание. Потому-то многие радиостанции Запада специально разводят будоражащие нервы и психику «модные музыкальные волнения», в которых порой захлебываются иные молодые люди, лишенные гражданской цельности и чувства прекрасного.

В середине 60-х годов Виктор Васильевич настороженно отнесся к творчеству некоторых доморощенных бардов (певцов). И не только потому, что всякое заимствование в искусстве, всякая вторичность вызывают у него органическое неприятие (в том, что западные «битлзы-протестанты» так или иначе спровоцировали или, точнее, стимулировали появление наших бардов, сомнений нет). Насторожило то, что враждебная пропаганда, ловко сыграв на «автономии» бардов, их организационной «независимости» от художественной самодеятельности и профессиональной сцены, наконец, на «критическом настрое» некоторых авторов-исполнителей, попыталась направить все течение в сторону от наших общественных идеалов и устремлений.

Обостренное партийное и эстетическое чутье, а также профессиональный долг подсказали необходимость внимательного и широкого исследования этого явления. Уже в своем зарождении оно грешило не только примитивом музыкально-поэтической «технологии» творчества. Было установлено, что этот странный в массе своей гибрид, часто возникающий от причудливого скрещивания откровенно малограмотной любительщины с худшими претензиями профессиональной эстрады, испытывает сильное влияние западных волн.

Познакомившись ближе с бардами (Н. Сентюриным, В. Петраком), узнав их гражданский и психологический настрой, характер общественного мышления, их склонности, Виктор Васильевич и его товарищи пришли к твердому убеждению, что бравада этих певцов, иронические и скептические интонации могут перерасти в нездоровое критиканство — в ту самую переоценку ценностей, которая пренебрегает объективным виде-

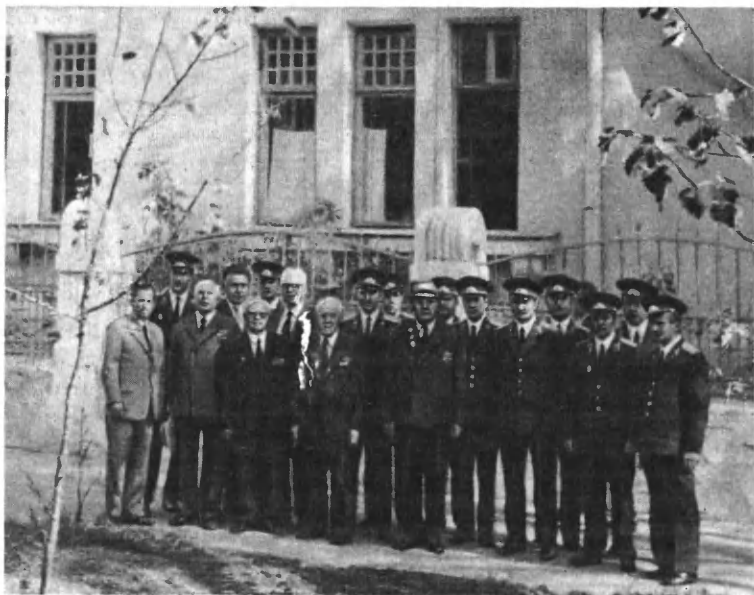
нием мира, нравственным опытом минувшего, акцентирует внимание только на ошибках и, «освобождая» человека от ответственности за жизнь, неумолимо разрушает гражданские основы личности. А отсюда нет и шага до клеветы, до издевательства над великими патриотическими подвигами и великими жертвами своего народа.

Эти выводы стали подтверждаться, когда кое-где на молодежную аудиторию полились провокационно-подстрекательские песнопения и шутовские гитарные стенания, оскорблявшие память павших и живых.

С настоящей научной добросовестностью изучал Строков творчество бардов, тексты их песен, серьезно вникал в характер их музыки, эмоционально-интонационный настрой. Не остались без внимания манера исполнения, а также степень эмоционально-психологического воздействия некоторых творений бардов на молодых слушателей. Особенно на тех, которые, не желая показаться робкими и отсталыми, не вдумываясь в содержание песни, шумно приветствовали иного автора-исполнителя, глумившегося над нашими святынями.

Аргументированные выводы и доказательства, опиравшиеся на большой фактический материал, собранный Строковым, сложились в специальный доклад, где это сложное явление рассматривалось масштабно и проблемно. В нем было показано, как благородное и естественное проявление песенного народного творчества, несущего верные гражданские мотивы, под воздействием утонченной буржуазной пропаганды, да еще при попустительстве некоторых культурно-просветительных учреждений, обернулось против сокровенных патриотических чувств народа. Превратилось в явление, идеологически чуждое и вредное.

Само собой разумеется, что Виктор Васильевич и его помощники повели против этого явления решительное наступление. И главным оружием здесь было слово идейного убеждения, литературоведческие и музыковедческие доказательства, сопоставления и сравнения. Правда, о прямых сопоставлениях с музыкой великих композиторов и произведениями талантливых композиторов-песенников чаще всего не могло быть и речи. Ведь если человек слагает и поет: «а ён — сучок из гулевых шоферов...» или «а я чешу, чешу ногу...», —

Ченисты-ветераны и молодые сотрудники УНГБ у первого здания Самарской ЧК (улица Чапаевская, 165). Сентябрь 1977 г.

то для него не существует ни Бетховена, ни Чайковского, ни Шостаковича.

Воспитывая и просвещая бардов и их поклонников, Виктор Васильевич представал перед ними педагогом. Между прочим, Строков и внутренне и внешне очень похож на человека, занимающегося именно научно-педагогической деятельностью. Чем конкретно? Серьезными, постоянно накапливаемыми знаниями. Аналитическим и строгим мышлением, способностью охватывать и систематизировать события, факты и явления, на первый взгляд случайные, разрозненные. Настойчивостью в исследовании всевозможных путей-дорог от частного к общему и обратно, пока не будет найден верный ответ на тот или иной вопрос. Суховатостью и предупредительностью. Этим модным портфелем, полным книг и журналов.

Разумеется, работа Строкова не ограничивалась изучением «творчества» бардов. То было лишь частью дела, большого дела, выполняя которое, Строков все больше расширял сферу своей деятельности. Он знал, что политическая беспринципность, пассивность и равнодушие — настоящий оазис для прорастания разноразных идеологически вредных «цветочков», заразную пыльцу которых часто разносят обыкновенные спекулянты и ловчи́лы. С их легкой руки воспроизводящие музыку аппараты вызывают нездоровые эмоции и чувства слушателей, как наркотик принимающих болезненно рефлексирующий музыкальный «токсикоз». Так подпольно-кустарные пластинки на пленке для рентгеновских снимков и магнитные ленты начали одно время оборачиваться для некоторых юнцов и девиц настоящим воспалением души.

Любители же разного рода «литературных» откровений и сенсаций покупали продукцию уже определенно политического свойства от далеко не легкомысленных машинисток, которые по просьбе этих ловчил стали «труженицами» цеха так называемого «самиздата». У них можно было приобрести «правленные» стенограммы закрытых совещаний, фальсифицированные письма и документы, подкинутые из-за рубежа, подлинные письма, «зарисовки с натуры» и другие образчики прозы и поэзии, по тем или иным причинам (главная из них — антисоветское содержание) не получавшие права публикации.

По большей части создавали сей многожанровый литпродукт честолюбивые, озлобленные бездарности или же люди, потерявшие на время политическую ориентировку во времени и в пространстве, невольно или сознательно вставшие на зыбкую антисоветскую тропку.

Виктор Васильевич и его помощники оперативно выволокли на свет божий некоторых ретивых создателей и распространителей скудоумной, идейно порочной литмакулатуры. Один из них, инженер Я. Горский, так был нашпигован враждебной радиопропагандой, что даже вернул из далекой истории слово «контра». Присвоив себе титул «духовного папы», Горский выискивал души нестойкие и, по его собственному признанию,

«на этой хорошей почве высаживал и взращивал ростки контры», «воспитывал в них контру».

Очнувшись однажды после очередной пьянки, «духовный папа» взялся сочинять очередную гаденькую повестушку, намереваясь ее пустить в оборот по тайным каналам «самиздата». Хоть и вкось, но перо держать умел. В той повестушке от него досталось не только вокзальным мужикам, с которыми иногда выпивал, но и другим героям. Уж тут он свою «контру» развернул вовсю. Словом, «громадный сатирический талант» смеялся и потешался как мог.

Майор госбезопасности Строков и на этот раз довел дело до неотвратимого, если можно так выразиться, финала. Были установлены местные и междугородные связи молодого «духовного папы» и его «духовного отца» — инженера А. Раскина. Было выяснено также, что некоторые материалы «самиздата» шли от людей, уже однажды наказанных за антисоветскую деятельность. Были поездки во многие города, встречи с разными «адресатами и отправителями» и коллективами, наконец, суровые, исповедальные, по-настоящему душеспасительные беседы с покаянными признаниями непризнанных сатириков.

Касались, конечно, элементарной этики человеческого поведения, затрагивали и некоторые вопросы теории и практики. Правда, особенно глубокой дискуссии не получилось: «самиздатовцы» ограничились несколькими неуклюже повернутыми, случайно засевшими в памяти цитатами и быстро запросили бумагу и перья для обстоятельных «творческих отчетов» о своей скверной деятельности.

Горский, освещая разные стороны своего раскаяния, в своем отчете признался, что раньше он не видел самого главного: «Я не видел и не понимал того, что дошло, наконец, до меня теперь. А именно: борьба ведется не против меня, а за меня... Я-то тратил свою энергию на разговорчики о «попранной демократии», а меня оставили на свободе. Дали крепко по голове, но сказали: «Живи и думай!». Вот я и думаю. И получается, что раз дело обстоит так, то, значит, есть еще вера в меня, есть надежда, что я не на сто процентов отрицательная личность. То, что в меня есть еще какая-то вера, — это, я считаю, Ваша заслуга. Теперь дело за мной...»

Кстати, на покаянном письме Я. Горского появилась примечательная во всех отношениях резолюция начальника управления. Даже не резолюция, а лаконичное и четкое распоряжение:

«1. Помочь Горскому в трудоустройстве в соответствии с его специальностью и наклонностями. Проследить за тем, чтобы не было дискриминации в оплате со стороны дирекции.

2. По существу затронутых в письме вопросов с Горским организовать встречу, разобрать еще раз его ошибки. Делать это надо лояльно, но твердо. Убеждать его, что он является кузнецом своего счастья».

4

Были, конечно, у Виктора Васильевича Строкова и его коллег дела и другого характера. С настоящей кинодетективной интригой и драматическими осложнениями, с распутыванием хитроумных ходов и узлов, которые завязывались годами и десятилетиями. С долгими изнурительными поисками всевозможных аргументированных доказательств, фактов. Были «спокойные» встречи с разными иностранцами и бурное, разоблачительное свидание с русским дьяконом. Под фальшивой, хоть и своего волоса, бородой и натуральной рясой скрывался предатель и враг — бывший заместитель начальника немецкой полиции.

Была и нелегкая борьба против таких церковников и сектантов, которые устным и рукописно-печатным вражьим словом запугивали верующих перед выборами или по указке закордонного «перста» пробовали заниматься так называемой «церковной политикой расшатывания».

Трудно сказать, как за океаном списывают расходы на антисоветские писания и послания, направляемые по некоторым церковно-сектантским адресам. Куда легче найти очередное подтверждение «неослабного» внимания вражеской разведки к извечному, непросыхающему болоту мракобесия и реакции. «Американцев интересует особенно церковь, — заявил один из руководящих сотрудников разведки, — ибо посредством ее мы можем действовать с наибольшей эффективностью. Это наиболее легкий, прочный и полезный способ проникновения в страну и подыскания базы для нашей работы».

Конечно, никакой Америки этот деятель не открыл. Даже его самоуверенность по поводу «полезного способа проникновения» и то вещь застарелая, не раз уже бывшая в употреблении у многих его не очень-то удачливых предшественников. Другое дело — постоянно усложняющаяся борьба с реакционными, враждебными «богомольцами» в плане теоретическом, философском. Они тоже не отстают от «бешеных» и «тихих» антикоммунистов и плодят свои церковные догмы весьма и весьма активно, чутко реагируя на общественные и политические ветры и дуновения времени. Например, «Радио Ватикана» изобрело свой божественный, так сказать, вариант теории конвергенции, о чем и оповестило весь мир и всех верующих: «Лишь христианская религия — нечто среднее между капитализмом и социализмом — может привести человечество к благоденствию». Вот так! Хватит, мол, пролетариям объединяться в классовой борьбе против капитализма, христианская религия приведет всех к благоденствию.

Склонные к своеобразному прогнозированию возможных направлений идеологических диверсий, чекисты, естественно, не прошли мимо этого очередного выпада Ватикана.

В 1971 году Строков с повышением в должности был переведен в Мурманское управление. В Мурманске, связанном морскими путями со многими портами и странами мира, Виктор Васильевич острее почувствовал близость неунимающегося закордонного врага, использующего любую возможность, хитроумные способы и уловки для засылки и переброски в нашу страну шпионских инструкций, наставлений и диверсионных материалов, часто загримированных под религиозные проповеди. И, конечно, самой обыкновенной подрывной антисоветской литературы.

Годы работы в Мурманске обогатили его профессионально, прибавили новых знаний и опыта. Он стал полковником. Но разве можно забыть город на Волге, с которым столько связано? Поэтому, когда Строкову было предложено вернуться, да еще с назначением на более сложную работу, у него никаких особых колебаний и раздумий не было.

Он снова в знакомых краях. Снова занят работой, давно уже ставшей его призванием.

НЕ ВЫХОДЯ ИЗ БОЯ

1

Атака была неизбежным и единственным выходом из положения. От этого невзятого клочка израненной земли зависела судьба других участков замысловато петлявшего фронта. И вот она началась. Немцы вдруг тоже поднялись и пошли навстречу. Задыхающиеся цепи сближались неотвратно и быстро. Вот уже лица, вот уже глаза в глаза! Победный клич возник скорее как предчувствие, опередив события. Немцы не выдержали, дрогнули. И рота, взорвавшись остатками сил, пошла в прорыв.

— Эта картина — навсегда, — тихо сказал Алексей Михайлович Потанин, заканчивая свой неторопливый рассказ о том страшном дне.

Он вообще весь какой-то негромкий, сдержанный, этот человек, видевший смерть в лицо, когда ему не было и двадцати лет.

А на другом участке фронта, оставив позиции батареи, уполз к врагам минометчик Иван Семенов. Сдался добровольно. С оружием. Это была давно продуманная сознательная измена Родине: Иван Семенов не верил в тот путь, которым шла наша Советская страна.

Изменник, правда, не стрелял в наших солдат. Став немецким холуем, Семенов повел в лагере для военнопленных антисоветскую агитацию. Но недолго длилась эта его предательская работа, порождавшая гнев и презрение настоящих патриотов, волею трагических обстоятельств оказавшихся в плену. Приближение победного для советского народа окончания войны неумолимо и неотвратно приближало расплату и возмездие. Перебежчик в страхе пятился от наших войск до последней возможности. А когда окончательно понял, что крах фашистской Германии неминуем, стал просто военно-

пленным в одном из лагерей. «Освобожденный» из лагеря в апреле сорок пятого американцами, он даже сумел попасть в наши войска.

Вскоре чекисты обнаружили и разоблачили предателя. Но, признав свою вину и раскаявшись на словах, Иван Семенов не отказался от своих политических заблуждений и враждебного отношения к социалистическому строю. Отбывая наказание, он вступил в «кружок искателей счастья и справедливости на земле». За невинным названием и музыкально-поэтическими занятиями этого кружка скрывалась злобная организация предателей и преступников.

Советский народ проявил великодушие к Ивану Семенову. Сначала срок наказания был снижен более чем наполовину, а подошедшая вскоре амнистия даровала ему не только свободу, но и снятие судимости. Но и это, как потом выяснилось, не изменило его отношения к Родине, однажды уже преданной им. От враждебных высказываний он перешел к антисоветской обработке окружающих. Его ничто не удерживало и не останавливало — ни семья, ни предоставленная возможность жить честной, открытой жизнью.

Работа с ним была долгой и упорной. Так прозаически называли сотрудники госбезопасности свои напряженнейшие психологические и политические схватки с Иваном Семеновым. И вот в конце ноября 1959 года он пришел к чекисту Алексею Михайловичу Потанину и передал ему письмо. Он писал:

«Дорогие товарищи мои, друзья мои!

Не из-за лести и подхалимства, не из-за страха и лицемерия, не из-за хитрости и лжи я называю вас теперь своими товарищами, своими друзьями. Не кривите лица и не делайте сомнительной улыбки. Вы же прекрасно знаете, что я не льстец и не трус.

Я прошел большой, сложный и тернистый путь. На первых порах своей жизни я был также с вами вместе, был активным и деятельным проводником всех мероприятий, проводимых партией и правительством Советского Союза. Но в годы сильной и сокрушительной ломки старых устоев и становления нового социалистического порядка в нашей стране я не в состоянии был в себе переварить, здраво разобраться и понять трудности роста и становления нашего государства. Тем самым я лишил себя возможности своевременно

и правильно понять ту главную, высокую и благородную цель, которую ставили перед собой наша партия и правительство. Все это пагубно задержало мой политический рост, мою политическую зрелость, на многие годы оторвало меня от деятельной, полезной и плодотворной жизни на пользу нашего народа.

Но лучший лекарь от подобных болезней, говорят, время. И это верно. Оно неотвратимо сделало свое закономерное, справедливое дело. Как новорожденный, я возвращаюсь к жизни и встаю с вами, мои дорогие соотечественники, в одну шеренгу всепобеждающего и атакующего рабочего класса нашей родной и любимой Родины. Я от всего сердца искренне благодарю вас, дорогие товарищи, так долго занимавшихся моим преобразованием.

Я теперь с ужасом оглядываюсь назад и вспоминаю свою проклятую прошлую жизнь. И при этом думаю: как это у вас хватило терпения и выдержки столько возиться со мной.

С момента нашей последней беседы с вами прошло сравнительно немного времени, а какие изменения произошли со мной! Я сам себя не узнаю. До этого я был груб и всегда чем-то недовольный в семье. Часто такое поведение было и на людях.

Моя дочь, молодое и чуткое существо, все время питала ко мне какую-то неприязнь и недоверие. Но вот теперь дочь охотно стала говорить со мной о прочитанной книге, о просмотренном фильме.

На работе, на людях, мне кажется, я тоже стал лучше. Вот что вы сделали со мной. И как мне после этого вас не благодарить, как не называть истинными друзьями и товарищами.

Вы помогли мне сбросить с себя тягостную ношу, которую я таскал многие годы.

Верьте мне, товарищи! Теперь никакая сила не совертит меня с правильного жизненного пути.

С глубоким уважением и сердечной благодарностью к вам

И. Семенов».

Прошедшие годы подтвердили полную чистосердечность каждой буквы этого письма.

— Да, мы с Семеновым долго работали, — сказал Алексей Михайлович, вспоминая нелегкую борьбу чекистов за человека, совершившего немало тяжелых

проступков. — Вначале пришлось разбивать порочную идеологическую концепцию, определявшую все поведение этого человека. Он никак не хотел да и не мог сам отказаться от нее. Для него было куда страшнее осознание краха собственных принципов, несостоятельности взглядов, чем наказание, осуждение. Вначале он вообще все на свете отрицал. Доходил до нелепостей, отмечая даже самые неопровержимые доказательства. Казалось, он заперся навечно. Но зато и перелом был бурным, очищающим. Семенов действительно с ужасом посмотрел на себя, оглянулся на свою порочную жизнь. Это было настоящее потрясение. Да это и по письму видно...

В рассказе своем Потанин был предельно лаконичен и сдержан. Складывалось впечатление, что он боялся лишним словом расцветить дело или, не дай бог, показаться нескромным, намекнуть на свою роль. Вскоре это впечатление превратилось в убеждение: эмоции Алексея Михайловича вообще проявляются с мерой, свойственной людям с врожденной интеллигентностью и деликатностью. Что же касается «стальной суровости», то никаких ее признаков во всем его штатском облике не было и в помине. Тем более трудно было представить, как на фронте он, хрупкий тогда юноша, шел в атаку. Как он, и сейчас не могучего сложения человек, смог вытащить из боя тяжело раненного начальника разведки дивизии. Как он с крохотным отрядом разведчиков уходил от преследовавших немцев, попадая в засады то к ним, то к своим, потому что обстановка была запутанная — кольцо в кольцо.

Наконец, как он бился с тем же Иваном Семеновым, чем покори́л его и как ему удалось победить и спасти, казалось, навсегда потерянного человека. Ведь кроме того, что для Семенова не существовало ни авторитета власти, ни просто боязни карающего закона, в нем жила твердая уверенность, что отступать уже некуда. Это крайне ожесточило его, сделало почти неприступным. Потанин же не просто увидел и показал ему выход из тупика, а с настойчивостью врача вел незрячего к полному идейному прозрению.

Прежде всего, враждебной идеологии Ивана Семенова постоянно противостояла глубокая коммунистическая убежденность Алексея Потанина. Это был главный активно действующий фактор, та благотворная атмос-

фера, в которой велись острые споры и схватки, шли часы внешне спокойных, но всегда напряженных бесед.

Уже во время первых встреч Потанин пошатнул, поколебал стойкую предубежденность Семенова, заставил его объективно посмотреть на важнейшие события в политической и экономической жизни нашей страны. Это был первый и очень важный сдвиг, поворот в их дуэли. Всячески маскируя свою растерянность, Иван Семенов еще долго продолжал отвергать доводы Алексея Михайловича, хотя прежнего убежденного упорства и озлобленного упрямства в его контрдоводах уже не стало. Когда же он окончательно убедился, что перед ним человек широкого и мужественного взгляда на жизнь, что мысли и слова Потанина не бездумно заученный урок политграмоты, а само существо, естественный и единственный способ бытия чекиста, то дрогнул всерьез. Искореженной, темной и запутанной жизни Семенова страстно и неопровержимо был противопоставлен прямой и ясный жизненный путь и социальный опыт Потанина.

Алексей Потанин победил гражданским нравственным превосходством, цельностью личности, ясной логикой патриота-коммуниста. Победил той бесстрашной своей атакой, всей своей жизнью. И не ожесточенностью, а неотразимой силой убежденности и обаянием человечности помог Ивану Семенову окончательно сбросить тягостную ношу заблуждений. Вместе с другими чекистами поставил своего вчерашнего убежденного противника, как он сам признательно пишет, «в одну шеренгу всепобеждающего и атакующего рабочего класса нашей родной и любимой Родины». Хотя Семенов никогда не принадлежал к рабочему классу ни по происхождению (из крестьян), ни по профессии (из учителей).

2

Алексей Потанин родился в Астрахани. Отец был слесарем, мать — сотрудница архива. В семье почиталась усидчивость, воспитывалось уважение ко всякому труду. Алексея с малых лет манила и увлекала романтика путешествий. Каждое лето он пропадал в ребячьих походах по окрестностям старинного волжского города. Некоторые его одноклассники едва знали

три-четыре улицы центральной части, а ему уже были хорошо знакомы многие таинственные и заповедные места причудливо изрезанной дельты любимой Волги.

Восприимчивого и мечтательного юношу глубокого волновали героические подвиги дальневосточных пограничников и ледовые эпопеи челюскинцев и папанинцев, рекордные полеты экипажа Чкалова, судьба сражавшейся против фашистов республиканской Испании. Все это находило в его душе отклик, обостряло мысль, воспитывало его характер.

От веселых, увлекательных детских путешествий и игр в Чапаева он незаметно шагнул в мир взрослых представлений о жизни. Он не терялся, не хныкал во время военизированных походов. Алексей был к ним готов.

Как и для миллионов советских людей, песня «Если завтра война...» звучала для него боевым призывом, на который он мог откликнуться в любую минуту. Быть может, не так ясно, как старшие, но он тоже понимал, что на мир надвигается военная гроза. О ней говорили, писали в газетах, ее зловещее дыхание все явственнее доносилось из Европы. И все-таки война обрушилась ошеломляюще-неожиданно. В это не сразу поверилось. Потому что очень не хотелось, чтобы она была. И когда уже нельзя было не верить в случившееся, оставалась еще надежда на быстрый победный конец без больших жертв и потерь. Вскоре тысячеголосый плач провожающих, нараставший с каждым гудком пароходов, увозивших астраханцев на войну, принес настоящую тревогу за судьбу Родины. А когда на Астрахань, на ее мосты полетели фашистские бомбы, комсомолец Алексей Потанин добровольцем пошел в армию — в авиационное училище.

В 1942 году курсанты были брошены под Сталинград, а нескольких шестнадцатилетних, в том числе и Алексея, отчислили как «не совершеннолетних для фронта». Но уже через год он радист батальона связи в одном из кавалерийских корпусов. Освобождение Смоленска, участие в грандиозной операции «Багратион», завершившейся полным освобождением Белоруссии, бои в Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии... Войну Алексей Потанин закончил после 9 мая юго-западнее Праги. И он вышел из ее огненных лет — жестоких и суро-

вых — еще более собранным, волевым и, конечно, сильно возмущавшим.

Прощание с боевыми друзьями проходило в Ровно. Но Алексею Потанину не суждено было выйти из боя. Свообразным, во многом логическим мостиком, соединившим довоенные мальчишеские походы, фронтовые разведывательные операции с чекистской службой, оказалась встреча с Н. Струтинским, сподвижником выдающегося разведчика Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Хотя встреча была случайной — на торжественном вечере в подшефной школе, куда комсорг отдельного батальона Алексей Потанин пришел со своими солдатами, — она во многом определила его дальнейшую жизнь и судьбу.

— Понимание людей — вот, пожалуй, самое ценное достоинство Потанина. — С этого начал рассказ об Алексее Михайловиче парторг отдела, тоже опытный чекист Вениамин Дмитриевич Яковлев.

Он легко и ярко рисовал портрет Потанина, вновь и вновь выделяя самые характерные черты.

— Это очень драгоценное качество — уметь понять человека и быть серьезным аналитиком, — еще раз повторил Вениамин Дмитриевич, подчеркивая, что именно в этом видит чекистский талант Потанина. — Много у него идет от природного склада ума, характера и темперамента. Некоторые в мыслях и в словах спешат, скачут, разбрасываются, а Потанин даже в докладах-пятиминутках умудряется «ужиматься» до трех-двух минут. Ни слова лишнего и приукрашивающего — одна суть дела. И всегда — просто, четко, спокойно. Мы часто шутим: «Опять Алексей, Михайлович только две минуты продержался!»

3

Разумеется, нелегкая служба Алексея Михайловича Потанина отмечена не одними только победными итогами. Не сразу и не всякий оступившийся человек принимал руку помощи. Не каждый решительно и бесповоротно пересматривал свою преступную жизнь, круто менял ее направление под воздействием и влиянием Потанина.

Вот один из таких случаев.

В «Капитале» К. Маркс приводит слова английского

экономиста Д. Беллера о том, что «труд так же необходим для здоровья тела, как пища для его жизни... Труд подливает масло в лампаду жизни, а мысль зажигает ее».

У Валерия Кротова, кстати, неплохо знавшего «Капитал», все было наоборот. Масло в лампаду его жизни подливал не собственный труд, а сбережения опекавших его бабушек и «подаяния» разошедшихся родителей. А мысль его зажигалась далеко не всегда самостоятельно. И свет ее был хилым, неверным и холодным.

Еще в старших классах школы, собрав радиоприемник, Валерий пристрастился к враждебным зарубежным передачам. С годами он уже просто не мог существовать без теоретических рассуждений и практических подсказок наших врагов. Он не только соглашался, но даже мыслить и чувствовать стал на манер идеологических радиодиверсантов. Причем они до такой степени распалили его самолюбие, что стремление к демонстративной независимости суждений и словесному самоутверждению, всегда болезненно преследовавшее его, приняло черты уродливые, угрожавшие распадом личности. Так возникло редкое сочетание мании интеллектуального величия и полной идейной нищеты.

В конце концов Кротов начал заниматься антисоветской обработкой ближайшего молодежного окружения, прибегнув к весьма утонченному способу размывания и расшатывания идейных убеждений своих «друзей». Жаждавших «гражданской независимости» и «анархической свободы» от существующих норм и правил советской морали он объединил в «организацию без организации». Идеологическое разоружение и перевооружение проходило во время различных вечеринок, «непринужденных» диспутов о политике и литературе, прослушивания провокационных зарубежных радиоголосов. Последние услужливо подливали масло в антисоветскую копилку, а Валерий Кротов умело и ловко поджигал ее.

Он был главным действующим лицом не только по праву хозяина квартиры, на угарный огонек которой слеталось до полудюжины полуночников. Эрудиция, знание литературы (несколько одностороннее), музыки (преимущественно легкой, западной), умение внушить подвыпившему собеседнику «острую» мысль, заразить своим волнением, «революционное» несогласие с общепризнанными взглядами и нормами — все это некото-

рое время привлекало к нему недалеких и безвольных любителей «свободной жизни».

Позднее один идеологический митрофанушка признается: «После близкого знакомства и общения с Кротовым я стал согласен с ним по всем вопросам. Стал не только критически относиться к порядкам в нашей стране, но и сам допускал вредные суждения».

А другие полуночники красноречиво расскажут об «интеллектуальной» атмосфере сборищ:

«Выпили и заспорили вокруг личности де Голля». «Вечер был посвящен отдыху — выпивали вино, слушали музыку, потом передачу». «Я в основном уделял внимание его жене». «Проводили отдых с выпивкой и картами». «Пили сухое вино, спорили о политике». «Он вступил в интимные отношения с моей женой» и т. п. Разумеется, это далеко не все, но и этого достаточно, чтобы представить направление «организации без организации» и духовный облик ее членов. Когда наступит печальный и закономерный финал, Валерий Кротов скажет: «У меня не было друзей, были одни только собутыльники».

Сам он, естественно, к категории собутыльников, потерявших совесть и честь, себя не причислит. И не признается, как растлевал молодых людей, проповедовал цинизм, распущенность, аполитичность, как первый подавал пример нравственной низости.

— Ну, кто сегодня со мной останется? — нагло задавал он вопрос сразу двум девицам после очередной выпивки и спора «вокруг личности де Голля».

Против такой «простоты» нравов здесь уже не восставали. Против откровенного цинизма уже не протестовали, ибо такое стало нормой мышления и поведения.

Естественно, сами полуночники, которых уже коснулась гражданская и моральная деградация, представляли свое положение и поведение в несколько ином свете.

Потеряв надежду на их самостоятельное отрезвление и выздоровление, сотрудники госбезопасности провели операцию, чем-то напоминающую спасение утопающих.

Все чистосердечно раскаялись, обещали исправиться и не обманули. Все, кроме Кротова. Он обманул — подло и низко. С издевательским цинизмом «сильной

и исключительной» личности он вскоре уже растоптал свои письменные заверения и обещания.

И хотя этот обман для чекистов был не столько неожиданным, сколько неприятным, обидным, Алексей Михайлович предпринял еще одну попытку спасти Валерия от уголовного наказания. И опять началась затяжная, изнурительная борьба за человека, ставшего самому себе опасным врагом.

Кротову вновь и вновь предлагали найти честные, искренние ответы на десятки простых и сложных вопросов, которые он сам же наплодил.

Почему Америка, а не Россия — его любимая страна, а любимый язык — английский, а не русский? Почему колхозники у него — «ограниченные крестьяне», «деревня», а честные студенты — «серость»? Зачем нужно учить младшего брата записывать западные радиопередачи? Откуда такое бессмысленно-упрямое утверждение: «Сколько индивидуумов, столько должно быть и идеологий». Наконец, почему Великая Октябрьская социалистическая революция была исторической случайностью? И это еще не все. Теоретик-надомник не останавливался даже перед чудовищными историческими параллелями, сравнениями и сопоставлениями...

Призвав на помощь весь свой опыт и волю, майор Потанин убеждал, спорил, опровергал дикие и вредные заблуждения, обращался то к разуму, то к чувствам этого вконец запутавшегося еще молодого человека.

Валерий отступал медленно и неохотно. Воспаленное самолюбие мешало ему признаться в ошибках, объективно оценить свои поступки, принять правильное решение, вырваться наконец из цепкого и вязкого плена чуждых идей и представлений.

— Не могу утверждать, что мое мировоззрение изменится в корне, — бормотал он уклончиво.

Но человек, ходивший в смертельную атаку, защищавший Родину и ее священный красный флаг, продолжал настойчиво и упорно возвращать Валерия к жизни, к той вере, которую он должен был обрести.

Алексей Михайлович Потанин и его товарищи терпеливо ждали от Валерия Кротова такого же письма, какое принес в свое время чекистам «новорожденный» Иван Семенов. И он в конце концов написал его. И передал не по почте, а принес сам.

— Мы помогли Валерию вернуться в институт, кото-

рый он, как и обещал, уверенно закончил. Помогли и с устройством на интересную для него работу, — все так же негромко, сдержанно, лишь чуть потеплев взглядом, говорит Алексей Михайлович. — И делали это уже с твердой уверенностью, что не только рецидива, но даже малого срыва у него больше не будет. И на сей раз не обманулись. С Валерием теперь все в порядке, ведь с тех пор как он честно и окончательно удалился от опасной черты, прошел уже не один год...

4

По-разному испытывают и проявляют люди чувство удовлетворенности — естественную радость от успешно свершенного дела или достигнутой цели. Радость же чекистов, поработавших во имя спасения опасно оступившихся советских граждан (когда и вины и беды поровну), всегда полна неуходящей горечи. Ибо куда же уйдешь от личной, гражданской ответственности за все, происходящее рядом? Алексей Михайлович как раз из тех чекистов, которые особенно близко к сердцу принимают нашу жизнь со всеми ее радостями и горестями, со всеми сложнейшими задачами, то и дело встающими перед советским народом, идущим путем непроторенным.

Быть может, именно поэтому в его делах всегда — неизменно глубокая вера в человека и неподдельное сопереживание, ощущаемые даже в сухих протокольных строках. А уж в магнитофонных или стенографических записях эта искренняя, сердечная интонация и вовсе звучит весьма явственно. И, видно, не случайно, вспоминая своих учеников, успешно работающих самостоятельно в различных городах, в разных концах страны, Алексей Михайлович прежде всего назвал трех сотрудников госбезопасности, наиболее ярким и сильным достоинством которых является так свойственная их учителю мужественная человечность.

В 1979 году полковник Алексей Михайлович Потанин назначен заместителем начальника управления, что значительно раздвинуло круг его обязанностей и забот. И эти годы прошли через сердце. Но, конечно, не обо всем пришлось время рассказывать. Были и очень многотрудные, запутанные, полные настоящего драматизма дела, и длительные специальные командировки, выпол-

нение особых заданий. И была одна интереснейшая и весьма актуальная для конца семидесятых — начала восьмидесятых годов встреча (актуальная еще и в том смысле, что раньше она просто не могла произойти). То была нелегкая, многодневная, требующая не только больших душевных сил, но и больших знаний, острая полемика с достаточно образованным и убежденным сионистом. Этот человек, назовем его Давидом Покровским, к тому же пытался вести пропаганду «концепции мира», которую насаждают израильские агрессоры.

Результат этой встречи не просто превзошел все ожидания, но оказался в какой-то степени даже уникальным. У Давида Покровского возникло желание, внутренняя потребность самостоятельно и до конца изучить «любимый предмет». Так на столе Потанина появился внушительный труд.

Добросовестно изучив практически всю имеющуюся у нас литературу по еврейскому вопросу и, естественно, все, что было сказано и написано по этому поводу К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, автор на многочисленных примерах и фактах показывает, как сионизм стал злейшим врагом марксизма. Аргументированно и убедительно проводя мысль о том, что впервые в мире в нашей стране началась «новая страница и в истории еврейского народа, и в разрешении национального вопроса в подлинном смысле слова», Давид Покровский большое внимание уделил проблеме, связанной с «национальной психологией как оружием в борьбе идей»...

* * *

Самое высокое у чекистов звание «Почетный сотрудник госбезопасности»: Эти слова отлиты на красной эмалевой ленточке, обрамляющей строгий и выразительный знак. В нем символически и образно воплощено нерасторжимое единство пятиконечной звезды, серпа и молота на ней, находящихся под надежной защитой крепкого щита и острого меча.

Алексей Михайлович Потанин — почетный сотрудник госбезопасности. И он ценит это звание и знак почетного чекиста так же, как и свои фронтовые, боевые ордена и медали.

В. Гузик. Верные сыны Родины.

3

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

И. Кинаров. Полпред ОГПУ	9
И. Кинаров. Беззаветный герой революции	17
А. Козлов. Чекисты Самары	26
А. Казанский. Матрос пришел в ЧК	3
В. Романенко. Конец сапожковской авантюры	5
А. Козлов. В поисках убийц Франциска Венцека	6
А. Козлов. На посту в Кремле	71

В ИНТЕРЕСАХ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

А. Казанский. Фронт на каждом шагу	81
К. Потапов. Конец дела «Залет»	87
А. Казанский. Последний выстрел	126
А. Козлов. Неподкупные	140

ШЛА ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...

А. Панов. Герои приграничных сражений	162
П. Моторин. Шифр неизвестен	180
И. Рёдкин. Контрразведчики на фронте...	198
К. Фирсанов. Шумел сурово Брянский лес...	205
И. Кузнецов. Дзержинцы стояли насмерть	224
М. Гришин. Не подкачай, «максим»!	228
В. Кочетков. Друзья мои, партизаны	231
В. Поздняков. До последнего вздоха	250
В. Лашманкин. Подвиг Михаила Крыгина	259
А. Казанский. Партизанскими тропами	265
И. Андреев. «Святая обитель» в подземелье	286

ПОКОЙ ИМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

В. Молько. Своей судьбы строитель	298
В. Тимонин. Найти врага	315
И. Кинаров. Бухгалтер Эльма	323
А. Казанский. Первое дело лейтенанта Чижова	329
И. Васин. Два билета на «Жизель»	341
В. Кожемякин. Возмездие	357
И. Кинаров. «Туристка»	367
И. Васин, К. Павлов. «Ястреб» улетаet восвояси	372
В. Молько. Поединки без выстрелов	378
В. Молько. Не выходя из боя	388

Цена 1 руб.

НЕ ВЫХОДЯ ИЗ БОЯ